В. Зеймаль

Древние монеты Таджикистана

Е. В. ЗЕЙМАЛЬ

ДРЕВНИЕ МОНЕТЫ ТАДЖИКИСТАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДОНИШ»
1983

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А. ДОНИША
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

Е. В. Зеймаль

ДРЕВНИЕ МОНЕТЫ ТАДЖИКИСТАНА

Ответственный редактор —
доктор исторических наук, профессор *Е. А. Давидович*

Издательство „Дониш"
Душанбе 1983

Зеймаль Е. В. **Древние монеты Таджикистана.** — Душанбе : Дониш, 1983, — с. 344.

Предлагаемая книга — первое монографическое исследование по истории монетного дела и денежного обращения древней Средней Азии, выполненное на материалах, происходящих с территории Таджикской ССР. В книге собран и впервые издается и исследуется обширный нумизматический материал, охватывающий почти тысячелетие—от V—IV вв. до н. э. до V в. н. э. Основу публикации составляет собрание древних монет Академии Наук Таджикской ССР (Институт истории им. А. Дониша), для сопоставления широко привлекается монетный материал из музеев других среднеазиатских республик, а также находки из археологических раскопок. Особое внимание уделено использованию древних монет в качестве исторического источника.

Книга рассчитана на историков и археологов и может быть использована для определения монет всеми, кто интересуется нумизматикой.

Рецензенты:

доктор филологических наук *В. А. Лившиц*
и доктор исторических наук *Б. И. Маршак*

З $\frac{0507000000-000}{М\ 502-83}$ 52 –83

© Издательство «Дониш», 1983 г.

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Академии Наук Таджикской ССР

Евгений Владиславович ЗЕЙМАЛЬ

ДРЕВНИЕ МОНЕТЫ ТАДЖИКИСТАНА

Ответственный редактор —
Елена Абрамовна ДАВИДОВИЧ
Редактор издательства — О. Ф. Копица
Технический редактор — В. Н. Щемелинина
ИБ 506 Автор суперобложки — В. С. Теребенин

Сдано в набор 02.08.83. Подписано в печать 29.12.83. КЛ-05946. Формат 70×100/16.
Печать высокая. Печ. л. 21.5. Тираж 2500. Заказ 1710.
Цена в мягком переплете 3 р. 90 к., в переплете № 7 — 4 р. 70 к.

Издательство «Дониш», Душанбе, 29, ул. Айни, 121, корп. 2.
Отпечатано в типографии № 2 Ленуприздата, Ленинград, Литейный пр., 55.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

Часть I. ПРИВОЗНЫЕ ИНОЗЕМНЫЕ МОНЕТЫ 13

Гл. I. Привозные иноземные и ахеменидские монеты V — 30-х гг. IV в. до н. э. 18
Гл. II. Раннеэллинистические монеты 27
Гл. III. Греко-бактрийские монеты 43
Гл. IV. Индийские клейменые монеты 58
Гл. V. Римские монеты 63

Часть II. *МЕСТНЫЕ ПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ ВЫПУСКИ („ВАРВАРСКИЕ ПОДРАЖАНИЯ")* 69

Гл. VI. Подражания драхмам с типами Александра Македонского . . . 77
Гл. VII. Подражания серебряным монетам Антиоха I с головой коня на об. ст. 81
Гл. VIII. Подражания монетам Эвкратида 93
Гл. IX. Подражания монетам Гелиокла 110
Гл. X. Подражания драхмам Фраата IV 129

Часть III. МОНЕТЫ КУШАНСКОГО ЦАРСТВА 141

Гл. XI. Монеты Санаба („Герая") 149
Гл. XII. Монеты безымянного „царя царей, великого спасителя" 160
Гл. XIII. Монеты Вимы Кадфиза 178
Гл. XIV. Монеты Канишки I 190
Гл. XV. Монеты Хувишки 205
Гл. XVI. Монеты Васудевы 215
Гл. XVII. Монеты Канишки III 222

Часть IV. МОНЕТЫ ПОСТКУШАНСКОГО ПЕРИОДА 229

Гл. XVIII. Подражания монетам Хувишки 235
Гл. XIX. Подражания монетам Васудевы 241
Гл. XX. Подражания монетам Канишки III 251
Гл. XXI. Монеты сасанидских кушаншахов 257
Гл. XXII. Раннесогдийские монеты с лучником на об. ст. 269

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 277

ПРИЛОЖЕНИЕ. Клады древних монет, найденные на территории Таджикистана (указатель) 291

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ 296

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 307

ТАБЛИЦЫ 311

ПРЕДИСЛОВИЕ

Систематическая регистрация и исследование древних монет, найденных на территории Таджикистана, начались одновременно с планомерным изучением археологических памятников республики (1946 г.— образование Согдийско-Таджикской археологической экспедиции) и организацией в 1951 г. сектора археологии и нумизматики в составе Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР (ныне Институт истории им. А. Дониша). Нумизматическое собрание АН Таджикской ССР, созданное Е. А. Давидович, Б. А. Литвинским и Э. Гулямовой буквально на голом месте (лишь единичные экземпляры монет из сборов 30—40-х годов влились в эту коллекцию), превратилось за три десятилетия в одну из лучших в Средней Азии научную коллекцию местных древних и средневековых монет, а некоторые разделы этой коллекции давно не имеют себе равных в мире.

Научную ценность этого собрания значительно увеличивает то, что беспаспортные монеты в нем составляют немногим более 1% от общего количества. Для подавляющего большинства экземпляров не просто известны места находок, но и установлена связь монет с конкретными археологическими памятниками, а иногда — и стратиграфические обстоятельства их залегания: многие монеты и некоторые клады были найдены в процессе археологических раскопок.

Нумизматическое собрание АН Таджикской ССР пока лишь частично введено в научный обиход, прежде всего благодаря большой публикационной и исследовательской работе, осуществляемой вот уже три десятилетия Е. А. Давидович [1]. Менее полное отражение в литературе *нашли монеты древнего периода* [2], *поступление которых в нумизматическое* собрание АН Таджикской ССР происходило, следует признать, значительно быстрее, чем их обработка, изучение и публикация [3].

Ликвидировать это отставание, познакомить с древними монетами, обнаруженными на территории Таджикистана, как специалистов-нумизматов, так и более широкие круги историков и археологов Средней Азии — лишь одна из задач этой книги.

---

[1] Далеко не полный перечень публикаций Е. А. Давидович можно найти в ее исследовании о кладах из Таджикистана (Давидович, 1979). Там же указаны основные работы О. И. Смирновой, которой наука обязана созданием согдийской нумизматики раннесредневекового периода.

[2] Дьяконов, 1950; В. Массон, 1955, 1956, 1957; Мандельштам, 1961а, 1966а, 1966б, 1966в; Зеймаль, 1960, 1962, 1979; Давидович, 1976.

[3] Такое же положение характерно и для других среднеазиатских республик: нет полноценных публикаций древних монет из коллекций музеев, мало публикуется монет из археологических раскопок, совершенно отсутствуют монографические исследования по древним монетам (единственное исключение — Вайнберг, 1977).

Учесть все известные находки древних монет на территории Таджикистана, определить их и классифицировать — самая первичная стадия научной обработки монет, позволяющая привести в порядок — с точки зрения источниковедческой — не только уже накопленные материалы, но и предложить систему фиксации тех новых нумизматических материалов, которые несомненно будут появляться и в дальнейшем. Именно поэтому в книге присутствуют гл. VI, пока не обеспеченная находками на территории Таджикистана, и гл. VII, в реестре которой из ста с лишним монет лишь две происходят из раскопок в Пенджикенте, а для остальных сведений о происхождении, как правило, не имеется. В большинстве случаев последовательность монет в реестрах, приложенных к каждой главе, отражает очередность их обнаружения. Тем самым, как бы приготовлено место для новых находок монет — реестр может „пополняться" и после выхода книги в свет.

В целом же, и структура книги, и изложение материала по главам, и реестры монет, — все это подчинено одной главной цели — способствовать превращению монетных находок на территории Таджикистана (и шире — всего среднеазиатского Междуречья), относящихся к древнему периоду, в полноценный исторический источник.

Нумизматика древней Средней Азии (ее возникновение и формирование относится к 30—50-м годам XX в.) с первых своих шагов вышла за традиционные рамки задач этой исторической дисциплины, обычно формулируемых как изучение внешних данных монеты с целью определения ее времени, места изготовления и принадлежности (Янин, 1977, с. 6). Монеты все чаще используются уже не только для датировки археологических памятников, но и для реконструкции политической истории, для изучения экономики и идеологии, для интерпретации произведений искусства и т. п., все ярче проявляя себя как полноценный источник по истории древней Средней Азии. Во многом это зависит от того, что скудные и отрывочные сведения древних авторов оставляют слишком большие пробелы в наших представлениях и, главное, практически давно перестали пополняться новыми данными, тогда как приток среднеазиатских нумизматических материалов постоянно увеличивается благодаря раскопкам и хорошо налаженной работе по сбору и фиксации случайных находок.

Однако стремление как можно скорее привлечь новые нумизматические данные к постановке и решению больших общеисторических проблем, к сожалению, далеко не всегда уравновешивается осознанием того, что монеты (как и любой другой вид исторических источников) требуют тщательной источниковедческой подготовки к исследованию. Это приводит к тому, что идеи, отрываясь от своего фундамента, опережая факты, повисают в воздухе и — вместо надежно обоснованных гипотез — в обращение иногда „запускаются" бездоказательные утверждения. Именно поэтому источниковедческое осмысление древних среднеазиатских монет выдвигается на первый план (и не только в этой книге) как основное условие надежности и доказательности тех заключений, которые опираются на нумизматические данные.

Полная источниковедческая обработка монет даже какой-то одной группы (чеканки) — весьма сложная задача, предполагающая выяснение целого комплекса вопросов — таких, как первичная классификация монет, их хронологическая систематизация (т. е. определение последовательности выпуска монет, относящихся к одной группе, к чеканке одного царя и т. п.), установление границ распространения разных групп монет

и их локализация, оценка археолого-стратиграфических обстоятельств залегания монет (если для этого имеются данные), детальный анализ кладов как особого вида нумизматических памятников (Давидович 1979, с. 7—12) и иных случаев совместных находок монет (особенно в закрытых комплексах), сопоставление публикуемых монет со всей совокупностью таких же монет, известных в настоящее время (музейные коллекции и иные собрания, находки за пределами изучаемой территории и т. д.), т. е. рассмотрение их в широком нумизматическом контексте — хронологическом, территориальном и историческом.

В этой работе собраны и источниковедчески осмыслены сведения о находках древних монет на территории Таджикистана до 1980 г. (включительно). Их хронологический диапазон составляет более тысячи лет — от V—IV вв. до н. э. до V—VI вв. н. э. Весьма разнороден этот материал и исторически: монеты городов-полисов материковой Греции и чеканка ахеменидских царей и сатрапов, клеймёные монеты индийской империи Маурья и эмиссии «завоевателя мира» Александра Македонского, раннепарфянская чеканка и денарии римских императоров, монеты греко-бактрийских царей и „варварские подражания" им даюечжей=тохаров, монеты Кушанского царства и чеканка сасанидских кушаншахов, подражательные монеты эфталитского времени и раннесогдийские „оболы".

Весь этот материал объединен ниже в группы[4] (им соответствуют главы I—XXII), каждая из которых требовала своего источниковедческого подхода, определявшегося, в первую очередь, состоянием изученности этих монет. Например, индийские клеймёные монеты (гл. IV), римские монеты (гл. V) и некоторые другие группы привозных монет уже имеют детально разработанную хронологию, исследовано большинство других вопросов (не только источниковедческих), связанных с этими монетами, центры их чеканки лежат далеко за пределами Средней Азии, а таджикистанские находки представляют научный интерес именно потому, что расположены вне основного ареала данных монет (под таким углом зрения они и рассматриваются в соответствующих главах). Для греко-бактрийских монет из Таджикистана (гл. III) внимание было сосредоточено на вопросе об археолого-стратиграфических обстоятельствах их обнаружения к северу от Амударьи. Полного источниковедческого анализа потребовали подражания оболам Эвкратида (гл. VIII) и другие группы монет, основные ареалы которых приходятся на территорию Таджикистана: для них пришлось разрабатывать классификацию, решать вопросы хронологической систематизации, определять абсолютную хронологию (отдельных серий и чеканки в целом), а также касаться их исторической интерпретации.

Клады древних монет использованы в книге в тех главах, где рассматриваются монеты, входившие в их состав. Качественно иное (по сравнению с единичными монетами) значение кладов как источника и все вопросы, связанные с их использованием, спецификой обработки и интерпретацией применительно к таджикистанскому материалу, были несколько лет назад рассмотрены Е. А. Давидович (Давидович, 1979). В методическом отношении важна также работа М. А. Тихановой об использовании монет для датировки закрытых комплексов (Тиханова,

[4] Некоторая неравноценность групп (в одной группе оказались, например, все монеты римских императоров, в другой — подражания монетам Хувишки) во многом зависела от того, как те или иные монеты представлены в находках на территории Таджикистана. О содержании термина г р у п п а см. ниже.

1979), хотя она и выполнена на далеком от Средней Азии материале.

Из 84 кладов, вошедших в сводную публикацию Е. А. Давидович, только 8 кладов (Давидович, 1979, с. 17—60) состояли из древних монет. В данной книге, помимо них, учтены монеты из Амударьинского клада (Зеймаль, 1979, с. 16—23, 72—84) и еще девяти новых кладов. Краткий перечень состава каждого из 18 известных теперь кладов древних монет можно найти в „Приложении" (см. „Указатель кладов").

Нумизматика как наука пока не выработала единой и общепринятой терминологии, и каждый из ее разделов пользуется своими обозначениями. Не существует пока развернутой и обоснованной системы наименований и для монет древней Средней Азии, хотя исследователи — с большей или меньшей последовательностью — применяют такие обозначения как штемпель, тип, разновидность, класс и т. п. Поэтому необходимо пояснить, в каком значении основные классификационные нумизматические термины употребляются ниже и почему.

Каждая монета — это результат воздействия на металлическую заготовку двух штемпелей (одного для лицевой стороны, другого — для оборотной). Штемпель с точки зрения систематизационной (если отвлечься от чисто технического понятия, связанного с этим словом) является простейшей структурной единицей любой нумизматической классификации, а каждая монета (экземпляр) должна рассматриваться как сочетание (комбинация) двух разных штемпелей.

Штемпели могут иметь несколько степеней (уровней) различия — идентичные, близкие, относящиеся к одному варианту типа, к одному типу, к одному иконографическому типу и т. п. (соответствующие степени различия могут быть прослежены для каждой из сторон отдельно).

Штемпель (как структурная единица) создается в результате взаимодействия двух сил (факторов) — „заказчика" и „исполнителя". „Заказчик" (независимо от того, кто осуществляет эту роль — сам правитель или глава его финансового ведомства, совет старейшин или верховный жрец, начальник монетного двора или чиновник еще более низкого ранга) определяет что должно быть представлено на монете (изображение, легенда, тамга или династийный знак и т. п.), т. е. ее содержание. Как этот „заказ" воплощается в металле[5] — зависит от „исполнителя", т. е. от резчика штемпелей, — от его знакомства с другими монетами (в том числе и иноземными) и с произведениями искусства вообще, от тех традиций изобразительности (и в первую очередь традиций официального искусства), на которых он воспитан, а также от художественных навыков и приемов, усвоенных им в процессе обучения и самостоятельной деятельности, и, наконец, от его личного мастерства и одаренности. Также и качество исполнения легенды зависит от того, в какой степени резчик знаком с используемыми языком и письменностью, а также от его каллиграфических навыков и от умения располагать надпись на штемпеле. Эти различия между планом содержания (сфера „заказа") и планом выражения (сфера „исполнения") дают „шкалу" для оценки степеней (уровней) различия между штемпелями.

Типообразующими являются признаки, отражающие изменение „заказа", т. е. сознательные перемены, вносимые в содержание монетного штемпеля (изображения правителя или божества по той или иной ико-

---

[5] Видимо, при достаточно высоком уровне технической и художественной культуры монетного дела существовали и предварительные эскизы («картоны»), в процессе обсуждения и утверждения которых в первоначальные варианты вносились поправки и уточнения, но сущность процесса и вклад каждой стороны от этого не меняется.

нографической схеме, в том или ином облачении, с теми или иными атрибутами и т. п.; изменение титулатуры, имени правителя и т. п.), а также сознательное изменение размеров штемпеля с целью изготовления монет другого номинала (при сохранении прежнего содержания изображений и легенд).

Различия, определяемые сферой „исполнения", как правило, лежат ниже уровня типа: близкие штемпели, видимо, могли изготовляться одним и тем же мастером (или мастером и его непосредственным учеником), штемпели разных вариантов типа (подтипа), вероятно, исполнялись разными мастерами и т. д. Но „близкими" могут быть и штемпели, относящиеся к разным типам, если они выполнены одним мастером (с достаточно характерной индивидуальной манерой): их легче опознать, если происходит лишь частичное изменение содержания (появление новой легенды при неизменном изображении или, наоборот, замена изображения при сохранении прежней легенды) или „близкие" штемпели выполнены для монет разных номиналов.

Термин иконографический тип обозначает штемпели разных типов, выполненные с использованием одной композиционной схемы, в которой заменяются какие-то элементы (например, головной убор царя), но не нарушается расположение изображения на монетном кружке — иконографический сюжет, композиция. Частный случай принадлежности к одному иконографическому типу — полное совпадение изображений на штемпелях разных типов, которые различаются между собой только легендами или номиналами.

Любая классификация должна учитывать эти уровни различий между штемпелями, но не может быть описана только с их помощью: необходимы термины, обозначающие определенные множества монет. Наиболее универсально употребляемым является понятие серия: им обозначается некая совокупность монет, обладающих одним или несколькими общими признаками. К одной серии могут относиться монеты, чеканенные с одной стороны (или с двух сторон) идентичными штемпелями (серия по штемпелю), но серию могут составлять и монеты нескольких правителей, помеченные одной и той же монограммой (серия по монограмме), и монеты, содержащие сходные ошибки в легенде (серия по состоянию легенды), и монеты, чеканенные с той или иной стороны штемпелями одного типа (серия по типу такой-то стороны) или одного иконографического типа (серия по такому-то иконографическому типу). К совокупности монет, образующих серию по сочетанию типов лицевой и оборотной сторон, применим термин выпуск (если речь идет о регулярной чеканке)[6]. Совокупность монет, чеканенных штемпелями разных типов, различия между которыми определяются только принадлежностью к разным номиналам, может быть обозначена как эмиссия. Монеты, содержащие в легенде имя одного царя (или имена царей одной династии, государства и т. п.) составляют чеканку этого царя (династии, государства и т. п.). Термин группа служит для обозначения — на любом уровне классификационной иерархии — исторически обособленной (и, как правило, технически единой) сово-

---

[6] Употребление термина выпуск по отношению к подражательной чеканке имеет более широкое значение, поскольку в этом случае нет, как правило, оснований предполагать, что сознательные изменения вносились в содержание, заложенное в исходном прототипе: здесь речь идет об изменениях, накапливавшихся постепенно и вопреки стремлению воспроизвести прототип (т. е. так оценивается мера безразличия «заказчика» к тому, что воспроизводит «исполнитель»).

купности монет, будь то одна типологическая линия подражаний какому-то прототипу, чеканка какого-то одного царя или целой династии и т. п.

Обозначения временных отрезков разной длительности (стадия, этап, период, эпоха и т. п.), употребляемые в связи с определением последовательности чеканки тех или иных монет (хронологическая систематизация), использованы ниже в их общеупотребительном смысле и не имеют особого (специального) терминологического значения.

Учтенные в книге сведения о находках древних монет на территории Таджикистана далеко не всегда одинаково достоверны. Наименее надежны сообщения в печати о монетах, дальнейшую судьбу которых проследить не удалось (они отмечены звездочкой перед порядковым номером)[7]. Как правило, не принимались во внимание монеты из частных коллекций, кроме тех редких случаев, когда их таджикистанское происхождение сомнений не вызывало.

Подавляющее большинство рассматриваемых в книге монет принадлежит нумизматическому собранию АН Таджикской ССР (Институт истории им. А. Дониша — сокращенно ИД). Намного уступают им не только количественно, но и по разнообразию состава те монеты Объединенного республиканского художественного и историко-краеведческого музея Таджикской ССР в г. Душанбе (сокращенно ДМ), о происхождении которых имеются точные сведения. Кроме того, часть монет из Амударьинского клада попала в Британский музей в Лондоне (сокращенно БМ), некоторые находки из Таджикистана хранятся в Государственном Эрмитаже (ГЭ) и в Музее истории культуры и искусства Узбекистана в г. Самарканде (СМ). Для сопоставления с древними монетами из Таджикистана привлекались коллекции Сурхандарьинского областного краеведческого музея в г. Термезе (ТР), Музея истории народов Узбекистана им. Айбека в г. Ташкенте (ТШ), Института археологии АН Узбекской ССР (ИА) и Института искусствознания Министерства культуры Узбекской ССР (ИИ) и др.

Учтенные в этой работе древние монеты с территории Таджикистана объединены в 22 группы. Каждой группе соответствует отдельная глава (с номером от I до XXII), которая состоит из текста, дающего краткую характеристику монет данной группы и их источниковедческую оценку, и списка находок (реестр) монет этой группы, включающего для каждого экземпляра сведения о его происхождении, краткие опознавательные признаки, вес, диаметр и соотношение осей (когда они известны), место хранения и инвентарный номер, а также данные о предшествующих публикациях.

Порядковый номер каждой монеты состоит из римских цифр (они

---

[7] Не учитывались сведения в печати, лишенные конкретности, — например, данные о греко-бактрийских монетах, которые А. А. Семенов в 1898 г. видел на руках у индийцев в Кулябе (Семенов 1902, с. 970), или многочисленные упоминания древних монет в произведениях дореволюционного писателя-журналиста Д. Н. Логофета (в мечети селения Калаихум, ему якобы показывали «три или четыре золотых монеты Александра Македонского» и «монеты Евкратида, Теодата, Лисия, Димитрия» — Логофет, 1913, с. 397—398), если сообщения о местном их происхождении были недостаточно определенны. Как писал М. Е. Массон, «соблазненный всеми этими сведениями, в Калаихум специально выезжал археолог-коллекционер инженер Б. Н. Кастальский, не только не обнаруживший ни одного из упомянутых объектов, но официально установивший через представителей русской пограничной службы, что автор (т. е. Д. Н. Логофет. — *Е. З.*) даже никогда не бывал в описываемом селении, чем наглядно подтвердилась небезосновательность сложившейся у старых туркестанцев поговорки «врет, как Логофет» (Массон, 1948а, с. 43, прим.).

соответствуют номеру группы, или главы, к которой принадлежит монета) и арабских цифр (порядковый номер экземпляра внутри главы-группы) и сохраняется за ней и в иллюстративных таблицах, и при ссылках в тексте. Если перед арабскими цифрами стоит ноль (например, не XII.9, а XII.09), такая монета не относится к числу найденных в Таджикистане и привлечена как дополнительный материал для сопоставлений (такие экземпляры выделены в поглавных реестрах в особый раздел). Последовательность, в которой перечислены монеты в реестре каждой из глав, в основном отражает очередность их обнаружения (или поступления в коллекцию): находка 1961 г., например, предшествует находке 1963 г. и т. д. Такой порядок (если учесть активный процесс пополнения нумизматического собрания АН Таджикской ССР) позволяет при последующих публикациях соотнести вновь найденные монеты с учтенными ранее экземплярами, продолжив нумерацию арабскими цифрами.

К сожалению, далеко не все монеты, учтенные в этой работе, могли быть воспроизведены в иллюстративных табицах. Те экземпляры, фотографии которых приводятся, отмечены в реестре: их порядковые номера (арабскими цифрами) выделены полужирным шрифтом.

Работа не могла бы быть выполнена без активного содействия большого коллектива археологов из Душанбе, Москвы и Ленинграда, ежегодно ведущих раскопки в Таджикистане на десятках больших и маленьких памятников. Еще более широкий круг лиц — ученые и рабочие, пенсионеры и студенты, учителя и колхозники, военнослужащие и журналисты и т. п. — способствовал сохранению для науки ценнейшего исторического источника, передавая древние монеты из случайных находок в нумизматическое собрание АН Таджикской ССР. Всем им, и в особенности А. Абдуллаеву, Т. М. Атаханову, А. Д. Бабаеву, А. М. Беленицкому, М. А. Бубновой, Э. Гулямовой, Е. А. Давидович, Е. П. Денисову, Е. Додову, Н. Н. Ершову, Т. И. Зеймаль, А. Исакову, В. И. Ивановой, В. А. Лившицу, члену-корреспонденту АН Таджикской ССР Б. А. Литвинскому, В. Г. Луконину, Б. И. Маршаку, И. Н. Медведской, Х. Ю. Мухитдинову, М. Муллокандову, члену-корреспонденту АН Таджикской ССР Н. Н. Негматову, И. Р. Пичикяну, Л. Т. Пьянковой, В. А. Ранову, В. И. Распоповой, А. В. Седову, В. С. Соловьеву, А. Е. Шигину, В. Г. Шкоде, А. Х. Юсупову, Ш. Юсупову, Ю. Якубову, и многим другим автор хотел бы выразить свою глубокую и искреннюю признательность.

Автор считает своим приятным долгом поблагодарить С. В. Суетову, В. С. Теребенина и И. Д. Флотского за выполненные для этой работы фотографии, а своих коллег А. Б. Никитина и Р. Е. Варданяна — за дружескую помощь по подготовке этой книги к печати.

Часть первая

ПРИВОЗНЫЕ ИНОЗЕМНЫЕ МОНЕТЫ

Самые древние монеты, найденные в Таджикистане, были чеканены в V—IV вв. до н. э. далеко за пределами Трансоксианы. Как и многие другие страны и целые регионы древнего мира, Средняя Азия впервые познакомилась с монетой благодаря торговым и политическим контактам с государствами, уже имевшими собственную монетную чеканку и сложившееся денежное обращение. Привозные иноземные монеты, как это было и в других странах, первоначально проникали в Среднюю Азию как сокровище и ценились там лишь благодаря золоту или серебру, из которого они были изготовлены (т. е. как небольшие слитки драгоценного металла), независимо от того, что на них было изображено и написано. Лишь постепенно, по мере привыкания рынка к кружочкам металла определенной величины и качества, стала приобретать значение и монетная форма этих „слитков".

Основная находка на территории Таджикистана, проливающая свет на начальный период знакомства Средней Азии с иноземными монетами, — знаменитый Амударьинский клад (Дальтон, 1964; Зеймаль, 1979), который был обнаружен местными жителями зимой 1877—1878 гг. на городище Тахти Кобад, поблизости от места слияния Вахша и Пянджа (Кобадианский р-н Курган-Тюбинской области)[1]. Хотя сведения, которыми мы располагаем об этой находке, во многом приблизительны и далеки от полноты, состав монетной части Амударьинского клада вполне поддается реконструкции[2]. Называя общее количество монет, найденных на городище Тахти Кобад, обычно приводят цифру 1500 экземпляров[3], однако большая их часть сразу же рассеялась по *разным владельцам (А. Грант, А. Каннингэм и др.). Значительную* часть монет из этого клада приобрел Британский музей[4] — сначала через равалпиндских торговцев древностями (Чанда Малл, Сундер Дас и др.), потом в 1888 г., когда была куплена часть коллекции А. Каннингэма; в 1894 г., после смерти А. Каннингэма, пожалуй, ближе других находившегося к вещам и монетам клада и проявлявшего к ним активный интерес, в Британский музей поступили и остальные монеты его коллекции. Несколько монет из Амударьинского клада были приобретены в 1883 г. Эрмитажем в составе коллекции английского инженера А. Гранта (Зеймаль, 1979, с. 22—23). Возможно, какие-то экземпляры

---

[1] О месте находки — Зеймаль Т. — Зеймаль Е., 1962, с. 40—45.

[2] Краткий обзор истории изучения и основные сведения о связанных с Амударьинским кладом монетах (с основной библиографией) — Зеймаль, 1979.

[3] Таковы сведения О. М. Дальтона, основанные на данных А. Каннингэма и отчасти П. Гарднера (Дальтон, 1964, с. XVI; Каннингэм, 1881, 1883а, 1883б; Гарднер, 1879, 1881). Цифра в 1700 монет (Кузьмина, 1977, с. 16) — произвольна и неверна.

[4] Явное недоразумение — утверждение, что все 1500 монет якобы поступили в Британский музей (Ставиский, 1966, с 55—56; 1977б, с. 44).

из этой же находки оказались в берлинском Мюнцкабинете, куда А. Грант также продал некоторые свои монеты. Видимо, монеты из Амударьинского клада поступали также в коллекцию английского Министерства по делам Индии (ныне передана в Британский музей), а также — через разных лиц — осели в других небольших нумизматических собраниях Великобритании. Есть надежда, что со временем монетная часть тахтикобадской находки сможет быть восстановлена более полно. Пока же основной источник наших сведений о монетах Амударьинского клада — публикации П. Гарднера (1879; 1881) и А. Каннингэма (1881; 1883а; 1883б), а также те монеты из этой находки, которые — с уверенностью или предположительно — могут быть выявлены в различных нумизматических собраниях. Всего через руки А. Каннингэма прошло около 700 монет, из них определению (с разной степенью детальности) поддается немногим более пятисот экземпляров, а отождествить в натуре в музейных собраниях пока можно лишь сто с небольшим монет (Беллинджер, 1962; Зеймаль, 1979).

Сомнения в достоверности находки (или в принадлежности монет к вещевому Амударьинскому кладу) следует признать справедливыми лишь для тех монет, которые 1) широко представлены в находках в правобережье Амударьи или на пути от места находки до Равалпинди и поэтому могли быть присоединены к кладу уже после его обнаружения; 2) выходят за хронологические рамки остальных монет и вещей (V — посл. четв. III в. до н. э.), нарушая последовательность и непрерывность временного ряда; 3) чеканены из меди или являются мелкими серебряными монетами (оболы) и не могут поэтому рассматриваться как сокровище[5].

Наиболее поздняя дата для полностью достоверных монет клада приходится на последнюю четверть III в. до н. э. (Зеймаль, 1979, с. 16—22). К этой же дате (или, во всяком случае, не раньше) должно относиться и захоронение клада. Поэтому, несмотря на присутствие в составе Амударьинского клада монет V—IV вв. до н. э., его нельзя рассматривать как свидетельство проникновения иноземной монеты за Амударью в V—IV вв. до н. э. и формирования там в это время местного денежного обращения, основанного на привозной монете. Именно благодаря тому, что тахтикобадская находка — клад, можно утверждать, что монеты V—IV вв. до н. э. проникают в Трансоксиану лишь как сокровище и намного позднее времени их выпуска. Монеты Амударьинского клада остаются находкой уникальной: столь древних монет пока не находили в других местах в Средней Азии. Но единичные находки, даже если они появятся, видимо, не смогут существенным образом изменить те заключения, на которые дает право Амударьинский клад.

Хронологически все монеты Амударьинского клада можно подразделить на три неравные в количественном отношении части: привозные иноземные и ахеменидские монеты V—30-х годов IV в. до н. э. (см. ниже, гл. I); раннеэллинистические монеты (т. е. монеты Александра Македонского, его непосредственных преемников и первых царей из династии Селевкидов, а также раннепарфянские монеты), которые (вместе с единичными находками из других мест) рассматриваются ниже, в гл. II; греко-бактрийские монеты второй половины III в. до н. э.

---

[5] По этим признакам может быть поставлена под вопрос принадлежность к кладу монет Панталеона, Агафокла, Антимаха Теоса и автономного чекана Таксилы, а также медных монет Антиоха I, Диодота, Эвтидема I. Эти монеты отмечены в приводимых ниже списках монетных находок знаком вопроса (в графе «происхождение»).

(о них, как и о других греко-бактрийских монетах на территории Таджикистана, см. ниже, гл. III).

Далеко не все иноземные привозные монеты, попадавшие в Среднюю Азию (и, в частности, в Таджикистан), становились прототипами для местных подражательных выпусков и участвовали в формировании местного денежного обращения. Чаще всего, вырванные из своей естественной сферы обращения и занесенные на чужой рынок, они сохраняли только одну из функций денег — функцию сокровища. Это в полной мере относится и к индийским клеймёным монетам (см. гл. IV), и к части большого клада римских денариев из Северного Таджикистана (гл. V).

2 Зак. 1710 Q.C.P. - N.Ver

Глава I. ПРИВОЗНЫЕ ИНОЗЕМНЫЕ И АХЕМЕНИДСКИЕ МОНЕТЫ V—30-х годов IV в. до н. э.

Самые древние монеты, которые были найдены на территории Таджикистана, — происходящие из Амударьинского клада три серебряные тетрадрахмы (I.1—3), чеканенные в 500—490 гг. до н. э. в македонском городе Аканфе (л. ст. — *лев, терзающий быка* / об ст. — *вдавленный квадрат,* разделенный на четыре части). Несколько моложе (выпущена до 406 г. до н. э.) тетрадрахма г. Афины (I.4) с характерными для чеканки этого города типами (л. ст. — *голова Афины* так называемого „классического стиля"[6] *вправо* / об. ст. — *сидящая сова вправо*, в поле монеты *оливковая ветвь, полумесяц* и АΘЕ). И, наконец, в материковой Греции (г. Византий) были выпущены еще две драхмы (I.5, 6), датируемые между 416 и 357 гг. до н. э. (л. ст. — *стоящая корова,* под ней — *дельфин* / об. ст. — *вдавленные „крылья ветряной мельницы"*).

Столь же немногочисленна и случайна подборка монет, чеканенных в греческих городах Малой Азии: к концу V—IV в. до н. э. относится серебряный статер (I.7) г. Келендер (в Ликаонии), к IV в. до н. э. — серебряные статеры (I.8—13) г. Аспенд в Памфилии (л. ст. — *борцы* / об. ст. — *пращник*).

Из монет, выпущенных на территории государства Ахеменидов и в подчиненных ему странах и городах, следует, в первую очередь, назвать монеты царской чеканки: в Амударьинском кладе они представлены как золотыми дариками (I.14—21), так и серебряными сиклами (не менее 6 экз.: 1.22—27). Более детальное определение может быть дано лишь для некоторых из них: один из сиклей (I.22) с изображением на л. ст. стреляющего царя (вдавленная об. ст. — без изображений) был выпущен до 486 г. до н. э., один дарик (I.14 — *царь с луком и копьем*) и один сикл (I.23 — *царь с луком и кинжалом*) — после 486 г. до н. э. Следует также отметить монету достоинством в „две трети сикла" (I.28), которую причислил к монетам Амударьинского клада А. Каннингэм (1881, с. 170, № 14, табл. XII, 14): позднее (Хилл, 1922, с. CXII) она была определена как подделка.

Наряду с царской монетой, в Ахеменидском государстве (главным образом в прибрежной части Восточного Средиземноморья) свою монету чеканили некоторые города, а также сатрапы (в определенных ситуациях) и — чрезвычайно редко — зависимые владетели. Все эти разновидности нецарской чеканки присутствуют среди монет Амударьинского клада. Чеканка правителя Пиксодара представлена в тахтикобадской находке золотой монетой достоинством в одну гекту (I.29), выпущенной между 340 и 334 гг. до н. э. (л. ст. — *голова Аполлона вправо* / об. ст. — *Зевс вправо*). Двумя тетрадрахмами „финикийского" стан-

---

[6] Зограф, 1951, табл. IV, 2.

дарта (I.30, 31) представлена эмиссия, относимая к чеканке в г. Эфесе в 334 г. до н. э. ахеменидского флотоводца Мемнона (л. ст. — *царь с луком и копьем*)[7].

Наиболее ранняя из монет ахеменидских сатрапов — серебряный статер сатрапа Тирибаза (I.32), выпущенный в г. Тарсе в 386—380 гг. до н. э. (л. ст. — *бог Баал влево* / об. ст. — *Ахура Мазда на крылатом солнечном диске*). Еще один серебряный статер (I.33) принадлежит чеканке 379—374 гг. до н. э. от имени сатрапа Фарнбаза (л. ст. — *женская голова в три четверти* / об. ст. — *бородатая голова в шлеме вправо*). Двумя разновидностями серебряных статеров представлены в кладе монеты сатрапа Датама (378—372 гг. до н. э.): в одном случае (I.34) изображения на л. и об. ст. повторяют типы только что описанного статера Фарнбаза, в другом (I.35) — на л. ст. *сидящий Баал вправо*, на об. ст. *сидящий сатрап вправо*. Типами об. ст. различаются серебряные статеры сатрапа Мазея (361—333 гг. до н. э.) с изображением на л. ст. сидящего бога Баала влево: *лев, терзающий оленя* (I.36, 37); *лев, терзающий быка* (I.38); *лев, идущий влево* (I.39).

Следующую группу составляют монеты, выпущенные важными центрами международной торговли — городами на восточном побережье Средиземного моря. В Амударьинском кладе зафиксированы один серебряный статер г. Арада (I.40), выпущенный около 350—332 гг. до н. э. (л. ст. — *бородатая голова вправо* / об. ст. — *галера на волнах*); два двойных шекеля г. Сидона (I.41 и 42 — л. ст. — *судно влево* / об. ст. — *царь на колеснице влево*), первый из которых чеканен около 384—370 гг. до н. э., второй — примерно в 370—358 гг. до н. э.; два серебряных статера г. Тира (I.43 и 44), относящихся к периоду между 400 и 332 г. до н. э. (л. ст. — *Мелькарт на гиппокампе вправо* / об. ст. — *сова*).

Монеты ахеменидской чеканки из Амударьинского клада — единственные ахеменидские монеты, найденные не только в Таджикистане, но и вообще в Средней Азии. Все остальные сведения, которые иногда приводят, не содержат никаких указаний о месте находки (т. е. речь идет, в лучшем случае, о беспаспортных монетах, которые могли быть привезены в Среднюю Азию в новейшее время), да и местонахождение этих монет в настоящее время остается неустановленным[8]. „Золотой ахеменидский дарик", переданный в 1930 г. из Среднеазиатского коммерческого банка в Среднеазиатский музей истории и истории революции (САМИИР, ныне — Музей истории народов Узбекистана им. Айбека АН Узбекской ССР, г. Ташкент) и также неизвестно где найденный (Массон, 1933, с. 6), продолжает и сейчас храниться в указанном музее (№ 157/110), но это не „ахеменидский дарик", а двойной дарик вавилонской чеканки (вес 16,54 г), выпуск которых осуществлялся с конца 30-х годов IV в. до н. э. Александром и его преемниками, т. е. уже после того как Ахеменидская держава прекратила свое существование (ср. ниже, экз. II.276—288).

---

[7] Так считал Э. Бабелон (1893, с. 56 и сл.). Согласно другой точке зрения (Хэд, 1906; Шлюмберже, 1953, с. 58—62), эти монеты выпускались уже при Александре и не в Эфесе, а на Востоке.

[8] Ср. сведения о приобретении «в дореволюционное время в Самарканде у местных жителей» Б. Н. Кастальским «прекрасного золотого ахеменидского дарика» (Массон, 1933, с. 6), а также об одном серебряном ахеменидском сикле якобы «из числа среднеазиатских находок» (Массон, 1933, с. 6) и т. п. Об этом см. подробнее: Зеймаль, 1983.

Итак, с одной стороны, мы располагаем свидетельствами о вхождении Средней Азии в состав Ахеменидской державы и даже знаем, что Согд (вместе с Парфией, Хорезмом и Арией) входил в XI сатрапию, которая уплачивала ежегодно 300 талантов подати, а Бактрия — в XII сатрапию („Бактрия до эглов"), вносившую 360 талантов; в литературе высказывались предположения, что „какая-то часть податей выплачивалась деньгами" (В. Массон, 1955, с. 38; Ставиский, 1963, с. 206—207). С другой стороны, единственные найденные пока в Средней Азии монеты ахеменидской чеканки скорее всего проникают в Трансоксиану и попадают в клад в последней четверти III в. до н. э. Противоречие это окажется менее парадоксальным, если вспомнить об исследовании Д. Шлюмберже (1953), в котором после детального рассмотрения фактического материала убедительно показано, что денежное обращение в ахеменидское время достигает высокого уровня развития только в Восточном Средиземноморье и в Малой Азии. Ни в самом Иране, ни в восточных областях Ахеменидской державы денежное обращение в V—IV вв. до н. э. еще не получило развития[9]. К северу от Амударьи постепенный процесс сложения денежного обращения, как показывают нумизматические данные, начался не раньше середины или второй половины III в. до н. э.

К числу привозных иноземных монет в этой главе отнесены также составляющие особую группу подражания монетам Афин. О месте и времени выпуска этих подражаний было высказано за минувшее столетие немало точек зрения (часто — взаимоисключающих), остававшихся в равной степени недостаточно хорошо обоснованными (Гарднер, 1879; Гарднер, 1881; Хэд, 1888; Хэд, 1906; Шлюмберже, 1953, с. 36 и др.). Последнее по времени исследование об этих монетах принадлежит Э. Николе-Пьер (1973, с. 35—42). Оно знакомит нас с новыми образцами таких подражаний, найденными в Афганистане или в сопредельных с ним областях (как и известные ранее экземпляры из Амударьинского клада и „Кабульского клада" из Чамани-Хазори — Шлюмберже, 1953, № 64), что приблизительно очерчивает ареал их обращения. Где-то в границах этого ареала должен был располагаться и центр чеканки подобных монет. Хронологическое определение (как для группы в целом, так и для типологически различающихся последовательных серий внутри группы, соответствующих разным этапам чеканки таких монет) пока вызывает большие трудности.

Исходный прототип, к которому восходят подражательные выпуски рассматриваемой группы, — тетрадрахмы г. Афины с изображением на л. ст. головы Афины вправо, а на об. ст. — сидящей совы. Один экземпляр монеты-прототипа зафиксирован в составе Амударьинского клада (I.4). Не менее 8 тетрадрахм (I.45—52) из тахтикобадской находки относятся к типологически ранним этапам чеканки этой группы подражаний. При этом четыре экземпляра (I.45—48) — наиболее близки к прототипу, а дальнейшее отдаление от него отмечено появлением на л. ст. изображения грозди винограда (I.40 и 50) и затем на об. ст. букв AIГ (I.51 и 52)[10]. Применительно к монетам этой группы в литературе

[9] См. теперь также главу «Денежные системы», написанную с привлечением широко круга клинописных источников, в работе: Дандамаев-Луконин, 1980, с. 202—212.

[10] Новые находки подражаний афинским тетрадрахмам и намечающаяся для этой группы в целом локализация, видимо, не противоречат предположению Б. Хэда (1906, с. 7) о принадлежности монет с буквами AIГ чеканке племени эглов, упоминаемых Геродотом (III, 92) в связи с XII округом Ахеменидской державы, в который «входили земли от бактрийцев до эглов <Αιγ˙

принято употреблять термины „дидрахма" (I.53 и 54), „драхма" (I.55—59) и даже „диобол" (I.60). Однако эти разные „номиналы", видимо, выпускались неодновременно: понижение веса устойчиво сопровождается все большим и большим отдалением от прототипа (так, на об. ст. „драхмы" и „диобола" вместо совы появляется изображение орла). Параллельность иконографических видоизменений и понижения веса свидетельствует скорее о процессе, характерном для широкого круга нумизматических памятников, известных в литературе как «варварские подражания» (Зеймаль, 1975). Если это так, о существовании для монет рассматриваемой группы различных номиналов можно говорить только условно, ибо и „дидрахма" и „драхма" вполне могли быть редуцировавшей тетрадрахмой.

Пока можно констатировать, что других находок подражаний афинским тетрадрахмам (если не считать монеты Амударьинского клада) не зарегистрировано не только на территории Таджикистана, но и вообще к северу от Амударьи — в Трансоксиане. Как и монеты греческих городов V—IV вв. до н. э. или разные категории монет Ахеменидского государства, эти подражания являются для Средней Азии несомненно привозной монетой и проникают сюда еще не как средство обращения, а как сокровище. Их присутствие в Амударьинском кладе, захороненном в последней четверти III в. до н. э., — единственная сравнительно точная дата, на которую можно опереться для определения хронологии монет этой группы: к этому моменту уже существовала, была выпущена, весьма протяженная типологически линия чеканки — от „тетрадрахм" до „диобола".

ТАБЛ. 1

I. ИНОЗЕМНЫЕ И АХЕМЕНИДСКИЕ МОНЕТЫ V—IV ВВ. ДО Н. Э.

№№	Место и обстоятельства находки	Определение и краткое описание	Место хранения	Публикации, примечания
		г. Аканф (Македония). 500—490 гг. до н. э.		
1	Г-ще Тахти Кобад (Амударьинский клад), 1877 г.	тетрадрахма: *лев, терзающий быка/вдавленный квадрат*, разделенный на четыре части	БМ	Деснё, 1949, с. 76, № 67 (Зеймаль, 1979, № 01)
2	То же	то же	БМ	Деснё, 1949, с. 79, № 83 (Зеймаль, 1979, № 02)
3	То же	то же (без описания)	?	Каннингэм, 1883, с. 64 (Зеймаль, 1979, № 03)
		г. Афины, до 406 г. до н .э.		
4	То же	тетрадрахма: *голова Афины «классического стиля» вправо/сова вправо*, в поле — *оливковая ветвь, полумесяц и* АΘЕ	БМ?	Каннингэм, 1881, с. 174, № 30 (Зеймаль, 1979, № 04)
		г. Византий. 416—357 гг. до н. э.		
5	То же	драхма: *корова над дельфином/вдавленные крылья «ветряной мельницы»*	БМ?	Бабелон, 1901, ч. 2, т. 4, с. 979, № 1531 (Зеймаль, 1979, № 05)
6	То же	то же	?	Каннингэм, 1881, с. 175, № 36 (Зеймаль, 1979, № 06)
		г. Келендер (Ликаония). Конец V—IV вв. до н. э.		
7	То же	серебряный статер	?	Каннингэм, 1881, с. 175, № 37 (Зеймаль, 1979, № 07)
		г. Аспенд (Памфилия). 400—300 гг. до н. э.		
8—13	То же	серебряные статеры: *борцы/пращник*	?	Каннингэм, 1881, с. 173, № 29 (Зеймаль, 1979, № 08—013)
		Ахеменидская империя. Царская чеканка. V—30е годы IV в. до н. э.		
14	То же	дарик, I серия (после 486 г. до н. э.): *царь с луком и копьем*	БМ	Хилл, 1922, с. 153, № 41 (Зеймаль, 1979, № 014)

№№	Место и обстоятельства находки	Определение и краткое описание	Место хранения	Публикации, примечания
15	Г-ще Тахти Кобад (Амударьинский клад), 1877 г.	то же (без описания)	?	Каннингэм, 1883б, с. 258 (Зеймаль, 1979, № 015)
16	То же	то же, II серия (IV в. до н. э.): *царь с луком и кинжалом*	БМ	Хилл, 1922, с. 171, № 170, табл. XXVI, 16 (Зеймаль, 1979, № 016)
17—21	То же	дарики (без описания)	?	Каннингэм, 1883а, с. 64 (Зеймаль, 1979, № 017—021)
22	То же	сикль (до 486 г. до н. э.): *стреляющий царь*	БМ	Хилл. 1922, с. 174, № 193 (Зеймаль, 1979, № 022)
23	То же	сикль (после 486 г. до н. э.): *царь с луком и кинжалом*	БМ	Хилл. 1922, с. 167, № 139 (Зеймаль, 1979, № 023)
24	То же	то же	?	Каннингэм, 1881, с. 170, № 12 (Зеймаль, 1979, № 024)
25	То же	то же («раннеперсидской чеканки», но без описания)	?	Каннингэм, 1883б, с. 258 (Зеймаль, 1979, № 025)
26, 27	То же	сикли (без описания)	?	Каннингэм, 1881, с. 186 (Зеймаль, 1979, № 026, 027)
28	?	«две трети сикля»	БМ?	Каннингэм, 1881, с. 170, № 14, табл. XII, 14 (ср.: Хилл, 1922, с. СХП; Зеймаль, 1979, № 028)
		Ахеменидская империя. Монеты городов, сатрапов и зависимых владетелей. IV в. до н. э.		
		Владетель Пиксодар (Кария). 340—334 гг. до н. э.		
29	То же	Золотая гекта: *голова Аполлона вправо/Зевс вправо*	БМ	Хэд, 1897, с. 184, № 2, табл. XXVIII, 10 (Зеймаль, 1979, № 029)
		г. Эфес, чеканка адмирала Мемнона. 334 г. до н. э. (?)		
30	То же	тетрадрахма финикийского стандарта: *царь с луком и копьем*	БМ?	Хэд, 1892, с. 324, № 6 (Зеймаль, 1979, № 030)
31	То же	то же, но на л. ст. ΔΗ	БМ	Хэд, 1892, с. 323, № 2, табл. XXXI, 2 (Зеймаль, 1979, № 031)
		Сатрап Тирибаз. г. Тарс. 386—380 гг. до н. э.		
32*	То же	серебряный статер: *шагающий Баал влево/Ахурамазда на солнечном диске*	БМ?	Хилл, 1900, с. 164, № 12, табл. XXIX, 1 (Зеймаль, 1979, № 032)

* Здесь и далее полужирным выделены порядковые номера экземпляров, фотографии которых представлены в таблице.

№№	Место и обстоятельства находки	Определение и краткое описание	Место хранения	Публикации, примечания
		Сатрап Фарнабаз. 379—374 гг. до н. э.		
33	Г-ще Тахти Кобад (Амударьинский клад), 1877 г.	серебряный статер: женская *голова в ¾ влево/бородатая голова в шлеме вправо*	?	Каннингэм, 1881, с. 170, № 17 (Зеймаль, 1979, № 033)
		Сатрап Датам. 378—372 гг. до н. э.		
34	То же	серебряный статер: типы, как I.33	БМ	Хилл, 1900, с. 167, № 29, табл. XXXIX, 9 = Каннингэм, 1881, с. 170, № 18, табл. XVII, 4 (Зеймаль, 1979, № 034)
		серебряный статер: *сидящий*		
35	То же	*Баал вправо/сидящий сатрап вправо*	БМ	Хилл, 1900, с. 167, № 32, табл. XXXIX, 2 (Зеймаль, 1979, № 035)
		Сатрап Мазей. 361—333 гг. до н. э.		
36	То же	серебряный статер: *сидящий Баал влево/лев, терзающий оленя*	БМ	Каннингэм, 1881, с. 175, № 39 (Зеймааль, 1979, № 036)
37	То же	то же	БМ?	Каннингэм, 1881, с. 175, № 39 (Зеймаль, 1979, № 037)
38	То же	то же, но на об. ст. — *лев, терзающий быка*	БМ	Хилл, 1900, с. 172, № 56 (Зеймаль, 1979, № 038)
39	То же	то же, но на об. ст. — *лев влево*	БМ	Хилл, 1900, с. 173, № 61 (Зеймаль, 1979, № 039)
		г. Арад. Около 350—332 гг. до н. э.		
40	То же	серебряный статер: *бородатая голова вправо/галера на волнах*	БМ	Хилл, 1910, с. 9, № 57 (Зеймаль, 1979, № 040)
		Владетель Бодаштарт (?), г. Сидон. Около 384—370 гг. до н. э.		
41	То же	двойной шекель: *судно влево/царь на колеснице влево*	БМ	Хилл, 1910, с. 144, № 24 (Зеймаль, 1979, № 041)

№№	Место и обстоятельства находки	Определение и краткое описание	Место хранения	Публикации, примечания
		Царь Стратон I, г. Сидон. Около 379—358 гг. до н. э.		
42	Г-ще Тахти Кобад (Амударьинский клад), 1877 г.	двойной шекель: типы, как № 41	БМ	Хилл, 1910, с. 145, № 29, табл. XIX, 5=Каннингэм, 1881, с. 169, № 9, табл. XII, 7/об. ст. (Зеймаль, 1979, № 042)
		г. Тир. Около 400—332 гг. до н. э.		
43	То же	серебряный статер: *Мелькарт на гиппокампе вправо/сова*	БМ	Хилл, 1910, с. 229, № 16, табл. XXIX, 3 (Зеймаль 1979, № 043)
44	То же	то же, но плакированная	БМ	Хилл, 1910, с 230, № 18, табл. XXIX, 5 (Зеймаль, 1979, № 044)
		Подражания монетам Афин		
45	То же	тетрадрахма (IV в. до н. э.): *голова Афины/сова*	?	Каннингэм, 1881, с. 174, № 31 (Зеймаль, 1979, № 045)
46	То же	то же	БМ	Хед, 1888, с. 25—26, № 267, табл. VII, 4 (Зеймаль, 1979, № 046)
47	То же	то же	БМ	Хед, 1888, с. 26, № 268 (Зеймаль, 1979, № 047)
48	То же	то же	БМ	Хед, 1888, с. 26, № 269, табл. VII, 4 (Зеймаль, 1979, № 048)
49	То же	то же, но на л. ст. *кисть винограда*	БМ?	Каннингэм, 1881, с. 174, № 32, табл. XVIII, 1 (Зеймаль, 1979, № 049)
50	То же	то же	БМ	Хед, 1888, с. 26, № 270, табл. VII, 5 (Зеймаль, 1979, № 050)
51	То же	то же, но на об. ст. АІГ	?	Каннингэм, 1881, с. 174, № 34 (Зеймаль, 1979, № 051)
52	То же	то же	БМ	Гарднер, 1880, с. 191, табл. X, 5 = Хед 1888, с. 25, № 271, табл. VII, 6 (Зеймаль, 1979, № 052)
53	То же	то же, но дидрахма (без АІГ)	?	Каннингэм, 1881, с. 174, № 33 (Зеймаль, 1979, № 053)

№№	Место и обстоятельства находки	Определение и краткое описание	Место хранения	Публикации, примечания
54	Г-ще Тахти Кобад (Амударьинский клад), 1877 г.	то же	БМ	Гарднер, 1879, с, 10, табл. I, 7 = Хед 1888, с. 26, № 272, табл. VII, 7 (Зеймаль, 1979, № 054)
55	То же	то же, но драхма и на об. ст. — *орел* (вместо совы)	БМ?	Канингэм, 1881, с. 175, № 35 (Зеймаль, 1979, № 055)
56	То же	то же	БМ	Хед, 1888, с. 26, № 273, табл. VII, 8 (Зеймаль, 1979, № 056)
57	То же	то же	БМ	Хед, 1888, № 274, табл. VII, 9 (Зеймаль, 1979, № 057)
58	То же	то же	БМ	Хед, 1888, № 275, табл. VII, 10 (Зеймаль, 1979, № 058)
59	То же	то же,	БМ	Хед, 1888, № 276 (Зеймаль, 1979, № 059)
60	То же	то же, но диобол	БМ	Хед, 1888, с. 27, № 276а = Хед, 1906, с. 11, табл. II, 5 (Зеймаль, 1979, № 060)

Глава II. РАННЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ МОНЕТЫ

Монеты, объединенные здесь под рубрикой „раннеэллинистические", охватывают период с 30-х годов IV в. и приблизительно до середины III в. до н. э. В подавляющем большинстве они также происходят из Амударьинского клада и в целом не характерны для среднеазиатских находок.

Открывают их перечень монеты Александра Македонского (им предшествует только „крупная серебряная монета" Филиппа II, отца Александра — II.1), составляющие, пожалуй, наиболее многочисленную группу среди монет из тахтикобадской находки (II.2—274, а также *II.276—288*). Однако сведения о них, которыми мы располагаем, далеки от желаемой полноты: А. Каннингэм (1881, с. 172, № 25; 1881, с. 186; 1883а, с. 64) лишь указывает количество тетрадрахм и драхм, не приводя никаких сведений о монограммах и других деталях, по которым эти монеты можно было бы определить более точно и когда-либо опознать в музейных собраниях и иных коллекциях. Не исключено даже, что среди экземпляров, учтенных здесь (вслед за А. Каннингэмом) как монеты Александра, имелись и монеты с характерными для выпусков Александра типами и с именем Александра, но чеканенные значительно позднее (например, при Селевке I или Антиохе I — ср. экз. II.297): А. Каннингэм не отличал их от монет, изготовленных при жизни Александра. Столь же лаконично и без деталей („обычного размера и в хорошем состоянии") упомянута А. Каннингэмом и тетрадрахма царя Лисимаха (II.275) — единственная в Амударьинском кладе и среди находок, зарегистрированных в Средней Азии вообще.

Особую группу составляют двойные дарики (золото), выпуск которых в Вавилоне начался, видимо, еще при жизни Александра и продолжался при его преемниках. В этом случае, помимо учтенных А. Каннингэмом экземпляров, мы располагаем также монетами из Амударьинского клада, которые были приобретены Британским музеем непосредственно через равалпиндских торговцев древностями (Хилл, 1922, с. 176—179). Из тринадцати двойных дариков, относимых к Амударьинскому кладу (II.276—288), подлинность одного экземпляра вызывает серьезные сомнения (II.286). Других находок двойных дариков в Средней Азии не зарегистрировано; хранящийся в ташкентском Музее истории народов Узбекистана двойной дарик (№ 157/110), уже упоминавшийся нами выше, — беспаспортный, и нет оснований даже предположительно связывать его с тахтикобадской находкой (и вообще считать его найденным в Средней Азии).

Все, что было сказано выше о времени проникновения в Трансоксиану привозных иноземных и ахеменидских монет, остается справедливым и для монет, чеканенных при Александре Македонском; Аму-

дарьинский клад, спрятанный в последней четверти III в. до н. э., свидетельствует, что в это время монеты Александра могли проникать к северу от Амударьи (и в весьма значительных количествах) — скорее всего, в качестве сокровища. Но данные об этой находке не позволяют считать, что массовое проникновение монет Александра Македонского в Среднюю Азию началось при его жизни. Конечно, почти трехлетнее пребывание греко-македонского войска за Оксом, равно как и создание там поселений военных колонистов с целью удержать в повиновении вновь завоеванные области, неизбежно сопровождалось притоком в Трансоксиану монет Александра (и, видимо, более ранних тоже). Но эти монеты оставались имуществом завоевателей и явно не имели хождения среди коренных жителей Средней Азии. Поэтому сведения о находках в Средней Азии (и, в частности, в Таджикистане) единичных монет Александра [11], не могут служить свидетельством возникновения денежного обращения в Трансоксиане в последней трети IV в. до н. э. и уже тем более для этого не могут быть использованы беспаспортные монеты Александра, хранящиеся в среднеазиатских музеях (тетрадрахмы — ТШ № 112/1, 13/1; СМ Н-1089, Н-6670, Н-6672, Н-7646, Н-1088, Н-11667; драхмы — ТШ № 112/2 и 13/2, СМ Н-8378; халки — ТШ № 13/3 и 13/4). Но монеты Александра Македонского (или более поздние выпуски с типами Александра) все же участвовали в формировании среднеазиатского денежного обращения не только в качестве „сырья": одна из групп среднеазиатских подражательных местных чеканок, несомненно, восходит к драхмам с типами Александра (см. ниже, гл. VI). Но происходит это значительно позже — не ранее конца III или II вв. до н. э.

Следующая группа среди раннеэллинистических монет, найденных в Таджикистане, — монеты первых трех царей из династии Селевкидов — подлинных наследников Александра Македонского на Востоке: Селевка I (312—280 гг. до н. э.), Антиоха I (281—261 гг. до н. э.) и Антиоха II (261—246 гг. до н. э.). Селевкиды простирали свою власть от Средиземного моря до восточных пределов эллинистического мира — Бактрии, где, как удалось установить Э. Ньюэллу (1938), вплоть до 50-х годов III в. до н. э. (т. е. до отложения Греко-бактрийского царства от государства Селевкидов) существовал селевкидский монетный двор и осуществлялась монетная чеканка.

Но нет, однако, полной ясности, как далеко на север простирались владения селевкидских царей за Амударью=Окс. Даже при Александре Македонском Бактрия и Согдиана существовали как одна объединенная административная единица, несмотря на то, что Согдиана, занимавшая, по представлениям греков, огромные пространства между Оксом (Амударьей) и Яксартом (Сырдарьей), должна была намного превосходить по площади другие, значительно меньшие области, выделенные Александром в самостоятельные административные округа. И при Александре, и позднее греки, хотя и считали себя покорителями Согдианы, но не были хозяевами положения на землях к северу от Окса. Об этом свидетельствуют неоднократные выступления народов Средней Азии против греко-македонских завоевателей и та жестокость, с которой их подавлял Александр. Располагаем мы и прямым свидетельством оче-

---

[11] Ср. сведения, приведенные во «Всемирной иллюстрации» (1873, № 260, с. 477), о находке около Самарканда двух медных монет Александра Македонского и нескольких медных и серебряных монет его преемников.

видца (его сохранили историки походов Александра, несмотря на их прогреческую настроенность) — во время пира в Маракандах Клит, которому Александр только что передал от перса Артабаза управление Бактрией и Согдианой, бросает „завоевателю мира", наряду с другими упреками, и такой: „Ты мне назначаешь Согдиану, которая столько раз восставала и не только еще не покорена, но и покорена быть не может. Меня посылают к диким, от природы непокорным существам" (Курций Руф, VIII, I, 35). Вряд ли положение греков за Оксом могло упрочиться и позже — уже после смерти Александра, особенно после мятежа в 323 г. до н. э. греческих поселенцев в Бактрии и Согдиане, проходившего под лозунгом возвращения на родину. И вряд ли кто-либо из участников этого восстания (их число достигало 23 000) после его жестокого подавления вернулся обратно в Трансоксиану (Кошеленко, 1972).

Согдиана неизменно упоминается вместе с Бактрией в перечне административных единиц (*как „приложение" к ней*) *и после смерти* Александра (Диодор Сицилийский, XVII, 57, 3; XVIII, 3, 3; XVIII, 39, 3). Скорее всего, власть первых Селевкидов распространялась лишь на какую-то часть правобережной долины Амударьи, поскольку, по сведениям античных авторов, границей между Бактрией и Согдианой служила река Окс (т. е. Амударья с р. Вахш в качестве истока), но никак не на всю территорию Согдианы.

Но, независимо от того, какое окончательное решение сможет получить вопрос о северной границе селевкидских владений в Средней Азии в дальнейшем, у нас нет оснований считать, что чеканившиеся в г. Бактры (т. е. в собственно Бактрии, лежавшей к югу от Амударьи) золотые, серебряные и медные монеты были уже рассчитаны на обращение к северу от Амударьи, в Трансоксиане (точнее, в гипотетической „Северной Бактрии", т. е. в правобережье Амударьи и в Согде). И В. М. Массон (1955, с. 39, 42, 43), и Б. А. Литвинский (1963, с. 283—286) пытались именно так рассматривать монетную чеканку г. Бактры, выявленную Э. Ньюэллом (1938), подходя к ее экстраполяции на Трансоксиану умозрительно, т. е. не располагая для этого необходимыми сведениями о находках монет г. Бактры к северу от Амударьи. Не располагаем мы такими сведениями и теперь. Что же касается селевкидских монет из Амударьинского клада, то это — такая же привозная иноземная монета, как и монеты V—IV вв. до н. э. или монеты Александра, которая попала за Амударью значительно позднее времени ее выпуска.

В тахтикобадской находке было 47 монет Селевка I, выпущенных шестью разными монетными дворами. Из них только одна тетрадрахма (II.**299**) чеканена в Селевкии-на-Тигре, три серебряных статера (II.**290**—292) — в Вавилоне, две тетрадрахмы (II.**293** и **294**) и две драхмы (II.**295** и 296) — в Сузах. Монетный двор в Экбатанах представлен тетрадрахмой 311—300 гг. до н. э., чеканенной от имени Александра (II.**297**), двумя (или тремя?) двойными дариками с типами Александра для золота (II.298, **299** и, возможно, 304), двумя серебряными статерами (II.**300** и **301**) и одной гемидрахмой (II.**302**), а также халком (II.303), принадлежность которого к кладу не бесспорна.

К чеканке Селевка I в г. Бактры относятся четыре тетрадрахмы, выпущенные до 285 г. до н. э. (II.**305**—308), пять драхм 285—280 гг. до н. э. с именами Селевка и Антиоха (II.**309**—313), еще пять тетрадрахм (II.**314**, **315**, **318**—320), драхма (II.**316**), две гемидрахмы (II.**317**, **321**) и два обола (II.**322**, 323), различающихся монограммами

и дополнительными значками в поле. Кроме того, в кладе присутствовали еще десяток с лишним тетрадрахм (II.324—333, 335) и по крайней мере одна драхма (II.334).

Иную картину распределения по монетным дворам дают монеты Антиоха I (281—261 гг. до н. э.) из Амударьинского клада. Только одна драхма этого царя (из найденных) чеканена в г. Карры (II.336). Все остальные монеты Антиоха I в кладе принадлежат монетному двору в г. Бактры. Из 11 статеров (золото) 4 экз. (II.338—340, 342) — с изображением на об. ст. головы рогатого коня вправо (280—268 гг. до н. э.), остальные (II.362, 365—367) — с изображением на об. ст. сидящего Аполлона влево (примерно 268—261 гг. до н. э.). Такое различие в типах об. ст. и датах характерно и для серебряных монет: все тетрадрахмы (II.343—349), драхмы (II.337, 341, 350—354) и гемидрахмы (II.355—358) с головой коня на об. ст. были выпущены в 280—268 гг. до н. э. К ним следует отнести и тетрадрахмы (II.359—361), содержащие в легенде имя (?) ΑΒΙΔ. К более позднему времени относятся тетрадрахмы с изображением на об. ст. сидящего Аполлона (II.363, 364, 371, 372).

А. Каннингэм (1883б, с. 258) упоминал еще об одной „тетрадрахме Антиоха Сотера" (II.373) и о четырех драхмах (II.374—377), не описывая типа об. ст. Кроме того, вызывает сомнения отнесение А. Каннингэмом (1881, с. 186; ср.: Беллинджер, 1962, с. 61, № 25) к чекану Антиоха I одной из драхм (II.381), а также принадлежность к кладу трех медных монет Антиоха I (II.378—380).

Монеты Антиоха II (261—246 гг. до н. э.) в Амударьинском кладе немногочисленны и представлены только чеканкой г. Бактры 261—256 гг. до н. э.: это пять золотых статеров (II.383—387) и одна драхма (II.388).

Вместе с раннеэллинистическими здесь следует рассмотреть раннепарфянские (доаршакидские) монеты, составляющие в тахтикобадской находке небольшую (8 экз.) группу, в которую входят монеты, чеканенные от имени двух правителей — Андрагора и Вахшувара. Андрагор дважды упоминается в письменных источниках (Юстин, XII, 4.12 и XLI, 4.7) в качестве правителя Парфии (возможно, это два разных лица): один раз в связи с событиями 20-х годов IV в. до н. э., другой — середины III в. до н. э. Сведений о Вахшуваре в письменных источниках, по-видимому, нет, но на перстне № 105 из Амударьинского клада (Дальтон, 1964; Зеймаль, 1979) — арамейская легенда (как и на монетах Вахшувара), в которой содержится первая часть этого имени в очень близком к монетной палеографии начертании.

В Амударьинском кладе было не менее трех (II.389—391) золотых статеров Андрагора (*бородатая голова вправо / царь и Ника на квадриге вправо* и греческая легенда) и, видимо, не менее трех (II.392—394) серебряных тетрадрахм (*голова богини в зубчатой короне / стоящая Афина* и греческая легенда).

Монеты Вахшувара — только золотые: статер (II.395) *с мужским бюстом в башлыке-кирбасии вправо* (л. ст.) и *мужчина в таком же кирбасии, едущий в квадриге вправо,* и арамейская легенда (об. ст.); двойной статер (II.396), карандашную протирку которого видел А. Каннингэм (1881, с. 172, № 23), с типами, характерными для двойных дариков Селевка и Александра (ср. II.298 и II.304) и арамейской легендой как на экз. II.395.

Раннепарфянским (доаршакидским) монетам посвящена обширная литература (Марков, 1892, с. 266—269; Хилл, 1919; Хилл, 1922.

с. CXLVIII; Вольский, 1950; Гиршман, 1974; Зеймаль, 1979, с. 81—82 и др.), наиболее серьезные разногласия в которой связаны с определением времени выпуска монет Андрагора. Видимо, нельзя ограничиваться только анализом письменных источников и прямым сопоставлением имени Андрагора у Юстина с этим же именем на монетах: необходим соответствующий анализ и нумизматических данных. Уже то, что типы двойного статера Вахшувара воспроизводят типы двойных статеров Александра и двойных дариков Селевка I (эмиссии 303—293 гг. до н. э.), но со значительным огрублением и некоторой схематизацией изображений, непосредственно примыкая по метрологическим показателям к монетам Селевка I, — веский аргумент против их датировки 20-ми годами IV в. до н. э. Не менее важно, что штемпели для об. ст. статеров Андрагора и Вахшувара с изображением скачущей квадриги (несмотря на подчеркнутое их различие), видимо, изготовлял один и тот же мастер. Похоже, есть больше оснований связывать монеты с тем Андрагором, который, согласно Юстину (III, 4.12), правил около середины III в. до н. э. (видимо, это он „последовал примеру Диодота", когда тот отложился от Селевкидов) и был затем убит Аршаком, когда последний захватил на какое-то время власть в Парфии. Монеты Вахшувара, очень тесно связанные с монетами Андрагора, должны быть помещены или непосредственно перед чеканкой Андрагора, или сразу же после нее. Последний вариант не только возможен, но и представляется пока более вероятным, хотя для более твердого решения всех вопросов, связанных с этой группой раннепарфянских монет, необходимо появление новых материалов.

Присутствие и раннеселевкидских и раннепарфянских монет в Амударьинском кладе позволяет лишь констатировать их проникновение (как и монет V—IV вв. до н. э.) на территорию современного Таджикистана в последней четверти III в. до н. э. (захоронение клада), но рассматривать их в качестве средства денежного обращения Трансоксианы нельзя. Общее число раннеселевкидских монет, хранящихся в музейных коллекциях и частных собраниях Средней Азии (включая сюда и беспаспортные экземпляры) — немногим более двух десятков [12]. Среди них представлены:

медные эмиссии Селевка I в г. Сузы (дихалк [13] и халк [14]), около 298—280 гг. до н. э. (Ньюэлл, 1938, с. 120, табл. XXV, 11, 12): л. ст. — *голова Геракла, украшенная львиным скальпом* / об. ст. — *идущий слон вправо*;

серебряные эмиссии Антиоха I в г. Бактры (драхмы [15] и гемидрахмы [16]), около 280—268 гг. до н. э. (Ньюэлл, 1938, с. 237, № 683): л. ст. — *голова царя в диадеме вправо* / об. ст. — *голова рогатого коня вправо*;

---

[12] Более подробно об этом см.: Зеймаль, 1983; не учитывались селевкидские монеты из среднеазиатских музеев, если серьезные сомнения вызывали их подлинность или их среднеазиатское происхождение; перечень таких не принимавшихся во внимание экземпляров см. также: Зеймаль, 1983.

[13] Находилась в коллекции ныне покойного инженера В. П. Турчинского (Ташкент), нашедшего ее на городище Афрасиаб в Самарканде.

[14] ТШ, № 111/1.

[15] ТШ, № 14/8, 14/9, 154/1; СМ—Н-7; АФ — Своронос, 1913, с. 185, № 1, табл. XVIII, 1 (доставлена в 1912 г. из Самарканда).

[16] СМ—Н-8, Н-10002 (из колл. Б. Н. Кастальского).

серебряные эмиссии Антиоха I в г. Бактры (драхмы [17]), около 268—261 гг. до н. э.: на об. ст. — *сидящий Аполлон на омфале влево* (Ньюэлл, 1938, с. 241, № 698);

медные эмиссии Антиоха I (г. Бактры, 80—60-е годы III в. до н. э.?: л. ст. — *голова Геракла, украшенная львиным скальпом, вправо* / об. ст.— *шагающий бык-зебу вправо* [18].

К этой серии относится единственная (кроме Амударьинского клада) бесспорная находка селевкидской монеты на территории Таджикистана (II.382) — она происходит из раскопок на городище Тахти Сангин [19] (Кобадианский р-н Курган-Тюбинской обл.), неподалеку от места слияния Вахша и Пянджа, и была найдена в 1978 г. (зал, „ботрос" № 3), в слое кушанского времени (в том же „ботросе" и в точно таких же стратиграфических условиях были также найдены и другие монеты: халк греко-бактрийского царя Эвтидема I, серебряные подражания драхмам парфянского царя Фраата IV, тетрадрахма и оболы кушанского владетеля Санаба — „Герая", несколько медных монет кушанского безымянного „царя царей, великого спасителя" и монета Вимы Кадфиза — см. «Приложение», клад № 14);

медные эмиссии Антиоха I (г. Бактры, 80—60-е годы III в. ?)[20]: л. ст. — *голова Геракла, украшенная львиным скальпом, вправо* / об. ст.— *вертикально стоящая палица;*

медные эмиссии Антиоха I (г. Бактры, 80—60-е годы III в.): л. ст. — *шагающий вправо олень* (?) / об. ст. — *стоящий вертикально кадуцей* [21];

медные эмиссии Антиоха I (Селевкия-на-Тигре?): л. ст. — *голова Аполлона в венке, в три четверти вправо* / об. ст. — *крылатая Ника, стоящая перед трофеем* [22];

серебряная эмиссия Антиоха II (г. Бактры, около 261—256 гг.): л. ст. — *голова Антиоха в диадеме вправо* / об. ст. — *Аполлон, сидящий на омфале,* как на драхмах Антиоха I, но *под правой рукой — стрела, над правой рукой — звезда* [23].

Сам этот перечень (включающий и беспаспортные материалы из среднеазиатских музеев) не дает представления о том, когда и каким образом началось сложение в Трансоксиане денежного обращения. Но известна большая группа среднеазиатских (видимо, раннесогдийских,

---

[17] ТШ, № 14/11 (из колл. Зампаева, Термез); СМ—Н-10004 (из колл. Б. Н. Кастальского).

[18] В исследовании Э. Ньюэлла такие монеты не приводятся (1938), время и место выпуска определены здесь предположительно. Помимо экз. II.382 мне известна такая же монета в Самаркандском музее (Н-9996 — из колл. Б. Н. Кастальского). Кроме того, две такие монеты были найдены во время раскопок на Дильберджин-тепе (Сев. Афганистан) в 1972 г. (раскоп С II, помещ. 22) и в 1974 г. (раскоп I, храм, восточный портик, под полом А); экз. 1972 г., видимо, плохой сохранности, так как был неверно описан при публикации (Вайнберг — Кругликова, 1976, с. 181, № 90, рис. 106); экз. 1974 г. был любезно показан мне И. Т. Кругликовой.

[19] Об этом городище и раскопках на нем в 1976—1978 гг. см.: Литвинский — Пичикян, 1981а, 1981б; Пичикян, 1980.

[20] Время и место выпуска также определены здесь предположительно; в Государственном Эрмитаже (№ 38117) имеется монета с такими же типами, но более крупная (дихалк), о происхождении ее сведений нет. Случайная находка из района Денау находилась в колл. В. П. Турчинского.

[21] Случайная находка к востоку от городища Афрасиаб в Самарканде; хранилась в Институте археологии АН УзССР (ее неверное описание см.: Ериазарова, 1971, с. 16); беспаспортные экземпляры: ТШ № 15/20, СМ Н-10216 (из колл. Б. Н. Кастальского).

[22] ДМ — 1751/31; ТШ—№ 154/2; СМ—Н-10525.

[23] ТШ—№ 14/10.

т. е. связанных с долиной Зеравшана и, скорее всего, с его средним и верхним течением) подражаний серебряным монетам Антиоха с головой коня на об. ст., прототипы для которых представлены и в Амударьинском кладе (II.337, **341, 350—354**), и составляют наибольшую группу (7 экз.) среди весьма немногочисленных селевкидских монет в среднеазиатских собраниях (см. об этих подражаниях ниже, гл. VII).

II. РАННЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ МОНЕТЫ. 30-е ГОДЫ IV — СЕРЕДИНА III В. ДО Н. Э. ТАБЛ. 1—4

№№	Место и обстоятельства находки	Определение и краткое описание, вес, диаметр, оси	Место хранения	Публикации, примечания
Цари Македонии. Филипп II. 359—336 гг. до н. э.				
*1	Г-ще Тахти Кобад (Амударьинский клад), 1877 г.	тетрадрахма (без описания) — «крупная серебряная монета»)	?	Каннингэм, 1881, с. 186 (Зеймаль, 1879, № 074)
Александр III. 336—323 гг. до н. э.				
*2—*103	То же	тетрадрахмы (без описания)	?	Каннингэм, 1881, с. 172, № 25 (Зеймаль, 1979, № 075—0176)
*104—*173	То же	тетрадрахмы (без описания)	?	Каннингэм, 1883а, с. 64 (Зеймаль, 1979, № 0177—0246)
*174—*273	То же	драхмы (без описания)	?	Каннингэм, 1881, с. 172, № 25 (Зеймаль, 1979, № 0247—0346)
*274	То же	то же (без описания)	?	Каннингэм, 1881, с. 186 (Зеймаль, 1979, № 0347)
Лисимах. 323—281 гг. до н. э.				
*275	То же	тетрадрахма (без описания — «обычного размера и в хорошем состоянии»)	?	Каннингэм, 1881, с. 176, № 46 (Зеймаль, 1979, № 0348)
Чеканка в Вавилоне при Александре и его преемниках. 331—300 гг. до н. э.				
276	То же	двойной дарик: *царь с луком и кинжалом/вдавление*	БМ	Хилл, 1922, с. 176, № 1, табл. XX, 1 (Зеймаль, 1979, № 061)
277	То же	то же, но *царь с луком и дротиком/вдавление с волнистыми линиями*	БМ?	Каннингэм, 1881, с. 169, № 3 (Зеймаль, 1979, № 062)
278	То же	то же, но на л. ст. — ФА, на об. ст.— *вдавление «два овала»*	БМ	Хилл 1922, с. 178, № 8, табл. XX, 8 (Зеймаль, 1979, № 063)
279	То же	то же, но на л. ст. — *венок*	БМ?	Каннингэм, 1881, с. 169, № 4 (Зеймаль, 1979, № 064)
280	То же	то же, но на л. ст. — Ф и монограмма	БМ?	Каннингэм, 1881, с. 169, № 6 (Зеймаль, 1979, № 065)
*281	То же	двойной дарик «с надписью» (без описания)	БМ?	Каннингэм, 1883а, с. 64 (Зеймаль, 1979, № 066)

№№	Место и обстоятельства находки	Определение и краткое описание, вес, диаметр, оси	Место хранения	Публикации, примечания
282	Г-ще Тахти Кобад (Амударьинский клад), 1877 г.	двойной дарик	БМ	Хилл, 1922, с. 177, № 6, табл. XX, 6 (Зеймаль, 1979, № 067)
283	То же	то же	БМ	Хилл, 1922, с. 177, № 7, табл. XX, 7 Зеймаль, 1979, № 068)
284	То же	то же	БМ	Хилл 1922 с. 178, № 9, табл. XX, 9 (Зеймаль, 1979, № 069)
285	То же	то же	БМ	Хилл 1922 с. 178, № 10, табл. XX, 10 (Зеймаль, 1979 № 070)
286	То же?	то же (подлинность чрезвычайно сомнительна)	БМ	Хилл, 1922, с. 178, № 11, табл. XX, 11 (Зеймаль, 1979, № 071)
287	То же	то же	БМ	Хилл, 1922, с. 179, № 12 табл. XX, 12 (Зеймаль 1979, № 072)
288	То же	то же	БМ	Хилл, 1922, с. 179, № 13, табл. XX, 13 (Зеймаль, 1979, № 073)

Династия Селевкидов. Царь Селевк I. 312—280 гг. до н. э.

289	То же	тетрадрахма (Селевкия-на-Тигре, 290—289 гг.): *голова Зевса вправо/ Афина на слоновьей квадриге вправо*, сверху	?	Гарднер, 1881, с. 11, табл. II, 2 (Зеймаль, 1979, № 0349)
290	То же	серебряный статер (Вавилон, 306—281 гг.): *сидящий Баал влево/ идущий лев влево*	БМ	Хилл, 1922, с. 190, № 55, *табл. XX, 14 (Зеймаль, 1979, № 0350)*
291	То же	то же	БМ?	Каннингэм, 1881, с. 176, № 41 (Зеймаль, 1979, № 0351)
292	То же	то же	БМ	Хилл, 1922, с. 191, № 59 (Зеймаль, 1979, № 0352)
293	То же?	тетрадрахма (Сузы, 298—280 гг.): *голова Зевса вправо/Афина на слоновьей квадриге вправо*	БМ	Ньюэлл, 1983, с. 119, № 333, табл. XXV, 10 (Зеймаль, 1979, № 0353)
294	То же	то же	БМ	Ньюэлл, 1983, с. 120, № 340, табл. XXV, 18 (Зеймаль, 1979, № 0354)
295	То же	то же, но драхма	БМ	Ньюэлл, 1938, с. 120, № 339а, табл. XXV, 17 (Зеймаль, 1979, № 0355)

№№	Место и обстоятельства находки	Определение и краткое описание, вес, диаметр, оси	Место хранения	Публикации, примечания
296	Г-ще Тахти Кобад (Амударьинский клад). 1877 г.	то же	БМ?	Каннингэм, 1881, с. 177, № 51, (Зеймаль, 1979, № 0356)
297	То же	тетрадрахма (Экбатаны, 311—303 гг.): *голова Геракла/сидящий Зевс* (с именем Александра в легенде)	БМ	Ньюэлл, 1938, с. 166, № 454, табл. XXXIV, 15 (Зеймаль, 1979, № 0357)
298	То же	двойной дарик (Экбатаны, 303—293 гг.): *голова Александра в слоновьем шлеме вправо/стоящая Ника влево*	БМ	Каннингэм, 1881, с. 172, № 24, табл. XVII, 9 (Зеймаль, 1979, № 0358)
299	То же	то же	БМ	Хилл, 1922, с. 191, № 62, табл. XXIII, 1 (Зеймаль, 1979, № 0359)
300	То же	серебряный статер (Экбатаны, 303—293 гг.): *сидящий Баал влево/лев влево*	БМ	Хилл, 1922, с. 189, № 51, табл. XXII, 10 (Зеймаль, 1979, № 0360)
301	То же	то же (но 321—316 гг.), с буквами ФР в поле	БМ	Хилл, 1922, с. 188, № 42, табл. XXII, 5 (Зеймаль, 1979, № 0361)
302	То же	как II, 300, но гемидрахма	БМ	Хилл, 1922, с. 190, № 54, табл. XXII, 11 (Зеймаль, 1979, № 0362)
303	То же	как II, 298, но бронзовый халк	БМ	Ньюэлл, 1938, с. 170—171, № 4590, табл. XXXV, 5 (Зеймаль, 1979, № 0363)
*304	То же	двойной дарик, как II, 298	?	Каннингэм, 1883а, с. 64 (Зеймаль, 1979, № 0364)
305	То же	тетрадрахма (Бактры, до 285 г.): *голова Зевса вправо/Афина на слоновьей квадриге*	БМ	Ньюэлл, 1938, с. 229, № 657 α, табл. L, 1 (Зеймаль, 1979, № 0365)
306	То же	то же	БМ	Ньюэлл, 1938, с. 229, № 657 β, табл. L, 2 (Зеймаль, 1979, № 0366)
307	То же	то же	БМ	Ньюэлл, 1938, с. 231, № 661 α, табл. L, 6 (Зеймаль, 1979, № 0367)
308	То же	то же	?	Ньюэлл, 1938, с. 231 № 661 γ (Зеймаль, 1979, № 0368)
309	То же	драхма (Бактры, около 285—280 гг.): на об. ст. *Афина на биге* (с именами Селевка и Антиоха)	БМ	Ньюэлл, 1938, с. 231 № 664 α (Зеймаль, 1979, № 0369)
310	То же?	то же	БМ	то же, № 664 β (Зеймаль, 1979, № 0370)

№№	Место и обстоятельства находки	Определение и краткое описание, вес, диаметр, оси	Место хранения	Публикации, примечания
311	Г-ще Тахти Кобад (Амударьинский клад), 1877 г.	то же	БМ	то же, № 664 γ (Зеймаль, 1979, № 0371)
312	То же	то же	БМ	то же, № 664 Δ (Зеймаль, 1979, № 0372)
313	То же	то же	БМ	то же, № 664 ε (Зеймаль, 1979, № 0373)
314	То же	то же, но тетрадрахма	БМ	Ньюэлл, 1938, с. 232, № 665 ε, табл. L, 11 (Зеймаль, 1979, № 0374)
315	То же	то же	БМ	то же, № 665 f, табл. L, 12 (Зеймаль, 1979, № 0375)
316	То же?	то же, но драхма	БМ	Ньюэлл, 1938, с. 232, № 666 β, табл. L, 13 (Зеймаль, 1979, № 0376)
317	То же?	то же, но гемидрахма	БМ	Ньюэлл, 1938, с. 232, № 667 γ, табл. L, 14 (Зеймаль, 1979, № 0377)
318	То же?	тетрадрахма, как II. 314 но на л. ст. под обрезом шеи Е	БМ	Ньюэлл, 1938, с. 233, № 672 β, табл. L, 20 (Зеймаль, 1979, № 0378)
319	То же?	то же, но под обрезом шеи II	БМ	Ньюэлл, 1938, с. 233, № 674, табл. L, 21 (Зеймаль, 1979, № 0379)
*320	То же	тетрадрахма ? (без описания)	?	Каннингэм, 1883а, с. 64 (Зеймаль, 1979, № 0380)
321	То же	как II. 319, но гемидрахма и без буквы II	БМ	Каннингэм, 1881, с. 177, № 52, табл. XVIII, 7= Ньюэлл, 1938, с. 232, № 669, табл. L, 16 (Зеймаль, 1979, № 0381)
322	То же?	то же, но обол; легенда отсутствует	БМ	Каннингэм, 1881, с. 178, № 59, табл. XVIII, 3= Ньюэлл, 1938, с. 232, № 671, табл. L, 18 (Зеймаль, 1979, № 0382)
323	То же?	то же	?	Каннингэм, 1881, с. 178, № 59, табл. XVIII, 4 (Зеймаль, 1979, № 0383)
324	То же	тетрадрахма (неизвестный монетный двор): *голова Геракла/Зевс на троне* (как II. 297), но с именем Селевка	?	Каннингэм, 1881, с. 167—177, № 47 (Зеймаль, 1979, № 0384)

№№	Место и обстоятельства находки	Определение и краткое описание. вес, диаметр, оси	Место хранения	Публикации, примечания
325	Г-ще Тахти Кобад (Амударьинский клад). 1877 г.	то же	?	то же (Зеймаль, 1979, № 0385)
326	То же	то же	?	то же (Зеймаль, 1979, № 0386)
327	То же	то же	?	то же (Зеймаль, 1979, № 0387)
328	То же	то же	?	то же (Зеймаль, 1979. № 0388)
329	То же	тетрадрахма (неизвестный монетный двор): типы, как 11. 305	?	№ 48 (Зеймаль, 1979, № 0390)
330	То же	то же	?	то же (Зеймаль, 1979, № 0391)
331	То же	то же	?	то же (Зеймаль, 1979, № 0392)
332	То же	то же	?	то же (Зеймаль, 1979, № 0393)
333	То же	то же	?	то же (Зеймаль, 1979, № 0394)
334	То же	то же, но драхма	?	Каннингэм, 1881, с. 186 (Зеймаль, 1979, № 0395)
*335	То же	тетрадрахма (без описания)	?	Каннингэм, 1883а, с. 64 (Зеймаль, 1979, № 0389)

Царь Антиох I (281—261 гг. до н. э.)

336	То же	драхма (г. Карры, после 279 г.): *голова Александра в рогатой диадеме вправо/голова рогатой лошади вправо*	БМ	Каннингэм, 1881, с. 178, № 66, табл. XVIII, 13 = Ньюэлл 1941, с. 48, № 788 β, табл. VI, 6 (Зеймаль, 1979, № 0396)
337	То же	то же, но г. Бактры, 280—268 гг.	БМ	Ньюэлл, 1938, с. 236, № 678, табл. L 1,4 (Зеймаль, 1979, № 0397)
338	То же	то же, но золотой статер (в поле об. ст. — ΔΙ)	БМ	Ньюэлл, 1938, с. 237, № 683 α, табл. L 1,9 (Зеймаль, 1979, № 0398)
339	То же	то же, 8,50 г; 17,3 мм; VI часов	ГЭ 1320 из колл. А. Гранта?	Гарднер, 1881, с. 11, табл. II, 5. (Зеймаль, 1979, № 0399)
340	То же	то же, но в поле об. ст. — ΔΙ	БМ	Гарднер, 1881, с. 11, табл. II, 6 = Ньюэлл 1938, с. 237, № 684, табл. L 1,11 (Зеймаль, 1979, № 0400)

№№	Место и обстоятельства находки	Определение и краткое описание, вес, диаметр, оси	Место хранения	Публикации, примечания
341	Г-ще Тахти Кобад (Амударьинский клад), 1877 г.	то же, но драхма	БМ	Гарднер, 1879, с. 11, табл. 1,6 = Ньюэлл 1938, с. 237, № 685 β, табл. L 1,12 (Зеймаль, 1979, № 0401)
342	То же?	то же, но золотой статер с монограммой	БМ	Ньюэлл, 1938, с. 236, № 676, табл. LI, 1 (Зеймаль, 1979, № 0402)
343	То же	то же, тетрадрахма с монограммой, как на экз. II. 342	БМ	то же, № 677 γ, табл. LI, 3 (Зеймаль, 1979, № 0403)
344	То же	то же	БМ	то же, с. 237, № 688, табл. LI, 13 (Зеймаль, 1979, № 0404)
345	То же	то же	БМ	то же, с. 236, № 677 β, табл. LI, 2 (Зеймаль, 1979, № 0405)
346	То же	то же, но голова лошади	БМ	то же, с. 238, № 689 (Зеймаль, 1979, № 0406)
347	То же	то же	БМ	Каннингэм, 1881, с. 179, № 72 (Зеймаль, 1979, № 0407)
348	То же	то же	БМ?	то же (Зеймаль, 1979, № 0408)
349	То же	то же	БМ?	то же, с. 186 (Зеймаль, 1979, № 0409)
350	То же	то же, но драхма	БМ	Гарднер, 1879, с. 11, табл. I, 5 = Ньюэлл, 1938, с. 238, № 688 β, табл. LI, 15 (Зеймаль, 1979, № 0410)
351	То же	то же	БМ	Ньюэлл, 1938, с. 238, № 688 γ, табл. LI, 16 (Зеймаль, 1979, № 0411)
352	То же	то же	БМ	то же, № 690 α, табл. LI, 19 (Зеймаль, 1979, № 0412)
353	То же	то же	БМ	то же, № 690 η, табл. LI, 21 (Зеймаль, 1979, № 0413)
*354	То же	то же (без описания)	БМ?	Каннингэм, 1881, с. 186 = ?Ньюэлл, 1938, с. 238, № 690 β, табл. LI,20 (Зеймаль, 1979, № 0414)
355	То же?	то же, но гемидрахма	БМ	Ньюэлл, 1938, с. 237, № 681 β (Зеймаль, 1979, № 0415)
356	То же?	то же	БМ	то же, с. 238, № 691 α, табл. LI, 22 (Зеймаль, 1979, № 0416)

№№	Место и обстоятельства находки	Определение и краткое описание, вес, диаметр. оси	Место хранения	Публикации, примечания
357	Г-ще Тахти Кобад (Амударьинский клад), 1877 г.	то же	БМ	то же, с. 237, № 681 α, табл. LI, 7 (Зеймаль, 1979, № 0417
358	То же?	то же	БМ	то же, № 682, табл. LI, 8 (Зеймаль, 1979, № 0418)
359	То же	тетрадрахма, как II. 346, но в легенде ABIΔ	БМ	Каннингэм, 1881, с .179, № 73, табл. XVIII, 10 = Ньюэлл, 1938, с. 239, № 694 β (Зеймаль, 1979, № 0419)
360	То же	то же	БМ	Гарднер, 1880, с. 190, № 3, табл. X,4 = Ньюэлл, 1938, с. 239, № 694 α, табл. LII. 3 (Зеймаль, 1979, № 0420)
361	То же	то же; 16, 36 г; 26,4 мм; VI ч.	ГЭ 18743	Зеймаль, 1979, № 0421
362	То же	*золотой статер (Бактры, 268—261 гг.): голова в диадеме вправо/сидящий Аполлон влево,* монограмма	БМ	Гарднер, 1878, с. 108, № 1, табл. XXXIII, 1a, = Ньюэлл, 1938, с. 241, № 695 β, табл. LII. 4 (Зеймаль, 1979, № 0422)
363	То же	то же, но тетрадрахма	БМ	Каннингэм, 1881, с. 179, № 80, табл. XVIII, 5 = Ньюэлл, 1938, с. 241, № 696 γ (Зеймаль, 1979, № 0423)
364	То же	то же	БМ	Каннингэм, 1881, с. 179, № 80, табл. XVIII, 4 = ? Ньюэлл, 1938, с. 241, № 696β (Зеймаль, 1979, № 0424)
365	То же	золотой статер, как II. 362, но монограмма ΔI	БМ	Ньюэлл, 1938, с. 242, № 704 ς, табл. LII, 15 (Зеймаль, 1979, № 0425)
366	То же	то же	БМ	то же, № 704η, табл. LII, 16 (Зеймаль, 1979, № 0426)
367	То же	то же	БМ?	Каннингэм ,1883a, с. 64 = ? Ньюэлл, 1938, с. 242, № 702, табл. LII, 12 (Зеймаль, 1979, № 0427)
368	То же	то же	?	Гардиер, 1881, с. 11, табл .11, 3 (Зеймаль, 1979, № 0428)
369	То же	то же	?	то же, табл. II, 4 (Зеймаль, 1979, № 0429)
*370	То же	«статер Антиоха» (без описания)	?	Каннингэм, 1883a, с. 64 (Зеймаль, 1979, № 0430)

№№	Место и обстоятельства находки	Определение и краткое описание, вес, диаметр, оси	Место хранения	Публикации, примечания
*371	Г-ще Тахти Кобад (Амударьинский клад), 1877 г.	тетрадрахма (без описания): об. ст. — *«сидящий Аполлон»*	?	Каннингэм, 1881, с.186 (Зеймаль, 1979, № 0431)
*372	То же	то же	?	то же (Зеймаль, 1979, № 0432)
*373	То же	то же (без описания — «тетрадрахма Антиоха Сотера»)	?	Каннингэм, 1883б, с. 258 (Зеймаль, 1979, № 0433)
*374	То же	то же, но драхма (Антиоха Сотера»)	?	то же (Зеймаль, 1979, № 0434)
*375	То же	то же	?	то же (Зеймаль, 1979, № 0435)
*376	То же	то же	?	то же (Зеймаль, 1979, № 0436)
*377	То же	то же	?	то же (Зеймаль, 1979, № 0437)
*378	То же?	медная монета Антиоха I (*«голова в шлеме»*)	?	Каннингэм, 1881, с. 186 (Зеймаль, 1979, № 0438)
*379	То же?	то же, плохой сохранности	?	то же (Зеймаль, 1979, № 0439)
*380	То же?	то же, плохой сохранности	?	то же (Зеймаль, 1979, № 0440)
*381	То же?	драхма Антиоха I ? (*голова царя в шлеме с наушниками/Ника перед трофеем*)	?	Каннингэм, 1881, с. 186, ср. Беллинджер, 1962, с. 61, № 25 (Зеймаль, 1979, № 0441)
382	Г-ще Тахти Сангин, 1978 г., «ботрос» № 3	халк Антиоха I (Бактры ?): *голова юного Геракла вправо/бык-зебу вправо*; 3,10 г; 12,9 мм; VI ч.	ИД Н-431/70	см. Приложение — клад № 14

Царь Антиох II. 261—246 гг. до н. э. (чеканка на Востоке — 261—256 гг.)

383	Г-ще Тахти Кобад (Амударьинский клад), 1877 г.	золотой статер (Бактры, около 261—256 гг.): *голова в диадеме вправо/Аполлон, сидящий на омфале влево*	БМ	Ньюэлл, 1938, с. 244, № 706, табл. LII, 17 (Зеймаль, 1979, № 0442)
384	То же	то же, в поле *звезда и лира*	БМ	то же, № 707 β, табл. LII, 18 (Зеймаль, 1979, № 0443)
385	То же	то же	?	Каннингэм, 1881, с. 180 (Зеймаль, 1979, № 0444)

№№	Место и обстоятельства находки	Определение и краткое описание, вес, диаметр оси	Место хранения	Публикации, примечания
386	Г-ще Тахти Кобад (Амударьинский клад). 1877 г.	то же	БМ	Ньюэлл, 1938, с. 244, № 707 γ (Зеймаль, 1979, № 0445)
387	То же?	то же	БМ	Гарднер, 1878, с .110, № 1, табл. XXVIII. 1; ср. Ньюэлл, 1938, №709 ν (Зеймаль, 1979, № 0446)
388	То же?	то же, но драхма	БМ	Ньюэлл, 1938, с. 244, № 708 β, табл. LII, 20 (Зеймаль, 1979, № 0447)
Раннепарфянские монеты. Владетель Андрагор. Около середины III в. до н. э.				
389	То же	золотой статер: *бородатая голова вправо/ Ника на квадриге вправо*	БМ	Гарднер, 1879 ,с. 1, табл. I, 1 (Зеймаль, 1979, № 0448)
390	То же	то же	БМ?	Хилл, 1922, с. CXLVIII—CLX, с. 193, табл. XXVIII, 1 (Зеймаль, 1979, № 0449); ср. Каннингэм, 1881, с. 173, № 26
391	То же	то же	?	Каннингэм, 1881, с. 173, № 26 (Зеймаль, 1979, № 0450)
392	То же	тетрадрахма: *голова богини в зубчатой короне вправо/стоящая Афина влево*	БМ	Гарднер, 1881, с. 8, табл. II, 1 = Хилл 1922, с. 193, табл. XXVIII, 2 (Зеймаль, 1979, № 0451)
393	То же	то же		Каннингэм, 1881, с. 173, № 27 = Хилл, 1922, с. 193, табл. XXVIII, 3 (Зеймаль, 1979, № 0452)
394	То же?	то же	ГЭ	Марков, 1892, с. 266—269, табл. III, 1 (Зеймаль, 1979, № 0453)
Владетель Вахшувар				
395	То же	золотой статер: *мужской бюст в кирбасии вправо/стоящий мужчина в кирбасии на квадриге вправо*	БМ	Гарднер, 1879, с. 4, табл. I, 2 = Хилл, 1922, с. 194, табл. XXVIII, 6 (Зеймаль, 1979, № 0454)
396	То же	золотой статер: *голова Александра в слоновьем шлеме-скальпе вправо* (как II. 298)/ *стоящая Ника влево* (как II. 298) и легенда как на экз. II. 395	?	Каннингэм, 1881, с. 172, № 23 (Зеймаль, 1979, № 0455)

Глава III. ГРЕКО-БАКТРИЙСКИЕ МОНЕТЫ

Находки греко-бактрийских монет на территории Таджикистана (и вообще в Средней Азии) встречаются довольно редко. Из учтенных в этой главе 90 экз. более двух третей (64 экз.) приходится на долю монет из Амударьинского клада или приписываемых к нему, и лишь 26 монет — на остальные находки (в том числе 9 экз., найденных археологами в раскопе или на поверхности исследовавшихся памятников).

Монеты только двух греко-бактрийских царей наверняка присутствовали в составе Амударьинского клада: золотые (III.1—4, 12—20) и серебряные (III.5—7, 9—11, 21—30) монеты Диодота (с именем Антиоха — III.1—7, 9—11, с именем Диодота — III.12—20) и золотые (III.38—41) и серебряные (III.42—45) монеты Эвтидема I. Медные монеты Диодота (III.32—37) и Эвтидема (III.53—58), равно как и обол Эвтидема II (III.61), драхму Агафокла (III.65), тетрадрахмы Антимаха (III.72—75), а также медные монеты Панталеона (III.62, 63) и Агафокла (III.66—71, в том числе купроникелевые „дихалки" — III.66—68) также называли среди монет, принадлежащих к тахтикобадской находке; однако, именно эти монеты, не представляющие особой редкости, могли быть примешаны к монетам клада как на месте, так и по пути от Тахти Кобада до Равалпинди, как это предполагал П. Гарднер в отношении монет V—IV вв. до н. э. (Гарднер, 1881, с. 12; Зеймаль, 1979, с. 16—20). Сомнения в правомочности отнесения монет к Амударьинскому кладу справедливы, если эти монеты 1) медные или купроникелевые (т. е. не являются сокровищем); 2) выпадают из общего хронологического ряда, нарушая его последовательность (в кладе не представлены монеты Деметрия, правившего непосредственно после Эвтидема I, что делает сомнительным принадлежность к нему более поздних монет Эвтидема II, Агафокла, Панталеона и Антимаха Теоса); 3) встречаются в находках в правобережье Амударьи и на пути от Амударьи до Равалпинди. Этим условиям по двум или по трем пунктам) удовлетворяют все перечисленные выше монеты, кроме золотых и серебряных монет Диодота и Эвтидема I.

Золотые и серебряные монеты Диодота и Эвтидема I в составе Амударьинского клада являлись, несомненно, сокровищем. Других находок золотых греко-бактрийских монет к северу от Амударьи не зарегистрировано. Что же касается серебряных монет, то тетрадрахма Диодота из Шахринау (III.8) пока остается единственной находкой, о происхождении которой есть определенные сведения; другой экземпляр такой тетрадрахмы, также, возможно, найденный в Средней Азии (ТШ № 154/9),— беспаспортный [23а]. Медные монеты Диодота, приписываемые к числу монет этого клада (III.32—37), только предположительно можно

связывать с территорией Таджикистана. Но мы располагаем дихалком Диодота (III.31) с городища Тахти Сангин, где был он найден в слое кушанского времени (1978 г., Белый зал, между 3 и 4 полами, вместе с монетой „сотера мегаса" — XII.215). В целом, медные монеты Диодота неплохо представлены в среднеазиатских собраниях (ТШ № 15/1, 15/2, 111/3, 111/62, 154/11, 15/3; СМ — Н-8379; ТР — № 139, 198/5), но подавляющее большинство из них — беспаспортные, если же какие-то сведения о происхождении имеются (ТШ 15/2, ТР 139, ТШ 15/3, ТР 198/5), они, как правило, связаны с Термезом.

Единственная зарегистрированная на территории Таджикистана находка серебряной монеты Эвтидема I (кроме экземпляров Амударьинского клада) — плакированная драхма (III.46), найденная в 1968 г. близ Файзабада. Но и для всей остальной Средней Азии известна только одна достоверная находка серебряной монеты Эвтидема I — тетрадрахма этого царя была найдена в „Квадратном доме" на городище Старая Ниса (под закладкой прохода в одно из помещений). Есть также сведения о находке (?) драхмы Эвтидема в окрестностях Хивы (Массон, 1933, с. 6) и о приобретении одной тетрадрахмы и одной драхмы этого же царя в Самарканде в 1912 г. (Своронос, 1913, с. 188, табл. XVIII, 3 и с. 185, табл. XVIII, 4; в Афинском нумизматическом музее). Остальные серебряные монеты Эвтидема I в среднеазиатских собраниях — беспаспортные (СМ Н-62, Н-63, Н-64, Н-8358, Н-9956, Н-9957 — два последних экз. из колл. Б. Н. Каст альского; ТШ 15/8), но, видимо, были найдены где-то в Средней Азии.

Медные монеты Эвтидема I — не редкость в Южном Таджикистане (III.47—52 — достоверные находки, а также III.53—58 — монеты, приписываемые Амударьинскому кладу), но пока один только экземпляр (III.52) был найден в стратиграфических условиях, позволяющих судить о времени обращения (городище Тахти Сангин, 1978 г., Белый зал, „ботрос" № 3, в слое кушанского времени). Сравнительно хорошо представлены медные монеты Эвтидема I среди беспаспортных экземпляров в собраниях среднеазиатских музеев (ТШ № 15/9, 15/10, 15/11, 111/4, 111/5, 111/60, 111/61; СМ Н-65, Н-66, Н-9958, Н-9959, Н-9960, Н-9961, Н-9962 — четыре последних экз. из колл. Б. Н. Кастальского), но большинство зарегистрированных находок приходится на городище Старого Термеза (ТР № 60, 198/3; Пугаченкова, 1967, с. 79, № 61, 62) и на другие памятники в долине Сурхандарьи (Пугаченкова, 1967, с. 77, № 17; Пугаченкова и др., 1978, с. 228).

О том, что медные монеты Эвтидема I, видимо, находились в обращении (во всяком случае, к северу от Амударьи) намного позже времени их выпуска, свидетельствует, помимо находки такого дихалка в кушанском слое на городище Тахти Сангин, еще и выпуск литых имитаций таких монет (ср. Кастальский, 1940, с. 347). Поэтому необходимо

[23а] Уже после того, как эта книга была сдана в печать, мне стало известно о находке еще одной тетрадрахмы Диодота с именем Антиоха, также происходящей из окрестностей Шахринау: она была найдена в 1963 г. во время работ по расширению шоссе Душанбе — Денау на подъеме из поймы р. Каратагдарья на правый берег, у сел. Батош. Экземпляр приобретен Государственным Эрмитажем.

[24] К сожалению, в археологической практике к датировке по монетам далеко не всегда подходят с необходимой осмотрительностью. Наглядный пример — публикация по Дальверзинтепе (Пугаченкова и др., 1978, с. 83, 146, 176). Об этом подробнее см. Зеймаль — Вафаев, 1982, с. 41.

с большой осторожностью подходить к использованию халков и дихалков Эвтидема I для датировки археологических слоев [24].

Монеты сына и преемника Эвтидема I — царя Деметрия представлены в среднеазиатских музейных собраниях как серебряными [25], так и медными [26] беспаспортными экземплярами, но сведения о достоверных [27] находках монет этого царя к северу от Амударьи весьма скудны. Помимо данных о находке его дихалка при земляных работах в г. Турсунзаде (III.60) известно также о драхме Деметрия из урочища Халчаян (Пугаченкова, 1966а, с. 109, рис. 74а) [28], дихалка с изображением на об. ст. Артемиды — из долины Сурхандарьи (находился в колл. В. П. Турчинского, Ташкент) и тетрадрахмы Деметрия (об. ст. — *стоящая Афина*) из долины Зеравшана (Пастдаргомский р-н) [29].

Только одна достоверная находка монет Эвтидема II (купроникелевый дихалк в частной коллекции термезского учителя Ю. Б. Генса), зарегистрированная до настоящего времени в Средней Азии, связана с территорией Термеза. Возможно, такое же происхождение имеют и монеты Эвтидема II из колл. Б. Н. Кастальского, хранящиеся теперь в Самаркандском музее [30], но точными данными об этом, как и о происхождении монеты Эвтидема II, находящейся в Ташкентском музее (драхма № 15/21), мы не располагаем. Известны покупки монет Эвтидема II в Самарканде в 1912 г. (Своронос, 1913, с. 186, табл. XVIII, 7, 8), но в Таджикистане монет этого царя не находили, если не считать обола II.61, приписываемого к Амударьинскому кладу.

Самая северная находка греко-бактрийских монет в Таджикистане — найденная в 1927 г. жителем Пенджикента В. А. Литвиненко во время работ в огороде — коммеморативная тетрадрахма царя Антимаха Теоса, выпущенная в честь Эвтидема I (III.76). Приобретенная тогда же Б. Н. Кастальским, эта монета хранится теперь в Самаркандском музее (Массон, 1928, с. 283—284; Кастальский, 1940). Других монет Антимаха Теоса на территории Таджикистана не зарегистрировано, если не считать четырех тетрадрахм (III.72—75), принадлежность которых к тахтикобадской находке вызывает серьезные сомнения. Но известны находки монет Антимаха Теоса в Средней Азии за пределами Таджикистана: найденная в 1968 г. в 2 км выше места впадения Сурхандарьи в Амударью драхма (ТР № 304), три обола этого же царя (СМ Н-9984—9986 — из колл. Б. Н. Кастальского) из окрестностей Шахрисабза (Кастальский, 1940, с. 347). Возможно, к шахрисабзской находке принадлежали драхма, гемидрахма и два обола купленные

---

[25] Тетрадрахма ТШ 155/156 (об. ст. — *стоящая Афина*); оболы — СМ Н-68, Н-69, Н-70, Н-8922, Н-8359, Н-8360, Н-9963, Н-9964. Два последних экз. из колл. Б. Н. Кастальского. Поскольку М. Е. Массон (1933, с. 6) сообщал, что «в 1929 году Б. Н. Кастальский приобрел у термезских шейхов несколько монет, найденных на территории развалин древнего Термеза» и среди них «обол Димитрия (200 г. до х. э.) необычного типа», можно предполагать, что Н-9963 или Н-9964 происходят из Термеза.

[26] Тетрахалк (*щит с головой медузы / трезубец*) — ТШ 155/14; тетрахалки (*голова слона/кадуцей*) — ТШ 15/14; СМ Н-5484 и Н-9965 (из колл. Б. Н. Кастальского); дихалки (*голова Геракла / стоящая Артемида*) ТШ 15/15 и 15/16, СМ Н-67, Н-8380, Н-9966 и Н-10214 (два последних — колл. Б. Н. Кастальского).

[27] Вряд ли можно к числу достоверных отнести сведения о происхождении тетрадрахмы Деметрия, доставленной из Бухары в 1820 г. бароном Мейендорфом (Кёлер, 1823; Сестини, 1831), или сообщение о покупке двух оболов Деметрия в Самарканде в 1912 г. (Своронос, 1913, с. 185, табл. XVIII, 5, 6).

[28] Возможно, это не драхма Деметрия, а подражание ей.

[29] Зеймаль — Вафаев, 1982.

[30] Гемидрахма Н-9980 и обол Н-9981.

в Самарканде в 1912 г. (Своронос, 1913, с. 186, табл. XVIII, 9, 10, 11, 12). Беспаспортные экземпляры: драхма, находившаяся в частной коллекции В. С. Кучерова (Ташкент), и обол в Самаркандском музее (Н-95). Медные монеты Антимаха в Средней Азии пока не известны.

Сведения о тетрадрахме царя Агафокла, найденной в 30-х годах в „Кулябском р-не" (в 8—10 км от Кызыл-Мазара, в овраге на восточном склоне хребта Джильганы-тау), приводил М. Е. Массон (1948а, с. 43—44). Но он же писал, что „металл, отливающий желтизной от значительной добавки меди ... заставляет заподозрить фальсификацию". Местонахождение этой монеты в настоящее время неизвестно. Сведения М. Е. Массона (равно как и его сомнения в подлинности этой тетрадрахмы) — единственное, чем мы располагаем (III.64). Другие монеты Агафокла, кроме экз. III.65—71, с территорией Таджикистана не связаны. Купроникелевый дихалк Агафокла (ТШ 15/19), видимо, происходит из Термеза (ср. Массон, 1933, с. 6), такой же дихалк в Ташкентском музее (ТШ 15/18) — беспаспортный, как и две драхмы в Самаркандском музее (Н-8362, Н-9982 — из колл. Б. Н. Кастальского).

Монеты Панталеона являются большой редкостью в Средней Азии. Помимо экз. III.62 и 63, мне известен только один беспаспортный экземпляр медной четырехугольной монеты в Ташкентском музее (ТШ 15/17).

Монеты Эвкратида представлены, пожалуй, с наибольшей полнотой в находках на территории Таджикистана, но только серебряными монетами разных номиналов (тетрадрахмы — III.82—84, 86, 87; драхмы — III.77, 88 ?; обол — III.81)[31]. Не имеют данных о происхождении оболы из коллекции А. А. Семенова (III.79 и 80) [32].

Достоверных находок монет Эвкратида в Средней Азии (за пределами Таджикистана) зарегистрировано сравнительно мало: тетрадрахма Эвкратида *(царь в диадеме / стоящий Аполлон)* была найдена во время раскопок на парфянском сельском поселении Гарры-кяриз (Пилипко, 1975, с. 75—76) в Туркмении. Но в Самаркандском [33] и Ташкентском [34] музеях монеты Эвкратида представлены неплохими подборками, что, возможно, связано с находкой в 1906 г. в районе Китаба большого клада, в котором монеты Эвкратида преобладали (М. Массон, 1928, с. 284). Возможно, с этим кладом связана часть монет Эвкратида, приобретенных с Самарканде в 1912 г. (Своронос, 1913; с. 185—188). *Два экз. оболов Эвкратида, по сведениям Г. В. Шишкиной* (1969, с. 245—246, рис. 5), были найдены в 1911 г. на городище Афрасиаб любителем-нумизматом Г. М. Пономаренко.

Монеты Гелиокла (равно как и монеты Платона) на территории Таджикистана пока не зарегистрированы, хотя многочисленные подражания тетрадрахмам и драхмам Гелиокла позднее, в юечжийский период, обращались в Южном Таджикистане. Не представлены в Таджикистане и монеты индо-греческих царей, чеканившиеся и обращавшиеся,

---

[31] Из мешаного слоя (Забелина, 1953, с. 296) происходит монета Эвкратида, на которой основывалась датировка «белой комнаты» (Дьяконов, 1953, с. 275, 283, 286) на городище Калаи-Мир — III.88. Местонахождение ее неизвестно.

[32] Эти монеты уже находились в коллекции А. А. Семенова, когда он в 1951 г. переехал из Ташкента в Душанбе.

[33] В его коллекции насчитывается более пятидесяти монет Эвкратида (в том числе боле десяти экз. — из колл. Б. Н. Кастальского) и кроме того — несколько литых «новоделов».

[34] Восемь экз., подлинность которых не вызывает сомнений, и столько же довольно очевидных подделок новейшего времени.

главным образом, к югу от Гиндукуша. Единственное исключение — квадратная медная монета греко-индийского царя Аполлодота, найденная на поверхности городища Тахти Сангин в 1979 г. (III.90).

Сведения о находках монет часто служат решающим аргументом в пользу того, что власть греко-бактрийских царей простиралась на территории, лежащие к северу от Амударьи. Но, во-первых, все пункты, где такие находки зарегистрированы (кроме Термеза и его непосредственной округи), дают лишь единичные экземпляры, и, во-вторых, не принимается во внимание, что греко-бактрийские монеты могли проникать в правобережье Амударьи значительно позднее времени их выпуска. Во всяком случае, находки в надежных стратиграфических условиях свидетельствуют, что греко-бактрийские монеты находились в обращении в кушанское время.

Немногочисленность греко-бактрийских монет к северу от Амударьи находится в резком противоречии с широко распространенным представлением о вхождении Средней Азии (или хотя бы ее части) в состав Греко-бактрийского царства, о существовании в Трансоксиане в это время городов с дворцами и храмами, о расцвете здесь эллинистической культуры и искусства и т. п. Вполне естественные в работах В. В. Григорьева (1867) и В. Томашека (1877), эти греко-бактрийские „грёзы" еще достаточно органичны и объяснимы в „кабинетных" исследованиях В. Тарна (1951) и отчасти К. В. Тревер (1940). Их можно оправдать и в археологических отчетах М. М. Дьяконова (1950, 1953), делавшего только самые первые шаги в исследовании „бактрийских" памятников к северу от Амударьи. Но в наши дни, когда полевые работы в этом направлении продолжаются уже более тридцати лет, мы по-прежнему не имеем городов и дворцов, которые можно уверенно датировать III—II вв. до н. э., а археологические памятники (или слои), бесспорно относящиеся к греко-бактрийскому времени, дают вместо монументальной архитектуры многочисленные землянки и зерновые ямы (Тамошотепе в Яванском районе, городище Дальверзин в Сурхандарьинской области УзССР, нижние слои Гиссарской крепости и др.). И именно с таким обликом культуры греко-бактрийского периода хорошо согласуется отсутствие в этих слоях греко-бактрийских монет и их присутствие в слоях более позднего времени (вплоть до кушанского), равно как и широкое распространение затем в правобережье Амударьи «варварских подражаний» греко-бактрийским монетам (см. ниже, гл. VIII и IX). Все это дает право рассматривать греко-бактрийские монеты в Таджикистане как привозные: их чеканка явно осуществлялась вне Таджикистана, во владениях греческих царей Бактрии, да и регулярного их обращения здесь еще не могло существовать, хотя можно не сомневаться, что греко-бактрийские монеты проникали к северу от Амударьи и во II в. и, видимо, во второй половине III в. до н. э. (Зеймаль, 1978, с. 196—197).

Только Термез и его округа, дающие наибольшее число греко-бактрийских монет (по сравнению с другими пунктами в Средней Азии), вероятно, входили в состав греко-бактрийских владений. Остальные области в правобережье Амударьи (и в том числе Южный Таджикистан) дают настолько скромное число находок, что их вполне можно рассматривать как некий монетный вакуум, куда греко-бактрийская монета притекала в качестве иноземной.

№№	Место и обстоятельства находки	Определение и краткое описание
		Диодот (1 период — с именем
1	Г-ще Тахти Кобад (Амударьинский клад) 1877 г.	г. Бактры, золотой статер: *голова Диодота в диадеме вправо/шагающий Зевс (у ног — орел) с перуном и эгидой влево, над орлом — N*
2	То же	то же
3	То же	то же, но над орлом — венок
4	То же	то же
5	То же	то же, но тетрадрахма (серебро), над орлом — N
6	То же	то же, но над орлом —
7	То же	то же
8	Шахринау, 1978 г., случайная находка	то же, но над орлом — венок
9	Г-ще Тахти Кобад (Амударьинский клад) 1877 г.	то же
10	То же	то же, но драхма
11	То же	то же, без венка: на об. ст. справа в поле —
		Диодот (2 период — с именем
12	Г-ще Тахти Кобад (Амударьинский клад) 1877 г.	Бактры, золотой статер: как № 1—11, но на об. ст. — имя Диодота (вместо имени Антиоха); над орлом — венок
13	То же	то же
14	То же	то же
15	То же ?	то же, но над орлом — N
16	То же	то же, но *над орлом — венок и звезда*
17	То же	то же, но в поле об. ст. (кроме *венка над орлом) — наконечник копья*
*18	То же	то же (без детального описания)
*19	То же	то же (без описания)

МОНЕТЫ. ТАБЛ. 5, 6.

Вес	Диаметр	Оси	Место хранения, инв. №	Публикации, примечания
Антиоха, около 256—246 гг. до н. э.)				
8,32	17,4	VII	ГЭ № 1468 (из колл. А. Гранта)	Зеймаль, 1979, № 0457
8,29		VI	БМ (из колл. А. Каннингэма)	Ньюэлл, 1938, № 713 α, табл. LIII, 5 (Зеймаль, 1979, № 0456)
8,37		VI	БМ (из колл. А. Каннингэма)	Ньюэлл, 1938, № 723 β, табл. LIII, 15 (Зеймаль, 1979, № 0458)
			? (из колл. А. Гранта)	Гарднер, 1881, с. 11, табл. II, 9 (Зеймаль, 1979, № 0459)
16,41	26,2	VI	БМ (из колл. А. Каннингэма)	Ньюэлл, 1938, № 714 β, табл. LIII, 7 (Зеймаль, 1979, № 0460)
16,63	25,0	VI	БМ (из колл. А. Каннингэма)	Ньюэлл, 1938, № 717 η, табл. LIII, 10 (Зеймаль, 1979, № 0461)
				Каннингэм, 1881, с. 180, № 83 (Зеймаль, 1979, № 0462)
16,53	26,9	VI	ИД Н-473	
			БМ	Ньюэлл, 1938, № 724 α, табл. LIII, 16 (Зеймаль, 1979, № 0464)
3,89	17,5	VI	БМ (из колл. А. Каннингэма)	Ньюэлл, 1938, № 725, табл. LIII, 17 (Зеймаль, 1979, № 0465)
3,89	17,5	X	БМ (из колл. А. Каннингэма)	Ньюэлл, 1938, № 721, табл. LIII, 13 (Зеймаль, 1979, № 0463)
Диодота, после 246 г. до н. э.)				
8,30	19,1	V	ГЭ 1469 (из колл. А. Гранта)	
8,52			БМ	Гарднер, 1886, табл. I, 4 (Зеймаль, 1979, № 0466)
			БМ	Гарднер, 1886 (Зеймаль, 1979, № 0467)
8,29			(БМ) из колл. А. Каннингэма	Каннингэм, 1881, с. 181, № 91, (Зеймаль, 1979, № 0468). Ср. Беллинджер, 1962, с. 63
			(БМ) из колл. А. Каннингэма	Каннингэм, 1881, с. 181, № 92 (Зеймаль, 1979, № 0469) Ср. Беллинджер, 1962, с. 63
			из колл. А. Каннингэма	Каннингэм, 1881, с. 181, № 90 (Зеймаль, 1979, № 0470). Ср. Смит, 1906, с. 7, прим. 2; Гарднер, 1886.
			?	Каннингэм, 1883а, с. 64 (Зеймаль, 1979, № 0471)
			?	Каннингэм, 1883а, с. 64 (Зеймаль, 1979, № 0472)

№№	Место и обстоятельства находки	Определение и краткое описание
*20	Г-ще Тахти Кобад (Амударьинский клад), 1877 г.	то же (без описания)
21	То же	как 12—20, но тетрадрахма (серебро), *над орлом — венок*
22.	То же	то же
*23	То же	то же (без описания)
24	То же	то же
25	То же ?	то же, но драхма, *над орлом — венок* и М
26	То же	то же драхма, но *над орлом — венок,* справа и Г
27	То же	то же, но над орлом — полумесяц
*28	То же	то же (без описания)
*29.	То же	то же (без описания)
*30	То же	то же
31	Г-ще Тахти Сангин, раскопки 1978 г. (Белый зал, между 3 и 4 ламами)	дихалк (медь): *голова Гермеса в петасе вправо/ Афина со щитом у ног*
32	Г-ще Тахти Кобад (Амударьинский клад) 1877 г. ?	то же
33	То же ?	то же
34	То же ?	то же
35	То же ?	дихалк (медь): *голова Зевса вправо/Артемида с факелом вправо*
36	То же ?	то же
37	То же ?	то же

Царь Эвтидем I (20-е годы

38	То же	золотой статер: *голова молодого Эвтидема вправо/сидящий Геракл влево*
39.	То же	то же
40	То же	то же, но изображение Геракла меньше
41	То же	то же
42	То же	то же, но тетрадрахма (серебро) без описания

Вес	Диаметр	Оси	Место хранения, инв. №	Публикации, примечания
			?	Каннингэм, 1883б, с. 258 (Зеймаль, 1979, № 0473)
16,78			БМ (из колл. А. Каннингэма)	Каннингэм, 1881, с. 182, № 95 (Зеймаль, 1979, № 0476)
16,14			БМ? (из кол.. А. Каннингэма)	Каннингэм, 1881, с. 182, № 95; Гарднер, 1886, с. 3, табл. 1,6 (Зеймаль, 1979, № 0477)
16,78			БМ (из колл. А. Каннингэма)	Каннингэм, 1881, с. 181—182, № 93 (Зеймаль, 1979, № 0474)
16,78				Каннингэм, 1881, с. 181—182, № 93 (Зеймаль, 1979, № 0475)
3,87	16,9	VI	ГЭ 12 (из колл. А. Гранта ?)	
4,02			БМ (из колл. А. Каннингэма)	Каннингэм, 1881, с. 182, № 96 (Зеймаль, 1979, № 0480)
3,95			БМ (из колл. А. Каннингэма)	Каннингэм, 1881, с. 182, № 97 (Зеймаль, 1979, № 0482)
3,43			то же	Каннингэм, 1881, с. 182, № 94 (Зеймаль, 1979, № 0478)
3,95			то же	Каннингэм, 1881, с. 182, № 96 (Зеймаль, 1979, № 0481)
			то же	Каннингэм, 1881, с. 182, № 94 ? (Зеймаль, 1979, № 0479) (вместе с монетой «сотера мегиса — XII. 215)
7,26	23,7	VI	ИД Н-431/97	
			?	Каннингэм, 1881, с. 186 (Зеймаль, 1979, № 0486)
				Каннингэм, 1883б, с. 258 (Зеймаль, 1979, № 0487)
				Зеймаль, 1979, № 0488
				Каннингэм, 1881, с. 186 (Зеймаль, 1979, № 0483)
				Зеймаль, 1979, № 0484
				Зеймаль, 1979, № 0485

III в. — начало II в. до н. э.)

8,16			БМ (из колл. А. Каннингэма ?)	Каннингэм, 1881, с. 182, № 98; ср. Гарднер, 1886, табл. I, 10 (Зеймаль, 1979, № 0489)
8,23			?	Каннингэм, 1881, с. 182, № 98 (Зеймаль, 1979, № 0490)
8,23			?	Каннингэм, 1881, с. 182, № 99 (Зеймаль, 1979, № 0491)
8,61			?	Каннингэм, 1881, с. 182, № 99 (Зеймаль, 1979, № 0492)
			БМ ?	Каннингэм, 1881, с. 182, № 100 (Зеймаль, 1979, № 0493)

№№	Место и обстоятельства находки	Определение и краткое описание
43	Г-ще Тахти Кобад (Амударьинский клад), 1877 г.	
44	То же	то же
45	То же	то же
46	Сел. Такназари (с/с Гумбулак, Файзабадский р-н), случ. находка, 1968 г.	то же, но плакированная драхма (монограмма)
47	Трасса Гиссарского канала, 1940 г.	дихалк (медь): *голова Геракла вправо/скачущий конь вправо*
48	Тамошотепе (Яванский р-н), 1975 г. (подъем)	то же
49	Г-ще Тепаи Шах (Шаартузский р-н) 1972 г. (подъем)	то же
50	Шахринауское г-ще 1968 г. (подъем)	то же
51	То же, 1979 г.	то же
52	Г-ще Тахти Сангин, раскопки 1978 г. («ботрос» № 3)	то же
53	Г-ще Тахти Кобад (Амударьинский клад ?) 1877 г.	то же
54	То же ?	то же
55	То же ?	то же
56	То же ?	то же
57	То же ?	то же
58	То же ?	то же
		Царь Деметрий (первая
59	Неизвестно	обол (серебро): *голова Деметрия в шлеме, украшенном слоновьим скальпом, вправо/стоящий Геракл*
60	Г. Турсунзаде, 1-й микрорайон, случ. находка, 1971 г.	дихалк (медь): *голова слона вправо/кадуцей;*
		Царь Эвтидем II (70-е
61	Г-ще Тахти Кобад (Амударьинский клад), 1877 г.?	обол (серебро): *бюст юного царя вправо/стоящий Геракл*
		Царь Панталеон
62	То же?	медная четырехугольная монета: *женская фигура влево/львица вправо*
63	То же?	то же

Вес	Диаметр	Оси	Место хранения, инв. №	Публикации, примечания
			БМ ?	Каннингэм, 1881, с. 182, № 101 (Зеймаль, 1979, № 0494)
			?	Каннингем, 1883а, с. 64 (Зеймаль, 1979, № 0495)
			?	Каннингэм, 1883б, с. 258 (Зеймаль, 1979, № 0496)
4,15	17,2	XII	ИД Н-315	
6,90	23,4	XII	ИД Н-21/3	
8,52	21,6	VI	ИД Н-408/2	
5,60	21,0	X	ИД Н-435/1	
3,80	13,2	VI	ИД Н-212/3	
5,78	20,9	V	ИД Н-473	
2,33	11,7	—	ИД Н-431/71	См. Приложение, клад № 14
			БМ ?	Каннингэм, 1881, с. 186 (Зеймаль, 1979, № 0499)
				Каннингэм, 1881, с. 186 (Зеймаль, 1979, № 0500)
			?	Каннингэм, 1883а, с. 64 (Зеймаль, 1979, № 0501)
			?	Каннингэм, 1883а, с. 64 (Зеймаль, 1979, № 0502)
			?	Каннингэм, 1883б, с. 258 (Зеймаль, 1979, № 0503)
			?	Каннингэм, 1883б, с. 258 (Зеймаль, 1979, № 0504)
четверть II в. до н. э.)				
0,59	12,8	XII	ИД (из колл. А. А. Семенова)	
11,66	29,2	XII	ИД Н-475	
годы II в. до н. э.)				
			?	Каннингэм, 1883б, с. 258 (Зеймаль, 1979, № 0498)
(70-е годы II в. до н. э.)				
			?	Каннингэм, 1881, с. 186 (Зеймаль, 1979, № 0505)
			?	Каннингэм, 1883б, с. 258

№№	Место и обстоятельства находки	Определение и краткое описание
		Царь Агафокл (70—60-е
*64	«Кулябский р-н» в 8—10 км от Кызыл-Мазара, в овраге на вост. склоне хребта Джильганы-тау	тетрадрахма: *бюст царя в диадеме вправо/стоящий Зевс-Гекатофор*
65	Г-ще Тахти Кобад (Амударьинский клад ?) 1877 г. дарьинский клад ?)	то же, но драхма
66	Г-ще Тахти Кобад (Амударьинский клад ?)	купроникелевый «дихалк»: *бюст Диониса вправо/пантера вправо*
67	То же ?	то же
68	То же ?	то же
69	То же ?	медная четырехугольная монета: *женская фигура влево/львица вправо*
70	То же ?	то же
71	То же ?	то же
		Царь Антимах Теос
72	То же ?	тетрадрахма (серебро): *бюст царя в кавсии вправо/стоящий Посейдон*
73	То же ?	то же
74	То же ?	то же
75	То же ?	то же
76	Пенджикент, случ. находка М. В. Литвиненко	коммеморативная тетрадрахма (серебро): *голова Эвтидема I вправо/сидящий Геракл влево*
		Царь Эвкратид
77	Шахринау (случ. находка), 1967 г.	драхма (серебро): *бюст царя в диадеме вправо/скачущие Диоскуры вправо*
78	Неизвестно	то же
79	Неизвестно	обол (серебро): *бюст царя в диадеме вправо/колпаки Диоскуров*
80	Неизвестно	то же, но царь в шлеме
81	Г-ще Тахти Сангин, раскопки 1979 г. («ботрос» № 6)	то же

	Вес	Диаметр	Оси	Место хранения, инв. №	Публикации, примечания
годы II в. до н. э.)					
				—	Массон, 1948а, с. 43—44 («металл, отливающий желтизной от значительной добавки меди . . . заставляет заподозрить фальсификацию» — Массон, 1948, с. 44)
				?	Каннингэм, 1883б, с. 258 (Зеймаль, 1979, № 0506)
				?	Каннингэм, 1881, с. 186 (Зеймаль, 1979, № 0507)
				?	Каннингэм, 1883а, с. 64 (Зеймаль, 1979, № 0508)
				?	Каннингэм, 1883б, с. 258 (Зеймаль, 1979, № 0509)
				?	Каннингэм, 1881, с. 186 (Зеймаль, 1979, № 0510)
				?	Каннингэм, 1881, с. 186 (Зеймаль, 1979, № 0511)
				?	Каннингэм, 1883а, с. 64 (Зеймаль, 1979, № 0512)
(70—60-е годы II в. до н. э.)					
				?	Каннингэм, 1883а, с. 64 (Зеймаль, 1979, № 0514)
					Каннингэм, 1883б, с. 258 (Зеймаль, 1979, № 0515)
					Каннингэм ,1883б, с. 258 (Зеймаль) 1979, № 0516)
					Каннингэм, 1883б, с. 258 (Зеймаль, 1979, № 0517)
	16,20	32,1	XII	СМ Н-9984 (из колл. Б. Н. Кастальского)	Массон, 1928, с. 283—284; Касталь-ский, 1940
(вторая четверть II в. до н. э.)					
	4,85	20,1	XII	ИД Н-212/1	
	4	20		ДМ 1392/1	Забелина, 1952, с. 73, № 1; табл. I, 1
	0,71	10,9	XII	ИД Н-93/1 (из колл. А. А. Семенова)	
	0,69	10,6	XI	ИД Н-93/2 (из колл. А. А. Семенова)	
	0,60	11,5	XII	ИД А-432/112	См. Приложение — клад № 17

№№	Место и обстоятельства находки	Определение и краткое описание
*82	Г. Сарай- Камар (затем Кировабад, ныне Пяндж), на берегу р. Пяндж, лето 1932 г.	то же, но тетрадрахма *(царь в шлеме вправо)*
*83	«В низовьях Кафирингана»	то же
84	Безымянное г-ще в колхозе «Москва» (Вахшский р-н Курган-Тюбинской обл.), 2-й участок, случайная находка до 1967 г.	то же; экземпляр зашлифован с л. и об. ст. (на об. ст. изображение практически уничтожено), в верхней части — отверстие для подвешивания
85	Неизвестно	то же, но драхма («легенда испорченная, изображение варваризованное»)
86	На правом берегу сая Дараи-шур (на берегу Нурекского водохранилища, левобережье Вахша), 1979 г.	тетрадрахма (серебро): *царь в шлеме, мечущий дротик влево/скачущие Диоскуры вправо*
*87	«В Кулябском районе», 1934 г.	тетрадрахма (без описания)
*88	Г-ще Калаи-Мир, 1951 г., южная часть раскопа, мешаный слой	(драхма ?, серебро ?): *бюст царя в шлеме вправо/скачущий Диоскур*
*89	Г-ще Калаи-Мир, 1950 г., северный участок раскопа	диобол (?) (без описания)
		Греко-индийский
90	Г-ще Тахти Сангин, 1979 г., на поверхности	халк (?): *стоящий Аполлон/треножник*

	Вес	Диаметр	Оси	Место хранения, инв. №	Публикации, примечания
					Массон, 1948а, с. 42
					Бен, 1937, ср. Массон, 1948а, с. 42
	9,73	30,1	XII	ИД Н-302	Ср. Довутов, 1982, с. 185—186, где этот экземпляр ошибочно принят за подражание тетрадрахмам Эвкратида; там же неправильно указано место находки — «Яванский р-н».
	3,25	19		ДМ 1392/2	Забелина, 1952, с. 73—74, № 2, табл. 1,2
	15,60	33,6	XII	ИД Н-474/1	
					Массон, 1948а, с. 42
				?	Забелина, 1953, с. 296, 300 (без описания), но табл. XII, 65
				?	Забелина, 1953, с. 295, 296 (но ср. Дьяконов, 1953, с. 273, который называет эту монету «оболом, непосредственно подражающим чекану Эвкратида, полностью совпадающим с оболами из погребений могильника Туп-хона»)
царь Аполлодот					
	3,19	16,0×14,9		ИД-432/108	

Глава IV. ИНДИЙСКИЕ КЛЕЙМЁНЫЕ МОНЕТЫ

К числу привозных иноземных монет следует отнести и индийские серебряные клеймёные монеты, которые были обнаружены в 1979 г. во время раскопок на городище Тахти Сангин: 40 экз. таких монет лежали вместе с оболом греко-бактрийского царя Эвкратида (III.81) в небольшой ямке („ботрос" № 6) в полу Белого зала храма. Эта находка совершенно необычна не только для территории Таджикистана: индийские клеймёные монеты до этого вообще не встречались в Средней Азии.

Особенностью этих монет является то, что они чеканены не как обычно — двумя штемпелями (один для л. ст., другой — для об. ст.), занимающими всю площадь монеты, а несколькими миниатюрными клеймами (punch — отсюда и название монет punch-marked, т. е. клеймёные), во взаимном расположении которых на плоскости монеты, как правило, не наблюдается определенного порядка. Обозначение л. и об. сторон условное: лицевой стороной принято называть ту плоскость, на которую нанесены оттиски нескольких (обычно пяти) разных клейм; на оборотной стороне чаще всего — только одно клеймо (но иногда встречаются и два, и даже три).

Изображения, оттискивавшиеся такими клеймами, довольно простые (рис. 1): варианты розетки, различные комбинации из схематических изображений головы быка, стрелы, рыбы и т. п. Реже встречаются изображения животных (зайца, рыбы, слона, быка, единорога, лягушки, скорпиона, змеи), деревьев и растений, оружия и инструментов (лук, стрела, колесо, ключ, весы и т. п.), изображения гор. Очень редки изображения людей (божеств?) — с барабанчиками, с мошной, с посохом. Есть клейма, содержащие простейшие композиции — лань, стоящая под деревом, и над ней сосуд; птица в ветвях раскидистого дерева; три стоящие человеческие фигурки и др. Общее число известных в настоящее время клейм намного превышает три сотни (Аллан, 1936).

Географическую атрибуцию клейменых монет помогает установить наблюдение за топографией монетных находок, но определение времени выпуска клейменых монет, не имевших никаких надписей с именами царей и каких-либо иных хронологических индикаторов, представляет очень большие трудности. Наблюдение за находками клейменых монет в хорошо датированных археологических слоях, а также за кладами, в которых клейменые монеты встречаются вместе с обычными монетами, имеющими даты, имена и т. п. временны́е признаки, позволяет судить прежде всего о времени их обращения (а не выпуска). Установлено, что они находились в обращении очень долго — по несколько столетий (известны клады, в которых клейменые монеты были найдены вместе с кушанскими монетами и сасанидскими монетами III—IV вв.).

Считается, что клейменые монеты выпускались с V по II в. до н. н.[35], т. е. при царях государства Нандов и в правление династии Маурьев (до 187 г. до н. э.), объединившей под своей властью огромную территорию. Отнесение основной массы клейменых монет ко времени существования империи Маурьев хорошо объясняет не только очень широкие географические рамки хождения клейменых монет (от дальних северо-западных пределов исторической Индии — Пешавара, Таксилы, Кангры

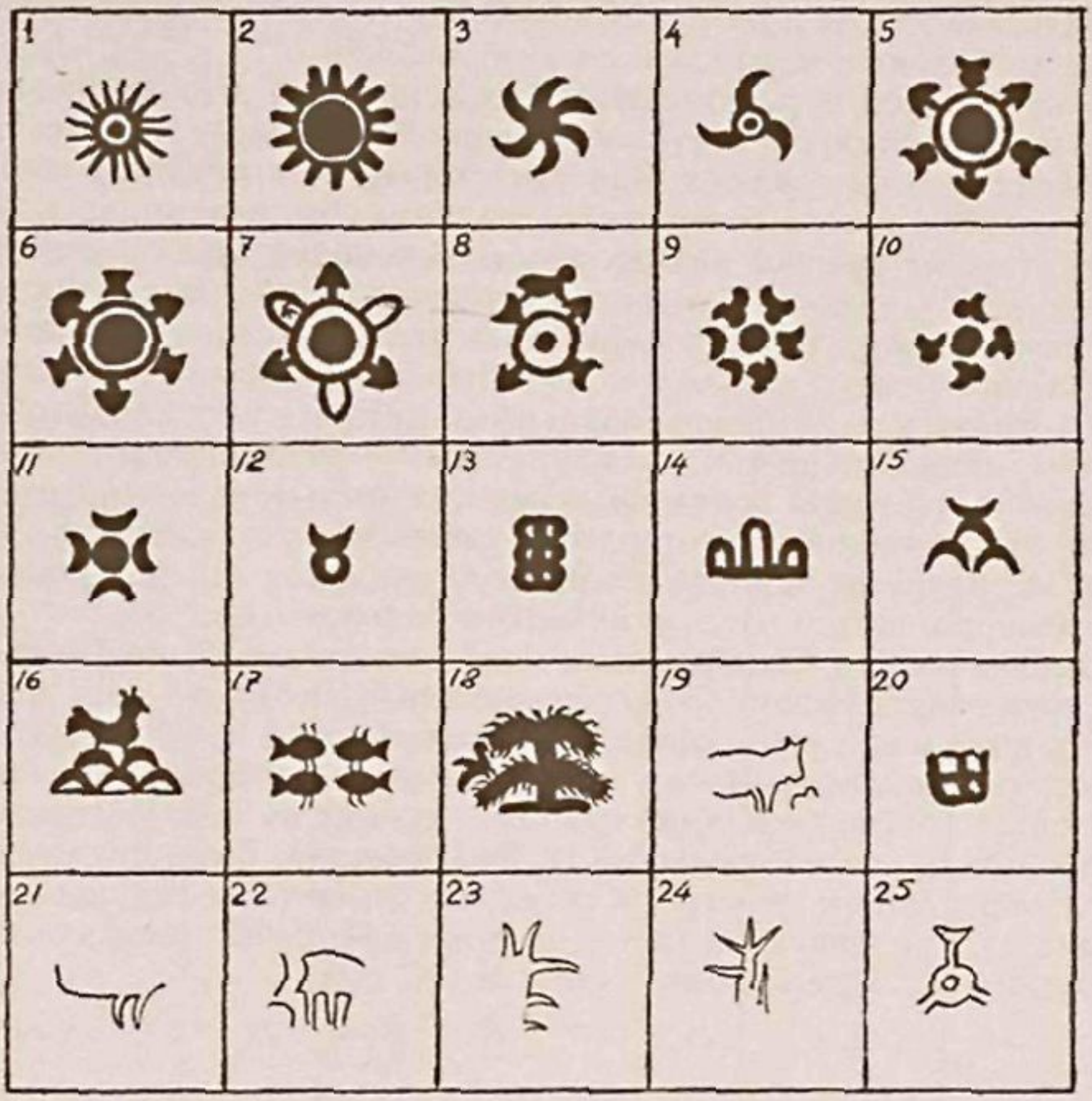


Рис. 1. Клейма на индийских клейменых монетах из раскопок на городище Тахти Сангин

и др. до Коимбатура и Тиручираппалли на юге и от западных областей <южные Раджпутана и Малва> до бассейна р. Годавари в штате Андхра на востоке), но и сравнительно единообразный состав находок по всему этому ареалу.

Находка на городище Тахти Сангин — самый северный пункт, в котором обнаружены клейменые монеты. Ближайший к Южному Таджикистану центр массового распространения клейменых монет — Таксила и ее округа[36], но известны их находки в пределах современного Афганистана[37].

---

[35] *Наиболее объективное освещение проблемы хронологии клейменых монет* см.: Аллан, 1936; из новейших работ индийских исследователей наиболее интересно исследование огромного (7668 экз.) клада из Амаравати — Гупта, 1963.

[36] Клейменым монетам из Таксилы, помимо сведений в ежегодных отчетах Археологической *службы Индии, уделено большое внимание* в итоговой публикации — Маршалл, 1951; Уэлш, 1951; Аллан, 1951.

[37] О них см.: Банерджи, 1910; Аллан, 1936, с. XLV.

Найденные в Таджикистане клейменые монеты в основном двух разновидностей — овальные (IV, 1—17) и прямоугольные (точнее — неправильных очертаний четырехугольники, у которых довольно часто срезан один из углов — IV, 18—40). Наиболее полновесные экземпляры с городища Тахти Сангин достигают 2,75—2,60 г, наиболее легкие — 1,78—1,89 г, вес большинства монет колеблется от 2,20 до 2,50 г. Это ниже обычного веса клейменых монет, но монеты, найденные в Таджикистане, очень сильно потерты и их пониженный вес можно объяснить, в первую очередь, длительным нахождением в обращении.

Сильной потертостью монет объясняется и то, что ни на одном из найденных экземпляров не удалось полностью определить все клейма, участвовавшие в их чеканке. Одна из сторон (как правило, оборотная) в большинстве случаев совершенно гладкая; есть экземпляры, на которых обе стороны лишены каких-либо изображений. Знаки-клейма, которые опознаются наиболее уверенно, сведены в таблицу, но ни в одном случае полностью сочетание клейм на монете выяснить не удалось.

Различие между овальными и четырехугольными монетами имеет только техническое значение: овальные кружки изготовлялись расплющиванием литых шариков, прямоугольные — разрезанием плоских пластин серебра. Никакой последовательности (или закономерности) в применении этих приемов приготовления заготовок для монеты не установлено: и те, и другие монеты чеканились одинаковыми наборами клейм и, как правило, встречаются в находках одновременно.

Находка вместе с клейменными монетами на городище Тахти Сангин сбола греко-бактрийского царя Эвкратида (III.81) не дает оснований относить выпадение этого клада к середине II в. до н. э. (или ко времени непосредственно после этого), т. е. использовать обол Эвкратида как датирующий, поскольку ямка в полу зала, где эти монеты лежали („ботрос" № 6), по наблюдению И. Р. Пичикяна, была спущена с пола № 2, датированного монетами кушанских царей (младшая монета — Канишки I), т. е. заведомо более поздним временем, чем дата по оболу Эвкратида (см. „Приложение", клад № 17).

IV. ИНДИЙСКИЕ КЛЕЙМЕНЫЕ МОНЕТЫ.* ТАБЛ. 7.

№№	Место и обстоятельства находки	Краткое описание	Вес	Диам.	Место хранения, инвент. номер
1	Г-ще Тахти Сангин, 1979 г., зал. «ботрос» № 6	овальная (л.ст. — клейма №№ ?, ?, ?/об. ст. — не различимы)	2,29	14,7	ИД Н-432/113
2	То же	то же (№№ 1-2 ?, 10, 14 ?/об. ст. — № ?)	1,78	18,2	/114
3	То же	то же (№№ 1-2 ?, 8, ?, ?/не различимы)	2,21	16,0	/115
4	То же	то же (клейма на л. и об. ст. не различимы)	2,03	13,9	/116
5	То же	то же (№№ ?, ?, ?/не различимы)	2,23	15,4	/117
6	То же	то же (№№ ?, ?, ?, ?/не различимы)	2,05	16,9	/118
7	То же	то же (№№ 1-2 ?, 11 ?, 13 ?/не различимы)	2,37	15,1	/119
8	То же	то же (№№ 2 ?, 13, 16 5 ?/не различимы)	2,60	13,6	/120
9	То же	то же (клейма на л. и об. ст. не различимы)	2,75	14,4	/121
10	То же	то же (№№ 1—2 ?, ?/не различимы)	1,89	17,7	/122
11	То же	то же (№№ 2 ?, 13, 16 ?, ?, ?/не различимы)	2,42	15,5	/123
12	То же	то же (№№ 2 ?, 13, ?, ?, ?/№№ 13 ?, ?)	2,43	14,0	/124
13	То же	то же (№№ 12 ?, ?, ?/№ ?)	2,48	15,1	/125
14	То же	то же (№№ 1—2 ?, ?/не различимы)	2,45	13,1	/126
15	То же	то же (клейма на л. и об. ст. не различимы)	2,31	13,3	/127
16	То же	то же (№№ 4, 13, 15—16 ?, ?/№ ?)	2,53	13,8	/128
17	То же	то же (№№ ?, ?, ?/не различимы)	2,58	14,3	/129
18	То же	четырехугольная (№№ 2, 15, 24 ?, ?, ?/№ ?)	2,26	14,0×14,9	/131
19	То же	то же (№№ 1—2 ?, 3, 5 ?, ?, ?/не различимы)	2,02	15,2×14,2	/130
20	То же	то же (№№ 1 ?, 10, 25, ?/№№ 2 ?, ?)	2,42	14,2×17,4	/132
21	То же	то же (клейма не различимы)	2,18	11,2×12,4	/133
22	То же	то же (№№ 1, 6, ?/№ ?)	2,47	11,5×11,9	/134
23	То же	то же (№№ 1—2 ?, ?, ?/не различимы)	2,48	11,2×12,9	/135

№№	Место и обстоятельства находки	Краткое описание	Вес	Диам.	Место хранения, инвент. номера
24	Г-ще Тахти Сангин, 1979 г., зал, «ботрос» № 6	то же (№№ 1, 5 ? 12/ №№ 16, 20	2,38	12,1×14,4	ИД Н-432/136
25	То же	то же (№№ 1—2 ?, 5 ?, ?, не различимы)	2,50	11,3×11,4	/137
26	То же	то же (клейма на л. и об. ст. не различимы)	2,59	10,8×11,9	/138
27	То же	то же (№№ 1—2 ?, ?/№№ ?, ?)	1,86	13,4×13,8	/139
28	То же	то же (№№ 8, 19, ?/№ 13)	2,72	10,9×13,4	/140
29	То же	то же (№№ 2, 7, 9, 17, 18/ № 13 ?)	2,50	13,8×14,7	/141
30	То же	то же (№№ 1, 5 ?, 12 ?, 21 ?/не различимы)	2,59	13,4×12,2	/142
31	То же	то же (клейма на л. и об. ст. не различимы)	2,37	14,6×9,2	/143
32	То же	то же (№№ 2 ?, 5, 22, 23 ?/ №?)	2,05	13,9×17,1	/144
33	То же	то же (№№ 1 ?, 5 ?, ?/не различимы)	2,62	12,7×11,6	/145
34	То же	то же (№№ 1—2 ?, ?/не различимы)	1,99	13,8×13,5	/146
35	То же	то же (клейма на л. и об. ст. не различимы)	2,50	11,8×10,4	/147
36	То же	то же (№№ 10 ?, ?, ?/№ ?)	2,49	13,2×12,9	/148
37	То же	то же (№ ?/не различимы)	2,27	11,0×13,3	/149
38	То же	то же (клейма не различимы)	2,70	11,0×11,6	/150
39	То же	то же (№№ 13, 15, ?/не различимы)	2,54	11,8×15,4	/151
40	То же	то же (клейма на л. и об. ст. не различимы)	2,50	11,9×12,3	/152

* В графе «определение и краткое описание» №№ клейм соответствуют рис. 1; в скобках слева указаны клейма на л. ст., справа — на об. ст. Если клеймо определяется предположительно, после цифры стоит вопросительный знак; если клеймо имеется, но определить его невозможно — вопросительный знак заменяет номер клейма.

Глава V. РИМСКИЕ МОНЕТЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ

В среднеазиатских музеях хранятся неплохие наборы римских монет, но места и обстоятельства находки для подавляющего большинства из них неизвестны [38]. М. Е. Массон, регулярно с начала 20-х годов наблюдавший за среднеазиатским нумизматическим рынком, отмечал (Массон, 1948в, с. 142), что наряду с монетами Веспасиана (69—79 гг.) и Адриана (117—138 гг.) в Средней Азии чаще других встречаются монеты Домициана (81—96 гг.), Траяна (98—117 гг.), Антонина Пия (138—161 гг.) и Марка Аврелия (161—180 гг.). Правда, в число учтенных М. Е. Массоном римских монет входили и денарии, собранные А. М. Бродским на побережье оз. Иссыккуль, главным образом у русских крестьян, переселившихся из европейской части России в конце XIX в., что позволяет сомневаться в среднеазиатском происхождении этих монет (Зеймаль, 1962, с. 143—144, прим. 21).

Единственная хорошо документированная находка римской монеты в Средней Азии [39] — сестерций Нерона, найденный весной 1954 г. во время раскопок на шахристане городища Хайрабад-тепе (Ангорский район Сурхандарьинской области УзССР) — при расчистке помещения с хумами у западной городской стены (Лунин, 1955, с. 177; Жуков, 1960, с. 125; Альбаум, 1960, с. 43), в слое с кушанскими монетами.

На территории Таджикистана пока известен только один случай обнаружения римских монет: благодаря врачу А. А. Тарпи до нас дошли остатки клада римских денариев, найденного, видимо, в 20-х годах в округе г. Ура-Тюбе — в кишлаке Муджум или поблизости от него (Ганчинский район Ленинабадской области). В начале 30-х годов, когда А. А. Тарпи работал в г. Ура-Тюбе, один из его пациентов принес ему в подарок около 300 серебряных римских монет разной сохранности, найденных за несколько лет до этого. Отобрав по одному образцу разных монет, А. А. Тарпи оставил у себя 21 экз., а остальные вернул находчику. В 1960 г. сохранившиеся к тому времени 19 денариев (2 экз. затерялись) А. А. Тарпи через Б. Я. Ставиского передал в дар Государственному Эрмитажу, где они теперь и хранятся в Отделе Востока (Зеймаль, 1962; Давидович, 1979, с. 58—60, клад № 8).

---

[38] 164 римские монеты (из них 42 — серебряные) — результат многолетних сборов и приобретений Музея истории народов Узбекистана (Ташкент), но, вероятно, далеко не все эти монеты происходят из Средней Азии; серьезные сомнения вызывает и среднеазиатское происхождение римских монет, подаренных Самаркандскому музею в 1939 г. С. И. Новицким.

[39] Г. А. Пугаченкова, публикуя аск из Термеза, оказавшийся, как теперь установлено (Борисовская, 1974, с. 40; Бернар, 1979), подделкой нового времени, упоминала, что «в коллекции монет термезского священника Зампаева, собранных им в основном из местных находок, было немало монет римского чекана» (Пугаченкова, 1951, с. 136), но полагаться на эти сведения трудно.

Остатки клада из кишлака Муджум укладываются (за исключением монеты Веспасиана — V.1) в рамки II в. н. э. Монета Коммода, чеканенная в 186 г. (V.19), указывает на дату, после которой мог быть зарыт клад. Уратюбинская находка — первый клад римских монет, зарегистрированный на территории не только Таджикистана, но и вообще Средней Азии. Но, несмотря на необычность этой находки, ее хронологическая компактность (монеты покрывают практически один временной отрезок, соответствующий периоду правления и чеканки семи императоров) — важное подтверждение надежности тех кратких (и, к сожалению, неполных) сведений о римских денариях из Муджума, которыми мы располагаем благодаря А. А. Тарпи.

Как и двадцать лет тому назад (Зеймаль, 1962), остается неясным место серебряных и медных римских монет в денежном обращении древней Средней Азии; не имеет пока твердого решения и вопрос о возможных путях и времени проникновения римских монет в Трансоксиану.

Среднеазиатские находки в двух изолированных и весьма удаленных один от другого пунктах (кишлак Муджум и городище Хайрабад-тепе) не позволяют пока даже пунктиром наметить наиболее вероятный торговый путь, по которому доставлялись римские монеты. Весьма скудны пока данные о находках римских монет и к югу от Амударьи — в Афганистане (Скератто, 1962), к которым теперь можно добавить только сведения о находке ауреуса Тиберия (чеканен в 16—21 гг. н. э.) в погребении № 3, раскопанном в 1978 г. в некрополе на холме Тилля Тепе (поблизости от современного г. Шибергана) в Северном Афганистане (Сарианиди, 1979; Сарианиди—Кошеленко, 1982, с. 313—315).

Совершенно иная картина в Индии. Там находки римских монет составляют довольно обычное явление и исчисляются сотнями (Сьюэлл, 1904; Гупта, 1965). Наибольшее число находок приходится на области, примыкающие к побережью Индийского океана; по мере удаления в глубь континента римские монеты встречаются значительно реже.

Торговые контакты Рима (или отдельных римских купцов)[40] с глубинными областями Средней Азии могли осуществляться через территорию Кушанского царства. Но пока на этом гипотетическом пути с юга мы не располагаем таким количеством находок римских монет, которое позволило бы отдать этому направлению предпочтение. Более того, в первых веках н. э., когда северная граница Кушанского царства проходила по Гиссарскому хребту[41], этот же рубеж являлся, видимо, не только политической, но и культурно-экономической границей. Если большинство доставлявшихся морским путем монет оседало в собственно Индии и лишь небольшая часть их „доплескивалась" до современного Афганистана, трудно представить, что римские денарии попали в район Ура-Тюбе с юга — по океану и через Кушанское царство. Северный Таджикистан (как и соседние с Ленинабадской областью территории Узбекистана) вплоть до раннего средневековья не знал денежного обращения: единичные находки древних монет в этих областях позволяют утверждать, что монеты здесь или использовались в явно демонетизированном виде — в качестве украшений (Негматов—Салтовская, 1975, с. 264), или обнаружены в стратиграфически неопределенных условиях и, возможно,

---

[40] Достаточно вспомнить сведения о путешествии в страну серов доверенных лиц македонского купца Маэса Тициана (конец I или начало II в. н. э.), заимствованные Птоломеем из недошедшего до нас труда Марина Тирского (Птоломей, 1, 12; Херрман, 1938, с. 103).

[41] Зеймаль, 1962, ср.: Массон, 1968; Массон, 1975.

проникали сюда уже значительно позднее их выпуска, или, наконец, являлись случайно проникшими за основные ареалы „чужими" монетами, обращения которых в районе находки заведомо не существовало[42].

Район, где был обнаружен клад, в III н. э. (более узко время выпадения муджумских монет вряд ли можно определить) явно находился за пределами государства Великих Кушан. И предположение о том, что денарии из этой находки — небольшая часть потока римского серебра, поступившего с юга на рынки Кушанского царства „и севернее, в области, не имевшие в это время собственного регулярного чекана" (Зеймаль, 1962, с. 146), все еще не получило подтверждения в новых находках монет или других предметов, которые можно было бы рассматривать как римско-кушанский „импорт" в Северном Таджикистане (или вообще в бассейне Сырдарьи).

Видимо, следует учитывать, что проникновение римских монет в окрестности г. Ура-Тюбе могло быть связано с торговыми операциями на Великом шелковом пути, в частности на его северном (степном) ответвлении, устойчиво функционировавшем в раннесредневековый период и, возможно, уже существовавшем в первой половине I тысячелетия н. э.[43]. Ясно, что римское серебро проникает на территорию Таджикистана не как средство обращения, а как сокровище. „Степной" путь римского серебра в Среднюю Азию — только предположение, подтвердить или опровергнуть которое должны новые факты — находки монет и привозных вещей.

---

[42] Ср. находку медного подражания тетрадрахме Гелиокла на городище Кайноват в Фергане (В. Массон, 1956, с. 65, № 6) и довольно неопределенные сведения о находках единичных монет на трассе БФК.

[43] Возможно, речь должна идти о торговых связях Средней Азии (или только ее северных областей) не непосредственно с Римом, а, например, с населением Восточной Европы (может быть, через каких-то посредников). На территории современной Украинской ССР, например, особенно широкое распространение римских монет приходится на период от Нерона (54—68 гг.) до Септимия Севера (193—211 гг.). На эти полтора столетия, по М. Ю. Брайчевскому (1954, с. 129) приходится 24 847 монет, тогда как на время до Нерона — только 58 экз., на период от Септимия Севера до Диоклетиана (284—305 гг.) — 151 экз., от Диоклетиана до Феодосия I (378—395 гг.) — 157 экз. Совершенно очевидно, что приведенные цифры отражают только неравномерность распределения монет по годам чеканки, но, судя по совместным находкам, монеты I—II вв., как правило, «сосуществовали» с более поздними.

V. РИМСКИЕ МОНЕТЫ. ТАБЛ. 8.

№№	Место и обстоятельства находки	Определение и краткое описание	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инв-номера	Публикации, примечания
		Император Веспасиан (69—79 гг.)					
1	Окрестности кишл. Муджум (Ганчинский р-н Ленинабадской обл.), 1930-е годы	денарий 74 г.: л. ст. — *голова Веспасиана в лавровом венке вправо;* справа налево — [IMP] CAE SAR VESPAVG об. ст. — *две лавровые ветви вертикально;* COS V	3,02	20,2	V	ГЭ ВН-1	Зеймаль, 1962, № 1
		Император Траян (98—117 гг.)					
2	то же	денарий 107—111 гг.: л. ст. — *бюст Траяна в лавровом венке вправо*: IMP TRAIANOAVG GERDAC PMTRP об. ст. — *Траян на триумфальной квадриге вправо;* COS V PPS RQR OPTIMOPRINC	3,11	18,6	VI	ГЭ ВН-2	то же, № 2
		Император Адриан (117—138 гг.)					
3	то же	денарий 119—138 гг.; *бюст Андриана в лавровом венке вправо;* [IMP CAES] ARTRAIANH ADRIANVSAVG *сидящая Felicitas (Благополучие) с кадуцеем и рогом изобилия влево;* PMTR P *COSIII* FELPR	3,23	19,6	V	ГЭ ВН-3	то же, № 3
4	то же	денарий 125—128 гг.: *бюст Адриана в лавровом венке вправо;* HADRIANVS AVGVSTVS/*стоящая Диана с луком влево; COS* III	3,21	18,5	VI	ГЭ ВН-4	то же, № 4
5	то же	то же, но на об. ст. — *стоящая Spes (Надежда) с цветком влево*	3,08	18,3	VII	ГЭ ВН-5	то же, № 5
6	то же	денарий 134—138 гг.: *бюст Сабины вправо;* SABINA AVG VSTA HADRIANI AVG PP/ *сидящая Concordia (Согласие) на троне влево с чашей;* CONCOR DIA AVG	3,13	17,4	V	ГЭ ВН-6	то же, № 6

№№	Место и обстоятельства находки	Определение и краткое описание	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инв. номера	Публикации, примечания
		Император Антонин Пий (138—161 гг.)					
7	Окрестности кишл. Муджум (Ганчинский р-н Ленинабадской обл.), 1930-е годы	денарий 141 г. (или вскоре после этой даты): *бюст Фаустины вправо;* DIVA AVG FAVSTINA/*стоящая Pitas (Благочестие) с ларцом перед алтарем влево;* PIETAS AVGVST [I]	3,31	17,8	VII	ГЭ ВН-7	то же, № 7
8	то же	то же, но на л. ст. — DIVA FAVS [TINA], на об. ст. — *стоящая Церера с факелом влево;* CONS[E C]RATIO	2,97	17,0	V	ГЭ ВН-8	то же, № 8
9	то же	то же, но на об. ст. — *павлин вправо;* [CONSECR] ATIO	3,25	18,0	X	ГЭ ВН-9	то же, № 9
10	то же	то же, но на об. ст. — *трон и скипетр на нем;* [AETER] NITAS.	3,39	18,6	IV	ГЭ ВН-10	то же, № 10
11	то же	то же, но на об. ст. — *стоящая Церера с факелом;* AVG VSTA	3,21	19,0	XII	ГЭ ВН-11	то же, № 11
12	то же	то же, но изображение и легенда на об. ст. не различимы	2,96	16,8	XII	ГЭ ВН-12	то же, № 12
13	то же	денарий 145—161 гг.: *голова Антонина Пия в лавровом венке вправо;* ANTONINVS AVG PIVS PP/*крылатая молния на троне;* COS III	3,09	19,0	VII	ГЭ ВН-13	то же, № 13
14	то же	денарий 148—149 гг.: л. ст. как V. 13, но ANTONINVS AVG PIVS PTRP XII/*стоящая Фортуна влево с рулем на шаре и рогом изобилия;* COS III	3,05	19,4	VI	ГЭ ВН-14	то же, № 14
		Императоры Марк Аврелий (161—180 гг.) и Люций Вер (161—169 гг.)					
15	то же	денарий 161 г. (?): *непокрытая голова Антонина Пия вправо;* DIVVS ANTONINVS/ *алтарь с дверцей в центре и рогами по углам;* DI VOP IO	3,24	17,8	VI	ГЭ ВН-15	то же, № 15

№№	Место и обстоятельства находки	Определение и краткое описание	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инв. номера	Публикации, примечания
		Император Марк Аврелий (161—180 гг.)					
16	Окрестности кишл. Муджум (Ганчинский р-н Ленинабадской обл.), 1930-е годы	денарий, чеканенный между декабрем 170 и декабрем 171 г.: *голова Марка Аврелия в лавровом венке;* [MANTONINVS] AVG TRP XXV/*сидящий Юпитер с молнией и скипетром влево;* COS III	3,33	17,6	II	ГЭ ВН-16	то же, № 16
		Император Коммод (176—192 гг.)					
17	то же	денарий 180 г.: *непокрытая голова Марка Аврелия вправо;* DIVVS MANT ONINVS PIVS/ *четырехъярусный погребальный костер, увенчанный квадригой;* CONSE CRATIO	2,41	17,5	VI	ГЭ ВН-17	то же, № 17
18	то же	денарий 180—183 гг. (?): *бюст Криспины вправо;* CRISPINA AVGVSTA/*две руки, соединенные в пожатии;* CONCORD IA	3,61	18,2	X	ГЭ ВН-18	то же, № 18
19	то же	денарий 186 г.: *голова Коммода в лавровом венке вправо;* [MCCOMMANTP] FELAVGBRIT/*сидящая Фортуна влево с рулем на шаре и рогом изобилия;* [PMTR] P XIIM P VII COS V PP, внизу FORRED.	2,90	17,8	V	ГЭ ВН-19	то же, № 19

Часть вторая

МЕСТНЫЕ ПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ ВЫПУСКИ («ВАРВАРСКИЕ ПОДРАЖАНИЯ»)

Известно всего несколько центров, в которых возникновение монетной чеканки произошло самостоятельно и независимо (остров Эгина, область Лидия в Малой Азии, область Магадха в Индии, северо-восточные районы Китая). Все остальные страны и народы в истории человечества получили монету (или саму идею использования в торговых сделках металлических кружков с изображениями и надписями) в готовом виде. Территория современного Таджикистана (как и вся остальная Средняя Азия) не является в этом отношении исключением. Познакомившись сперва с привозной иноземной монетой, попадавшей в Трансоксиану на первых порах в качестве сокровища, народы Средней Азии по прошествии какого-то времени перешли к использованию монеты в качестве средства обращения.

Этот процесс, как правило, протекал у разных народов примерно одинаково. Преобладавшая разновидность привозной монеты становилась привычной. По мере развития товарно-денежных отношений возрастала потребность в привычных для данной конкретной территории иноземных монетах. Если приток таких монет извне прекращался совсем (или переставал удовлетворять потребности рынка), монеты, к которым рынок был приучен, начинали производить на месте, как правило, на более низком техническом и художественном уровне.

Такие подражательные выпуски, рассчитанные на местный рынок и в большей или меньшей степени отличавшиеся от монет-прототипов, получили в нумизматической литературе название «варварские подражания». Выпускавшиеся на далеких окраинах римско-эллинистического мира, «варварские подражания» — явление не узко локальное, среднеазиатское. Точно так же — через стадию «варварских подражаний» — прошло большинство стран и народов Европы, расположенных за пределами Балканского и Аппенинского очагов цивилизации — Испания, Галлия, Британия, многочисленные германские племена, некоторые из кельтских племен, обитатели Панонии и др. Хорошо известны «варварские подражания» и в Азии — от Закавказья и Йемена до Индии. Как правило, «варварские подражания» становились начальной формой денежного обращения в областях и странах, соседствовавших (или хотя бы имевших контакты) с государствами, стоявшими на более высокой ступени экономического (и, как правило, социального) развития и уже обладавшими развитым денежным обращением (Зеймаль, 1975)[1].

---

[1] Здесь и далее имеются в виду подражания, с которых начинается монетная чеканка на данной территории. Видимо, в тех областях, где раньше уже существовала или продолжает существовать чеканка местного образца, следует особо различать, кроме того, выпуски монеты, имитирующей иноземную; как правило, такие «имитации» — в отличие от «варварских подражаний» — не образуют протяженных типоло-

При воспроизведении местными мастерами монеты-прототипа неизбежно возникали ошибки и отклонения от исходного образца, связанные с непониманием первоначальных изображений и незнанием языка легенд прототипа и знаков письма. Для подражательных выпусков характерна также неустойчивость веса монеты, часто ухудшается состав металла или подражания начинают изготавливать из более дешевого металла. В целом монеты претерпевают такие изменения, которые сделали бы невозможным их обращение в среде, создавшей прототипы.

Все эти проявления, отдаляющие монеты-подражания от исходного образца, постепенно — от одной генерации подражаний к другой — накапливаются, и в конечном счете изображения теряют свой первоначальный смысл и „разлагаются", надписи превращаются в совершенно нечитаемые орнаментальные мотивы и т. д., вместо серебряных прототипов чеканятся медные подражания. И, несмотря на это, монеты остаются в обращении, монеты продолжают чеканиться.

«Варварские подражания», как бы далеко друг от друга они ни выпускались, — от Испании и до Средней Азии — обладают (независимо от прототипа, которому они следуют) целым рядом общих черт, свидетельствующих о принципиальном сходстве процессов, претерпеваемых подражательными выпусками. К «варварским подражаниям», как к особому виду нумизматических памятников, приложима и принципиально сходная методика исследования — „путем установления типологических рядов последовательного извращения типов с возведением ряда к какой-либо греческой или римской монете" дать „определение территориальной сферы и хронологических пределов" исследуемого ряда с целью „установления места и времени чеканки данной группы" (Зограф, 1951, с. 101).

Рассматривая «варварские подражания» как явление, полярно противоположное так называемой «торговой монете»[2], А. Н. Зограф подчеркивал, что „совершенно неясной представляется их юридическая природа", и указывал на две возможности: или «варварские подражания» — результат деятельности „безответственных частных предпринимателей"[3], или это — „официальные денежные знаки, выпущенные общинными властями" (Зограф, 1951, с. 102). Последнее предположение лучше согласуется с закономерностью, выявленной не только для древней Средней Азии: если линия каких-то конкретных подражаний не прерывается в своем развитии внешними факторами (военно-политические события, переподчинение территорий или переориентация экономических воздействий), она приводит в заключительных выпусках к монетам местной чеканки — уже с титулами и именами правителей, с топонимами и с другими сведениями в легендах.

Экономическая природа «варварских подражаний» принципиально отличается от норм развитого денежного обращения в античном мире.

гических рядов; металл, из которого они чеканятся, — такой же, как у монет-прототипов. Типичный пример «имитационной» чеканки — монеты посткушанского периода, чеканившиеся по образцу кушанских. См. о них ниже — с. 231—233.

[2] «Торговая монета», как ее понимал А. Н. Зограф, — это полноценная по качеству металла и полновесная монета, охотно принимается всюду, поскольку ее экономическая сущность выражена с максимальной полнотой, а «национальный мундир» не играет почти никакой роли в ее обращении.

[3] Только очень небольшая часть подражательных выпусков могла быть выпущена такими «предпринимателями»; как правило, это единичные экземпляры или очень короткие «тупиковые» серии, не обнаруживающие, в отличие от остальных «варварских подражаний», последовательного накопления отклонений от прототипа.

Лучше всего об этом свидетельствуют сами подражания, если рассматривать их в развитии, наблюдая за их „поведением" от одной стадии чеканки к другой, т. е. фиксировать накапливающиеся изменения и выявлять обнаруживающиеся при этом тенденции. Выясняется, что для многих групп «варварских подражаний» характерно сочетание процесса деградации изображений и легенд с постепенным уменьшением количества драгоценного металла в монете (снижение веса, порча металла). Но когда такие редуцировавшие подражания исследователи называют „неполноценными", „суррогатными" и т. п., они явно стремятся оценить их по нормам и представлениям общества с развитой монетной системой и налаженным денежным обращением. Однако в тех обществах, где выпускались «варварские подражания» и денежное обращение только формировалось, должны были существовать какие-то иные требования *к монете, иные критерии ее полноценности: нарастающее снижение веса* (или порча металла) от одного поколения подражаний к другому нисколько не препятствовало их обращению (как не препятствовала ему и изобразительная „редукция" типов и легенд). Рынок, для которого эта „удешевленная" монета предназначалась, явно принимал ее: редуцировавшая монета оставалась в обращении, а новые „поколения" выпускались еще более низкими по весу (или из худшего по составу металла). Вряд ли следует в этой тенденции к удешевлению „себестоимости" монеты усматривать тонкие колебания „курсов", „реформы", перемены в соотношении „номиналов" и т. п. явления, сопутствующие высокому уровню развития денежного обращения. Когда развитие такой редуцирующей чеканки можно проследить достаточно детально (т. е. типологические ряды дают представление о всех последовательных стадиях процесса), понижение веса происходит, как правило, очень плавно, без резких перепадов, — величина шага от серии к серии может составлять *до 0,1—0,3 г. Поскольку эта тенденция к редукции проявляется сходным* (в принципе) образом у самых разных групп (линий) „варварских подражаний", очень далеких и территориально, и хронологически, в ней можно видеть определенную закономерность, присущую чеканке «варварских подражаний» как особой категории нумизматических памятников, — закономерность, самым непосредственным образом связанную со стоимостными особенностями монеты и стоящими за ними условиями обращения, о которых мы вынуждены судить главным образом предположительно, исходя из „поведения" подражаний во времени[4].

Что служило критерием пригодности монет-подражаний к обращению? Очевидно, решающее значение имело воспроизведение подражанием чисто внешних особенностей монеты-прототипа (с неизбежными отклонениями по мере удаления от него во времени) при полном игнорировании ее экономической сущности: „национальный мундир" (правда, чужой, но успевший стать привычным для данной среды) *в «варварских подражаниях» настолько выдвинулся на первый план*, что заслонил собой все прочие особенности и признаки монеты-прототипа. В полном соответствии с этим, как показывают наблюдения за ареалами находок, «варварские подражания» могли иметь хождение

---

[4] Не останавливаясь здесь подробно на вопросах денежного обращения, необходимо отметить, что обращение «варварских подражаний» скорее всего осуществлялось по принудительному курсу: единицей расчета могла быть монета как таковая (штука), независимо от содержания в ней драгоценного металла, точно так же, как условный курс бумажных денежных знаков никак практически не связан со стоимостью бумаги, пошедшей на их изготовление. См. об этом: Зеймаль, 1975.

только на строго определенной территории, за пределами которой они полностью утрачивали свою ценность. Эта особенность, вообще характерная для денежных знаков с принудительным (условным) курсом, — прямое подтверждение справедливости предположения о внестоимостном („поштучном") хождении «варварских подражаний». Если рассматривать «варварские подражания» как „официальные денежные знаки, выпущенные общинными властями" (Зограф, 1951, с. 102), их принудительный курс должен, видимо, определяться авторитетом этих властей (как и силой традиции), а ареал обращения — это территория, находящаяся под юрисдикцией этих властей. Таким образом, определение взаимного соотношения ареалов разных групп подражаний дает нам возможность воссоздать картину расселения тех племен и народов, которые осуществляли чеканку «варварских подражаний»[5].

Этот вывод о том, что ареалы местных подражательных выпусков и первых самостоятельных чеканок, обращение которых также определялось принудительным курсом, дают наиболее надежную базу для реконструкции древней политической географии — первая особенность „варварских подражаний" как исторического источника, непосредственно обусловленная спецификой их обращения.

Но выпуск и обращение „неполноценной монеты" (т. е. денежных знаков, не обеспеченных стоимостью металла и обращавшихся по принудительному курсу) здесь происходило в такой среде, которая, заимствуя только монетную ф о р м у денег, еще не постигла нормы и правила развитого денежного обращения, его экономическую сущность. Именно поэтому трудно допустить, что территории на периферии экономически „продвинутого" общества (например, Селевкидского государства или Греко-бактрийского царства, в котором денежным обращением была затронута, главным образом, греко-македонская часть населения), приходящие к собственной монетной чеканке через стадию „варварских подражаний", до этого входили в состав государств с развитым денежным обращением: в них было бы просто невозможно обращение „неполноценной монеты", какой — по нормам эллинистического мира — являлись „варварские подражания". С этой точки зрения предположение о вхождении не только правобережья Амударьи, но и долины Зеравшана в состав сперва (III в. до н. э.) селевкидских и затем (III—II вв. до н. э.) греко-бактрийских владений выглядит не только бездоказательным, но и несостоятельным теоретически. Сходная картина наблюдается и в Западной Европе: „варварские подражания" возникают в областях, находящихся вне юрисдикции государств с развитым денежным обращением.

И, наконец, третье положение, непосредственно вытекающее из анализа природы «варварских подражаний» и сопоставления состояния тех обществ на периферии римско-эллинистического мира, которые эти подражательные выпуски чеканили, — «варварские подражания» соответствуют вполне определенной стадии не только экономического, но и социального развития этих народов. Сведения письменных источников о европейских «варварах» намного обстоятельнее, чем данные о среднеазиатских народах, но общая картина при этом получается достаточно

---

[5] Общая картина расселения европейских «варваров» с завидной обстоятельностью вырисовывается по письменным источникам, но даже в нее, опираясь на дробную хронологию каждой группы европейских «варварских подражаний», можно внести существенные поправки и дополнения (динамика границ, завоевание одних племен другими и т. п.).

определенной. Общества, чеканящие «варварские подражания», еще не имеют расслоения на классы, но у них уже есть знать. Хотя античные авторы иногда и называют их предводителей „царями", у них еще нет окончательно сложившихся форм государственности, но имеются различные виды советов старейшин племен и т. п. верховные органы управления. Как правило, в таких обществах еще слабо развита городская жизнь, но уже имеются крупные укрепленные центры, выполняющие роль рефугиумов и отчасти „княжеских ставок". Нет у таких народов и своей письменности (*или она только появляется*). Очевидно, *именно* общества, находящиеся на таком уровне социального развития, получая монету в готовом виде извне — от находящихся на более высоких ступенях экономического и социального развития соседей, создают условия, необходимые для выпуска и обращения «варварских подражаний»[6].

Ниже будут рассмотрены четыре группы среднеазиатских «варварских подражаний», по крайней мере три из которых были первыми монетными выпусками местной чеканки, появившимися в Таджикистане. Их источниковедческое исследование опирается на методику, учитывающую специфику «варварских подражаний» — построение типологического ряда, в котором постепенное отдаление от прототипа отражает последовательность чеканки монет-подражаний.

Дата монеты-прототипа (если она известна) всегда указывает на время, п о с л е к о т о р о г о начался выпуск подражаний. Но далеко не всегда можно судить, как долго находились в обращении монеты-прототипы, т. е. сколь велик был хронологический интервал между чеканкой монеты-прототипа и первыми выпусками подражаний. Большие трудности вызывает и определение длительности чеканки подражаний (и в целом какой-то линии, восходящей к конкретному образцу, и отдельных периодов или этапов, на которые удается подразделить такую линию). Задача несколько облегчается, если подражательные выпуски приводят к возникновению на ее основе местной самостоятельной чеканки с уже не просто видоизменёнными, но и переосмысленными типами и — обычно — с новой легендой (местным письмом и на местном языке). Местная самостоятельная чеканка, возникшая на основе «варварских подражаний», служит в таком случае (наряду с монетой-прототипом) второй опорной точкой, в направлении к к о т о р о й выстраивается типологический ряд, а ее датировка (если она сколько-нибудь определенно может быть установлена) является достаточно надежным т е р м и н у с - а н т е - к в е м для наиболее поздних выпусков монет-подражаний. Но более дробные датировки — для отдельных периодов (серий) чеканки внутри большой группы — поневоле оказываются предположительными, если мы не располагаем никакими „боковыми" прототипами, так как ни интенсивность чеканки подражаний, ни темп смены штемпелей, как правило, установить пока не удается.

К сожалению, — во всяком случае, на данном этапе изученности — археологические данные о находках монет-подражаний во время раско-

---

[6] Хотелось бы обратить внимание на то, что и сами «варварские подражания», и принудительный курс обращения денежных знаков (в том числе и имеющих монетную форму) — явления, присущие не только периферийным обществам античного мира. Они доживают — в условиях сосуществования обществ с разными уровнями развития товаро-денежных отношений — до эпохи средневековья. Поэтому вопрос о том, может ли наличие в обращении «варварских подражаний», обладающих отмеченными признаками, служить показателем вполне определенного состояния общества, не должен иметь универсального для всех случаев ответа.

пок не способствуют уточнению времени выпуска и обращения подражательных серий. Тенденция определять даты монет-подражаний, максимально приближая их без достаточных на то оснований к датам монет-прототипов, все чаще в последнее время приходит в противоречие с накапливающимися фактами. Какие-то общие заключения по хронологии «варварских подражаний» вряд ли вообще возможны: каждая линия таких подражаний имела свою конкретную судьбу. И именно выяснение этих конкретных обстоятельств, в которых осуществлялась чеканка, может привести в итоге к уточнению датировки как выпуска, так и обращения монет-подражаний.

Глава VI. ПОДРАЖАНИЯ ДРАХМАМ С ТИПАМИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

К начальному периоду денежного обращения Трансоксианы относится сравнительно немногочисленная группа серебряных монет, лицевая и оборотная стороны которых воспроизводят — с неизбежными для подражаний „потерями" и отклонениями — типы монет Александра Македонского *(голова юного Геракла вправо / сидящий на троне Зевс-Этофор влево)*.

Хотя локализация этой группы подражаний пока не установлена (мы не располагаем ни одной документированной находкой таких монет), среднеазиатское происхождение их вряд ли может вызывать сомнения. Во-первых, из известных в настоящее время 15 экз., относящихся к этой группе, три беспаспортные монеты (VI, 08, 010 и 013) хранятся в Музее истории народов Узбекистана (Ташкент) и, видимо, происходят как и большинство монет в этой коллекции, из среднеазиатских находок; еще 6 экз., также без сведений о происхождении, входили в состав коллекции А. Каннингэма, многие монеты в которой через индийских торговцев древностями были доставлены из Средней Азии (VI.04—07, 014, 015). Во-вторых, эта линия подражаний драхмам с типами Александра получает *в дальнейшем непосредственное продолжение в раннесогдийской* самостоятельной чеканке (Зеймаль, 1973), вполне определенно локализующейся к северу от Амударьи — в Согде, хотя точный ареал для этих „оболов" (VI.016: л. ст. — *стоящий Геракл,* об. ст. — изображение сидящего Зевса-Этофора, еще более далекое от исходного образца, чем на рассматриваемых драхмах) пока тоже не установлен. И, наконец, хранящийся в Британском музее „гибридный" экземпляр VI.015 содержит на л. ст. вместо *„головы Геракла"* изображение головы правителя вправо, точно повторяющее л. ст. других раннесогдийских монет — так называемых монет Гиркода.

На территории Таджикистана пока не зарегистрированы находки подобных монет, но косвенные признаки позволяют предположительно отнести эту группу подражаний к Согду (в самом широком значении этого историко-географического термина), частично захватывавшему районы современного Таджикистана.

На л. ст. этих монет — схематичное изображение головы вправо со сложной „прической", восходящее к монетным портретам Александра в облике молодого Геракла (VI.01), голова которого (или шлем) украшена скальпом льва. На об. ст. — сидящая фигура влево; детали ее изображения переданы на разных экземплярах неодинаково, но — с большей или меньшей ясностью — всегда различима борода. Всегда изображена (хотя и схематизированно) птица, сидящая на вытянутой вперед правой руке (на исходном образце — орел). Левая рука согнута в локте и поднята вверх (кисть на уровне головы) в жесте, которым

изображенный (на исходном прототипе) опирался на длинный жезл; на *некоторых экземплярах жезл хорошо различим, на других — жезла* в руке нет, но его „рудимент" (вертикальный ряд не соединенных между собой точек) идет от локтя вниз. Такой же „распад" первоначального содержания можно проследить и в передаче деталей одеяния, и в „упрощении" конструкции трона.

Но именно благодаря последовательному ряду искажений мы опознаем даже в наиболее далеких от прототипа экземплярах непонятое (точнее, утратившее первоначальное содержание) изображение Зевса-Этофора, характерное для тетрадрахм и драхм Александра Македонского. Эти же типы производились и позднее — на монетах первых селевкидских царей Селевка I и Антиоха I (имя Александра в легенде при этом сохранялось)[7]. Судить о том, какие именно монеты послужили прототипом для рассматриваемых подражаний, можно только предположительно: монограммы и символы, по которым монеты Селевка I и Антиоха I отличают от монет самого Александра, на подражаниях не переданы.

Если принять за прототип этой группы подражаний монеты самого Александра, мы должны датировать начало их чеканки временем п о с л е 336—323 гг. до н. э. Точка отсчета будет несколько более поздней — после 80—60-х гг. III в. до н. э., если считать, что эти подражания следуют драхмам Селевка I и Антиоха I. Раннесогдийские „оболы" *(стоящий Геракл / сидящий „Зевс")*, явно примыкающие типологически к этой группе, пока могут быть датированы также только широко — в пределах со II по IV в. н. э. (Зеймаль, 1973, с. 72). Располагая только «драхмами» из Ташкентского музея и Государственного Эрмитажа, которые уже очень далеко отошли от иконографии прототипа, полностью утратили легенду и значительно редуцировали по весу (до 1,5—1 г), можно было предложить для них только позднюю датировку, далеко отстоящую от дат прототипа, — „где-то в пределах от I в. до н. э. до II в. н. э." (Зеймаль, 1973, с. 71). Но в целом чеканка этой группы подражаний могла начаться и раньше — „в пределах от конца III — начала II в. до н. э. и до I в. н. э." (Зеймаль, 1982).

„Гибридный" экземпляр VI.015, л. ст. которого чеканена или просто штемпелем для монет Гиркода, или штемпелем, очень близким к гиркодовским, позволяет несколько сузить датировочные рамки для рассматриваемых подражаний. Экземпляр VI.015 по состоянию изображений на об. ст. явно может быть помещен ближе к началу ряда, образуемого монетами этой группы, чем к концу (видимо, между экз. VI.03 и VI.08). Но сами монеты Гиркода не могут датироваться ранее середины I в. до н. э. („по эпиграфическим признакам" — В. Массон, 1955, с. 43), и не исключено, что их выпуск начался позже (Зеймаль, 1978, с. 209). Поэтому вряд ли чеканка рассматриваемых подражаний началась ранее II—I вв. до н. э. „Пересечение" их чеканки с монетами Гиркода („гибридный" экземпляр VI.015) — случайность, сколько-нибудь обоснованное объяснение для которой трудно предложить. Но вполне очевидно, что после этого „пересечения" выпуск подражаний драхмам с типами Александра продолжался (как продолжалась и чеканка монет

---

[7] В Закавказье эти же монеты дали свою особую линию «варварских подражаний» (Бабаев — Казиев, 1971), чеканившихся и находившихся в обращении во II—I вв. н. э. Е. А. Пахомов полагал, что прототипом для них послужили монеты «скорее Селевкидов», чем самого Александра (Пахомов, 1962, с. 78). Ср. также сеистанские подражания с этими же типами (Рэпсон, 1904, с. 674).

Гиркода). Более того, можно предполагать, что они обращались на разных территориях, хотя и в пределах Средней Азии. Видимо, группа подражаний, которой посвящена эта глава (с учетом и не представленных здесь ранних стадий чеканки), должна датироваться пока только широко — от II в. до н. э. до II в. н. э.

Несколько замечаний о метрологических показателях учтенных монет. Как и в других случаях, редукция веса и „редукция" типов оказываются процессами параллельными. Комментариев требуют только отклонения. Экземпляр VI.02, несколько превышающий вес драхмы, был, судя по остаткам ушка, демонетизирован, а его повышенный вес — явно результат припайки устройства для подвешивания. Экземпляр VI.03 частично обломан, чем объясняется его пониженный вес. И, наконец, экземпляр VI.013, имеющий вес 1,52 г, помещен в конце ряда потому, что я располагаю его довольно кратким описанием, но никогда не видел ни его самого, ни его изображения. Из отклонений в ряду последовательной редукции *не имеет объяснения только повышенный вес* экземпляра VI.011. Выше уже отмечалось, что „гибридный" экземпляр VI.015 по состоянию типа об. ст. должен быть перемещен в начало ряда — после экземпляра VI.03 или 04.

VI. ПОДРАЖАНИЯ ДРАХМАМ С ТИПАМИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО. ТАБЛ. 9.

№№	Происхождение	Определение и краткое описание	Вес	Диаметр	Оси	Место хранения инвент. номера	Публикации, примечания
01	[Прототип: л. ст. — *голова Александра в облике молодого Геракла вправо* (на голове — львиная шкура), об. ст. — *сидящий на троне с высокой спинкой Зевс-Этофор влево;* на вытянутой вперед правой руке — сидящий орел; левой рукой опирается на длинный жезл; греческая легенда и монограмма]					ГЭ № 6003	
02	Из колл. Министерства по делам Индии	То же, но изображение более схематично; легенда на об. ст. отсутствует	4,17			БМ КМИ 375	
03		то же	(1,37)			БМ 57-6-13-103	
04	Из колл. А. Каннингэма	то же	1,77			БМ-1894-5-6-1799	
05	то же	то же	1,33			БМ 1894-5-6-1802	
06	то же	то же	1,53			БМ 1894-5-6-1800	
07	то же	то же	1,54	16,2	XII	БМ 1894-5-6-1801	
08		то же	1,42			ТШ 153/1	Зеймаль, 1973, рис. 2,1
09		то же	1,34	16,9	XII	ГЭ 36540	То же, рис. 2,2
010		то же	1,02	15,3	XII	ТШ 13/7	То же, рис. 2,3
011	из коллекции Министерства по делам Индии	то же	1,94			БМ КМИ 376	
012		то же	1,15	15,9	XII	ГЭ 37079	То же, рис. 2,4
*013		то же	1,52			ТШ 13/8	
014	из колл. А. Каннингэма	то же	0,87			БМ 1894-5-6-1803	
015	то же	то же	2,53			БМ 1894-5-6-1798	

Глава VII. ПОДРАЖАНИЯ СЕРЕБРЯНЫМ МОНЕТАМ АНТИОХА I С ГОЛОВОЙ КОНЯ НА ОБ. СТ.

Первые публикации таких монет-подражаний относятся к 30-м годам XIX в. (Томас, 1858, т. I, с. 400, табл. XXXII, 17, 18; Вильсон, 1841, табл. IX, 6, 7); тогда их еще рассматривали как одну из разновидностей так называемых монет Гиркода. П. Гарднер (1886) уже не причислял их к монетам Гиркода. Но правильное понимание этих монет как самостоятельной линии подражательной монетной чеканки, восходящей к монетам Антиоха I, предложил Аллот де ла Фюи (1910, табл. X, 21—25; 1925, с. 43—44), в распоряжении которого было пять монет (в том числе два экз. из Британского музея); он относил их выпуск ко времени существования Греко-Бактрийского царства и связывал эту чеканку с народами, жившими к северу от греко-бактрийских владений и не находившимися в подчинении у греческих правителей Бактрии.

Прототип, которому следуют подражания этой группы, определил Э. Ньюэлл (1938, с. 269), располагавший еще пятью экземплярами (воспроизведены только три — Ньюэлл, 1938, табл. LVI, 10—12). Э. Ньюэлл не предлагал ни датировок, ни сколько-нибудь определенной локализации этих монет, считая, что они „почти наверняка не являются «официальными» выпусками".

Попытку прочесть в остатках искаженной легенды (на одном из экземпляров Самаркандского музея — VII.017) имя Эвтидема и титул «царь» сделала Н. Н. Забелина, опубликовав графическую прорисовку монеты и восстановленного ею чтения легенды (Забелина, 1949).

В. М. Массон издал еще три монеты из этой группы (из собрания Государственного Эрмитажа), именуя их „довольно редкие монеты Гиркода с изображением на реверсе головы лошади вправо" или просто „монеты с головой лошади на реверсе" (В. Массон, 1955, с. 42—43, табл. 10—12), и датировал их достаточно широко — от середины III до середины I вв. до н. э. Исходя из предложенного Н. Н. Забелиной чтения легенды, В. М. Массон склонялся к тому, что какая-то часть „монет с головой лошади" была выпущена в Согде Эвтидемом в бытность его (гипотетическую) сатрапом Согда (до восшествия на греко-бактрийский престол, т. е. до 30-х гг. III в. до н. э.).

И, наконец, сравнительно недавно с фантастической (и никак не обоснованной) „интерпретацией" этих монет выступил английский коллекционер М. Митчинер, декларировавший, что эти монеты выпускались племенами дахов в Хорезме между 250 и 130 гг. до н. э. (Митчинер, 1973, с. 19—21, табл. II,19—29). Такая „атрибуция" бездоказательна и находится в резком противоречии с накопленными в настоящее время фактами.

Локализация монет этой группы в Самаркандском Согде до самых последних лет вынужденно основывалась только на косвенных данных

(поступление монет, изданных Э. Друэном, Аллотом де ла Фюи и И. Свороносом из района Самарканда; наибольшая концентрация беспаспортных монет этой группы в Самаркандском музее; распространение в Согде монет Гиркода и в особенности раннесогдийских монет с лучником, восходящих — типологически — к рассматриваемым подражаниям). В 1979 г. появилась первая надежно документированная находка монеты-подражания с головой коня на об. ст. (VII.1): она была обнаружена во время раскопок храма II на Пенджикентском городище — в промоине галечного заполнения пандуса, ведшего на платформу главного здания храма в V в. Условия, в которых эта монета была найдена, не позволяют датировать ее стратиграфически, но не исключено, что она относится к значительно более раннему периоду, чем постройки, исследованные в настоящее время на Пенджикентском городище. В неопределенных стратиграфических обстоятельствах была найдена в Пенджикенте и вторая такая же монета (VII.2 — ее удалось опознать среди монет, остававшихся неопределенными) среди остатков второго этажа в помещ. 16 здания XXIV (раскопки 1973 г.). Главное значение этих находок состоит в том, что они подтверждают определение подражаний с головой коня на об. ст. как раннесогдийских и являются первыми документальными свидетельствами в пользу их локализации в Согде, — локализации, предложенной ранее умозрительно. Таким образом, подражания серебряным монетам Антиоха I с головой коня на об. ст. — это наиболее ранние местные подражательные выпуски, обращавшиеся на территории Таджикистана.

В целом эта линия местных подражаний изучена пока слабо: издано не более двух десятков монет, их классификация и хронологическая систематизация не разработаны, недостаточно хорошо исследован вопрос об абсолютных датах и о типологических связях этой группы подражаний с последующими самостоятельными среднеазиатскими чеканками. Поэтому здесь (как и в главе VI) будут рассмотрены все относящиеся к этой группе экземпляры, сведения о которых удалось собрать.

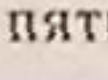
Помимо опубликованных ранее, учтены беспаспортные монеты этой группы, хранящиеся в среднеазиатских музеях (Ташкентский музей — 12 экз., Ашхабадский историко-краеведческий музей — 2 экз., Самаркандский музей — 36 экз.), в Государственном Эрмитаже (29 экз.), а также в Феодосийском краеведческом музее (6 экз., привезенных из Средней Азии), в Берлинском мюнцкабинете (4 экз.) и др. Общее число монет, которые были доступны для изучения в натуре, по слепкам или по хорошим воспроизведениям в изданиях, оказалось несколько более сотни [8].

Для данной группы подражаний в целом характерны те же особенности, которые выше уже были отмечены для «варварских подражаний». Одна из задач источниковедческой обработки монет — определение примерной последовательности их выпуска, т. е. членение монет по периодам (с выделением в пределах периода отдельных серий, когда это возможно). Пока эта задача может быть выполнена лишь в самом общем виде, поскольку среди собранных экземпляров слишком велико число

---

[8] Часть из них уже воспроизводилась, но без детального разбора и без данных о весе, месте хранения и т. п. (Зеймаль, 1975, табл. II, 2—21; Зеймаль, 1978, табл. I, 4—11). Более полные сведения — Зеймаль, 1983 г. В собрании Института археологии АН Узбекской ССР в мае 1981 г. мне удалось обнаружить еще одну монету этой группы, происходящую из раскопок, — она была найдена в 1974 г. на городище Ер. Курган (раскоп 5, Л—20/6—7, 11 микрослой) и оставалась неопределенной.

существенно различающихся вариантов, т. е. ряды, которые можно построить по имеющимся монетам, оказываются недостаточно полными.

Исходными прототипами для рассматриваемых подражаний послужили, как установил Э. Ньюэлл, серебряные монеты Антиоха I (с головой коня на об. ст.), чеканенные в Бактрах (с монограммой ); основное направление видоизменения подражаний — удаление от этого прототипа. Раннесогдийские монеты Аштама, имеющие на об. ст. изображение головы коня (XXII.01), и уникальная монета Гиркода (Зеймаль, 1978, табл. III, 13), на об. ст. которой вместо протомы скачущего коня помещена голова коня, как на рассматриваемых раннесогдийских подражаниях, — это типологическое завершение „эволюции" подражаний, т. е. результат, к которому изучаемые монеты приближались по мере накопления видоизменений. Между этими двумя крайними точками и располагается чеканка монет-подражаний, подразделенная здесь на пять периодов.

К первому периоду отнесены экземпляры (VII.01—030), обнаруживающие наибольшую близость к монетам Антиоха I (Ньюэлл, 1938, табл. L. 20). В портрете сохраняется частичное сходство с Антиохом I, но пластическая сухость в чертах лица усиливается, пропорции головы удлиняются, резче подчеркнуты скулы, более обобщенно (и вместе с тем несколько утрированно) переданы индивидуальные особенности облика Антиоха I — заостренный нос, небольшой резко очерченный подбородок и плотно сжатые узкие губы. Разделка волос на пряди параллельными штрихами сохраняется, волосы стянуты вполне узнаваемой еще диадемой, обрез шеи — с небольшой дугой-выемкой, а поле монеты, как правило, обрамлено точечным ободком. На об. ст. воспроизведено характерное для прототипа расположение монограммы под мордой коня (IV или V часов), да и сама монограмма передана довольно точно. Голова коня изображена еще с сохранением большинства деталей: опознаются рога коня, уздечка, сохраняется и конфигурация обреза шеи — скошенного и чуть приподнятого справа.

Среди экземпляров первого периода удалось (по весу) выделить три серии: подражания драхмам (VII.01—013), гемидрахмам (VII.014—022) и оболам (VII.023—030). Судя по состоянию легенд, изображений и другим признакам, эти три серии выпускались параллельно и не могут быть тремя разновременными этапами весовой редукции прототипа. Видимо, эти различия в номиналах были „заданы" местному рынку проникавшими сюда монетами-прототипами, а не возникли как результат потребностей складывающегося денежного обращения. На это достаточно определенно указывает прекращение выпуска в последующей чеканке сперва оболов (II период), а затем и гемидрахм (III период).

Один из признаков, характерный только для монет I периода (но не всех) — присутствие на об. ст. искаженной греческой легенды, идущей по кругу (слева направо) от XI—XII до V—VI часов. Расположение легенды на прототипе иное: слева от головы коня (прямой строкой[9], а не по кругу) ΒΑΣΙΛΕΩΣ, под головой коня (также прямой строкой) ΑΝΤΙΟΧΟΥ. В целом состояние надписей на подражаниях I периода

[9] Имеющийся в нашем распоряжении ряд далек от полноты: в нем нет экземпляров, по которым можно было бы проследить переход от расположения легенды прямой строкой (как на монетах, послуживших прототипом) к круговому ее расположению.

очень плохое: легенда (помимо обычных искажений, проистекающих от незнания резчиком ни греческого алфавита, ни языка), попадая — из-за скифатности монетного кружка — на наиболее вогнутую часть поля и очень близко к краю монеты, при последующей подправке штемпеля легко могла быть уничтожена. Несомненные остатки искаженной легенды (или их следы) имеются на экз. VII.01—**09**, 012—**017**, 019—021, 023, 024. На остальных монетах I периода не всегда можно различить, что изображено слева от головы коня — искаженные буквы (в виде вертикальных штрихов) или схематически переданная грива.

Наиболее опознаваемую легенду дают экз. VII.**03**—06 и **017**, на которых слева от головы коня (в полном соответствии с расположением легенды на прототипе) виден начертанный с разной степенью нечитаемости титул ΒΑΣΙΛΕΩΣ. Второе слово искажено значительно сильнее: только на экз. VII.**03** различимы остатки *ню, йоты* и *хи*, позволяющие возводить его к ΑΝΤΙΟΧΟΥ. На экз. VII.**04** вместо второго слова — имитация расположения легенды с помощью бессмысленного набора значков, отдаленно напоминающих греческие буквы (первое слово на этом экз., если учитывать только данную монету, а не весь ряд, — также почти не опознается). На экз. VII.05 второе слово скорее угадывается, чем „читается", хотя первое — вполне различимо. На экз. VII.06 на месте второго слова — сильно затертая поверхность с очень нечеткими следами „букв".

Более подробно необходимо остановиться на легенде экз. VII.**017**, поскольку именно на нем Н. Н. Забелина пыталась читать имя Эвтидема, якобы начертанное полностью на месте второго слова (Забелина, 1949). Особенность этого экземпляра — четко сохранившиеся знаки легенды ΙΛΣΙΛΕΛΕ Υ·ΥΔΗ . Увеличенная фотография (рис. 2) позволяет читателю самому решить, можно ли принять такое чтение. Два последних знака действительно напоминают *дельту* и *эту*, но за первую букву имени Эвтидема Н. Н. Забелина, видимо, приняла искаженную *сигму*, т. е. последнюю букву первого слова. Состояние „легенд" на остальных монетах I периода ясно показывает, что резчики штемпелей не знали ни греческого алфавита, ни языка. Мог ли неграмотный мастер ввести в легенду новое слово (не исправив при этом начертания первого слова), да еще имя царя (!), да еще сокращенное наполовину? Ясно, что ни сама „легенда" на этом экземпляре (как бы „заманчиво"-правдоподобно ни располагались ее значки), ни условия, в которых чеканились монеты I периода, ни общий нумизматический контекст, вне которого эту монету нельзя рассматривать, не позволяют принять чтение Н. Н. Забелиной даже предположительно[10].

На л. ст. монет второго периода (VII.031—055) портрет уже полностью утрачивает сходство с индивидуальными чертами Антиоха I, но диадема-лента на волосах еще хорошо опознается, хотя на некоторых гемидрахмах (VII.046—**055**) она уже близка к потере первоначального содержания и выглядит как „картуз", повернутый козырьком назад

---

[10] «Заманчивость» заключена в данном случае в тех далеко идущих исторических выводах, которые предполагает «чтение» (правление Эвтидема в Согде до его правления в Бактрии; вхождение Согда в состав греко-бактрийских владений; узкая датировка данного экземпляра и близких к нему монет-подражаний 30-ми гг. III в. до н. э. и т. п.), но слишком ненадежным оказывается основание для столь ответственных заключений.

(так изображены непонятые резчиком концы лент диадемы, завязанные на затылке).

По состоянию об. ст. монеты II периода типологически примыкают к монетам I периода, но легенда или изображена в виде совершенно бессмысленного ряда штрихов (имитация расположения), или вообще отсутствует. Кружок или овал (иногда — незамкнутый) имитирует расположение монограммы. Две серии по номиналам („драхмы" — VII.031—045, „гемидрахмы" — VII.046—**055**) уже обнаруживают значительную редукцию (соответственно до 2,5—1,5 г и до 1,2—0,6 г); возникают и иконографические особенности, позволяющие различать „гемидрахмы" и „драхмы" без взвешивания, по виду (главным образом по разному масштабу изображения). Даже если экз. VII.050—**053** было бы правильнее отнести к III периоду (они обнаруживают некоторую иконографическую параллельность по отношению к экз. VII.070—**074**), *тенденция к выпуску* одного номинала намечается совершенно определенно.

Рис. 2. Подражание монетам Антиоха I с головой коня на об. с. (экз. VII.017)

Увеличено в 4 раза

Иконографическое единообразие экземпляров II периода (по сравнению с I периодом) менее ощутимо. Среди драхм различаются по крайней мере две группы (VII.031—**037** и 038—045), штемпели для которых, видимо, резали разные мастера. Экз. VII.031—**037** типологических теснее примыкают к монетам I периода. Сходство с изображениями Антиоха I на его монетах (и даже на подражаниях I периода) у типа л. ст. экз. VII.038—**045** значительно меньше, несмотря на более „эллинизированный", в целом, портрет на этих монетах. Возможно, новый резчик (или резчики) стремился здесь дать более «осмысленное» изображение после совершенно искаженной л. ст. экз. VII.031—**037**. Эти различия между „драхмами" (равно как и отмеченный выше более поздний облик „гемидрахм" VII.**052—055**), возможно, с накоплением новых материалов, позволят дать более дробное хронологическое членение этих монет-подражаний.

На монетах третьего периода (VII.056—**074**) диадема уже теряет свой первоначальный вид (исключение — VII.073 и, возможно, 056) и изображается в виде рельефного валика, если изображается вообще. На экз. VII.065—**069** на голове правителя — нечто вроде шлема, закрывающего уши; на части экземпляров детали изображения на л. ст. очень плохо различимы.

Для оборотной стороны отличительный признак монет третьего периода — острый треугольный „вырез" в нижнем обрезе головы коня: его можно видеть даже на тех монетах, которые в остальном демонстрируют заметный иконографический разнобой.

Монеты четвертого периода (VII.**075**—095) — наглядный пример неполноты дошедших до нас рядов и соответственно далеко не полного представления о переменах в иконографии и о других особенностях тех монет, которыми мы сейчас располагаем. Ясно очерчиваю-

щиеся небольшие серии из нескольких экземпляров (видимо, каждая такая минисерия — работы одного мастера) разделены типологическими лакунами, которые приходится заполнять предположительно.

Экз. VII.077—080 (их примыкание к монетам предшествующих периодов устанавливается по манере изображения головы коня на об. ст.) составляют небольшую серию по особенностям л. ст. — крупная (почти во весь кружок) голова с характерным прямым носом; уплощенная шапочка (нечто среднее между беретом и пилоткой), и типологически продолжают отдаление от прототипа, достигнутое монетами III периода, но с „реликтовой" разделкой волос на пряди штрихами — уже поверх головного убора; на шее, напоминающей стоячий воротник мундира, — узор в виде ломаной линии или зигзага. Такому состоянию л. ст. соответствует на об. ст. изображение головы коня, массивной и тупорылой, которая прижата к шее под неестественным углом, а пересеченное чертой кольцо под мордой коня (на обычном месте монограммы), похоже, уже переосмыслено резчиком как деталь конской уздечки.

Появление экз. VII.081, 082 было как бы подготовлено экз. VII.077—080 — головной убор на них уже определенно напоминает шлем и даже свидетельствует о знакомстве резчиков с греко-бактрийскими монетами царя Эвкратида (до него такой шлем на греко-бактрийских монетах не изображался)[11]. Знаки слева от головы на экз. VII.081, возможно, имитируют расположение легенды, но в данном случае „боковой" прототип не ясен.

Экз. VII.083—086 стоят несколько особняком среди монет IV периода, резко выпадая из общего процесса „варваризации" типов; они свидетельствуют о появлении на монетном дворе новых резчиков, хорошо знакомых с эллинистической изобразительной традицией (возможно, иноземцев). Но второстепенные детали (расположение кольца-„монограммы" на экз. VII.084; сходство головы коня на экз. VII.094 и экз. VII.093; сходство об. ст. экз. VII.083 и 079 и т. п.) позволяют предполагать их примерную синхронность с остальными монетами IV периода.

В самостоятельную серию выделяются экз. VII.091—093, на которых голова на л. ст. обращена влево (такой поворот затем закрепился на монетах „пятого" периода), но совпадение ряда иконографических деталей (ср. л. ст. экз. VII.093 и 077—080 или 081—082) позволяет относить их к IV периоду. Только экз. VII.091 мог бы с одинаковой вероятностью принадлежать и к III периоду, если бы не левый поворот головы.

Экз. VII.087—090 могут быть отнесены и к III, и к IV периодам (ср. экз. VII.090 и 074), но, пожалуй, больше оснований относить их к IV периоду (ср. об. ст. экз. VII.090 и 097—0100); „боковой" прототип и в данном случае установить не удается.

На монетах „пятого" периода (VII.096—0103) голова на л. ст. обращена влево. Но и совокупность всех остальных признаков, с отчетливо выраженной (по сравнению с монетами III и IV периодов) „стан-

---

[11] Вряд ли можно, однако, использовать этот «боковой» прототип для уточнения дат IV периода: монеты Эвкратида (вторая четв. II в. до н. э.) находились в обращении гораздо позже времени их выпуска и сами стали родоначальниками по крайней мере двух линий подражаний (ниже, гл. VIII); «боковым» прототипом могли быть и подражания монетам Эвкратида, что дает еще более широкие даты для рассматриваемых подражаний.

дартизацией" типов, позволяет уверенно отличать эти экземпляры как четко обособленную серию.

На л. ст. — уже утративший даже самое отдаленное сходство с Антиохом I персонаж с усами и острой бородкой (на экз. VII.096—0100 это видно лучше всего), волосы которого всегда переданы длинными, утолщенными и редко расположенными штрихами-„прядями", „зачесанными" назад от линии лба. Манера изображения плоскостная и графичная, примитивно-условная, с очень определенной тенденцией к упрощению и схематизации изображения — вплоть до почти полной потери содержания (VII.0103). Эти особенности (и та же тенденция) характерны не только для л. ст., но и для об. ст. Создается впечатление, что все экземпляры этой серии воспроизводят исходный образец (или первый экземпляр) с постепенной „редукцией" изобразительного содержания.

На монетах этого периода впервые (среди всех подражаний с *головой коня на об. ст.) появляется местная легенда (на л. ст. справа* в поле — от XI до VII часа) арамейским (или раннесогдийским?) письмом, состоящая не менее чем из четырех знаков. Она лучше видна на начальных экземплярах (VII.096, 097), а на всех последующих искажена (VII.098—0102) или совершенно не различима (VII.0103). Уверенное чтение может дать только новый экземпляр, стоящий к исходному образцу ближе, чем имеющийся сейчас экз. VII.096 [12].

Деградация изображения и орнаментализация легенды происходят параллельно с весовой редукцией — от 2,20 до 0,95 г. Значительное утолщение монетного кружка (до 6—8 мм) резко отличает экз. VII.096—0103 от всех остальных подражаний с головой коня на об. ст. Легкая скифатность сохраняется, но ощущается не как чашевидность монеты в целом, а как выпуклость л. ст. и вогнутость об. ст.

Все отмеченные особенности позволяют рассматривать экз. VII.096—0103 уже не как позднейшую часть подражательных выпусков по образцу монет Антиоха I, а как вполне самостоятельную местную монетную чеканку, выросшую из этих подражаний.

Типологическая преемственность этой чеканки по отношению к собственно подражаниям с головой коня на об. ст. не вызывает сомнений, но не обязательно предполагает непосредственное или тесное хронологическое примыкание: исходный образец этой серии мог быть скопирован с монет IV периода (они выступают при этом в роли прототипа) через какой-то промежуток времени, когда чеканка собственно подражаний уже прекратилась. Не рассматривая пока вопрос об абсолютных датах этой самостоятельной чеканки, ограничимся выделением ее в чисто условный „пятый" период подражаний монетам Антиоха I.

Предложенная здесь разбивка монет по периодам отражает в самом общем виде последовательность чеканки раннесогдийских подражаний монетам Антиоха I с головой коня на об. ст., их относительную хронологию. В определении абсолютных дат их выпуска мало помогают даты исходного прототипа, т. е. монет самого Антиоха I: они позволяют лишь утверждать, что подражания выпускались не ранее 280—268 гг. до н. э. Сколько времени должно было пройти, чтобы рынок за Амударьей привык к монетам Антиоха I с головой коня как к привоз-

---

[12] Если это попытка передать имя Антиоха арамейскими буквами — 'ntwh (Зеймаль, 1978, с. 201), то не совсем грамотная или — на имеющихся экземплярах — уже искаженная.

ным иноземным монетам, сколько времени осуществлялось их первоначальное обращение в какой-то очень узкой среде и в качестве чужеземной монеты, сколько времени прошло до того момента, когда прекратился приток монет, ставших привычными, — обо всем этом трудно судить даже предположительно.

Видимо, самые ранние подражания этой группы вообще не представлены среди дошедших до нас (и учтенных здесь) экземпляров. Их выпуск вряд ли начался раньше конца III или первых десятилетий II в. до н. э. Монеты I и II периодов, еще сохраняющие искаженную греческую легенду или имитирующие ее расположение, могли выпускаться начиная со второй четверти II в. до н. э. Подражания III и IV периодов, связанные типологически с уникальным „гибридным" экземпляром Гиркода, упоминавшимся выше, должны были выпускаться до середины I в. до н. э., если относить к середине I в. до н. э. начало чеканки монет Гиркода (В. Массон, 1955, с. 43). Если же начало чеканки монет Гиркода сдвигать к началу н. э. или даже в I в. н. э., то чеканка подражаний III и IV периодов могла продолжаться, соответственно, позднее (в зависимости от этого должны будут сдвигаться и даты окончания чеканки монет-подражаний I и II периодов).

В целом, с уверенностью можно утверждать только, что рассмотренные в этой главе подражания чеканились на протяжении II и первой половины I в. до н. э., но и более поздние даты для них не исключены. Более точная датировка (и тем более дробная датировка по периодам) при современном состоянии изученности этих монет невозможна.

VII. ПОДРАЖАНИЯ МОНЕТАМ АНТИОХА I С ГОЛОВОЙ КОНЯ НА ОБ. СТ.
ТАБЛ. 9.

№№	Происхождение	Определение	Вес	Диаметр	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
		[Прототипы — VII. А и VII. Б]					
01		I период, «драхма»	3,08	15,4	VII	ТШ 154/6	
02		то же	2,75	16,0	VI	ТШ 14/15	
03	из колл. Б. Н. Кастальского	то же	2,05	16,6	VI	СМ Н-10006	
04	то же	то же	2,45	15,3	VI	СМ Н-10005	
04а	из колл. Гутри	то же	2,28	16,7	VI	БР	
05	из колл. Б. Н. Кастальского	то же	2,15	16,7	XII	СМ Н-10007	
06	то же	то же	1,90	17,0	I	СМ Н-10008	
07		то же	2,32	15,1	VI	ГЭ 37918	
08		то же	2,25	15,1	VI	СМ Н-15	
09		то же	2,32	14,0	VI	СМ Н-17	
010		то же	2,43			БМ	Митчинер 1973, с. 24, табл. II, 20)
011		то же				АШ 4450	
012		то же	2,17	15,5	VI	СМ Н-11	
013		то же	2,43			БМ	Митчинер 1973, табл. II, 21)
014		I период, «геми-драхмы»	0,98	13,1	VI	ТШ 14/17	
015		то же	1,25	13,0	V	ТШ 14/18	
016		то же	1,43	12,5	VI	СМ Н-18	
017		то же	1,25	12,0	VI	СМ Н-20	Забелина 1949
018		то же				АНО?	Ньюэлл 1938, табл. LVI, 6
019		то же	1,25	13,0	VI	СМ Н-19	
020		то же	1,02	13,3	V	СМ Н-16	
021		то же	1,14	12,0	V	СМ Н-22	
022	(привезена из Средней Азии)	то же	1,18	13,6	IV	ФМ 128/10	
023		I период, «оболы»	0,70	10,3	XII	ГЭ 548	
024		то же	0,35	9,0	IX	ТШ 14/20	
025	(привезена из Средней Азии)	то же				ФМ 128/6	
026		то же	0,47	9,2	VIII	СМ Н-29	
027	(привезена из Средней Азии)	то же	0,50	10,4	X	ФМ 128/4	
028		то же	0,28	7,1	III	СМ Н-30	
029	из колл. Б. Н. Кастальского	то же	0,25	8,0	VI	СМ Н-10009	
030	(доставлена из Самарканда)	то же	0,34			АФ	Своронос 1913, с. 185, № 2, табл. XVIII, 2.
031		II период, «драхмы»	1,91	16,5	XII	ТШ 154/4	
		то же	2,10	17,3	VI		

№№	Происхождение	Определение	Вес	Диаметр	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
032	из колл. Б. Н. Кастальского	II период, «драхмы»	2,10	17,3	VI	СМ Н-10013	Ньюэлл 1938, LVI, 10
033	то же	то же	1,91	16,7	VI	СМ Н-10063	
034		то же	1,13	14,0	I	СМ Н-24	
035		то же	1,89	15,2	XII	ГЭ 37917	
036		то же	2,47	15,9	VI	ГЭ 536	
037		то же	2,16	16,7	I	ГЭ 541	
038		то же				АНО?	
039		то же	2,48	16,3	VI	ГЭ 542	
040		то же	1,85	15,3	VI	ГЭ 3713	
041		то же	2,07	14,9	XII	ГЭ 543	
041а	из колл. Гутри	то же	2,19	15,9	VI	БР	
042		то же	2,05	15,7	XII	ГЭ 37921	
043		то же	2,45			НБ?	де ла Фюи 1910, табл. X, 22
043а	из колл. Фокса	то же	1,94	15,5	VI	БР	
044		то же	2,45			НБ	де ла Фюи 1910, табл. X, 23
045		то же	1,45			НБ	де ла Фюи 1910, табл. X, 21
046	(привезена из Средней Азии)					ФМ 128/9	
047		то же	1,20	14,2	VI	ГЭ 37915	
048	то же	то же				ФМ 128/8	
049		то же	1,10	12,5	VII	СМ Н-21	
050		то же	1,15	12,0	VI	СМ Н-23	
051		то же	1,24			?	Навиль АК 1925, табл. 28, 833
052	из колл. Б. Н. Кастальского	то же	1,10	13,4	XI	СМ Н-10011	
053	то же	то же	0,85	12,4	VI	СМ Н-10015	
054		то же	1,16	11,5		СМ Н-25	
055		то же	0,65	13,1		СМ Н-24	
056		III период	2,55	14,12		ТШ 14/12	
057		то же				АНО?	Ньюэлл 1938, табл. LVI, 11
058		то же	2,07	16,9	VI	ТШ 154/7	
059		то же				БМ	де ла Фюи 1910, табл. X, 24
060		то же	2,48			АНО?	Навиль АК 1925, табл. 28, 834
061		то же	1,63	15,9	XII	ГЭ 539	
062		то же	1,52	14,8	III	ГЭ 3714	
063		то же	1,81	15,0	XII	ГЭ 3715	
064		то же	2,02	14,7	XII	ГЭ 3712	
065		то же	1,55	15,0	VII	ТШ 14/16	
066		то же	1,72	15,4	VI	ГЭ 37922	
067		то же	1,13	14,0	I	СМ Н-27	

№№	Происхождение	Определение	Вес	Диаметр	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
068			1,38	14,1	?	ГЭ 379:6	
069			0,97	11,2	?	СМ Н-28	
070						АШ 445:	
071	из колл. Б. Н. Кастальского	то же	2,42	15,8	VI	СМ Н-:00:2	
072		то же	1,45	15,9	VI	ТШ :54/5	
073		то же	2,39	16,0	III	ГЭ 544	
074		то же	2,29	14,0	XII	СМ Н-:3	
075	из колл. Б. Н. Кастальского	IV период	1,65	16,0	VI	СМ Н-10003	
076		то же	2,45			?	Навиль 1925, 28, 831 АК табл.
077		то же	2,47	15,6	VI	ГЭ 540	
078		то же	2,42	16,7	VI	ГЭ 538	
079		то же	2,39	15,9	VI	ГЭ 537	
079а	из колл. Фокса	то же	2,37	15,8	VI	БР	
080		то же	2,29	16,0	VI	ТШ 154/8	
080а	из колл. Фокса	то же	1,98	14,9	?	БР	
081		то же	2,29	15,0	VI	СМ Н-9	
082	из колл. Б. Н. Кастальского	то же	2,10	15,1	VII	СМ Н-:00:0	
083		то же	2,68	16,1	IX	ГЭ 534	
084		то же	2,42	16,3	III	ГЭ 533	
085		то же	2,38	16,4	VIII	ГЭ 535	
086		то же	2,34			?	Навиль 1925, 27, 832 АК табл.
087		то же	2,39	16,2	VI	ГЭ 37920	
088	(привезена из Средней Азии)	то же				ФМ :28/5	
089		то же	1,84	16,2	XII	СМ Н-:0	
090		то же	2,25	14,3	XII	СМ Н-:2	
091		то же	1,97			БМ	(Митчинер 1973, табл. II, 25)
092		то же	1,62	15,0	VI	ТШ :4/21	
093		то же	1,25	15,4	XI	ГЭ 546	
094		то же	(0,92)	(12,8)	XII	ГЭ 379:9	
095						АНО?	Ньюэлл 1938, табл. LVI, 12
096	(приобретена в Джизаке)	V период	2,20			НБ?	Друэн 1894, с. 181
097		то же	1,45			ГЭ 37506	
098		то же				БМ	де ла Фюи 1910, табл. X, 25 В
099	из колл. Б. Н. Кастальского	то же	1,80	15,2	XII	СМ Н-:0036	
0100	то же	то же	1,95	15,4	XII	СМ Н-10035	
0101		то же	1,53	14,4	VI	ГЭ 545	
0102		то же	1,81	12,8	XII	СМ Н-:79	
0103		то же	0,95	12,3	XI	ГЭ 37952	

№№	Происхождение	Определение	Вес	Диаметр	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
			Находки из Таджикистана				
1	Пенджикентское г-ще, 1973 г. здание XXIV, помещ. 16, на уровне просевшего пола 2-го этажа		0,45	15,2	—	ИД Н-463/107	
2	Пенджикентское г-ще, 1979 г., храм II (планировка V в.), в промоине галечного заполнения пандуса, ведущего на платформу главного здания	то же	0,82	14,8	—	ИД Н-469/1	

Глава VIII. ПОДРАЖАНИЯ МОНЕТАМ ЭВКРАТИДА

Подражания оболам

Монеты греко-бактрийского царя Эвкратида (вторая четверть II в. до н. э.), находки которых — по сравнению с монетами других греко-бактрийских царей — сравнительно часто встречаются к северу от Амударьи, послужили образцом не менее чем для двух самостоятельных линий подражательной чеканки в Средней Азии. С территорией Таджикистана наиболее определенно связаны подражания оболам Эвкратида: более трех десятков таких монет-подражаний (из пятидесяти с небольшим экземпляров, которые известны в настоящее время [13]) было найдено в Южном Таджикистане, — как правило, во время археологических раскопок.

Впервые две такие монеты были изданы А. Каннингэмом (1889, с. 301—303, 308, табл. I[XIII], 8, 9): он связывал их с „ранними индоскифами", относя к периоду от 163 г. до 16 г. до н. э.[14]. Новые экземпляры подражаний оболам Эвкратида — единичные и тоже беспаспортные (Рэпсон, 1904, с. 321, табл. XXVII, 26; Своронос, 1913, с. 187, табл. XVIII, 22—23) — не изменили существенным образом представления об этих монетах, сложившегося у А. Каннингэма (Рэпсон, 1908, с. CII и др.).

Первые надежно документированные находки монет этой группы происходят из могильника Тупхона, раскопки которого в 1946—1947 гг. производились М. М. Дьяконовым. Из пяти найденных здесь монет (погребения 5, 7, 17, 79 и 85) только одна была описана и воспроизведена М. М. Дьяконовым (1950, с. 171, табл. 85, 5).

Не выходя за хронологические пределы, намеченные А. Каннингэмом для подражаний оболам Эвкратида, М. М. Дьяконов считал, что „гиссарские оболы" „следовало бы отнести к рубежу II и I вв. до н. э., может быть, даже скорее к последним десятилетиям II в." (Дьяконов, 1950, с. 174). Территориально он уверенно связывал эту группу подражаний с „Северной Бактрией" (т. е. с южными районами Таджикистана и юго-восточными районами Узбекистана), где „после потери этой территории греко-бактрийскими царями имели хождение последовательно гиссарские оболы, непосредственно примыкающие к чекану Эвкратида, а затем оболы «Герая», которые М. М. Дьяконов был склонен относить к I в. н. э. Таким образом, оболы-подражания „существовали здесь первый век до н. э., начав обращение в конце II в. до н. э." (Дьяконов, 1950, с. 175). Свои „несколько пространные рассуждения о монетах"

---

[13] Для остальных монет этой группы мы, как правило, не располагаем сведениями о происхождении.

[14] По А. Каннингэму, 163 г. до н. э. — дата, после которой юечжи под ударами сюнну переместились к югу от Яксарта, потеснив на юг и на запад саков; 16 г. до н. э. — появление на об. ст. медных монет индо-греческого царя Гермея имени кушанского завоевателя Куджулы Кадфиза.

М. М. Дьяконов рассматривал как попытку приоткрыть „завесу над «темным» первым веком до нашей эры, над веком после-греко-бактрийским и до-кушанским". Следует признать, что попытка эта дала блестящие результаты [15], особенно если вспомнить, что в распоряжении М. М. Дьяконова была только одна монета хорошей сохранности.

Следующий важный шаг в изучении оболов-подражаний связан с раскопками Тулхарского могильника в Бишкентской долине (Шаартузский р-н), которые проводил в 1955—1959 гг. А. М. Мандельштам. Три экземпляра оболов-подражаний, найденные в ходе этих работ (из курганов I, 18; XI, 14; XVI, 2), в связи с их значением для датировки могильника, стали темой обстоятельного исследования-экскурса (Мандельштам, 1966а, с. 138—144). Сопоставляя свои находки с оболами самого Эвкратида А. М. Мандельштам выделил признаки, отличающие эти подражания от прототипа: 1) более крупное изображение на л. ст.; 2) монограмма „своеобразной формы", не засвидетельствованная на монетах-прототипах; 3) иное соотношение размеров монограммы и колпаков Диоскуров (на подражаниях монограмма крупнее и занимает все пространство под колпаками Диоскуров; колпаки меньше, чем на оболах самого Эвкратида); 4) буквы легенды крупнее; 5) К и Р в легенде имеют „нечеткие очертания". Эти же признаки он отмечает и для одного из оболов, изданных А. Каннингэмом; и этот экземпляр, и все найденные в Тулхарском могильнике не содержат, по А. М. Мандельштаму, никаких искажений в легенде [16]. Исходя из состояния легенды, А. М. Мандельштам считал оболы из Тулхара „самыми ранними воспроизведениями" оболов Эвкратида, а „гиссарские оболы" (в тупхонинском обрязце пропущена йота в имени Эвкратида) — дальнейшей стадией отдаления от прототипа, которая уже следует не непосредственно оболам Эвкратида, а „тулхарским" подражаниям. Соответственно, чеканку „тулхарских" оболов А. М. Мандельштам отнес к последней трети II в. до н. э., а „гиссарские оболы" — „к I в. до н. э. и притом, вернее всего, к его середине" (Мандельштам, 1966а, с. 142), полагая, что „время выпуска найденных в Тулхарском могильнике монет все же определяется со сравнительно большой точностью. Возможная ошибка в данном случае вряд ли превышает 20 лет" (Мандельштам, 1966а, с. 144).

Последующие раскопочные работы в Южном Таджикистане значительно увеличили число оболов-подражаний. Возобновление раскопок могильника Тупхона под руководством Б. А. Литвинского принесло новые находки подражаний оболам Эвкратида: в 1960 г. — 3 экз., в 1961 г.— 5, в в 1969 г. — 3, а также в 1971 г. — 1 экз. из другого могильника, названного Гиссарским (на участке «Иттифок» в Гиссарском р-не). Еще 2 экз. дали раскопки Б. А. Литвинского в оазисе Тепаи-Шах (левобережье нижнего течения Кафирнигана — Кобадианский р-н) и 2 экз. были найдены в этом же районе при случайных обстоятельствах.

---

[15] Необходимо также отметить, что М. Дьяконов в этой публикации первым обратил внимание на сходство л. ст. оболов-подражаний с надчеканом на драхмах Фраата IV (*голова в шлеме вправо*) и даже полагал, что «надчекан сделан штемпелем для обола и именно для обола гиссарского типа». О значении этого сопоставления для датировки среднеазиатских подражаний оболам Эвкратида см. ниже.

[16] В действительности выделенные А. М. Мандельштамом как характерный признак тулхарских оболов «нечеткие начертания» К и Р также, несомненно, являются искажениями: при последующих стадиях отдаления от прототипа они закрепились и усилились. Видимо, плохая сохранность монет не позволила А. М. Мандельштаму отметить еще одно искажение: написание *альфы* как *лямбды*.

Поскольку перечисленные новые находки (как и материалы М. М. Дьяконова и А. М. Мандельштама) происходили из долины р. Кафирниган (ее среднее и нижнее течение), была сделана попытка сузить локализацию среднеазиатских подражаний оболам Эвкратида и даже предположительно отнести их к чеканке одного из пяти юечжийских родов (и владений) — Шуанми (Зеймаль, 1975, с. 60; Зеймаль, 1978, с. 201—202). Однако последующие находки таких же оболов в могильнике Ксиров (Дангара), раскопки которого проводились в 1977—1980 гг. Е. П. Денисовым (Денисов, 1978, с. 557; Денисов, 1979, с. 577; Денисов, 1981, с. 474), показали, что локализация этих монет возможна только в более широких границах, чем долина среднего и нижнего Кафирнигана. В 1980 г. два обола-подражания были доставлены В. С. Соловьевым из Пянджского р-на (колхоз „Пограничник") — из разрушенных погребений близ городища Файзабад-кала.

Ничем не обоснованная локализация рассматриваемых подражаний в Маргиане (!?), как и произвольная датировка их 130—80 гг. до н. э., „декларорванная" М. Митчинером (1973, с. 53), — несомненный шаг назад в изучении этих монет.

Недавно коснулся среднеазиатских подражаний оболам Эвкратида Б. Я. Ставиский (1977а, с. 117—120, 241), использовавший, как и в других случаях, не сам нумизматический материал, а лишь сведения о нем в литературе. Это во многом определило несамостоятельность его заключений [17].

И, наконец, следует упомянуть об оболе, найденном на Талашкантепе II в Южном Узбекистане (Ртвеладзе—Пидаев, 1981, с. 20—23), который (если действительно является подражанием) должен относиться к совсем иной, новой, группе подражаний, восходящих к оболам Эвкратида, на л. ст. которых царь изображен без шлема. Но одного „талашканского" обола явно недостаточно, чтобы уверенно говорить об еще одной линии среднеазиатских подражаний оболам Эвкратида: ее существование могут подтвердить только находки новых экземпляров.

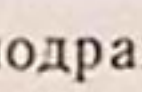
Предлагаемая ниже периодизация южнотаджикистанских подражаний оболам Эвкратида учитывает не только бесспорно местные находки, но и все известные в настоящее время экземпляры, даже если у нас нет сведений об их происхождении (в частности, по слепкам были доступны для изучения подражания оболам Эвкратида из Британского музея, среди которых и оболы из коллекции А. Каннингэма).

Вполне определенно решается сейчас вопрос о прототипе для рассматриваемых здесь подражаний. Известны две [18] основные группы оболов Эвкратида, различие между которыми определяется типом л. ст., а об. ст. у них одинаковая (два конических колпака Диоскуров, каждый из которых увенчан звездой, и две стоящие вертикально пальмовые ветви; справа ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева ΕΥΚΡΑΤΙΔΟΥ, под колпаками — слева или справа — монограмма). Оболы Эвкратида, изображающие

---

[17] В частности, Б. Я. Ставиский, опираясь на сведения о находках оболов-подражаний в долине Кафирнигана, пытается доказать, что «первоначальный центр кушанской государственности» следует искать «в долине Кундуза» или «еще далее на восток». Видимо, пока в долине Кундуза (или «еще далее на восток») не найдены ни оболы-подражания, ни монеты «Герая», там следует искать прежде всего их, а уж потом «центры государственности».

[18] Сведения о существовании третьей группы оболов Эвкратида (л. ст. — *бюст царя в шлеме вправо*, об. ст. — *стоящий Геракл, венчающий себя венком*) требуют проверки новыми экземплярами (Митчинер, 1975, т. 1, с. 87, тип 166).

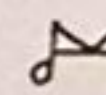
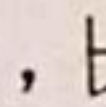
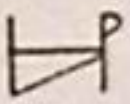
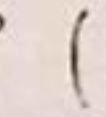
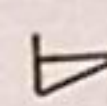
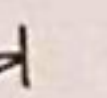
царя в диадеме (без шлема)[19], были распространены в Средней Азии[20] и потенциально также могли стать объектом подражания. Но южнотаджикистанские оболы-подражания, несомненно, восходят к оболам Эвкратида, на которых царь изображен в шлеме поверх ленты-диадемы (Гарднер, 1886, с. 15, табл. V, 11; Уайтхэд, 1914, с. 22, табл. II, 71; Лахири, 1965, с. 122, табл. XV, 10). На оболах этой группы встречаются монограммы , , ПГ, ни одна из которых не может быть прямо сопоставлена с наиболее устойчивой разновидностью монограммы на подражаниях  [21]. Однако на подражаниях I периода, когда начертание монограммы еще не выработалось, воспроизведена — с большей или меньшей степенью искажения — монограмма .

Оболы Эвкратида с такой монограммой, изображающие царя в шлеме, и послужили прототипом, которому следуют все оболы-подражания интересующей нас группы[22].

Хронологическая систематизация оболов-подражаний (т. е. определение последовательности их выпуска) опирается на наблюдения за степенью отдаления подражаний от исходного прототипа. Различия между монетами, отнесенными к одному периоду, отмечены объединением монет в серии (иногда — очень короткие) или выделением отдельных экземпляров.

К первому периоду, кроме экз. VIII.1, могут быть также отнесены еще три беспаспортных обола-подражания (VIII.02—03), изображения на л. ст. и об. ст. которых правильно передают не только композиционные схемы и пропорции прототипа в целом, но и довольно точно (хотя и с некоторыми отклонениями) воспроизводят большинство деталей. Легенда на экземплярах первого периода еще, как правило, читается, но обнаруживает искажения отдельных букв (нечеткое начертание *беты*, написание *каппы* в виде вертикального штриха с двумя короткими штрихами-усами вправо), замену одних букв другими (в частности, устойчивое написание *ламбды* вместо *альфы* и в титуле и в имени) и иные отклонения от правильного написания (зеркальное написание

---

[19] Гарднер, 1886, с. 15, табл. V, 10; Уайтхэд, 1914, с. 21—22, табл. II, 77; Лахири, 1966, с. 121—122, табл. XV, 9. На оболах этой группы засвидетельствованы монограммы  , ,  (, )  ,  (K), 

[20] 12 таких оболов хранится в Самаркандском музее, 2 — в Ташкентском, 1 — в Институте истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР; 11 таких же оболов были «приобретены в Самарканде» в 1912 г. (Афинский нумизматический музей).

[21] Иногда для оболов-прототипов приводят и другие разновидности монограмм (например, и — Лахири, 1965, с. 122), но по обобщенным начертаниям в сводных таблицах (если нет хорошего воспроизведения самой монеты) очень трудно судить о точности в передаче деталей.

[22] Только в коллекции Самаркандского музея имеется 12 оболов Эвкратида *(царь в шлеме)* с такой монограммой, они преобладают в собрании Гос. Эрмитажа и представлены в коллекциях ГИМ'а ТШ, ИД.

имени Эвкратида, VIII.03 — перемещение букв КРА из имени в титул). Монограмма еще сохраняет очертания, близкие к монограмме прототипа (VIII.01) или может быть к ней возведена, но во всех случаях она явно крупнее, чем на монетах самого Эвкратида. Вместе с тем от всех остальных подражаний оболам Эвкратида монеты первого периода отличаются тем, что монограмма *на них сохраняет сходство с монограммой прототипа* и еще не трансформировалась в новый устойчивый вариант начертания, характерный для второго и последующего периодов.

Отмеченные типологические особенности позволяют считать, что монеты первого периода — наиболее ранние из известных в настоящее время подражаний оболам Эвкратида. Сложнее ответить на вопрос, имелись ли какие-то еще более ранние подражания или экземпляры первого периода непосредственно следуют оболам Эвкратида. М. М. Дьяконову казалось, что его „гиссарские оболы" — ближайшая к монетам Эвкратида стадия подражаний. Затем место за оболами Эвкратида непосредственно заняли „тулхарские" подражания. „Следует надеяться, что дальнейшие раскопки в Северной Бактрии, — писал после этого А. М. Мандельштам, — помогут установить время чекана как «тулхарских», так и «гиссарских» оболов на более прочной основе и, соответственно, более точно. Однако может считаться уже достаточно определенным, что первые из них непосредственно связаны с «подлинными» оболами Эвкратида и поэтому являются наиболее ранними их воспроизведениями" (Мандельштам, 1966а, с. 142). Теперь, когда наиболее ранними подражаниями (из известных в настоящее время) можно с уверенностью назвать монеты первого периода, теоретически, видимо, нельзя исключить, что со временем появятся экземпляры подражаний, еще более близкие к прототипу. В целом сколько-нибудь значительного типологического разрыва между оболами самого Эвкратида и подражаниями первого периода не ощущается. Более заметен типологический разрыв между подражаниями первого и второго периодов, причиной которого, видимо, является отсутствие в нашем распоряжении промежуточного звена (или звеньев) между ними.

Ко *второму периоду* отнесены монеты (VIII.2—9 и VIII.04, 05), на л. ст. которых можно констатировать только сохранение близкого к прототипу общего контура изображения (как правило, л. ст. этих экземпляров плохой сохранности или чеканена сильно изношенными штемпелями). Детали изображения на л. ст. четко различимы только у экз. VIII.7 и 9, уже явно утративших пластическое совершенство и выразительность, характерные для собственно греко-бактрийских монет. Ни один из экземпляров второго периода (кроме VIII.7) еще не обнаруживает на л. ст. следов „подправки" штемпеля, характерных для подавляющего большинства всех последующих подражаний оболам Эвкратида (период III и позднее).

На об. ст. дальнейшее отдаление от прототипа проявляется на монетах второго периода в изменении пропорций (резкое уменьшение колпаков Диоскуров и смещение их вверх — при сохранении колпаками конической конфигурации; столь же резкое увеличение монограммы, занимающей уже всю или почти всю ширину пространства между строчками легенды), в переосмыслении деталей (звезды над колпаками окончательно „сливаются" с шариками, украшающими вершины колпаков и т. п.) и схематизации (упрощенное „начертание" пальмовых ветвей). Монограмма на монетах второго периода уже имеет устойчивые контуры, резко отличающие ее от монограммы на прототипах и на подра-

жаниях первого периода. Легенда, несмотря на более значительные — по сравнению с первым периодом — искажения, поддается почти на всех экземплярах связному чтению (кроме VIII.9). От более поздних выпусков легенда на монетах второго периода отличается тем, что в ней опознается *каппа,* имеющая искаженное начертание в виде вертикальной черты с отходящими вправо „усиком" или двумя.

Монеты третьего периода (VIII.10—13 и VIII.06—07), несмотря на очень большую близость изображений и легенд к экземплярам второго периода, обнаруживают довольно устойчивые признаки, с несомненностью указывающие на дальнейшее отдаление от прототипа. *Каппа* (в отличие от монет первого и второго периода) уже не опознается: вместо нее стоит вертикальный штрих (иногда с точками на концах — как *йота* или *ро*), изображенный наклонно вправо, под углом 45°. *Сигма* и *эпсилон* ясно различимы на всех экземплярах. Подавляющее большинство экземпляров уже чеканено с л. ст. штемпелем, явно подправленным „варварской" рукой. Но общий контур изображения и его пропорции, характерные для первого и второго периода, еще сохраняются, и полной потери объемности изображения еще не происходит. Некоторые (хотя и незначительные, по сравнению со вторым периодом) изменения претерпевает и тип об. ст.: колпаки почти утрачивают коническую конфигурацию, а монограмма под ними смещается несколько вниз.

Пожалуй, наибольшее отдаление от прототипа обнаруживает экз. VIII.13, крупную, с тяжелой нижней частью лица, голову которого уже никак нельзя назвать даже искаженным портретом Эвкратида. „Метаморфоза" эта вряд ли является результатом сознательных действий резчиков штемпеля (или „заказчика"). Можно проследить, как новые черты накапливались постепенно, и вызвано это было скорее техническими причинами: стремлением, по мере того как штемпель изнашивался, сделать его более четким. Отдаленное сходство „портрета" на л. ст. экз. VIII.13 с портретами „Герая", „Гиркода" и с л. ст. некоторых других среднеазиатских монет этой эпохи — самое общее и скорее „типажное", чем портретное. Вряд ли какие-либо „генеалогические" построения, основанные на этом сходстве, были бы в данном случае уместны. В последующей чеканке подражаний особенности л. ст. экз. VIII.13 закрепляются и претерпевают дальнейшее видоизменение.

К четвертому периоду отнесены оболы-подражания с четко выраженными особенностями изображений как на л. ст., так и на об. ст. (VIII.14—21). Для л. ст. характерны 1) заметное уменьшение изображения в целом; 2) нарушение пропорций (лицо более удлиненное, шлем непропорционально мал); 3) ярко выраженное уплощение всего изображения, в какой-то мере компенсируемое частичной линеарностью (т. е. обозначение линией-контуром и точками того, что раньше — при более высоком рельефе и при более точной моделировке — не было необходимости как-то „усиливать" и подчеркивать специально), которая на монетах четвертого периода уже становится нормой для некоторых элементов „портрета" (контур носа — изогнутая под прямым углом линия, усиленная у кончика и у крыльев носа двумя точками: губы, подбородок и глаза обозначены рельефными точками; линией намечены края шлема и контур нижней челюсти). Для некоторых экземпляров четвертого периода характерна такая специфическая деталь, как „отчеркнутый" двумя рельефными линиями — дугообразными или прямыми — нижний край бюста.

Состояние легенды на монетах четвертого периода принципиально не отличается от отмеченного для третьего периода, но количество ошибочных начертаний или искаженных до неузнаваемости букв резко возрастает, и в результате легенда становится практически нечитаемой; *сигму* и *эпсилон* еще можно отличить друг от друга, но *ипсилон* часто пишется как первернутая *ламбда*, а иногда вместо *ипсилона* просто стоит *ламбда*.

Колпаки на об. ст. почти полностью утрачивают свою коническую конфигурацию и превращаются в узкие длинные предметы с шаровидными навершиями (вроде кеглей). Схематизированные пальмовые ветви на монетах четвертого периода бывают обращены и влево (как на прототипе и на более ранних выпусках), и вправо.

В целом для монет четвертого периода характерна большая стилистическая близость между собой, большая унифицированность, чем для оболов-подражаний других периодов. Только монограмма, сохраняя свою прежнюю форму, иногда изображена более небрежно, чем на монетах второго и третьего периода, а иногда и искажена. Несколько особняком среди других монет четвертого периода стоит экз. VIII.**14**: он отчеканен не из серебра, а из меди и, возможно, был рассчитан на посеребрение.

Дальнейшее отдаление от исходного образца демонстрируют экз. VIII.**22—23**, выделенные здесь как п я т ы й п е р и о д чеканки подражаний оболам Эвкратида. На л. ст. на этой стадии — схематичное и почти совершенно плоскостное изображение только головы (а не бюста, как раньше) вправо в шлеме, обозначенное линиями (т. е. линеарность уже не частичная, а почти полная). „Колпаки Диоскуров" и пальмовые ветви на об. ст. еще опознаются, но легенда уже полностью орнаментализировалась и уже не похожа даже на имитацию расположения надписи (ряд прямых и наклонных штрихов, объединенных сверху дугообразной горизонтальной чертой). Монограмма, если она видна, не имеет верхней части. Типологическая преемственность по отношению к монетам четвертого периода вряд ли может вызывать сомнения, но не ясно, насколько прямым и непосредственным было примыкание монет пятого периода к четвертому. Необходимо отметить значительное ухудшение качества серебра (VIII.**22** — с красноватым медным отливом)[23].

Оболы-подражания ш е с т о г о п е р и о д а (VIII.**09—011**), не отличаясь такою унифицированностью, какая была отмечена для экземпляров четвертого периода, обладают, однако, общим характерным отличительным признаком: на л. ст. нижний край шлема составляет не прямую линию (как на всех рассмотренных выше экземплярах), а изломанную под тупым углом (вершина угла — примерно над ухом, от нее край шлема идет ко лбу почти строго горизонтально, а к затылку — наклонно опускаясь вниз). Столь же определенно опознается и на об. ст. общая особенность экземпляров шестого периода: „колпаки Диоскуров" овальной конфигурации (или грушевидной, если изображена точка-навершие „колпака"). Все остальные признаки (состояние легенды, степень схематизации пальмовых ветвей и даже монограмма) весьма неустойчивы. В целом, все элементы типа (и на л., и на об. ст.) уже близки

---

[23] Рентгено-спектральный анализ поверхности двух монет (VII. **14** и VIII. **22**), проведенный в физической лаборатории Гос. Эрмитажа А. И. Косолаповым, дал для экз. VIII. 14 (в абсолютных весовых %): Cu — около 72, Ag — около 27, Pb — 0,10, Au — 0,14, Zn — 0,46; для экз. VIII. 22: Cu — около 42, Ag — около 57, Pb — 0,16, Au — 0,11, Zn — 0,31.

к полному и окончательному распаду первоначальных сюжетов. Экз. VIII.010 и 011, очень близкие между собой не только по особенностям изображения, но и по фактуре (резкое уменьшение размеров монетного кружка, но некоторое увеличение высоты рельефа), видимо, со временем, если произойдет увеличение числа известных экземпляров, могли бы быть выделены как еще один хронологический этап, заведомо более поздний, чем экз. VIII.09, типологически явно к нему примыкающие. Пока же можно ограничиться выделением внутри шестого периода двух серий (VIII.09 и 010—011). Следует подчеркнуть, что находки монет шестого периода пока не были зарегистрированы на территории Таджикистана.

В этой хронологической систематизации не нашли отражения экземпляры VIII.24—33, сохранность которых (или отсутствие необходимой информации о них) не позволила сопоставить их с другими монетами (VIII.30, видимо, принадлежит ко второму периоду).

Кроме того, необходимо упомянуть также еще о двух оболах-подражаниях (VIII.08 и 012), которые, по-видимому, принадлежат к какой-то иной, несреднеазиатской линии подражаний оболам Эвкратида. Оба они типологически, несомненно, весьма далеки от исходного прототипа. Особенно это относится к экз. VIII.012, на л. ст. которого изображен бюст правителя влево, в уплощенном головном уборе, очень отдаленно напоминающем греко-бактрийский шлем; рельеф изображения — очень низкий, манера изображения — условно-линеарная; бюст обрамлен точечным ободком, между которым и краем монетного кружка — незаполненное пространство шириной до 4 мм. На об. ст. легенда отдаленно напоминает расположение имени и титула в две строки — в каждой „строке" по четыре значка („буквы"). Колпаки изображены двумя узкими вертикальными полосами „заостренными" на конце; пальмовые ветви обращены вправо. Монограмма на этом экземпляре не видна.

Вопросы датировки. И. М. М. Дьяконов, и А. М. Мандельштам вполне согласно относили начало чеканки подражаний оболам Эвкратида к „последним десятилетиям" или к „последней трети" II в. до н. э., хотя и писали о типологически разновременных монетах. В обоих случаях эти даты основывались не столько на конкретных особенностях самих монет, сколько на общеисторических соображениях, обусловленных падением Греко-бактрийского царства и приходом в Трансоксиану юечжей. Эти же соображения остаются в целом справедливыми и для определения дат тех монет, которые отнесены теперь к первому периоду: во-первых, эти подражания вряд ли начали чеканить пока сохранялось Греко-бактрийское царство и продолжался приток оттуда в Трансоксиану полноценной и подлинной монеты; во-вторых, их чеканка могла начаться только после прихода в правобережье Амударьи юечжей, которых Чжан Цянь около 128 г. до н. э. уже застал к северу от Амударьи.

Таким образом, последние десятилетия II в. до н. э. (или рубеж II—I вв. до н. э.) — наиболее вероятная дата начала выпуска этой линии среднеазиатских подражаний. Однако, учитывая „неунифицированный" характер монет, отнесенных к первому периоду, можно предполагать их некоторую разновременность. Экземпляр, наиболее близкий к прототипу из всех монет первого периода, — мог бы при этом приходиться на последние десятилетия II в. до н. э., а остальные экземпляры, с более определенными признаками отдаления от прототипа, должны быть отнесены, соответственно, несколько позже — на начало I в. до н. э.

Некоторый типологический разрыв, который — по имеющимся экземплярам — ощущается сейчас между монетами первого и второго периода, позволяет предполагать, что монеты второго периода следует датировать серединой I в. до н. э. Соответственно монеты третьего периода должны относиться тогда к концу I в. до н. э. — первым десятилетиям I в. н. э., монеты четвертого периода — ко второй четверти или к середине I в. н. э., а заключительные этапы чеканки (пятый и шестой периоды) сдвигаются на вторую половину I — начало II в. н. э.

Но возможна ли такая „растянутая" (по сравнению с хронологией этих монет М. М. Дьяконова и А. М. Мандельштама) датировка? И нельзя ли привлечь для ее утверждения (или опровержения) такие материалы, которые лежали бы вне рассмотренного выше типологического ряда и только что приведенных умозрительных соображений? Одно из направлений для поисков — детальный анализ археологических комплексов, в которых были найдены оболы-подражания. Но при современном состоянии среднеазиатской археологии этот путь не дает необходимых результатов: лишь некоторые импортные изделия могут иметь независимые даты, но они, к сожалению, слишком широкие. Можно только констатировать, что сопутствующие оболам-подражаниям археологические материалы не противоречат предложенной выше датировке подражаний оболам Эвкратида как в целом (от конца II в. до н. э. до начала II в. н. э.), так и по отдельным периодам (сериям).

Более определенные результаты дает обращение к нумизматическим материалам — сопоставление оболов-подражаний с изображениями в надчекане *(бюст правителя в шлеме вправо)* на подражаниях драхмам *парфянского царя Фраата IV (39—2 гг. до н. э.). Подражания* драхмам Фраата IV с таким надчеканом известны давно (Рос, 1903, с. 114, табл. XXI, 4—6; Гиршман, 1946, с. 197, табл. XXII, 7; ср. Симонетта, 1958, табл. I, 7—15; Симонетта, 1974, табл. I, 5, 6). Впервые на сходство между надчеканом на этих подражаниях Фраату IV и л. ст. подражаний оболам Эвкратида обратил внимание М. М. Дьяконов[24]. Правда, впечатление, что на подражаниях драхме „надчекан сделан штемпелем для обола и именно для обола гиссарского типа" (Дьяконов, 1950, с. 174), оказалось неверным — в этом убеждают простейшие промеры, но сходство изображений на л. ст. обола и в надчекане действительно неоспоримое, что позволяет использовать его для проверки и уточнения новой датировки подражаний оболам Эвкратида.

Задача облегчается тем, что для сопоставления могут быть использованы не единичные экземпляры, рассеянные по музейным собраниям, а весьма представительная находка подражаний драхмам Фраата IV, сделанная осенью 1978 г. в Южном Таджикистане, во время раскопок на городище Тахти Сангин (см. о них гл. X и экз. X.1—69). Из разных стадий чеканки таких подражаний драхмам Фраата IV наибольшее сходство с л. ст. оболов, подражающих выпускам Эвкратида, обнаруживают ложные надчеканы на подражаниях парфянским монетам (не ранее второй четверти I в. н. э.).

---

[24] Ему был известен только один экз. такого подражания парфянской драхме, изданный Р. М. Гиршманом как монета индо-сакского царя Спалириса (так его называет и М. М. Дьяконов), имя которого Р. М. Гиршман пытался читать в искаженных знаках греческой легенды на об. ст. Это чтение — явно ошибочное (как и вытекающие из него исторические выводы), что уже отмечалось в литературе (Дженкинз—Нарайн, 1957, с. 4, прим. 1; Симонетта, 1959, с. 165—166 и др.).

Сходство это не ограничивается воспроизведением одной и той же иконографической схемы (т. е. передачей одного и того же изобразительного содержания), что можно было бы объяснить происхождением и оболов-подражаний, и изображений в надчекане от одного общего прототипа. Оно прослеживается и по конкретным особенностям исполнения этих изображений — передача подбородка, губ и кончика носа точками; частичная линеарность изображения; нарушение пропорций между шлемом и головой; показ края одежды прямой линией; сходство краев шлема с полями шляпы и т. п. С ложными надчеканами на подражаниях драхмам Фраата IV по этим деталям могут быть сопоставлены только оболы-подражания четвертого периода, которые предположительно выше были отнесены ко второй четверти или к середине I в. н. э.

Опираясь на датировку подражаний драхмам Фраата IV с ложным надчеканом, мы можем отнести четвертый период подражаний оболам Эвкратида ко времени начиная со второй четверти I в. н. э., что отодвигает выпуски пятого и шестого периодов на вторую половину I — начало II в. н. э.

Проблема кушанской абсолютной хронологии в этой работе не только не ставится, но и — практически — не рассматривается (см. ниже — с. 148). Однако, необходимо отметить, что новая датировка подражаний оболам Эвкратида — от конца II в. до н. э. до начала II в. н. э. — опирается на данные, согласование которых с нашим летоисчислением никак не затрагивает кушанских абсолютных дат. Более того, будучи независимой от них, новая датировка оболов-подражаний сама может участвовать (наряду с другими доказательствами) в решении этой проблемы.

Если связывать чеканку подражаний оболам Эвкратида с тохарско-юечжийскими племенами (или с каким-то одним из этих племен), необходимо, во-первых, помещать эти оболы-подражания до начала кушанской общегосударственной чеканки, т. е. до начала выпуска монет Куджулой Кадфизом (а, возможно, и до появления наиболее поздних серий других «варварских подражаний» тохарско-юечжийского времени — подражаний монетам Гелиокла, если считать, что их тоже выпускал уже Куджула Кадфиз — см. ниже, с. 125), а, во-вторых, датировать их более ранним временем, чем монеты Санаба-«Герая» (также см. ниже, с. 155—157). С поздними вариантами кушанской абсолютной хронологии такая датировка хорошо согласуется (правление Куджулы Кадфиза при НДК=278 г. относится ко второй половине II — началу III в. н. э.), но более ранние варианты (т. е. гипотезы, помещающие начало «эры Канишки» в последнюю четверть I или II в. н. э.) неизбежно приходят с новой датировкой подражаний оболам Эвкратида в противоречие, оказываются просто невозможными.

Один из путей преодоления этого противоречия — рассматривать подражания оболам Эвкратида как специальную чеканку „оболов Харона", не рассчитанную на обращение в качестве денег (подавляющее большинство документированных находок оболов-подражаний происходит из погребений; единственное исключение — экз. VIII.28).

Правда, при этом возникают новые трудности: гипотеза о том, что оболы-подражания чеканились в расчете на использование не в денежном обращении, а в качестве монеты для погребального обряда, нуждается в дополнительном обосновании фактами. Достаточно сказать,

что пока бесспорных случаев выпуска специальных погребальных монет в нумизматике не известно[25].

Таким образом, подражания оболам Эвкратида получают достаточно твердую хронологическую опору (четвертый период — после середины I в. н. э.), подтверждающую общие хронологические рамки, намеченные для них предположительно (последние десятилетия II в. до н. э.— конец I — начало II в. н. э.). И, что особенно важно, их новая датировка совершенно независима от кушанских абсолютных дат.

Подражания тетрадрахмам

Единственная пока находка подражания тетрадрахмам Эвкратида в Таджикистане (*царь в шлеме вправо / скачущие Диоскуры*) была сделана в 1975 г. и происходит из окрестностей кишлака Бобохон-шаид в долине р. Кызыл-су (Восейский р-н). Подражания тетрадрахмам Эвкратида вообще немногочисленны (Каннингэм, 1889, табл. I[XIII], 1; Митчинер, 1973, табл. IX, 74; Митчинер, 1975, т. I, с. 102; т. IV, р. 295). Монета, найденная в Бальджуане (рис. 3), — первый случай, когда для такого подражания известно происхождение (Давутов, 1980).

Рис. 3. Подражание тетрадрахме Эвкратида из Восейского р-на (экз. VIII.34)

Однако, видимо, существовала не одна линия среднеазиатских подражаний тетрадрахмам Эвкратида. С. П. Толстов возводил к тетрадрахмам Эвкратида древнейшие из хорезмийских монет (Толстов, 1945), еще не располагая ни типологически более ранним экземпляром подражания тетрадрахме Эвкратида с „кангюйско-хорезмийской" тамгой (VIII.015 — В Массон, 1953), ни последующей стадией — наиболее ранним экземпляром хорезмийской чеканки (Вайнберг, 1962), на об. ст. которого еще изображены два „Диоскура", лишь на последующих выпусках уступившие место одинокому „хорезмийскому всаднику". Для датировки подражания тетрадрахме Эвкратида с „кангюйско-хорезмийской" тамгой (VIII.015) пока трудно предположить сколько-нибудь твердую опору: ее датировка колеблется у В. М. Массона от первой половины II в. до н. э. (В. Массон, 1953, с. 169) до второй половины II в. до н. э. (В. Массон, 1966, с. 80); к середине или ко второй половине II в. до н. э. эту уникальную монету относил С. П. Толстов (1961, сч 54). Последняя точка зрения: датировать это подражание „ранее последней трети II в. до н. э. вряд ли есть основания, вместе с тем нельзя считать этот чекан и значительно более поздним" (Вайнберг, 1977, с. 49—50). Необходимо заметить, что все исследователи, писавшие о датировке экз. VIII.015, исходили при этом не из самой монеты, а отталкивались, во-первых, от

---

[25] Предположение о том, что закавказские подражания римским ауреусам «чеканились частными мастерами для погребального инвентаря» (Макалатия, 1951, № 3, с. 183) вызвало довольно серьезные возражения (Капанадзе, 1957; Казаманова—Кропоткин, 1964).

времени правления Эвкратида и выпуска им своих тетрадрахм (т. е. приблизительно вторая четверть II в. до н. э.), и, во-вторых, от начала хорезмийской чеканки. Последняя дата сама достаточно неопределенна и не имеет твердой опоры; наиболее ранний образец собственно хорезмийской чеканки из Самаркандского музея, типологически непосредственно следующий за подражанием Эвкратиду с тамгой, сперва датировался началом I в. до н. э. (Вайнберг, с. 127), затем его дата была расширена на весь I в. до н. э. (Вайнберг, 1977, с. 50) и не выходит за рубеж н. э. только потому, что для датировки следующего этапа хорезмийской чеканки (по Б. И. Вайнберг — А III) решающим является сопоставление с тетрадрахмами „Герая", хронология которых сама не может считаться установленной твердо (см. гл. XI).

Б. И. Вайнберг, публикуя раннехорезмийскую монету (А II) из коллекции Самаркандского музея (Вайнберг 1962) с изображением орла на кулахе, уже рассматривала — с привлечением очень широкого круга материалов (от сведений в Авесте до ягнобской сказки) — «вопрос о появлении в Хорезме царского головного убора с изображением орла, ставшего потом традиционным в династии Сиявушидов» (Вайнберг 1962 с. 127—130) и пришла к заключению, что «головные уборы хорезмийских царей с орлом» — «несомненно местная хорезмийская корона, традиция которой жила в Хорезме с глубокой древности». Однако, если рассматривать не сюжет в целом, а более конкретные иконографические параллели, орел на кулахе раннехорезмийских монет (А II и Б[1] III) обнаруживает наибольшее сходство с изображением орла на одном из кулахов сасанидского царя Арташира I (Луконин, 1961, табл. I, 5; Тревер, 1939, табл. II, 3). В том, что это — не случайное сходство, а именно тот источник, из которого хорезмийские резчики штемпелей заимствовали детали, когда «перерабатывали» принятую за прототип тетрадрахму Эвкратида, убеждает и манера изображения лент (А II), и форма «наушника» кулаха (Б[1] II). Для дуги «полунимба» перед лицом царя (А III, Б[1]I) возможны и боле поздние сопоставления — вплоть до IV в. н. э. (Гёбль, 1967, т. I, с. 193; т. IV, табл. III). Не предлагая здесь новых датировок для самых ранних собственно хорезмийских монет (А II и др.) и для начала хорезмийской монетной чеканки в целом (если учитывать сопоставление с монетами Арташира I, ее нельзя датировать ранее первой четверти III в. н. э.), — вопрос этот требует специального исследования, — необходимо отметить, что датировка «кангюйского» подражания тетрадрахме Эвкратида с тамгой, несомненно стоящего у начала этого ряда, будет беспрепятственно сдвигаться вслед за практически любыми изменениями датировки тетрадрахмы А II и других раннехорезмийских монет.

Подражание тетрадрахмам Эвкратида с тамгой (VIII.015), хотя и выполнено в высоком рельефе и достаточно квалифицированным резчиком, не производит впечатления точной копии с оригинала: велики „отклонения" в портрете на л. ст., нарушена пропорциональность в изображении на об. ст., значительны искажения в легенде, непонятную для резчика монограмму он расположил как часть легенды. Но главное — в изображение сознательно введен элемент типа, назначение которого — отличать „подражание" от прототипа, т. е. тамга. Ее присутствие не позволяет рассматривать эту уникальную монету как одно из «варварских подражаний» — это уже переход к самостоятельной местной че-

канке. И пока мы не располагаем другими экземплярами, не исключено, что в данном случае местная (хорезмийская) чеканка возникает в результате непосредственного обращения резчика (или „заказчика") к тетрадрахме Эвкратида. Определить, когда это произошло, можно будет только если получит твердые даты начало хорезмийской самостоятельной чеканки (по Б. И. Вайнберг — A II, A III и т. д.). Пока же наиболее определенную дату (после второй половины III в. н. э.) имеют монеты Вазамара, или Б²V (Вайнберг, 1977, с. 53—54), а все более ранние выпуски датированы условно или предположительно.

Таджикистанская находка, таким образом, никак не связана с хорезмийским подражанием тетрадрахмам Эвкратида, но обнаруживает некоторое типологическое сходство с беспаспортными экземплярами таких же подражаний в собрании Государственного Эрмитажа (VIII.**013**) и в Британском музее (VIII.**014**). Вопрос о датировке этих подражаний может быть решен только предположительно и в широких рамках — с последней четверти II в. до н. э. и до начала н. э. Нет пока данных и для локализации этих подражаний.

VIII. ПОДРАЖАНИЯ МОНЕТАМ

№№	Место и обстоятельства находки	Определение
		Подражания
01	Не известно	прототип
02	Приобретена в 1912 г. в Самарканде	1-й период
03	Не известно	то же
1	Могильник Ксиров (Дангаринский р-н). 1978 г., юго-западная группа	то же
04	Не известно	2-й период
2	Шаартузский р-н, случайная находка	то же
3	Могильник Тупхона (Гиссарский р-н), 1961 г., погребение 190	то же
4	То же, погр. 183	то же
5	То же, 1960, погр. 122	то же
05	Из колл. А. Каннингэма	то же
6	Могильник Тулхар (Шаартузский р-н), 1959 г., курган I, 18	то же
7	Г-ще Тепаи Шах (Кобадианский р-н), 1972 г. некрополь, сооружение II	то же
8	Могильник Тулхар, 1959 г., курган XVI, 2	то же
9	Могильник Ксиров, 1979 г., сев. группа, курган № 2	то же
10	Могильник Тупхона, 1946 г., погр. 17	3-й период
06	Из колл. А. Каннингэма	то же
07	То же	то же
11	Могильник Тупхона, 1969 г., погр. 213	то же
12	Могильник Тулхар, 1959 г., курган XI, 14	то же
13	Могильник Тупхона, 1961 г., погр. 185	то же
14	Шаартузский р-н, 1972 г., случайная находка	4-й период
15	Могильник Тупхона, 1969 г., погр. 254	то же
16	То же, 1961 г., погр. 192	то же
17	То же, 1960 г., погр. 131	то же
18	Гиссарский мог-к (Гиссарский р-н, участок «Иттифок»), 1971 г., погр. 3	то же
19	Могильник Тупхона, 1960 г., погр. 151	то же
20	То же, 1946 г., погр. 5	то же
21	То же, 1969 г., погр. 263	то же
21а	То же, 1961 г., погр. 186	то же
08	Не известно	5-й период
22	Мог-к Ксиров, 1977 г.	6-й период

ЭВКРАТИДА. ТАБЛ. 10-12.

	Вес	Диаметр	Оси	Место хранения, инв. №	Публикации, примечания
оболам					
	0,65	10,2	XII	СМ Н-89	
	0,63	10,0		АФ	Своронос 1913, с. 187, табл. XVIII, *23*
	0,42			БМ 1922-7-17-61	
	0,61	13,4	XII	ИД Н-407	
	0,56	10,0	XII	ГИМ № 3320	Асавина и др. 1979, с. 81, табл. II, *25*
	0,52	11,9	XII	ИД	
	0,31	11,0	XII	ИД Н-375/7	
	0,29	10,7	?	/1	
	0,12	10,1	XII	/4	
	0,57	13,1		БМ 1894-5-7-1848	
	0,29	12,0	XII	ИД Н-376/1	Мандельштам 1966а, с. 138—139, рис. 49, *2*
	0,49	11,7	XII	ИД Н-435/46	Зеймаль 1983а, № 46
	0,19	10,8	—	ИД Н-376/2	Мандельштам 1966а, с. 139, рис. 49, *4*
	0,47	13,2	XII	ИД Н-417/1	
	0,28	10,1	XII	ИД Н-221/2	Дьяконов 1950, с. 157
	0,54	11,6		БМ 1894-5-7-1846	
	0,55	11,2		БМ 1890-4-4-21	Каннингэм 1889, с. 308, табл. I(XIII), 8
	0,46	11,1	XII	ИД Н-363/1	
	0,39	11,2	—	ИД Н-376/3	Мандельштам 1966а, с. 139, рис. 49, *3*
	0,34	11,0	I	ИД-Н-375/5	
	0,33	10,7	XII	ГЭ ВН-49	
	0,38		I	ИД Н-363/2	
	0,45	11,4	I	ИД Н-375/8	
	0,46	10,5	I	/2	
	0,32	9,6	XII	ИД Н-354	
	0,28	11,3	XII	ИД Н-375/3	
	0,52	10,5	XII	ИД Н-221/1	Дьяконов 1950, с. 155, табл. 58, 5
	0,28	11,0	XII	ИД Н-363/4	
	0,27	11,2	XII	ИД Н-375/6	
	0,52	11,2		БМ 1905-2-8-1	
	0,31	8,9	VI	ИД Н-406/2	

№№	Место и обстоятельства находки	Определение
23	Г-ще Тепаи Шах, 1972 г., некрополь, сооружение II	то же
09	Приобретена в 1912 г. в Самарканде	7-й период
010	Из колл. А. Каннингэма	то же
011	то же	то же
012	Из Кухи-Тафтан (Белуджистан)	Заключительная стадия или другая линия подражаний
24	Мог-к Тупхона, 1946 г., погр. 7	без определения периода
25	То же, 1948 г., погр. 79	то же
26	То же, 1948 г., погр. 85	то же
*27	Г-ще Калаи Мир, 1950 г., сев. участок раскопа	то же
28	Г-ще Амир-Бобо (Кобадианский р-н), на поверхности	то же
29	Мог-к близ г-ща Файзабад-кала, колхоз «Пограничник» (Пянджский р-н), 1979 г.	то же
30	То же	(2-й период ?)
31	Мог-к Ксиров, 1980 г., кург. 10	без определения периода
32	То же, кург. 16	то же
33	То же, кург. 17	то же
		Подражание
34	Кишл. Бобохон-шаид (Восейский р-н), 1975 г., случайная находка	*Царь в шлеме вправо/ скачущие Диоскуры* (как на тетрадрахмах Эвкратида, но изображения и легенды искажены и схематизированы)
013	Не известно	подражание, плакированный экземпляр
014	Из колл. А. Каннингэма	
015		с «кангюйско-хорезмийской» тамгой

	Вес	Диаметр	Оси	Место хранения, инв. №	Публикации, примечания
	0,23	10,2	V?	ИД Н-435/43	Зеймаль 1983а, № 43
	0,22	10,0	XII	АФ	Своронос 1913 ,с. 187, табл. XVIII, *22*
	0,51	9,3		БМ 1894-5-7-1850	
	0,48	8,9		БМ 1894-5-7-1849	
	0,40	11,8		БМ 1904-4-7-26	Рэпсон 1904, с. 321, табл. XVII, *26*
				ИД Н-2	Дьяконов 1950, с. 157
				ИД Н-221	то же, с. 160
				ИД Н-221	то же, с. 160—161
				?	Дьяконов 1953, с. 273, 275; ср. Забелина 1953, с. 295
	(0,16)	(9,6)	X	ИД	
	(0,30)	9,7	—	ИД Н-425/1	
	0,61	10,2	XII?	/2	
	0,16	(10,3)	—	ИД Н-426/1	
	0,16	11,2	XII	/2	
	0,32	10,7	XII	/3	
тетрадрахмам					
	12,45	30,8	XII	ИД Н-396	Довутов 1980
	11,73			ГЭ 476	Зеймаль 1978, табл. VI, *1*
				БМ	Каннингэм 1989, табл. I (XIII), *1*
	15,64	32,7	XII	ГЭ 477	Массон В. 1953

ГЛАВА IX. ПОДРАЖАНИЯ МОНЕТАМ ГЕЛИОКЛА

Медные подражания серебряным монетам (тетрадрахмам и драхмам) греко-бактрийского царя Гелиокла на территории Таджикистана обращались только в южных районах. Их находки зарегистрированы в Гиссарской долине (Шахринау и окрестности, Душанбе и окрестности, Семиганчское ущелье и др. пункты), в Яванской долине, а также в Дангаринском, Кобадианском и Пархарском районах. Массовое распространение подражаний монетам Гелиокла характерно и для соседних с Южным Таджикистаном районов Сурхандарьинской области (Альбаум, 1960, с. 37; Пугаченкова, 1966а, с. 110—113; Пугаченкова, 1967, с. 81—82; Пугаченкова — Ртвеладзе, 1971, с. 100—103; Пидаев, 1978, с. 71, 89; Пугаченкова и др., 1978, с. 228; Ртвеладзе — Пидаев, 1981 и др.). Известны они также на территории Северного Афганистана (Карл, 1959, с. 66, 70, 72 и др.) и даже в Пакистане (Уайтхэд, 1951, с. 801; Маршалл, 1951, т. III, табл. 236, 67). В северных районах Таджикской ССР подражаний монетам Гелиокла пока не было найдено, но один экземпляр зарегистрирован (Массон, М., 1976, с. 135—136; Массон В., 1965, табл., 8) на городище Кайноват в Ферганской долине (территория Узбекской ССР). Городище Кайноват — самый северный пункт, куда подражания монетам Гелиокла попали, но, видимо, в данном случае мы имеем дело с единичным и случайным проникновением такой монеты-подражания за пределы своей зоны обращения.

Хотя медные подражания монетам Гелиокла впервые были опубликованы без малого полтора века тему назад (Массон Ч., 1834; Массон Ч., 1835; Вильсон, 1841; с. 310—312, табл. VIII, 14—16), заметные сдвиги в их изучении произошли только за последние десятилетия, — в первую очередь, благодаря работам В. М. Массона (В. Массон, 1955; 1956; 1957), исследовавшего 15 экземпляров таких подражаний из собраний Советского Союза (им также были учтены по публикациям еще 13 экз. из зарубежных собраний). В. М. Массон рассматривал эту группу подражаний как монеты юечжийской Бактрии конца II — первой половины I в. до н. э. (В. Массон, 1956, с. 74), которые „следует приписать чекану одного лица". Хотя подражания и оказались отнесенными к юечжийскому периоду, предполагалось, что при этом „выпуск монеты был вызван, в первую очередь, экономическими потребностями древних культурных оазисов, подчинявшихся правителям юечжей" (В. Массон, 1957, с. 113), т. е. потребностями коренных жителей Бактрии, а не пришельцев-юечжей. Допуская, что из пяти юечжийских владений-родов, которые известны по письменным источникам „монету чеканило лишь одно, наиболее сильное владение, занимавшее центральные части Бактрии", В. М. Массон ставил вопрос, не было ли этим владением владение Гуйшуан, предводитель которого Куджула Кадфиз, подчинив себе ос-

тальные четыре владения, стал затем основателем Кушанского царства. Предельно проста классификация В. М. Массона: все известные ему подражания монетам Гелиокла он разделил на две группы — с изображением стоящего божества на об. ст. (1-я группа) и с изображением шагающего коня влево на об. ст. (2-я группа).

Значительное приращение материала в последующие годы намного расширило и детализировало наши представления об этой важной группе местных подражательных выпусков. В частности, большое значение имела работа по регистрации новых монетных находок[26], в том числе и на территории Таджикистана (Давидович, 1956а, с. 95; Давидович, 1959а, с. 171—174). Их классификация, систематизация и датировка уже не укладываются в рамки, намеченные В. М. Массоном[27]. Количественное увеличение доступных для изучения монет создало условия для качественно нового подхода к их изучению — появилась возможность проследить внутреннюю историю этой линии подражаний, их развитие и видоизменение. Поэтому прежде чем рассматривать подражания монетам Гелиокла, происходящие с территории Таджикистана, необходимо дать хотя бы краткую характеристику этих подражаний в целом, которая учитывала бы все новые данные. Более 150 подражаний монетам Гелиокла были проработаны в натуре и по слепкам, а вместе с экземплярами, которые были доступны только по публикациям, общее число известных в настоящее время монет этой группы — около 250 экз.[28]

К л а с с и ф и к а ц и я. Деление на две группы, предложенное В. М. Массоном, вполне отвечало задачам первичного осмысления этого чекана и удовлетворяло исследователей, пока число известных экземпляров было невелико. Теперь, с увеличением доступных для изучения монет, в прежнюю классификацию на уровне и к о н о г р а ф и ч е с к о г о т и п а можно ввести такие признаки, как различия в металле и в номиналах, подразделив весь чекан на семь групп.

I. Серебряные подражания тетрадрахмам Гелиокла: на об. ст. — *стоящий Зевс*[29].

II. Серебряные подражания драхмам Гелиокла (об. ст. — *стоящий Зевс*)[30].

---

[26] См. указанную выше в тексте литературу.

[27] О более длительном обращении подражаний монетам Гелиокла, чем середина I в. до н. э., писали, например, сперва Г. А. Пугаченкова (1967, с. 82), а затем Ш. Р. Пидаев (1978. с. 90).

[28] Помимо подражаний монетам Гелиокла, происходящих с территории Таджикистана (27 экз. — см. реестр в конце этой главы), были учтены также экземпляры, хранящиеся в Гос. Эрмитаже (8 экз.), в Гос. Историческом музее (3 экз.), в Гос. Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (2 экз.), в Музее истории народов Узбекистана им. Айбека АН УзбССР (13 экз.), в Музее истории культуры и искусства Узбекистана (7 экз.), в Краеведческом музее Сурхандарьинской обл. (18 экз.), в частных коллекциях СССР (6 экз.), а также монеты из раскопок Зар-тепе (4 экз.) и Фаяз-тепе (3 экз.). Из зарубежных собраний учтены монеты Берлинского Мюнцкабинета (8 экз.) и — по слепкам — парижской Национальной Библиотеки (24 экз.) и Британского музея (27 экз.). По публикациям (и далеко не всегда с хорошим воспроизведением и достаточно детальным описанием) учитывались монеты Пенджабского музея в Лахоре (13 экз.). Калькуттского музея (1 экз.), частная коллекция Х. П. Поддара (5 экз.), а также монеты из раскопок Дальверзин-тепе (3 экз. — Пугаченкова и др., 1978, с. 228), Шор-тепе (Пугаченкова—Ртвеладзе, 1971, рис. 1, 2), Хатын-Рабата (2 экз. — Пугаченкова—Ртвеладзе, 1971, рис. 1, 3, 5) и другие единичные экземпляры или сведения о них.

[29] Кюрье—Фусман, 1965, с. 38—43, табл. XL, 472, XLIX, 582, 583; Митчинер, 1973, с. 53, табл. IX, 81, 82 (8 экз.); Уайтхэд, 1914, с. 28, № 134.

[30] Смит, 1906, с. 13, № 2 (без ил.); Гарднер, 1886, с. 22, № 10 (без ил.).

III. Медные подражания тетрадрахмам Гелиокла (об. ст. — *стоящий Зевс*).

IV. Медные подражания драхмам Гелиокла (об. ст. — *стоящий Зевс*).

V. Медные подражания тетрадрахмам Гелиокла (об. ст. — *шагающий конь влево*).

VI. Медные подражания драхмам Гелиокла (об. ст. — *шагающий конь влево*).

VII. Медные подражания драхмам Гелиокла (об. ст. — *скачущий конь вправо*)[31].

Неравномерность (не только количественная, но и вариантная), с которой монеты этих групп известны в настоящее время, не позволяет пока дать для каждой группы более дробную классификацию, в которой учитывались бы и иконографические особенности л. и об. ст., и различия в начертании греческой легенды. Только для группы III (медные подражания тетрадрахмам Гелиокла, на об. ст. — *стоящий Зевс*) такая классификация может быть предложена уже сейчас (внутри группы III выделяются шесть серий). Поскольку серии соответствуют последовательным этапам в чеканке монет группы III, они будут отмечены выше, в связи с хронологической систематизацией. Но необходимо подчеркнуть, что для такой дробной классификации более важен характер различий между входящими в группу монетами, чем количество монет. Так, для группы IV (медные подражания драхмам Гелиокла, об. ст. — стоящий Зевс), представленной пока всего 17 экз., такое деление на серии также может быть намечено, хотя при этом некоторые из серий окажутся состоящими из одного экземпляра.

Последовательность чеканки. Для подражаний монетам Гелиокла был применен тот же способ хронологической систематизации (т. е. расположение монет в последовательности, приблизительно отражающей очередность их выпуска), который был использован и для других «варварских подражаний», — построение типологического ряда по признакам, свидетельствующим об отдалении от исходного образца.

Первый период чеканки подражаний монетам Гелиокла, если располагать монеты в порядке их отдаления от прототипа, должны составлять подражания тетрадрахмам (группа I) и драхмам (группа II), чеканившиеся из серебра. Группы III и IV (медные подражания тетрадрахмам и драхмам) — с изображением на об. ст. стоящего Зевса (т. е. иконографического типа, характерного и для прототипа, и для подражаний первого периода — монет I и II группы) явно должны предшествовать медным подражаниям, на об. ст. которых изображен конь (группы V, VI и VII). Прямым подтверждением такого соотношения монет со стоящим Зевсом на об. ст. и монет с конем на об. ст. служит хранящийся в Британском музее экземпляр (IX. **010**) с явными следами перечеканки штемпелями V группы (с конем на об. ст.) по штемпелям III группы (с Зевсом на об. ст.)[32]. Таким образом, группы V, VI и VII

---

[31] Группа VII выделена предположительно, так как известна по недостаточно четкому экземпляру Британского музея (1935 — 11—2—3), ранее не издававшемуся.

[32] Гарднер, 1886, с. 22, № 13 (без ил.); Лахири, 1965, табл. XX, 2. П. Гарднер считал первичным изображение шагающего коня, а изображение Зевса наложенным на него. Это явная ошибка: во-первых, остатки искаженной легенды (справа от хвоста коня) перекрывают ступни и нижнюю часть ног Зевса (ими же забита и черта под ногами Зевса); во-вторых, на л. ст. драпировка плеча повторного штемпеля, наложенная на профиль первоначального изображения, если судить по соотношению осей, соотносится с изображением коня на об. ст.

должны составлять заключительный этап чеканки подражаний Гелиокла.

Деление монет III группы на серии выполнено по наблюдениям за степенью искаженности греческой легенды, за „видоизменениями" монограммы и т. п. признаками, которые одновременно отражают и отдаление от прототипа. Объединяя монеты в серии, приходилось, как правило, учитывать всю совокупность признаков; при определении же последовательности чеканки „работающим" мог оказаться только один какой-то признак, наиболее определенно выражающий перемены, наиболее определенно демонстрирующий новый шаг в отдалении от исходного образца.

Период 1 (группа I и группа II) представлен пока небольшим количеством экземпляров, не образующих единого типологического ряда. Поэтому не исключено, что среди них оказались и лежащие вне основной линии развития подражания, которые следует рассматривать как результат „деятельности безответственных частных лиц".

Период 2 (серия III/1). К нему отнесены те медные подражания тетрадрахмам Гелиокла (IX. **01**), на л. ст. которых портрет уже частично утрачивает пластическую детализацию и объемность изображения (шея и переход к ней подбородка очерчены контурной линией, щека показана уплощенно), но волосы над диадемой (как и на монетах самого Гелиокла) изображены крупными, свободно лежащими прядями, каждая из которых „разделена" тонкими линиями. На об. ст. изображение Зевса еще сохраняет характерную для прототипа постановку фигуры с опорой на правую ногу. Сохраняются также косые штрихи на правом бедре, которыми переданы складки одеяния. Монограмма повторяет начертание, характерное для прототипа. Легенда уже содержит искажения, но *каппа* (в имени Гелиокла) еще сохраняет вполне отчетливое (хотя и не совсем правильное) начертание (вертикальная палочка с двумя отходящими от ее середины вправо штрихами-усиками), не встречающееся на всех остальных медных подражаниях. Таким образом, начертание *каппы* (в имени Гелиокла) и манера разделки волос (на л. ст.) могут быть выделены в качестве опознавательного признака для второго периода.

Период 3 (серия III/2). Дальнейшее отдаление от исходного образца прослеживается и на л., и на об. ст. (IX. **02—04**). Верхняя часть прически (на л. ст.) — над диадемой — становится у́же остальной части головы, пряди прически — крупные, вертикальные, с тенденцией к „упорядоченному" расположению рядами. На об. ст. утрачивается детализация в передаче одежды и головы Зевса (она превращается в округлое утолщение на тонком штрихе-шее), теряют объемность руки и ноги, показанные схематичными линиями. В качестве опознавательного признака третьего периода может быть снова использовано начертание *каппы* в имени Гелиокла — в виде вертикального штриха с *прилепленными к нему справа двумя точками (они заменяют „усики"*, характерные для второго периода). Только на монетах третьего периода встречается и такая деталь, возникшая из непонимания резчиком исходного изображения, как передача контура одеяния Зевса справа (со стороны жезла) двумя почти параллельными линиями (в зачаточном состоянии эта же особенность прослеживается и на некоторых монетах

второго периода). Монограмма сохраняет форму, близкую к начертаниям прототипа и монет второго периода, но иногда имеет вид ⊓ [33].

Период 4 (серия III/3 — IX. 1—5). Дальнейшие искажения в легенде делают ее совершенно нечитаемой (*о микрон,* ранее изображавшийся точками, полностью перестает употребляться; *альфа* почти всегда не отличима от *лямбды*; первая *сигма* в слове ΒΑΣΙΛΕΩΣ приобретает устойчивое квадратное начертание и т. п.), но в имени Гелиокла на некоторых экземплярах рядом с бывшей *каппой* (она превратилась в вертикальный штрих, не отличимый от *йоты*) еще различимы „отвалившиеся" от нее точки, изображенные тут же, но уже утратившие смысл (как это было на монетах третьего периода). Новые искажения происходят и в изображениях. На л. ст. происходит непропорциональное расширение плоскости щеки и значительное спрямление очертаний профиля; шея и ворот (он „отчеркнут" двойной линией) не видны, как если бы на монете была изображена голова, а не бюст. На об. ст. резко изменяются пропорции „Зевса", искажаются и переосмысляются многие детали костюма. Опознавательным признаком монет четвертого периода может служить разделка волос на л. ст.: короткие и не соприкасающиеся друг с другом локоны-отрезки (прямые или с небольшим изгибом) образуют три горизонтальных ряда (два над диадемой, один — под ней), имеющих неодинаковую протяженность (верхний ряд — 4—5 „локонов", средний — 7—9, нижний — от уха до лба — 6—8 „локонов"). Все штемпели л. и об. ст. довольно близки и, возможно, выполнены одним мастером.

Период 5 (серия III/4 — IX. 6—8, 05). Дальнейшее „развитие" плоскости щеки на л. ст. приводит к тому, что лицо приобретает контур почти правильного круга, к которому как бы прилеплены две точки, изображающие рот, три точки, с помощью которых показан нос, и шишкообразный вырост — подбородок. Крупная точка — „нашлепка" на переносице, наметившаяся уже на некоторых экземплярах четвертого периода, на монетах пятого периода „закрепляется". Прическа по-прежнему изображается тремя упорядоченными рядами, но изогнутые „скобки", которыми раньше передавались отдельные пряди, смыкаются друг с другом и образуют петлевидные (несомкнутые снизу) пряди над диадемой, локоны под диадемой постепенно приобретают каплевидные очертания. Изображение на об. ст. в большей степени обнаруживает преемственность по отношению к монетам третьего и четвертого периодов, но в легенде устойчиво закрепляется состав знаков, выработанный (точнее — сложившийся) на протяжении четвертого периода, хотя пропорции букв становятся более удлиненными. Опознавательными признаками могут служить и характерный облик лица, и манера разделки локонов, и устойчивое „написание" легенды. Многие монеты пятого периода близки между собой и, видимо, изготовлены штемпелями одного мастера. Но имеются и такие экземпляры, штемпели для которых резала явно рука другого мастера-резчика.

Период 6 (серия III/5 — IX. 9—15). Унылую картину все большей и большей деградации монетных типов, которая прослеживалась

---

[33] Худшие результаты дает использование для хронологической систематизации одного какого-то признака (например, монограммы — Ртвеладзе—Пидаев, 1981), а не всей их совокупности.

до этого, нарушают монеты шестого периода, штемпели для которых вырезаны уверенной рукой опытного мастера. Но возврата к исходному прототипу при этом не происходит: состояние типов, от которого отталкивался новый мастер, соответствует пятому периоду. В этом убеждает и окончательное превращение прядей прически в „петли" (л. ст.), и воспроизведение мастером именно того состояния легенды, которого она достигает на монетах пятого периода. В результате, для монет шестого периода отдаление от прототипа носит характер не стихийного искажения отдельных деталей, вызванного низким профессиональным уровнем резчика и непониманием им копируемых элементов изображения, а направленного процесса „исправления" новым резчиком того, что оказалось, по его мнению, искаженным. Происходит пластическое обновление портрета на л. ст. и изобразительное осмысление заново „Зевса" на об. ст. (в рамках заданной иконографической схемы, конечно), превратившегося в широкоплечего атлета с широко расставленными ногами, одеяние которого, едва закрывающее колени, вполне соответствует его новому облику. Некоторые детали, отсутствовавшие у прототипа, но привнесенные резчиками предшествующих периодов, вполне осмысленно воспроизводятся в новой трактовке. Так, свободные концы диадемы, развевающиеся за спиной[34] (т. е. довольно трудная для передачи деталь, особенно при фасовой постановке фигуры) показаны на монетах шестого периода в виде двух „дуг" над плечами божества[35]. Обновляется (также в заданных пятым периодом пределах) и написание легенды *на об. ст.: резчик (или резчики) шестого периода, проявляя знакомство* с греческим алфавитом, возвращается от искаженного к правильному написанию слова ΒΑΣΙΛΕΩΣ (свое место занимает начальная *бета,* вполне читаемый вид приобретает *альфа*), но значение остальных двух слов ему, видимо, оставалось непонятным — во всяком случае, их правильное написание восстановлено не было.

Период 7 (серия III/6 — IX. **16—18, 06**), если судить только по л. ст., типологически очень близок к шестому периоду (такое же состояние прически, примерно одинаковая степень схематизации драпировки плеча, сходная передача черт лица и т. п.). Заметнее различаются изображения Зевса на об. ст.: для монет седьмого периода характерны более удлиненные пропорции фигуры, менее жесткая (но и, пожалуй, менее профессиональная) ее постановка. В данном случае оказалось недостаточно только иконографических признаков для того, чтобы определить, что монеты шестого или седьмого периодов чеканились позже.

Сопоставление особенностей начертания легенды на монетах шестого и седьмого периодов с более ранними (монеты пятого периода) и с более поздними (монеты V группы, составляющие восьмой период) выпусками показывает, что квадратное начертание первой *сигмы* в слове ΒΑΣΙΛΕΩΣ, засвидетельствованное монетами пятого и шестого периодов, на монетах седьмого и восьмого периодов почти не встречается — для них характерно уже лунарное начертание этой *сигмы.* Принадлежность к седьмому периоду экземпляра Британского музея со следами перечеканки штемпелями восьмого периода (или V группы — с конем на об. ст.) — еще один аргумент в пользу того, что серия III/6

---

[34] Они присутствуют уже во всяком случае на некоторых монетах третьего периода.

[35] Г. А. Пугаченкова называет их «рельефными дужками» и замечает, что «значение этих деталей, очевидно символических, остается пока неясным» (Пугаченкова—Ртвеладзе, 1971, с. 103).

(т. е. монеты седьмого периода) — наиболее поздняя среди монет III группы.

Чеканка подражаний драхмам Гелиокла (IX. **07—09**), как показывают наблюдения за состоянием иконографии л. и об. ст., осуществлялась параллельно с чеканкой подражаний тетрадрахмам. Группа IV, пока известная по сравнительно небольшому количеству экземпляров, оказывается (как и группа III) разнородной типологически (и хронологически) и может быть соотнесена с намеченными выше периодами.

Группа V (подражания тетрадрахмам Гелиокла с изображением коня на об. ст. — IX. **19, 011, 012**) и хронологически параллельная ей группа VI (*как группа V, но подражания драхмам* — IX. **20, 22, 013, 014**) типологически непосредственно примыкают к монетам седьмого периода (серия III/6). Помимо экземпляра со следами перечеканки (IX. **010**) на это указывает сходство „прически", схематичной драпировки плеча и черт лица на л. ст., очень близкое начертание легенды на монетах седьмого периода и групп V и VI (в частности, преобладание только на этих монетах — из всей протяженной чеканки подражаний монетам Гелиокла — лунарного начертания первой *сигмы* в слове ΒΑΣΙΛΕΩΣ). Все это позволяет отнести монеты V и VI групп (а также уникальный экземпляр VII группы) к восьмому периоду.

Более дробное членение монет восьмого периода сопряжено с определенными трудностями. Во-первых, как уже отмечалось выше, с шестого периода подражания Гелиоклу начинают чеканиться на более высоком техническом и художественном уровне, что приводит к заметной стабилизации типов. Появление на монетах седьмого и восьмого периодов лунарной *сигмы* — единственная перемена в написании легенды, которую можно зафиксировать. Прекращение стихийной деградации иконографических типов и даже создание совершенно нового иконографического типа оборотной стороны — *шагающий конь влево* (для монет V и VI группы) — еще одно проявление перемен на монетном дворе, чеканящем подражания. Различия между экземплярами существуют и, видимо, как и раньше, отражают смену резчиков штемпелей. Но поскольку их квалификация значительно выше, чем у резчиков предшествующих периодов, отклонения от заказанного образца не суммируются, указывая на направление развития, на общую тенденцию, т. е. не позволяют судить о последовательности чеканки. Различия, которые — во всяком случае по состоянию изученности этой группы подражаний на сегодняшний день — можно констатировать между экземплярами восьмого периода, нельзя квалифицировать как различия хронологического порядка.

Такова последовательность чеканки подражаний монетам Гелиокла, которая в настоящее время определяется достаточно уверенно. На территории Таджикистана эта линия местной подражательной чеканки представлены только начиная с четвертого периода (IX. **1—5**). О монетах первого периода (серебряные подражания тетрадрахмам и драхмам), видимо, вообще пока преждевременно делать какие-то заключения — они еще изучены слишком плохо, но монеты второго и третьего периода, которые известны сейчас, в подавляющем большинстве случаев происходят или с территории самого Термеза, или из его окрестностей. Создается впечатление, что первоначально (во всяком случае для медных подражаний) ареал подражаний монетам Гелиокла ограничивался Термезом и его ближайшей округой, и лишь затем — на протяжении четвертого периода чеканки — его пределы резко расширяются, распространяясь и на долины Южного Таджикистана, где пред-

ставлены также достаточно хорошо и монеты последующих периодов — пятого (IX. 6—8), шестого (IX. 9—15) и — несколько хуже — седьмого (IX. 16—18). Из монет восьмого периода (об. ст. — *конь влево*) подражания тетрадрахмам (группа V) представлены в Таджикистане только одной находкой (IX. 19), подражания драхмам (группа VI) — более многочисленны (IX. 20—24), но значительно уступают числу находок, происходящих из Северного Афганистана. Если сопоставить все известные сейчас находки монет восьмого периода (с конем на об. ст.) в районах Южного Таджикистана и Южного Узбекистана с находками монет этой же стадии чеканки к югу от Амударьи, довольно ощутимый перевес будет в пользу последних[36]. Как можно интерпретировать такое территориальное распределение подражаний монетам Гелиокла на протяжении разных периодов? К этому вопросу целесообразнее возвратиться после того, как будет рассмотрена проблема датировки подражаний монетам Гелиокла.

Вопросы хронологии. В. М. Массон датировал подражания монетам Гелиокла концом II — первой половиной I в. до н. э. (В. Массон, 1956, с. 74; В. Массон, 1957, с. 112). Начальную дату при этом определяло „завоевание Бактрии кочевыми племенами, обычно датируемое 140—130 гг. до н. э." (В. Массон, 1956, с. 73). Дата окончания чеканки обосновывалась менее определенно: „уже сама довольно тесная связь с монетами Гелиокла не позволяет датировать обе группы (т. е. с Зевсом на об. ст. и с конем на об. ст. — *Е. З.*), и во всяком случае первую из них, *особенно поздним временем* <курсив мой.—*Е. З.*>". Уточненная датировка („не позднее середины I в. до н. э.") опирается на дополнительные аргументы — палеографические соображения и метрологические показатели, по поводу состоятельности которых (равно как и по поводу правомочности их привлечения) в настоящее время могут быть высказаны серьезные сомнения.

Начертания греческих букв на подражаниях монетам Гелиокла В. М. Массон сопоставляет с палеографией греческого алфавита на парфянских монетах, как она выявлена де Морганом (1911, с. 12; В. Массон, 1956, с. 71), останавливаясь на формах двух букв — *омеги* и *сигмы*. На подражаниях монетам Гелиокла „*омега* неизменно сохраняет раннюю форму" Ω, тогда как на парфянских монетах „уже со второй половины I в. до н. э. *начинает появляться* <курсив мой.—*Е. З.*> другая форма омеги, а в I в. н. э. эта новая форма, приняв квадратные очертания ⊔, господствует на <парфянских.—*Е. З.*> монетах почти полностью". Сходным образом привлекаются для датировки квадратные и лунарные начертания сигмы на подражаниях монетам Гелиокла: „такие начертания сигмы встречаются в парфянской нумизматике наряду с формой Σ, начиная с середины I в. до н. э., но к I в. н. э. полностью вытесняют эту последнюю форму". Почему „для хронологических определений следует ориентироваться *на ранние даты* <кур-

[36] К числу монет, найденных к югу от Амударьи, здесь причислены и хранящиеся в собрании Национальной Библиотеки (Парижк) подражания Гелиоклу из колл. Марка Ле Берра (V группа — 4 экз., VI группа — 3 экз.), много лет проработавшего архитектором Французской археологической делегации в Афганистане, а также 4 экз. (V группа) из колл. генерала Б. Айара, поступившие в НБ в 1843 г., и 2 экз. из сборов А. Стейна (в Британском музее). Видимо, на территории Афганистана были найдены и экземпляры, хранящиеся в коллекции М. Митчинера (1973, с. 54, № 89—93: V группа — 3 экз., VI — 7 экз.).

сив мой. — *Е. З.*> распространения новой формы сигмы", В. М. Массон (1956, с. 72), не объясняет.

Что позволяет сомневаться в состоятельности этих аргументов? Во-первых, сопоставления новых форм начертаний с акцентом на ранних датах (т. е. на датах их первого появления в парфянской монетной палеографии) логически не безупречны. Во-вторых, тезис о том, что в Парфии, Бактрии и других областях эллинистического мира (или только Востока?) греческое письмо изменялось совершенно одинаково и, главное, одновременно, из которого а приори (и молчаливо) исходит такая палеографическая датировка, уже неоднократно вызывал сомнения[37] и, в целом, довольно плохо согласуется с накопленными теперь палеографическими наблюдениями по индо-сакской, индо-греческой и индо-парфянской палеографии на монетах[38]. И, в-третьих, даже если бы существовали твердо установленные закономерности в греческой эпиграфике на Востоке, мы были бы не вправе опираться на них для датировки „легенд" на подражаниях монетам Гелиокла: явно не знающие ни греческого алфавита, ни языка резчики штемпелей копировали надпись на монете как чисто изобразительный мотив, искажая ее и превращая в совершенно нечитаемую. Можно ли ожидать, чтобы при этом их „почерк" хронологически соответствовал неким общим палеографическим закономерностям?

Другой датировочной опорой для В. М. Массона послужили метрологические показатели подражаний монетам Гелиокла. Наряду с эпиграфическими особенностями, — писал он, — „и данные веса монет также говорят об их достаточно раннем времени —не позднее середины I в. до н. э." (В. Массон, 1956, с. 74). Каковы эти данные? 11 учтенных экземпляров „первой группы" (на об. ст. — *стоящий Зевс*, подражания тетрадрахмам) В. Массон расположил в убывающей последовательности — от наиболее тяжелого (15,45 г) до наиболее легкого (10,33 г). Соответственно, от 14,72 г до 13,41 г весят 7 подражаний тетрадрахмам с изображением коня на об. ст. и от 3,84 до 3,14 г — 8 экз. подражаний драхмам (на об. ст. — *конь*). Можно усомниться в правильности такой методики — последовательность чеканки монет в пределах каждой группы не определена; заведомо дефектные экземпляры не исключены из рассмотрения; более половины монет из зарубежных собраний, вес которых был учтен по изданиям, публиковались без иллюстраций. Но главные возражения вызывает интерпретация весовых данных, которая была предложена В. М. Массоном.

Поскольку „вопрос о представляемых ими номиналах не вполне ясен", В. М. Массон рассматривал два варианта. Первый из них („если признать все экземпляры за субаэратные монеты, совершенно не сохранившие следов серебра") дал бы, по В. М. Массону, „довольно ясную картину постепенного падения в субаэратном чекане высокого веса аттического стандарта, на котором было основано серебро первого класса монет Гелиокла". Но, во-первых, почему в медном чекане, рассчитанном на последующее серебрение, должен снижаться вес дешевой основы? Во-вторых, поскольку порядок расположения монет выбран совершенно произвольно, почему речь идет о „падении" веса, а не о его

---

[37] Зеймаль, 1960, с. 121, прим. 1.

[38] Доводы А. К. Нарайна (1957, с. 157—158) против использования наблюдений за греческой палеографией на парфянских монетах для датировки индо-греческих, индо-сакских и индо-парфянских монет (Бахофер, 1941) выглядят (во всяком случае, в негативной части) вполне убедительно.

„повышении" — от наиболее легкого к наиболее тяжелому, например. И, наконец, совершенно непонятно, как от этих рассуждений перейти к хронологическим заключениям с довольно точной датой — „не позднее середины I в. до н. э.".

Второй вариант — „признавать рассматриваемые монеты за бронзовые" (каковыми они, кстати, и являются). Отмечая, что при таком подходе „вопрос о номиналах значительно усложняется", поскольку „ни индо-сакские, ни индо-греческие, ни даже греко-бактрийские и кушанские бронзовые монеты не изучены с точки зрения номиналов". В. М. Массон приводит несколько примеров индо-греческих и индо-сакских монет второй половины II—I вв. до н. э., имеющих вес от 20,73—20,47 г до 13,28—13,21 г. Из этого следует вывод: вес подражаний монетам Гелиокла „находит аналогии в выпусках правителей второй половины II в. до н. э. — первой половины I в. до н. э." (В. Массон, 1956, с. 73). Видимо, более обоснованным выглядело бы сопоставление с крупным номиналом („медные тетрадрахмы") монет Вимы Кадфиза или Канишки I; наиболее сохранные из них достигают 16—17 г, но совсем не редкость среди них экземпляры с весом от 10 до 15 г (весовые данные см., например: Давидович, 1979, с. 40—41). Но, конечно, датировочное значение такого сопоставления было бы иным.

Логически более упорядоченную попытку анализа весовых данных предложила Е. А. Давидович (1959а, с. 172—174)[39]. Обратив внимание на сохранение рудиментов *каппы* на некоторых „маловесных" экземплярах подражаний тетрадрахмам Гелиокла, Е. А. Давидович высказала предположение, что при первых выпусках подражаний „за основу был принят не только тип, но и вес греко-бактрийских монет: тип монет серебряных, а вес — монет бронзовых", а затем „по прошествии какого-то времени весовой стандарт этих монет был значительно повышен (выше 13—15 г)", что могло быть вызвано „какими-то кризисными явлениями в области денежного обращения и являлось попыткой и формой их ликвидации". Предположение-вывод о том, что „разряд маловесных монет (в пределах 9—12 г) является более ранним", не подтверждается теми материалами, которые сейчас известны: наиболее ранние из медных подражаний тетрадрахмам Гелиокла (второй период) имеют вес 10,88; 14,23; 14,49 и 15,21 г (для еще трех экземпляров весовых данных нет), подражания третьего периода (учтено 14 экз.) обнаруживают колебания веса от 12,84 до 16,40 г. Несколько более низкого веса подражания четвертого периода — до 8,45 и 9,17 г (экземпляр, на котором строила свои рассуждения Е. А. Давидович) при наиболее частых весовых значениях в пределах в 11—13,5 г (8 экз. из 13 учтенных для четвертого периода), но известен относящийся к этому периоду экземпляр весом в 16,31 г (хранится в НБ).

И В. М. Массон, и Е. А. Давидович подходили к анализу весовых данных подражаний монетам Гелиокла с позиций античной нумизматики, применяя к ним метрологические нормы и критерии, которые действуют в обществе с развитым денежным обращением, и не учитывая специфику чеканки и обращения «варварских подражаний». Параллельность чеканки двух разных номиналов подражаний монетам Гелиокла, примерное соотношение между которыми (как и у тетрадрахмы

---

[39] Ср. В. Массон, 1976, с. 14, где точка зрения Е. А. Давидович не только изложена, но и получила, пожалуй, дальнейшее развитие.

и драхмы) составляло 4 : 1, позволяет рассматривать их как „медные тетрадрахмы" и „медные драхмы".

Таким образом, ни палеографические соображения, ни весовые данные, на которые В. М. Массон пытался опереться для датировки рассматриваемых подражаний, на современном этапе изучения этих монет уже не могут служить основанием для того, чтобы ограничивать их выпуск серединой I в. до н. э. Однако совместные находки подражаний монетам Гелиокла и монет кушанского безымянного «царя царей, великого спасителя» вынудили теперь к некоторому омоложению этой даты: период обращения подражаний Гелиоклу, по Г. А. Пугаченковой, заканчивается „с началом формирования державы Великих Кушан при Кадфизе I" (Пугаченкова, 1967, с. 81 и сл.; Пугаченкова — Ртвеладзе, 1971, с. 103), т. е. при ранних вариантах кушанской абсолютной хронологии — в первые десятилетия н. э. Если же не принимать отождествления безымянного царя с Куджулой Кадфизом (см. ниже — гл. XII), то эта дата — опять-таки даже при ранних вариантах кушанских абсолютных дат — может быть отодвинута до середины или третьей четверти I в. н. э. Это приводит нас к датировке, очень близкой к той, что была предложена для подражаний монетам Гелиокла Аллотом де ла Фюи[40] — I в. н. э.

Необходимо теперь обратиться к анализу иконографических типов, хотя зависимость подражаний от исходного прототипа, их иконографическая предопределенность, „заданность", очевидна и, как правило, затрудняет использование иконографических особенностей для датировочных целей.

Достаточно протяженная линия „варварских подражаний" обычно приводит к появлению местной самостоятельной чеканки, типологическая связь которой с подготовившими ее подражательными выпусками в большинстве случаев хорошо видна (а иногда и сознательно подчеркнута). Среднеазиатские подражания монетам Гелиокла с изображением на об. ст. стоящего Зевса сопоставимы в этом плане с довольно редкими медными монетами кушанского безымянного царя (см. ниже — гл. XII, 4-я группа — XII. 01), на л. ст. которых — *погрудное изображение правителя вправо* (волосы перетянуты лентой-диадемой, драпировка плеча передана схематично), отдаленно напоминающее изображения на л. ст. подражаний монетам Гелиокла, и трехзубчатая тамга (в поле монеты *справа; перед лицом*) *как на монетах «сотера мегаса», но без „ножки"* с перекрестием. Еще более определенно на связь этих монет с подражаниями монетам Гелиокла указывает тип об. ст. — стоящий „Зевс" левой рукой опирается на длинный жезл, а в правой держит пучок молний; под ногами божества, как и на подражаниях монетам Гелиокла, — черта; слева у ног — искаженные остатки монограммы. На сходство этих монет кушанского безымянного царя с подражаниями монетам Гелиокла указывал еще А. Каннингэм (1889), фигуру на об. ст. воспри-

---

[40] Он писал: «Эти „варварские подражания" монетам Гелиокла должны были обращаться много позже гибели Греко-бактрийского царства. Искажение легенд, использование бронзы вместо серебра, видимо, указывают на время, близкое последним индо-греческим царям и, возможно, более позднее, т. е. I в. н. э.» (Аллот де ла Фюи, 1925, с. 36). В. М. Массон называет эту датировку «необоснованной» («ни из каких данных, а тем более из приводимых А. де ла Фюи, этого не следует») и именно против нее выступает, опираясь на палеографические данные парфянских монет. По словам В. М. Массона. «в специальном курсе „Нумизматика Средней Азии" М. Е. Массон ... также указывал на малую вероятность датировки, предлагаемой А. де ла Фюи» (В. Массон, 1956, с. 68).

нимал как изображение Зевса и В. Смит (1906, с. 61). Преемственность этих монет «сотера мегаса» по отношению к наиболее поздним подражаниям монетам Гелиокла с изображением на об. ст. Зевса (по принятой здесь хронологической систематизации — седьмой период) вряд ли может вызывать сомнения, равно как и то, что среди монет «сотера мегаса» эта серия монет является наиболее ранней (невыработанность формы тамги и иконографического типа *всадник с топориком,* характерного для всех остальных групп «сотера мегаса»). Таким образом, в данном случае мы располагаем некоей самостоятельной чеканкой (возможно, весьма непродолжительной), которая типологически примыкает не к завершающему этапу линии «варварских подражаний», а к несколько более раннему. В то же время рассматриваемая группа является надежным типологическим «мостиком», соединяющим подражания монетам Гелиокла с остальными монетами «сотера мегаса», а через них — и со всей кушанской государственной чеканкой. Будучи важным дополнительным аргументом в пользу предложенного В. М. Массоном отождествления подражаний монетам Гелиокла как юечжийской монетной чеканки в период предшествовавший возникновению Кушанского царства, это сопоставление — за неимением других свидетельств — можно, видимо, использовать и как хронологический индикатор, максимально приближающий чеканку наиболее поздних подражаний монетам Гелиокла к началу выпуска монет кушанского безымянного царя («сотера мегаса»).

Как уже отмечалось выше, иконографическая несамостоятельность подражательных выпусков затрудняет их использование для датировочных целей. Только случаи явного переосмысления каких-то деталей (под воздействием „боковых" прототипов, если они опознаются) или отхода от иконографических схем прототипа (или замена их), как исключение, дают возможность для хронологических сопоставлений. Именно таким отходом от первоначального образца является полная смена типа об. ст. на подражаниях монетам Гелиокла, отнесенных к восьмому периоду, когда вместо фигуры стоящего Зевса на об. ст. появляется изображение шагающего коня влево, никогда на монетах самого Гелиокла не встречавшееся.

Несколько слов об условиях, в которых совершалась эта важная иконографическая перемена. Уже несколько раньше — на монетах *шестого и седьмого периодов — прекращается последовательная деградация* типов: делается попытка восстановления смысла легенды, стабилизируется иконография типов л. и об. ст. Вряд ли эти перемены можно связывать только с появлением на монетном дворе новых, более квалифицированных резчиков штемпелей — знакомых с греческим алфавитом и владеющих определенными художественными навыками. Видимо, изменились условия, в которых обращается монета, изменились требования, предъявляемые к внешнему облику монеты[41], и, главное, потеряло свое значение (или даже оказалось неприемлемым) сходство с исходным прототипом, еще отдаленно опознававшееся по иконографическому типу об. ст. (несмотря на все отклонения и переосмысления, внесенные новыми резчиками). Эта перемена подготавливается уже на протяжении шестого и седьмого периодов, а с заменой типа об. ст.

---

[41] Весовые значения монет восьмого периода остаются в основном в прежних рамках (для медных «тетрадрахм» — от 12 до 16 г с очень редкими отклонениями от этой нормы; наиболее полновесный экземпляр — 18,15 г, наиболее легковесный — 10,89 г.).

(восьмой период) рассматриваемые монеты уже перестают по существу быть подражаниями — конь на об. ст. изображен уверенно и на медных „тетрадрахмах", и на „драхмах", при копировании и л., и об. ст. резчики достаточно твердо „держат рисунок".

В чем могла выражаться перемена условий обращения монеты? Изменились требования „рынка", раньше явно предпочитавшего монету привычного облика (независимо от художественных достоинств и степени читаемости легенды)? Если рассматривать чеканку подражаний Гелиоклу как монету, выпускавшуюся юечжийскими племенами (первоначально обращавшуюся, как показывают находки монет второго и третьего периода, в Термезе и его округе, затем — по всему правобережью Амударьи), то можно предположить, что новые требования к монете возникли в результате следующего этапа расширения владений юечжийских племен (или уже только племени гуйшуан-кушан?): распространения их власти на левобережье Амударьи. О том, что последовательность подчинения территорий была именно такой, косвенно свидетельствуют и письменные источники. Китайский путешественник Чжан Цянь около 128 г. до н. э. застает юечжей, уже подчинивших себе Дахя = Бактрию («Ши цзи», гл. 123; Бичурин, 1950, т. II, с. 151—152; Цюрхер, 1968, с. 360, 365), пребывающими „к северу от реки Гуй" — Амударьи[42]; китайская хроника «Хань шу» (охватывает период с 206 г. до н. э. по 25 г. н. э., составлена в основном около 80 г. н. э.), сообщая о пяти владетелях Больших Юечжей, ничего не говорит об их переселении к югу от Амударьи. Очевидно, это событие произошло после 25 г. н. э.: об объединении пяти юечжийских владетелей под властью „гуйшуанского" (кушанского) князя Киоцзюкю (Куджулы Кадфиза) и о подчинении Большими Юечжами областей, расположенных в Афганистане, рассказывает хроника «Хоу Хань шу» (гл. 118: Бичурин, 1950, т. II, с. 227; Цюрхер, 1968, с. 367), охватывающая период с 25 г. н. э. по 221 г. и составленная между 424 и 446 гг. Точная дата полного подчинения Бактрии юечжийским завоевателям (т. е. второго этапа завоевания, уже реального) нам не известна, но, если исходить из китайских источников, не исключено, что это событие следует относить ко времени после 25 г. н. э.

Распространение власти юечжей-кушан на левобережье Амударьи (т. е. не только номинальное, но и практическое завоевание Бактрии) должно было отразиться в несовпадении ареала подражаний монетам Гелиокла восьмого периода (с конем на об. ст.) с ареалами более ранних периодов. Кратко остановимся на тех данных, которыми можно располагать при современном состоянии наших знаний. Главная трудность заключается в том, что при этом приходится сопоставлять находки в Узбекской и Таджикской ССР, где их регистрация поставлена хорошо, с находками из Афганистана, где учет пока носит случайный характер. В находках к северу от Амударьи (преимущественно в долине Сурхандарьи) явно преобладают монеты III—IV групп (на об. ст. — *стоящий Зевс*), а монеты V—VI групп (на об. ст. — *шагающий конь*) заметно

---

[42] Вероятно, на первом этапе зависимость Дахя = Бактрии от Больших Юечжей была номинальной, Бактрия еще сохраняла свою самостоятельность — отправившись в Дахя после Больших Юечжей, Чжан Цянь приезжает туда как в другую страну, где продолжается нормальная, без видимых последствий «нашествия» жизнь (Зеймаль, 1978, с. 199).

им уступают количественно[43]: в правобережье Амударьи зарегистрированы находки 9 монет V—VI групп и несколько беспаспортных экземпляров хранятся в музеях Советского Союза. Чтобы составить представление о составе находок на территории Афганистана, приходится использовать не только прямые и ясные свидетельства, но и данные менее определенные. Так, в Британском музее 2 экз. с конем на об. ст. — из сборов Ч. Массона в Афганистане (Вильсон, 1841, табл. VIII, 14, 15), 1 экз. — из сборов А. Стейна в 1936 г., 1 экз. — из колл. А. Каннингэма. В собрании Национальной библиотеки (Париж) 4 таких же экз. происходят из сборов генерала Айара в 30—40-х годах XIX в., 1 экз. поступил от Делепьера, а 7 экз. ранее находились в коллекции М. Ле Берра, много лет занимавшего должность архитектора Французской археологической делегации в Афганистане. В Таксиле (Маршалл, 1951, т. II, с. 801; т. III, табл. 236, 67) зарегистрирована только одна находка монеты V группы, но хранящиеся в Лахорском музее 5 подражаний монетам Гелиокла с конем на об. ст. также скорее были найдены в Афганистане или в Пакистане. Это же можно сказать о 10 экз. таких монет в частной коллекции М. Митчинера (Англия) и 4 экз. в коллекции Х. Поддара (Индия). Начинают поступать и более точные данные. Так, во время раскопок на городище Дильберджин в 1977 г.[44] подражание монетам Гелиокла (V группа) было найдено на раскопе X (западная часть городища) на полу большого здания, в единых стратиграфических условиях с оболом „Герая". Таким образом, учитывая большую редкость монет восьмого периода к северу от Амударьи (их соотношение с подражаниями III—IV групп там 1 : 15 при общем соотношении дошедших до нас экз. 1 : 2), можно приведенные выше данные о происхождении подражаний V—VI групп с территории Афганистана (при всей их приблизительности) рассматривать как свидетельство в пользу того, что подражания монетам Гелиокла с конем на об. ст. чеканились уже к югу от Амударьи.

В левобережье Амударьи, затронутом денежным обращением значительно раньше, чем Трансоксиана, видимо, существовал свой рынок с иными, чем в правобережье, требованиями к монете. Приспособлением

---

[43] Небольшое число находок подражаний монетам Гелиокла с конем на об. ст. к северу от Амударьи неоднократно отмечалось исследователями, но было неверно интерпретировано. Так, Ш. Р. Пидаев допускал, что «эти монеты, по крайней мере с конем на реверсе, чеканились в одном или нескольких городах, расположенных в долине Сурхандарьи, и были предназначены для внутриобластного обращения» (Пидаев, 1979, с. 88). Другой вариант объяснения — кратковременность чеканки монет с конем: «соотношение между найденными в Северной Бактрии подражаниями обоих типов составляет примерно 1 : 15, т. е. на одно подражание второго типа <с конем на об. ст. — *Е. З.*> приходится пятнадцать подражаний первого типа <с Зевсом на об. ст. — *Е. З.*>. Такая большая разница позволяет бесспорно считать, что подражания второго типа чеканились в течение весьма незначительного промежутка времени, видимо, в небольшом локальном районе Северной Бактрии. Если учесть топографию этих находок, то таким районом, вероятнее всего, являлась нынешняя Сурхандарьинская область» (Ртвеладзе—Пидаев, 1981, с. 26). Статистические сопоставления вряд ли уместны в данном случае, поскольку совершенно не учитываются находки к югу от Амударьи. Если брать все дошедшие до нас (точнее — могущие быть учтенными) подражания монетам Гелиокла, то из общего количества около 240 экз. на долю выпусков с Зевсом на об. ст. приходится 150 с лишним экз., а остальные (около 90 экз.) имеют на об. ст. изображение шагающего коня. Таким образом, общее соотношение между группами составляет не 15 : 1, а лишь 2 : 1. Однако, не располагая данными об интенсивности чеканки на разных этапах, бессмысленно судить по этим цифрам о продолжительности выпуска.

[44] Со сведениями об этой находке и с фотографиями монет меня любезно познакомила И. Т. Кругликова.

к этим требованиям и могли быть вызваны перемены во внешнем облике юечжийской монеты — подражаниях тетрадрахмам и драхмам Гелиокла. С точки зрения хронологической в этом плане наибольший интерес представляет не попытка восстановления читаемости легенды и стабилизация типов (хотя они и свидетельствуют о новых условиях, в которых осуществляется чеканка), а такое важное событие, как замена иконографического типа об. ст. рассматриваемых подражаний. Можно предполагать, что в условиях нового „рынка", хорошо знакомого с монетами самого Гелиокла, сходство юечжийской монеты с прототипом перестало обеспечивать их принудительный курс. Но мог ли новый иконографический тип об. ст. — изображение шагающего коня вправо — способствовать более успешному обращению юечжийской монеты? *Именно под таким углом зрения следует, видимо, рассматривать тот* широкий круг монетно-иконографических аналогий для нового типа об. ст., который может быть привлечен для сопоставления, — от изображений „в парфянской нумизматике, начиная с ее ранних этапов" (В. Массон, 1956, с. 70) и на монетах индо-сакского царя Мауэса, основным ядром владений которого была, видимо, Гандхара (В. Массон, 1964, с. 141) и до очень близкого иконографического типа, представленного на хотанских двуязычных монетах (Зеймаль, 1971, с. 113—114, № 4—8)[45].

К югу от Амударьи, на вновь присоединенных юечжами территориях, находились в обращении монеты одного из последних греко-бактрийских царей — Гермея. Среди иконографического репертуара его эмиссий есть изображение шагающего вправо коня с поднятой передней ногой (Гарднер, 1886, табл. XV, 8; Уайтхэд, 1914, табл. IX, 679), самым непосредственным образом перекликающееся с изображениями коня на подражаниях монетам Гелиокла (восьмой период). В. Массон, полагая, что подражания монетам Гелиокла „по фактуре и типу несомненно чеканены раньше монет Гермея"[46], не мог допустить, что выбор нового типа для об. ст. юечжийских монет определялся именно знакомством „рынка" с монетами Гермея. Но если в действительности выпуск подражаний тетрадрахмам Гелиокла продолжался и после середины I в. до н. э. и окончание их чеканки типологически и хронологически сближается с началом кушанской государственной чеканки при Куджуле Кадфизе, использование монет Гермея в качестве „бокового" прототипа для *последнего периода подражаний* монетам Гелиокла хорошо согласуется с предположением о том, что выпуск юечжийской монеты в это время осуществлялся уже к югу от Амударьи, был рассчитан на собственно бактрийский рынок.

Известен и другой пример обращения юечжей-кушан к монетам Гермея как к прототипу: это произошло, когда Куджула Кадфиз, завоевав Кабул, где еще обращался чекан Гермея, стал чеканить свою монету по местному образцу. Сперва в греческой легенде на л. ст. сохранялось и имя Гермея (Зеймаль, 1967, с. 56—58, рис. 1, 1), а имя

[45] Вряд ли следует в данном случае принимать и мотивировку замены типов бо́льшей идеологической «созвучностью»: юечжийские племена «со временем заменяют *на реверсе греческого бога более близким им образом коня, культ которого был всегда* очень силен у народов полукочевнического уклада» (Пугаченкова—Ртвеладзе, 1971, с. 104).

[46] Тип коня на монетах Гермея «если и стоит в связи с нашими монетами, то как последующий, а отнюдь не исходный образец» (В. Массон, 1956, с. 70). Только неоправданно удревненная датировка окончания чеканки подражаний монетам Гелиокла позволила В. М. Массону писать, что «монета с изображением идущей лошади на монетах Гермея, несомненно, позднее наших монет» (В. Массон, 1957, с. 111).

Куджулы Кадфиза стояло только в легенде письмом кхарошти на об. ст. Затем имя основателя Кушанского царства заменяет имя Гермея и в греческой легенде на л. ст. (Зеймаль, 1967, с. 56, рис. 1, 2). Обращение к типам монет, привычных для вновь завоеванных территорий, вообще характерно для монет первого кушанского царя, чеканившихся в условиях невыработанности денежной системы нового государства, в условиях поисков новой титулатуры, новой царской и культовой иконографии, в условиях сложения административно-государственного устройства, которое обеспечивало бы управление огромными территориями, оказавшимися под властью кушанского царя.

Подражательность монетных типов Куджулы Кадфиза имеет, конечно, иной характер, если сравнивать его чеканку с «варварскими подражаниями» племен и народов, впервые знакомящихся с монетным обращением по иноземным привозным образцам. Но между последними подражаниями монетам Гелиокла (с конем на об. ст.) и первыми выпусками Куджулы Кадфиза (если принимать во внимание существо явлений, а не чисто внешнее сходство с какими-то конкретными прототипами), похоже, нет принципиальной разницы.

К сожалению, иконографическое сопоставление восьмого периода подражаний монетам Гелиокла с типом *шагающий вправо конь* на монетах Гермея не может быть использовано для уточнения даты окончания чеканки подражаний монетам Гелиокла: во-первых, время правления Гермея не может считаться точно установленным[47], а, во-вторых, невозможно определить, насколько позже его правления иконографический тип *шагающий конь вправо* был заимствован теми, кто изготовлял штемпели для наиболее поздних подражаний монетам Гелиокла. В этом отношении существует определенный параллелизм между соотношением 'прототип — копия' для восьмого периода подражаний монетам Гелиокла и теми монетами Куджулы Кадфиза, образцом для которых послужили монеты Гермея: в обоих случаях мы должны констатировать (или предполагать) существование между образцом и копией определенного хронологического интервала, продолжительность которого нам не известна[48].

Видимо, нельзя исключить (во всяком случае при ранних вариантах кушанской абсолютной хронологии), что наиболее поздние из подражаний монетам Гелиокла (с конем на об. ст.) — это выпуски, осуществлявшиеся уже при самом Куджуле Кадфизе. Косвенным подтверждением такой возможности служит и приведенное выше сопоставление подражаний монетам Гелиокла (шестой и седьмой периоды с изображением Зевса на об. ст.) с наиболее ранними из монет «сотера мегаса» (см. ниже — XII. **01**), если считать, что их выпуск также осуществлялся при Куджуле Кадфизе (Зеймаль, 1965, с. 7).

Сближение последних подражаний монетам Гелиокла с первыми образцами кушанской государственной чеканки вынуждает нас — во всяком случае на современном этапе изучения — отказаться от точного определения абсолютных дат: они оказываются при этом „замкнутыми" на проблему кушанской абсолютной хронологии, которая пока не имеет твердого решения.

---

[47] Довольно обстоятельный обзор — Нарайн, 1957, с. 159—162. См. также: Кюрье—Фусман, 1965, с. 63.

[48] Об интервале между монетами Гермея и выпусками Куджулы Кадфиза по их образцу см.: Зеймаль, 1967, с. 58.

IX. ПОДРАЖАНИЯ ТЕТРАДРАХМАМ И ДРАХМАМ ГЕЛИОКЛА. ТАБЛ. 13—15

№№	Место и обстоятельства находки	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
	Второй период (подражания тетрадрахмам, об. ст. — стоящий Зевс, группа III, серия 1)					
01	Термез, карьер кирпичного завода, 1968 г.	14.49			ТР № 35	ср. Ртвеладзе-Пидаев, 1981, № 46
	Третий период (группа III, серия 2)					
02	Термез (?), 1939 г.	12,84			ТР № 80	ср. Ртвеладзе-Пидаев, 1981, № 44
03	Фаяз-тепе, раскопки 1969 г.	16,40				
04	—	15,77			СМ Н-93	
	Четвертый период (группа III, серия 3)					
1	Окрестности г. Душанбе, до 1954 г.	10,13			ИД ?	В. Массон, 1956, с. 63—64, № 1, табл. 3
2	Г. Душанбе (случайная находка), 1956 г.	9,17	18,3	XII	ИД Н-50/1	Давидович, 1959, с. 171—174.
3	Яванское г-ще, 1965 г., раскоп II, VI жилой гор.	9,55	29,1	XII	ИД Н-75/5	
4	Г-ще Саксанохур (Пархарский р-н), 1967 г., пом. 25, на полу.	11,98	19,4	I	ИД Н-80/1	
5	Шахринау, территория школы, 1968 г., случайная находка	12,07	27,9	XII	ИД Н-255/1	
5а	Яванский р-н, 1979 г., случайная находка	10,68	30,3	XII	ИД Н-476/1	
5б	Место находки не известно (доставлена из Ленинабада, 1972 г.)	11,80	28,6	I	ИД Н-400/16	Ср. Довутов, 1980а, с. 201
	Пятый период (группа III, серия 4)					
6	Неизвестно (до 1948 г.)	15,45			ДМ 1392/5	Забелина, 1952, с. 75, табл. II, 1
7	Яванское г-ще, 1963 г., раскоп I, завал над 1-м жилым горизонтом	13,67	31,9	XII	ИД Н-68А/1	Юркевич, 1965, с. 161
8	То же, 1965 г., раскоп II, VI жилой горизонт	10,91	30,8	XII	ИД Н-75/4	
05	Г-ще Айртам, подъем (до 1966 г.)	13,45			ТР № 349	Пугаченкова, 1967, с. 75, № 3, табл. I, 4 (ср. Ртвеладзе-Пидаев, 1981, № 49 и № 11— дважды ?)

№№	Место и обстоятельства находки	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
	Шестой период (группа III, серия 5)					
9	Неизвестно (после 1952 г.)	11,40			ДМ	В. Массон, 1956, с. 64, № 3, табл. 5
10	Шахринау (случайная находка), до 1954 г.	15,23	28,3	XII	ИД Н-357/2	Давидович, 1956а, с. 95, без илл.
11	Шахринау (случайная находка), 1954 г.	14,82	18,5	XII	ИД Н-17/1	
12	Г-ще Чимкурган (близ Чептуры), 1962 г., на поверхности	14,45	33,6	XII	ТУ	
13	Кишл. Симиганч (Орджоникидзеабадский р-н), мазар Тура, на поверхности до 1973 г.	14,65	30,9	XII	ИД Н-410	
14	Г-ще Тепаи-Шоид (близ кишл. Сангтуда, Дангаринский р-н), случайная находка, 1975 ? г.	15,71	29,8	XII	ИД Н-406/1	
15	Г-ще Тахти Сангин, 1978 г., сев. коридор, 0,4 м над материком	12,58	26,7	XII	ИД Н-431/100	
	Седьмой период (группа III, серия 6)					
16	Г-ще Турткуль (Яванский р-н), 1978 г., раскоп 3, нижний пол верхнего горизонта	13,93	34,2	XII	ИД Н-408/4	
17	Г-ще Чимкурган, 1968 г., на поверхности	14,45	33,6	XII	ИД Н-212/1	
18	Калаи-Шадмон (кишл. Якка-тол, Орджоникидзеабадский р-н), 1978 г.	14,43	30,6	XII	ИД Н-411	
06	(Афганистан ?) — из колл. М. Ле Берра	14,00			НБ R 3681/157	
	Второй-седьмой периоды (подражания драхмам, об. ст. — стоящий Зевс, группа IV)					
18а	Развалины буддийского монастыря Уштурмулло, 1981 г., помещ. 26, сев. половина, на полу	2,15	19,5	XII	ИД Н-486/16	
07	Из колл. Б. Н. Каштальского	5,8			СМ Н-9962	
08	(Термез) — из колл. Зампаева	4,45			ТШ 15/33	
09	—	2,21			БМ 0R 0288	

№№	Место и обстоятельства находки	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
Восьмой период (подражания тетдрахмам, об. ст. — конь, группа V)						
010	—	13,57			БМ	Гарднер 1886, с. 22, № 13 (без ил.)
011	—	14,70			БМ OR 0287	
012	Из колл. А. Каннингэма	14,73			БМ СМ 90-4-4-24	
19	Шахринау (случайная находка), 1952 г.	12,31	27,1	XII	ИД Н-10	В. Массон, 1956, с. 66
Восьмой период (подражания драхмам, об. ст. — конь, группа VI)						
20	В 6 км к вост. от Гиссарской крепости, 1953 г.	3,35	17,9	XII	ИД Н-24	
21	Г-ще Чимкурган, 1968 г., мешаный слой	4,05	17,8	XII	ИД Н-212/2	
22	Г-ще Тахти Сангин, 1979 г., зал, «серый» пол (0,2 м над материком)	2,21	18,5	XII	ИД Н-432/ /105	
23	Шахринау (случайная находка), до 1974 г.	3,17	17,8	XII	ИД Н-473/3	
24	То же	3,43	19,5	XII	/4	
013	—	3,68				Гарднер, 1886, с. 22, табл. VII, 4
014	—	3,76			ГЭ, № 482	

ГЛАВА X. ПОДРАЖАНИЯ ДРАХМАМ ФРААТА IV С НАДЧЕКАНОМ

В 1978 г. во время раскопок на городище Тахти Сангин (Кобадианский р-н) были найдены, наряду с другими монетами, 69 серебряных подражаний парфянским драхмам.

На л. ст. этих монет — *бюст бородатого царя вправо с диадемой-лентой на голове,* за головой царя — *птица, держащая в клюве венок.* На всех монетах на л. ст. (ниже головы царя, на VI часах) — небольшое овальное углубление, композиционно не связанное с основным изображением, но и не нарушающее его. В углублении, обрамленном по кругу ободком из точек, — *бюст безбородого правителя в шлеме вправо.*

На об. ст. характерное для парфянских драхм изображение сидящего персонажа с луком в вытянутой вперед правой руке, традиционно определяемого как обожествленный основатель династии — Арсак. Легенда, обычно обрамляющая квадратной рамкой это изображение на парфянских монетах, сильно искажена и связного чтения уже не дает, хотя отдельные буквы греческого алфавита, как правило, опознаются.

Манера изображения бороды и волос царя, а также присутствие за головой царя птицы с венком в клюве, позволяют считать, что прототипом основного изображения на л. ст. послужили драхмы парфянского царя Фраата IV (38/37—3/2 гг. до н. э.). Изображение на об. ст. не противоречит такому определению, но само по себе не может служить опорой для него.

Бюст правителя в шлеме, обращенный вправо, который изображен в углублении на л. ст., можно сопоставить с л. ст. оболов Эвкратида или подражаний его оболам. Вдавленность, в которой помещено это изображение, напоминает углубления, которые образуются при надчеканивании монет. *Но обычно при надчеканивании на об. ст., точно против* места наложения надчекана, поверхность монеты расплющивается и изображения и надписи совершенно сглаживаются. Ни на одной из 69 монет с городища Тахти Сангин такого расплющивания на об. ст. не наблюдается — изображения и надписи полностью сохраняют рельефность и четкие контуры. Все это указывает на то, что в данном случае надчекан ложный, т. е. его не оттискивали дополнительно специальным штемпелем после того, как монета была отчеканена, а „ввели" в основной штемпель л. ст. Наблюдения за штемпелями подтверждает такое заключение: на экземплярах, чеканенных с л. ст. одним и тем же штемпелем, повторяется до мельчайших деталей и изображение в „надчекане" (за исключением различий, определяющихся сохранностью штемпеля или монеты).

Сопоставление штемпелей показало, что на 19 экз. (X. 1—19), чеканенных одним и тем же штемпелем с л. ст., приходится 13 разных штемпелей об. ст. (из них общими штемпелями для об. ст. чеканены

X. 1—2, 3—5, 7—8, 12—13, 14—15). Экз. X. 19 и 20 чеканены общим штемпелем с об. ст., но разными с л. ст., и это единственный (среди рассматриваемых монет с городища Тахти Сангин) случай совпадения штемпеля об. ст. при несовпадении штемпелей л. ст. Общим штемпелем с л. ст. чеканены также экз. X. 25—32 (у экз. X. 25—27 общий штемпель и для об. ст.) и X. 34—38 (для об. ст. — два штемпеля X. 34—35 и X. 36—38). Во всех остальных случаях идентифицировать штемпели не удалось (иногда это не позволяла сделать сохранность монет), но большую или меньшую типологическую близость, как правило, оказалось возможным отметить.

Для данной группы подражаний основным (но не единственным) признаком, позволяющим судить о степени удаления от прототипа, было, как и во многих других случаях, состояние легенды. Экземпляры с более полной и менее искаженной легендой получили здесь порядковые номера, близкие к началу. Наибольшие отклонения от легенды прототипа обнаруживают экземпляры, помещенные в конец этого ряда. Ошибки, пропуски и искажения в легенде — во всяком случае, в пределах обозримого на имеющихся материалах „отрезка" чеканки — накапливаются постепенно, без резких переходов и скачков. Поэтому и намеченная последовательность экземпляров с городища Тахти Сангин — лишь приблизительная. Заведомо более поздними — по сравнению с остальными экземплярами — являются экз. X. 54—58 и 59—68. Помимо значительных искажений в легенде их отличает и большее огрубление портрета на л. ст., и сильная схематизация об. ст. Намечается и резкий перелом в размещении легенды: от квадратной „рамки" к круговому расположению. Это огрубление и схематизация затрагивают и изображение в надчекане — бюст правителя в шлеме вправо отдаляется от своего прототипа одновременно с основным типом л. ст.

В весовом отношении подражания, как это и характерно для них, заметно уступают монетам, послужившим образцом для воспроизведения: вес драхм Фраата IV составляет обычно 3,70—3,95 г, а у публикуемых подражаний, несмотря на большую его неустойчивость, он редко превышает 2 г (максимальный вес у экз. X. 33—2,32 г) и не бывает ниже 1,5 г, если монетный кружок сохранился полностью и не имеет обломов.

Подражания драхмам Фраата IV, подобные найденным на городище Тахти Сангин, были известны и ранее. Из семи таких монет, фигурирующих в каталоге Британского музея (Poc, 1903, с. 114, табл. XXI, 4—6), одна — подлинная драхма Фраата IV, меченная надчеканом (Poc, 1902, с. 114, № 96, табл. XXI, 4), две — подражания с ложным надчеканом (Poc, 1903, с. 114, № 97, 99, табл. XXI, 5, 6), а остальные изданы без воспроизведения[49]. Все семь экземпляров попали в Британский музей через Индию: четыре из них принадлежали ранее А. Каннингэму, две — поступили из коллекции Министерства по делам Индии (India Office Collection), одна — от Э. Роджерса.

Еще один экземпляр, изданный Р. М. Гиршманом (1946, с. 197, табл. XXII, 7) и происходящий из раскопок в Беграме (слой I), снабжен ложным надчеканом и типологически значительно позднее монет, найденных на городище Тахти Сангин. Расположение искаженной ле-

---

[49] В каталоге Британского музея различия между истинным и ложным надчеканами не отмечены. Ср. Селлвуд, 1971 (эмиссия 91/10), где не отмечено существование экземпляров с подлинным надчеканом, но см. также: Гёбль, 1978, № 2307.

генды на об. ст. — близкое к круговому. Попытка Р. М. Гиршмана „читать" в этом беспорядочном расположение значков-„букв" имя индо-сакского царя Спалириса, не получила признания у исследователей (Дженкинз — Нарайн, 1957, с. 4, прим. 1; Симонетта, 1958, с. 165—166)[50] и с появлением тахтисангинских экземпляров, — подтверждения в новых материалах. Наиболее поздние из публикуемых здесь подражаний драхмам Фраата IV как бы подготавливают переход к тому состоянию легенды, какое зафиксировано беграмским экземпляром.

Итальянский исследователь А. Симонетта (1958, табл. I, 7—15), кроме восьми экземпляров Британского музея, издал еще одну такую монету из своей коллекции (Симонетта, 1958, табл. I, 6; Симонетта, 1974, табл. I, 5) — подражание драхме Фраата IV, имеющее, судя по фотографии, настоящий надчекан.

В коллекции Государственного Эрмитажа хранятся еще два экземпляра (без данных о происхождении), относящихся к этому же классу монет: один с надчеканом, выбитым на подражании (№ 20928), другой — с ложным надчеканом (№ 20929).

И, наконец, осенью 1978 г. во время раскопок некрополя на городище Тилля-тепе в Северном Афганистане была найдена в погребении № 6 драхма Фраата IV, меченная подлинным надчеканом[51] (Сарианиди — Кошеленко, 1982, с. 309—312, рис. 1, 2).

Таким образом, найденные в Таджикистане подражания драхмам Фраата IV относятся лишь к одному из этапов чеканки монет этой группы, а остальные этапы пока представлены лишь единичными образцами. Общая картина последовательности чеканки таких подражаний насчитывает не менее четырех этапов.

1) Чеканка драхм Фраата IV (38/37—3/2 гг. до н. э.).

2) Надчеканивание собственно драхм Фраата IV.

3) Изготовление подражаний драхмам Фраата IV и надчеканивание их.

4) Изготовление подражаний с ложным надчеканом и „квадратным" расположением легенды.

5) Изготовление подражаний с ложным надчеканом и круговым расположением легенды.

Надчеканивание драхм Фраата IV, даже если оно и началось при жизни этого царя, должно было осуществляться и спустя какое-то *время после рубежа н. э. Соответственно изготовление подражаний* этим драхмам и их последующее надчеканивание начинается, видимо, в пределах первой четверти I в. н. э. и продолжается, хотя бы частично захватывая вторую четверть этого же столетия. „Рационализацию" чеканки — введение в основной штемпель л. ст. ложного надчекана следует соответственно датировать второй четвертью — серединой I в. н. э. („квадратное" расположение легенды). Беграмский экземпляр с четко

[50] Монеты индо-сакского царя Спалириса (Гарднер, 1886, с. 100—101, табл. XXII, 1—2; Уайтхэд, 1914, с. 143—144, табл. XIV, 386, 394—397), но совершенно иного облика, хорошо известны. Попытка Р. М. Гиршмана прочесть имя Спалириса на подражаниях Фраату IV — это попытка синхронизировать индо-сакские монеты с парфянскими и через них — с нашим летосчислением.

[51] Судя по фотографии и пониженному весу монеты (2,77 г), может создаться впечатление, что это — подражание драхмам Фраата IV, но решающее слово должно, конечно, принадлежать В. И. Сарианиди и Г. А. Кошеленко, которые специально подчеркивают — «для нас не подлежит сомнению, что наша монета принадлежит к подлинным монетам Фраата IV и надчеканена позднее» (Сарианиди—Кошеленко, 1982, с. 310).

выраженным круговым расположением легенды, типологически далеко отстоящий от наиболее поздних таджикистанских монет этой группы, можно предположительно отнести к концу третьей или к последней четверти I в. н. э.: разрыв между ними ощущается очень определенно, и, видимо, мы не располагаем пока какими-то промежуточными звеньями.

Для более уверенной датировки подражаний драхмам Фраата IV в целом (и в особенности разных этапов их чеканки) могла бы иметь большое значение правильная оценка экономической и политической сущности этих выпусков. Но пока в этом вопросе очень много неясного. Формально относящиеся к числу монет-подражаний, подражания драхмам Фраата IV существенным образом отличаются от других подражательных чеканок, распространенных на территории Таджикистана (и вообще в Средней Азии). И дело не только в том, что их чеканка осуществлялась на более высоком техническом и художественном уровне, что монеты продолжали выпускаться из серебра (возможно, ухудшенного состава) и не превращались в медные „драхмы", что, наконец, они не были в отличие от «варварских подражаний» первыми монетами на данной территории (независимо от точных границ ареала, на который они были рассчитаны), через которые местное население познакомилось с денежным обращением вообще. И для «варварских подражаний» (как явления), и для монет-имитаций главной особенностью, наиболее определенно выражающей их сущность, является стремление сохранить (насколько это удается) сходство с прототипом. Что же касается рассматриваемой группы, то для нее характерно принципиально противоположное стремление — подчеркнуть отличие от объекта подражания. И на подлинных драхмах Фраата IV, отмеченных надчеканом, и на подражаниях с истинным надчеканом, и, конечно же, на подражаниях с ложным надчеканом в облик иноземной монеты сознательно введено нечто, совершенно чуждое для собственно монет Фраата IV и сразу же отличающее выпуск с надчеканом от них. Более того, мы не располагаем подражаниями драхмам Фраата IV, которые не несут на себе оттиск надчекана. Видимо, ни собственно монеты Фраата IV, ни подражания им не были (конечно, на какой-то строго ограниченной территории и явно — за пределами политических границ самого парфянского Ирана) „полноправной" монетой, если их пригодность к обращению не была подтверждена надчеканом. В этом отношении монету-основу, на которую наносился надчекан, можно было бы сравнить с „бланком" в современном делопроизводстве, который необходимо снабдить „печатью"-надчеканом, чтобы он приобрел силу документа. Но из всего многообразия парфянских монет и из довольно многочисленных разновидностей драхм Фраата IV в качестве монеты-„фона" для надчекана во всех случаях была выбрана строго определенная разновидность: ни на каких других монетах этот надчекан не ставился.

Сходная по сути явлений картина наблюдается и для несколько более ранних парфянских монет (но не подражаний, как у нас!), также меченных надчеканом:

— одна из разновидностей драхм парфянского царя Синатрука (по Селлвуду — Орода I) (80—70 или 80—77 гг. до н. э.), надчекан на которых содержит изображение бюста молодого мужчины влево в мягком головном уборе, напоминающем конический колпак, и расположенную по кругу греческую легенду (от II до X часов), обычно читаемую как имя ΟΤΑΝΝΗΣ (Рос, 1903, с. 50, прим. 1; Симонетта, 1958,

табл. I, 2 — из колл. графа Кварони; ср. Селлвуд, 1971, эмиссия 91/1);

— драхмы парфянского царя Фраата III (78—57 или — по Селлвуду — 70—57 гг. до н. э.) с эпитетом ΦΙΛΕΛΛΗΝΟΣ в легенде — с точно таким же надчеканом, как на монетах Синатрука (Рос, 1903, с. 49, № 35, с. 50, № 47, табл. XI, 4,5 = Симонетта, 1958, табл. I, 3, 4; ср. Селлвуд, 1971, эмиссия 91/3—5);

— драхмы Фраата III (по Селлвуду — Синатрука) с эпитетом NIKATOP в легенде (и точно такие же „медные драхмы") — с надчеканом, содержащим изображение бюста бородатого и длинноволосого царя (голова повязана диадемой) в фас (как на монетах так называемого „неизвестного царя"), не сопровождаемое легендой (Марков, 1892, с. 17—18, № 16, табл. IV, 16; Симонетта, 1958, табл. I, 5; Селлвуд, 1971, эмиссия 91/2).

Не останавливаясь здесь подробно на возможных вариантах исторической интерпретации этих монет[52], необходимо отметить, что и в этих случаях парфянские монеты — это только „фон", на который накладывался надчекан (обычно на нижнюю часть изображения на л. ст., но не нарушая — по возможности — „сюжета" основного изображения). Видимо, ключом к правильному пониманию этих монет как особой разновидности независимой (или „полунезависимой" как считает А. Симонетта) монетной чеканки является сам надчекан, поскольку именно он изготовлен специально для выпуска парфянских монет (или подражаний им, как это было в нашем случае), в обращение на какой-то новой территории.

Выше уже было отмечено, что сравнительно хорошо мы пока представляем только небольшой этап чеканки подражаний драхмам Фраата IV — этап, отраженный подражаниями с городища Тахти-Сангин. Типологический разрыв между этим „отрезком" и другими фразами чеканки, о которых пока можно судить лишь по единичным экземплярам, ощущается очень определенно и не позволяет — до появления новых данных — предложить твердую локализацию и историческую интерпретацию этой группы монет.

В настоящее время и типологический ряд этой группы, и ее осмысление можно только наметить слабым „пунктиром", проследив изменения и монеты-основы, и надчекана. Со временем, когда подражания драхмам Фраата IV далеко отошли от своего прототипа, надчекан *голова в шлеме вправо*, видимо, мог накладываться и на другие разновидности парфянских монет (или на подражания им). Так, известна медная „драхма Фраатака" (3 г. до н. э. — 3 г. н. э.) или подражание ей (на л. ст. — *две „Ники" венчающие царя;* на об. ст. — видимо, *сидя-*

---

[52] А. Симонетта (1958, с. 165—166; 1974, с. 283—284) считает, что их выпуск (как и чеканка подражаний Фраату IV с надчеканами) продолжался с 75 до 5 г. до н. э. в Александрии Арианской и осуществлялся «полунезависимой» династией Оттанидов, которые были или предшественниками «Гондофаридов», или «скифскими» предводителями, поддержавшими претензии Синатрука на парфянский трон и получившими в качестве награды «особые привилегии», позволившие создать на востоке Парфянской империи буферное государство типа marca limitanea, конец существования которого связан с успехами «строителя» Кушанского царства — Куджулы Кадфиза. Окончание чеканки подражаний Фраату IV, по А. Симонетте, датируется «второй половиной царствования Фраата IV», — датами, совершенно не приемлемыми для монет, найденных на городище Тахти Сангин. Видимо, правы В. И. Сарианиди и Г. А. Кошеленко, отказываясь принять и эту концепцию А. Симонетты, и его попытку рассматривать все парфянские монеты с надчеканами как одну гомогенную группу (Сарианиди—Кошеленко, 1982, с. 310), поскольку ни монеты-основы, ни надчеканы не образуют типологического ряда.

щий лучник; экземпляр очень стертый) с таким же надчеканом, как на драхмах Фраата IV и подражаниях им[53]. Засвидетельствованы надчеканы *голова в шлеме вправо* на монетах, подражающих драхмам Вардана I (около 40—45 гг. н. э.)[54] или каких-то других парфянских царей второй половины I в. н. э. Надчекан на них значительно меньше, чем на подражаниях драхмам Фраата IV, сходство надчекана с прототипом уже отдаленное, но родство этих подражаний с типологическим рядом подражаний драхмам Фраата IV, их принадлежность к наиболее поздним стадиям этой чеканки, если сопоставлять их, например, с беграмским экземпляром, ощущается вполне определенно. А замыкает эту линию чеканки (и типологический ряд, который можно выстроить для надчекана) группа монет так называемых «Танлисмайдата и Рангоремы», на которых в надчекане изображена голова в плоской гладкой „шапочке", уже лишь отдаленно напоминающей шлем Эвкратида (Каннингэм, 1889, с. 305; Симонетта, 1958, табл. I, 16—18); наиболее близкая для нее аналогия — изображение „шлема" на наиболее поздней разновидности подражаний оболам Эвкратида (см. выше, гл. VIII, восьмая серия и VIII. **012**)[55].

В этом же регионе известны и другие примеры надчеканивания явно чужой монеты своими надчеканами. Одну из таких серий составляют тетрадрахмы и драхмы греко-бактрийского царя Деметрия *(бюст царя в „слоновьем" шлеме вправо / стоящий юный Геракл, возлагающий на своюголову венок*), в надчекане (диаметр — около 7,5 мм) которых (он наложен на л. ст. обязательно так, чтобы „забить" лицо Деметрия) — изображение стоящего Геракла, возлагающего на свою голову венок, и легенда ФАР[56]. Территория, на которой обращались эти монеты Деметрия (и подражания им) с надчеканами, остается не установленной. Не имеют они и твердой датировки[57].

Надчеканы на монетах Синатрука, Фраата III, Фраата IV (и на подражаниях им и драхмам других парфянских царей) и монеты Деметрия с ндчеканами — это еще одна форма возникновения самостоятельной монетной чеканки (видимо, с ограниченным ареалом распространения, если судить по пониженному весу „драхмы"), стадиально более продвинутая по сравнению с «варварскими подражаниями». Можно предполагать, что народы, начинающие свою чеканку с таких выпусков, уже успели ранее познакомиться с денежным обращением (и, может быть, даже прошли через стадию «варварских подражаний»). Воз-

---

[53] Экземпляр — медный, принадлежал к большому (около 500 монет) кладу, найденному на Варрык-депе в окестностях древнего Мерва и подготовленному к публикации В. Н. Пилипко, благодаря любезности которого мне удалось познакомиться с этой монетой.

[54] Селлвуд, 1971, с. 302, эмиссия 91/11. Явная ошибка — причисление такой монеты к подражаниям драхмам Орода II (около 57—38 гг. до н. э.); ср. Симонетта, 1958, табл. I, 6; Симонетта, 1974, с. 283.

[55] Возможно, с этой же линией подражаний как-то связаны монеты, которые Р. М. Гиршман приписывал Куджуле Кадфизу (известны по пяти экземплярам в Кабульском музее — Гиршман, 1946, с. 95—97, рис. 34, табл. XXII, 1—5), но в надчекане на них не *голова в шлеме*, а схематическое изображение диадемы или венка.

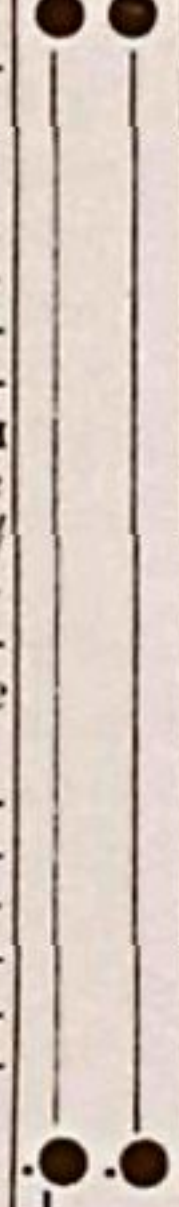
[56] Помимо драхм Деметрия с таким надчеканом (Лахири, 1965, с. 107, табл. XII, 2; Бивар, 1951, табл. IV, 15; Симонетта, 1958, с. 160—161) известны и тетрадрахмы: один экз. (№ 29) хранится в Государственном Эрмитаже.

[57] А. Симонетта относит их к 100—200 гг. до н. э., не обосновывая эти даты.

можно, надчекан на подражаниях драхмам Фраата IV свидетельствует, что первое знакомство с монетой у тех, кто чеканил эти подражания, произошло через оболы Эвкратида или через ранние стадии подражаний оболам Эвкратида[58].

[58] В. И. Сарианиди и Г. А. Кошеленко приняли предположение В. Роса о том, что драхмы Фраата IV и подражания им с надчеканом *голова в шлеме вправо* выпускал правитель Сападбиз (Сарианиди—Кошеленко, 1982, с. 310), однако протяженный типологический ряд для надчекана, да и более непосредственное примыкание этого надчекана к подражаниям оболам Эвкратида не позволяют согласиться с такой исторической интерпретацией этих монет.

X. ПОДРАЖАНИЯ ДРАХМАМ ФРААТА IV С ЛОЖНЫМ НАДЧЕКАНОМ. ТАБЛ. 16, 17.

№№	Место и обстоятельства находки	Краткое описание	Идентичность штемпелей л.об. ст. ст.	Вес	Диаметр	Оси	Инв. номера (место хранения — ИД)	Публикации, примечания
1	Г-ще Тахти Сангин, 1978 г., «ботрос» № 3	*бюст бородатого царя* влево с диадемой-лентой на голове; за головой — птица с венком в клюве; на VI часах — в овальном углублении *бюст царя в шлеме вправо*/ схематичное изображение *сидящего на троне «Аршака» с луком* в вытянутой вперед правой руке, обрамленное с четырех сторон искаженной греческой легендой		2,24	18,8	XII	Н-431/1	см. Приложение, клад № 14
2	То же	то же		2,03	19,1	XII	/2	
3	То же	то же		1,82	20,1	XII	/3	
4	То же	то же		2,01	18,5	XII	/4	
5	То же	то же		2,03	19,0	XII	/5	
6	То же	то же		1,53	19,3	XII	/6	
7	То же	то же		1,69	19,2	XII	/7	
8	То же	то же		1,86	18,7	XII	/8	
9	То же	то же		2,06	19,2	XII	/9	
10	То же	то же		1,57	19,1	XII?	/10	
11	То же	то же		1,95	19,1	XII	/11	
12	То же	то же		2,13	18,4	XII	/12	
13	То же	то же		2,06	18,6	XII	/13	
14	То же	то же		2,07	18,1	XII	/14	
15	То же	то же		2,02	19,7	XII	/15	
16	То же	то же		1,34	19,6	XII	/16	
17	То же	то же		1,77	18,6	XII	/17	

№№	Место и обстоятельства находки	Краткое описание	Идентичность штемпелей л. об. ст. ст.	Вес	Диаметр	Оси	Инв. номера (место хранения — ИД)	Публикации, примечания
17	Г-ще Тахти Сангин, 1978 г., «ботрос» № 3	*бюст бородатого царя влево* с диадемой-лентой на голове; за головой — птица с венком в клюве; на VI часах — в овальном углублении *бюст царя в шлеме вправо* / схематичное изображение *сидящего на троне «Аршака» с луком* в ред правой руке, вытянутой вперед правой руке, обрамленное с четырех сторон искаженной греческой легендой	● ●	1,77	18,6	XII	Н 431/17	
18	То же	то же	● ●	1,61	18,6	XII	/18	
19	То же	то же	● ●	2,03	19,3	XII	/19	
20	То же	то же	● ●	2,19	19,0	XII	/20	
21	То же	то же	● ●	2,01	18,0	XII	/21	
22	То же	то же	● ●	1,92	19,0	XII	/22	
23	То же	то же	● ●	2,13	17,8	XII	/23	
24	То же	то же	● ●	1,73	18,7	XII	/24	
25	То же	то же	● ●	1,96	19,3	XII	/25	
26	То же	то же	● ●	1,99	18,5	XII	/26	
27	То же	то же	● ●	2,17	19,5	XII	/27	см. также табл. 12
28	То же	то же	● ●	1,42	18,2	XII?	/28	
29	То же	то же	● ●	1,60	19,0	XII	/29	
30	То же	то же	● ●	1,89	19,1	XII	/30	см. также табл. 12
31	То же	то же	● ●	1,86	18,5	XII	/31	
32	То же	то же	● ●	1,85	18,3	XII	/32	
33	То же	то же	● ●	2,32	20,0	XII	/33	
34	То же	то же	● ●	1,85	19,2	XII	/34	
35	То же	то же	● ●	2,13	18,1		/35	

№№	Место и обстоятельства находки	Краткое описание	Идентичность штемпелей л. об. ст. ст.	Вес	Диаметр	Оси	Инв. номера (место хранения — ИД)	Публикации, примечания
35	Г-ще Тахти Сангин, 1978 г., «ботрос» № 3	*бюст бородатого царя влево* с диадемой-лентой на голове; за головой — птица с венком в клюве; на VI часах — в овальном углублении *бюст царя в шлеме вправо* / схематичное изображение *сидящего на троне «Аршака» с луком* в вытянутой вперед правой руке, обрамленное с четырех сторон искаженной греческой легендой	● ●	2,13	18,1	XII	Н 431/35	
36	То же	то же	● ●	1,67	18,0	XII	/36	
37	То же	то же	● ●	1,84	18,0	XII	/37	
38	То же	то же	● ●	1,77	19,4	XII	/38	
39	То же	то же	● ●	2,02	18,2	XII	/39	
40	То же	то же	● ●	1,92	19,8	XII	/40	
41	То же	то же	● ●	2,24	20,7	XII	/41	
42	То же	то же	● ●	1,52	18,1	XII	/42	
43	То же	то же	● ●	1,70	18,7	XII	/43	см. также табл. 12
44	То же	то же	● ●	1,86	19,8	XII	/44	
45	То же	то же	● ●	2,02	19,0	XII	/45	
46	То же	то же	● ●	1,45	18,4	XII	/46	
47	То же	то же	● ●	1,85	20,7	XII	/47	
48	То же	то же	● ●	2,27	18,5	XII	/48	
49	То же	то же	● ●	1,81	18,9	XII	/49	
50	То же	то же	● ●	1,83	18,4	XII	/50	
51	То же	то же	● ●	1,70	18,7	XII	/51	
52	То же	то же	● ●	0,86	17,5	XII?	/52	
53	То же	то же	● ●	1,42	18,5	XII	/53	

№№	Место и обстоятельства находки	Краткое описание	Идентичность штемпелей л об. ст ст.	Вес	Диаметр	Оси	Инв. номер (место хранения — ИД)	Публикации, примечания
53	Г-ще Тахти Сангин, 1978 г., «ботрос» № 3	*бюст бородатого царя влево* с диадемой-лентой на голове; за головой — птица с венком в клюве; на VI часах — в овальном углублении *бюст царя в шлеме вправо* / схематичное изображение *сидящего на троне «Аршака» с луком* в вытянутой вперед правой руке, обрамленное с четырех сторон искаженной греческой легендой	● ●	1,42	18,5	XII	Н 431/53	
54	То же	то же	● ●	1,69	17,8	XII	/54	
55	То же	то же	● ●	1,75	17,6	XII	/55	
56	То же	то же	● ●	1,39	18,0	XII	/56	
57	То же	то же	● ●	2,13	17,6	XII	/57	
58	То же	то же	● ●	1,65	18,0	XII	/58	
59	То же	то же	● ●	1,93	17,2	XII	/59	
60	То же	то же	● ●	1,61	18,7	XII	/60	
61	То же	то же	● ●	1,74	17,1	XII	/61	
62	То же	то же	● ●	2,13	17,8	XII	/62	
63	То же	то же	● ●	1,68	17,0	XII	/63	
64	То же	то же	● ●	1,53	18,3	XII	/64	
65	То же	то же	● ●	1,96	18,6	XII	/65	
66	То же	то же	● ●	1,91	17,7	XII	/66	
67	То же	то же	● ●	2,28	18,4	XII	/67	
68	То же	то же	● ●	1,86	18,3	XII	/68	
69	То же	то же	? ?	0,89	—	—	/69	(в пяти фр-тах)

Часть третья

МОНЕТЫ КУШАНСКОГО ЦАРСТВА

Широкое распространение монет на территории Таджикистана приходится на кушанский период. Многочисленные находки монет Кушанского царства встречаются, главным образом, к югу от Гиссарского хребта — в южных районах республики. В долине Зеравшана зарегистрированы единичные экземпляры кушанских монет (в том числе экземпляры, происходящие из заведомо более поздних археологических комплексов). Еще дальше на север, в долине Сырдарьи (Ленинабадская обл.), пока найдена только медная „тетрадрахма" Вимы Кадфиза (XIII. 20), явно попавшая туда как украшение: в этой монете, обнаруженной в погребении, просверлено отверстие для подвешивания. Массовость находок кушанских монет в южных районах Таджикистана (как и в южных районах Узбекистана) позволяет считать, что эти области входили в состав Кушанского царства — могущественного государства, существовавшего в первых веках н. э. на территории, занятой сейчас (кроме южных областей республик советской Средней Азии) Афганистаном, Пакистаном и частью Северной Индии.

История Кушанской державы почти никак не освещена письменными источниками — сам факт существования этого государства и его название оставались забытыми до середины XIX в. Основной недостаток всех источников по истории Кушанского царства, которыми сейчас располагает наука, — их отрывочность, фрагментарность, не позволяющая составить полное представление о кушанской эпохе в целом. Это справедливо и для эпиграфических документов, и для произведений искусства, и для археологических памятников. Нумизматические данные, хотя и содержат ограниченную информацию, составляют единый и непрерывный ряд свидетельств, освещая историю этого государства от его возникновения до прекращения существования. Именно поэтому при рассмотрении многих вопросов истории кушанской эпохи они могут служить соединяющим и организующим началом для других видов источников.

В правобережье Амударьи, как показывают археологические данные, в кушанскую эпоху происходят очень серьезные экономические и социальные перемены: возникают города и поселения с высоким уровнем ремесленного производства, впервые создаются многочисленные ирригационные системы большой протяженности, заново осваиваются крупные земельные массивы. Этот хозяйственно-демографический взрыв был настолько значительным, что некоторые долины, активно заселявшиеся именно в это время, затем, придя в запустение, вновь были освоены только в годы советской власти, в самые последние десять — двадцать лет. Резко увеличилось не только число поселений и плотность их взаимного расположения. Максимума (пожалуй, наиболее значитель-

ного за всю историю этого края) достигает и площадь земель, освоенных в культурно-ирригационном отношении (долины Вахша, Кафирнигана, Кзыл-су и другие районы Южного Таджикистана и Южного Узбекистана). И прокладка магистральных ирригационных каналов большой протяженности, и сооружение оборонительных стен вокруг возникающих заново городов (Шахринауское городище, Дальверзинтепе и др.), и переселение в ранее почти не заселенные долины многих сотен новых обитателей — все это не могло не требовать больших усилий со стороны кушанской администрации. И эти же вновь освоенные территории, ранее не знавшие денежного обращения, в кушанскую эпоху перестают быть белыми пятнами на нумизматической карте и превращаются в районы с весьма высокой насыщенностью монетой.

Не менее радикально меняются и задачи, стоящие перед исследователями монет. Находки кушанских монет на территории Таджикистана — это очень небольшая часть тех десятков тысяч экземпляров, которые обращались на всей огромной территории Кушанского царства. На данном этапе изучения, к сожалению, нет возможности сопоставить таджикистанские находки с материалом, происходящим из других частей этой обширной державы: в существующих публикациях и исследованиях по кушанской нумизматике медным кушанским монетам (а именно они и составляют основную массу находок) обычно отводится слишком незначительное место. Сделать таджикистанские находки кушанских монет доступными для сопоставления с кушанскими медными монетами из других областей этого большого государства, — одна из задач этого раздела.

За полтора века, прошедших со времени первой публикации кушанских монет (1828 г.), накоплен не только обширный количественно материал: основные типы и их сочетания выявлены и изданы, легенды прочитаны, иконографические композиции интерпретированы. Новые типы монет (или даже просто редкие разновидности), даже если бы они и были представлены среди таджикистанских находок, не в состоянии сколько-нибудь существенно поколебать, изменить или дополнить общую картину кушанской монетной чеканки, известную в настоящее время. Но это не означает, что все вопросы, решение которых возможно на нумизматическом материале, уже получили ответы. Состояние изученности кушанского монетного дела теперь предполагает постановку значительно более сложных задач, для решения которых нельзя ограничиваться использованием отдельных типов или даже единичных экземпляров, вырванных из общего нумизматического контекста. Исследование Р. Гёблем кушанской золотой чеканки (1957 г.), несмотря на далеко не полный охват им материала и весьма существенные коррективы, которые могут быть внесены в его систематизацию (Зеймаль, 1965; Зеймаль, 1967), убедительно показало, что монетную чеканку кушанских царей необходимо рассматривать в развитии, а не статично, как застывшую совокупность фактов, „не ориентированную" во времени. Применительно к кушанской меди такая задача практически не ставилась. И, хотя таджикистанские находки — далеко не полная выборка кушанской меди, представить их, когда это можно, в развитии — еще один аспект подхода к медным монетам кушанских царей, опорой для которого может служить не только сопоставление с золотой чеканкой и ее развитием, но и наблюдения за типологическими переменами самих медных монет.

Практически не исследованным остается вопрос о кушанских мо-

нетных дворах, их количестве и расположении, а также об организации монетного дела в Кушанском царстве. Монетные находки из Таджикистана, если брать их изолированно, не дают ответа на эти вопросы, но могут участвовать в их постановке в сопоставлении с монетами из других областей Кушанской державы.

Важное значение, непосредственно связанное с практикой археологических исследований, имеет и наблюдение за совстречаемостью кушанских монет в археологических комплексах (особенно в закрытых) как с другими кушанскими монетами, так и с монетами некушанскими. Подобная работа частично выполнена для отдельных памятников (Маршалл, 1951) и территорий (Рэй, 1959), хотя общая картина денежного обращения в Кушанском царстве на разных этапах его существования, сведения о длительности обращения тех или иных групп монет этой эпохи и т. п. данные, опирающиеся на стратиграфическое распределение монетных находок, еще не могут считаться выясненными с необходимой полнотой как для всей территории Кушанской державы, так и только для правобережья Амударьи.

Специально необходимо остановиться на датировочном значении кушанских монет, находимых при археологических раскопках, — на тех абсолютных и относительных датировках, которые можно получить с их помощью. Проблема кушанской абсолютной хронологии пока не имеет твердого решения, но относительная хронология Кушанского царства разработана достаточно детально благодаря датированным эпиграфическим памятникам, упоминающим кушанских царей. Они дают нам своего рода количественный масштаб, позволяющий не только судить, какое событие произошло раньше или позже другого, но и на сколько лет.

Китайская хроника «Хоу Хань-шу» сообщает, что основатель Кушанского царства Киоцзюкю жил более 80 лет. Его отождествляют с царем, имя которого на монетах обозначено как Куджула Кадфиз, и, видимо, ко времени его правления относятся две надписи, в которых упоминается кушанский царь: одна датирована 122 г. неизвестной эры (из Салимпура, близ Панджтара), другая — 136 г. этой же эры (из ступы Дхармараджика в окрестностях Таксилы). Имя царя в этих надписях не читается (122 г. — „в правление махараджи кушан [Ка?] суа"; 136 г. — „махāрāджа, рāджāдирāджа, девапутра, кушан" = „великий владетель, владетель владетелей, сын неба, кушан"), но в более поздней надписи, датированной 187 г. той же эры (из Калатсе в Ладакхе), говорится, что она составлена „в правление махāрāджи Увима Кавтиса" (Вимы Кадфиза), что позволяет относить надписи 122 и 136 гг., составленные на пятьдесят — шестьдесят лет раньше, ко времени правления предшественника Вимы Кадфиза — Куджулы Кадфиза. Если между Куджулой Кадфизом и Вимой Кадфизом правил еще один кушанский царь, имя которого мы пока не знаем, то надписи 122 и 136 гг. неизвестной эры могут относиться и к его царствованию (Зеймаль, 1968, с. 14—19)[1].

[1] Довольно резкие различия между монетами Куджулы Кадфиза, чеканившимися из меди и в условиях невыработанности кушанских монетных типов, и монетами Вимы Кадфиза (золотыми и медными) с их строгой унифицированностью не только по весу, но и в иконографии и в титулатуре, породили предположение, что между ними правил еще один кушанский царь. Прямых подтверждений этому в накопленных данных нет, а попытки поместить между ними «Герая», да еще и отождествив его с «сотером мегасом» (Мак Доуэлл, 1968; Мак Доуэлл — Вильсон, 1970; ср. Зеймаль, 1968), выглядят неубедительно (ср. Гёбль, 1976, с. 50—52).

Монетная чеканка Вимы Кадфиза, находившегося у власти, если судить по надписи из Ладакха, в 187 г. неизвестной эры, не обнаруживает прямой преемственности по отношению к чеканке Куджулы Кадфиза, что делает „стык" между ними, пожалуй, наиболее уязвимым звеном кушанской относительной хронологии. Но непосредственная преемственность между наиболее поздними золотыми монетами Вимы Кадфиза и самыми ранними золотыми монетами Канишки I — твердо установленный нумизматический факт: индивидуальные особенности почерка резчика штемпелей, которыми выбиты и те и другие монеты (в частности, характерные начертания *альфы* и *гаммы*) позволяют утверждать, что в обоих случаях их изготавливал один и тот же мастер[2], т. е. не существовало перерыва в чеканке при смене царей на кушанском престоле. Максимально сближая царствование Вимы Кадфиза и Канишки I, мы должны считать, что правление Канишки I началось какое-то время спустя после 187 г. неизвестной эры. Предположение о том, что воцарение Канишки I приходится на 201 г. неизвестной эры высказано еще в XIX в. и получило признание у исследователей, придерживавшихся весьма далеких точек зрения на кушанскую абсолютную хронологию (Бхандаркар, 1902; Лёхайзен де Лёв, 1949; Гиршман, 1957). Поскольку в настоящее время известно более 120 надписей, датированных по „эре Канишки" (отсчет велся от первого года правления Канишки I), которые дают последовательный ряд дат (с небольшими перерывами) с 1 по 98 г. этой эры, отнесение начала правления Канишки I к 201 г. неизвестной эры позволяет рассматривать и „эру Канишки" как третий век неизвестной эры, при обозначении которого опущены сотни (надписи третьего века неизвестной эры не известны, кроме надписи из Канкали Тила в Матхуре, датированной 299 г. неизвестной эры). Такое сопряжение двух эр, при всей его предположительности[3], дает в распоряжение исследователей более протяженный ряд взаимосвязанных дат, увеличивая шансы на его синхронизацию с нашим летосчислением.

Последующая относительная хронология Кушанского царства опирается преимущественно на надписи, датированные по «эре Канишки». В надписях с датами с 1 по 23 г. этой эры царем назван Канишка [I], в надписях 24—28 гг. упоминается царь Васишка (его монеты неизвестны), в надписях 28—40 и 44—60 гг. — Хувишка. Надпись 41 г. (из Ара) называет царем „Канишку, сына Ваджешки", или Канишку II;

---

[2] Впервые это показал Р. Гёбль (1957, с. 186). См. также: Зеймаль, 1965; Зеймаль, 1968.

[3] Конечно, Канишка I мог занять трон и начать новое летосчисление не в 201 г. неизвестной эры, а позже или раньше (но не ранее 187 г. неизвестной эры!). Мне уже приходилось писать, что „возможная ошибка (если в действительности «эра Канишки» не была никак связана с «неизвестной эрой»), видимо, близка к разнице между 187 (184) г. и 201 г., т. е. составляет 15—20 лет" и при современном состоянии проблемы кушанских абсолютных дат „на такой риск (скорее арифметический, чем исторический), видимо, можно пойти" (Зеймаль, 1968, с. 57). Иначе говоря, вся гипотетичность уравнения «эра Канишки»=третий век «неизвестной эры» (с опущенными сотнями) сводится не к самому факту наложения «эры Канишки» на именно этот отрезок «неизвестной эры», а к тому, насколько точно они совпадают. Можно, конечно, предполагать, что «эра Канишки» началась, например, в 188 г. «неизвестной эры» (хотя мы располагаем надписью 191 г. «неизвестной эры») или в 205 г. «неизвестной эры» (правда, есть надпись, датированная 199 г. «неизвестной эры»), сдвигая соответственно и ее окончание. Единственная надпись, дошедшая от третьего века «неизвестной эры» (299 г.) — косвенное подтверждение синхронизации 1 г. «эры Канишки» и 201 г. «неизвестной эры»: надписи с 1 по 98 г. «эры Канишки» точно вставляются при этом в промежуток в надписях «неизвестной эры».

известны медные монеты (явно более поздние, чем монеты Канишки I, но чеканенные от имени Канишки), которые предположительно могут быть отнесены к Канишке II (Зеймаль, 1967, с. 69—74). Интервал в надписях с именем Хувишки (40—44 гг. эры Канишки), на который приходится надпись 41 г. с упоминанием „Канишки, сына Ваджешки", позволяет различать или Хувишку I (28—40 гг. эры Канишки) и Хувишку II (44—60 гг. эры Канишки), или два периода в чеканке Хувишки. Но вопрос о том, был ли Канишка II узурпатором, претендовавшем на власть в середине правления царя Хувишки (28—60 гг. эры Канишки), или же он по праву занял кушанский трон после Хувишки I, а затем его сменил Хувишка II, не решается на имеющихся материалах и должен остаться открытым.

Надписи, в которых упомянут царь Васудева, датированы с 64 по 98 г. эры Канишки. Попытка выделить по золотым монетам двух или трех царей, носивших имя Васудева (Бахофер, 1936)[4], была основана на наиболее далеких типологически выпусках с именем этого царя. Однако, если брать не единичные экземпляры, вырванные из общего „контекста" чеканки, а весь последовательный ряд видоизменений (в первую очередь, по всем дошедшим до нас экземплярам золотых монет), можно проследить, как постепенно — от серии к серии—эти изменения накапливались без резких скачков, находя отражение в схематизации изображений, в искажениях тамги, в порче легенды, а также в увеличении диаметра монетного кружка и в приобретении им скифатной (чашевидной) формы. Фиксируемые при этом различия не затрагивают иконографических схем л. и об. ст., титулатуры в легенде и т. п. особенностей, выражающих содержание („заказ"), а касаются, в первую очередь, технической стороны чеканки (включая техническое и художественное мастерство резчика штемпелей и его грамотность), т. е. сферы „исполнителя". Монеты, таким образом, не отражают политических перемен и не позволяют, опираясь на них, различать „Васудеву I", „Васудеву II" и т. д. Если два (или три) разных царя с одинаковым именем в данном случае и существовали, то мы не в состоянии различать их по монетам и не можем определить, как долго каждый из них правил (в пределах 64—98 гг. „эры Канишки").

Монетами засвидетельствовано существование еще одного кушанского царя, носившего имя Канишка. Но надписи, которые относились бы ко времени его правления, до нас не дошли. Нумизматическая типология (если рассматривать монеты Васудевы и Канишки III в развитии) позволяет утверждать, что Канишка III пришел к власти (точнее — начал чеканить свою монету), когда Васудева уже был на троне, и продолжал одновременно с Васудевой чеканку от своего имени. Хронологическая параллельность Васудевы и Канишки III не вызывает сомнений, но ссылки на разные ареалы их обращения (например, Харматта, 1965, с. 183) с далеко идущими историческими выводами о разделе Кушанского царства на две части не находят подтверждения в материалах, во всяком случае, из правобережья Амударьи.

---

[4] Гипотеза о нескольких Васудевах — прямой результат „воздействия" на факты, чтобы заполнить разрыв между 176 г. н. э. (98 г. эры Канишки, если она началась в 78 г. н. э.) и расцветом Гуптского государства во второй половине IV в. Но даже разделив монеты между тремя «Васудевами», мы все равно не располагаем надписями, которые были бы позднее 98 г. эры Канишки и упоминали Васудеву. Этого, к сожалению, не учитывает Б. Я. Ставиский (1977а, с. 26—27).

Проблема кушанской абсолютной хронологии не имеет твердого решения. Почти двухсотлетняя история Кушанского царства (от 122 г. неизвестной эры и до 98 г. эры Канишки) пока не может быть надежно синхронизирована с нашим летосчислением. Колебания в датах, если брать только те гипотезы, которые все еще сохраняют свое право на существование (т. е. не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты достаточно убедительно), составляют почти два века: от начальной даты эры Канишки, относимой к 78 г. н. э., и до начальной даты этой же эры, приурочиваемой к 278 г. н. э. (соответственно смещаются и все остальные даты как по неизвестной эре, так и по эре Канишки. — Зеймаль, 1968). Но можно установить пределы этих колебаний: даты, до и после которых существование Кушанского царства оказывается невозможным. Хроника «Хань шу», в которой изложение событий доведено до 25 г. н. э., еще ничего не знает о существовании Кушанского государства. Если допустить, что составитель «Хань шу» еще не располагал сведениями о Кушанском царстве, но оно уже возникло[5], начальные пределы можно было бы отодвинуть к рубежу н. э. или даже за него. Но для такого предположения нужны какие-то определенные основания. 25 г. н. э. — наиболее ранняя дата, до которой Кушанское царство не могло существовать.

Предел, после которого существование Кушанского царства оказывается невозможным, вполне определенно устанавливается по событиям на территории Кушанского царства, относящимся к последней четверти IV в. н. э. В восточных областях Кушанской державы в последней четверти IV в. (надпись 61 г. эры Гупта = 380/381 гг. н. э. из Матхуры) совершает завоевания основатель могущества государства Гуптов — Чандрагупта II. В западных областях державы Кушан в 70—80-х годах IV—V вв. чеканят свою монету сасанидские кушаншахи, именующие себя „царь кушан" и „великий шаханшах кушан", что свидетельствует о сасанидском завоевании этих областей (см. о них ниже — гл. XXI).

Используя кушанские монеты в археологической практике — для датировки слоев, зданий, целых городищ и т. п. — следует учитывать не только широкие рамки кушанских абсолютных дат (при современном состоянии проблемы), но и то, что кушанские медные монеты не знали принудительного изъятия из обращения и циркулировали намного позднее времени их выпуска. Все это затрудняет датировку по единичным экземплярам, обнаруженным во время раскопок. Только статистически представительные выборки кушанских медных монет, подкрепленные в каждом конкретном случае стратиграфическими наблюдениями за их распределением, могут давать надежные относительные даты. К сожалению, даже опытные археологи далеко не всегда правильно используют монетные находки для датировки. Наиболее серьезные возражения вызывают, в частности, подсчеты „длительности" жизни зданий, исчисляемые от старшей монеты в слое до младшей (Пугаченкова и др., 1978, с. 86, 181, 183).

---

[5] Составитель хроники Бань Гу (32—92 гг. н. э.), продолживший труд своего отца Бань Бэу (ум. в 54 г.), завершил работу к 80-м годам. Некоторые дополнения вносились в «Хань шу» вплоть до 116 г. (Пулейблеик, 1968).

ГЛАВА XI. МОНЕТЫ САНАБА («ГЕРАЯ»)

Монеты «Герая» представлены на территории Таджикистана находками 9 тетрадрахм и 15 оболов, а всего в настоящее время известно более трех десятков тетрадрахм и более пятидесяти оболов этого правителя[6]. Не останавливаясь здесь на всех гипотезах и предположениях, высказанных по поводу монет «Герая» за сто двадцать лет их изучения[7], необходимо отметить, что состояние их изученности было обстоятельно проанализировано А. Н. Зографом (Зограф, 1937) и затем — уже на современном этапе их исследования и с учетом все новых материалов — Е. А. Давидович (Давидович, 1971; 1976; 1979, с. 17—35).

Хронология и историческая интерпретация монет «Герая» не могут пока считаться сколько-нибудь твердо установленными. Тесно с ними связан вопрос о локализации монет «Герая», решение которого должно опираться, в первую очередь, на сведения о местах находок монет[8]. Е. А. Давидович, публикуя клад тетрадрахм из Южного Таджикистана, отмечала четыре пункта в правобережье Амударьи (Термез, городище Кей-Кобад-шах, некрополь и городище Тепан-Шах в левобережье нижнего течения Кафирнигана и пос. Вахш), где были найдены монеты «Герая» (Давидович, 1976, с. 70—71). Этот перечень пунктов можно теперь значительно дополнить, включив туда Тулхарский могильник (XI. 12) и могильник БМ IV в Бешкентской долине (XI. 19), могильник Туп-хона в Гиссарской долине (XI. 13, 14), городище Тахти-Сангин (тетрадрахма XI.9 и оболы XI.21—23), могильник на участке «Иттифок» близ Пархара (XI. 20) и могильник Гузари-Тор к юго-востоку от Ховалинга (Xi.24).

---

[6] Существование медных монет «Герая» (Каннингэм, 1888, табл. III, 13) не получило пока надежного подтверждения в новых материалах. Но ср. Митчинер, 1975, т. IV, с. 306.

[7] Каннингэм, 1862; Гарднер, 1874; Заллет, 1879; Фергюссон, 1880; Ольденберг, 1881; Томас, 1883; Гарднер, 1886; Каннингэм, 1888; Рэпсон, 1897; Смит, 1906; Кеннеди, 1913; Уайтхэд, 1914; де ла Фюи, 1925; Батай, 1928; Зограф, 1937; Массон М. Е., 1938; Толстов, 1939; Уайтхэд, 1940; Гиршман, 1946; Толстов, 1948а; Дьяконов, 1950; Тарн, 1951; Маршалл, 1951; Уайтхэд, 1951; Мандельштам, 1961а; Массон, В. М. 1964; Пугаченкова, 1965; Пугаченкова, 1966а; Мандельштам, 1966а; Розенфилд, 1967; Макдоуэлл—Вильсон, 1970; Митчинер, 1973; Митчинер, 1975, т. IV; Давидович, 1976; Ставиский, 1977а; Вайнберг, 1977; Зеймаль, 1978, с. 207; Давидович, 1979, с. 17—35; Гёбль, 1978, № 2324, 2327, 2649; Митчинер, 1980.

[8] Нельзя не согласиться с Е. А. Давидович, что «монеты из драгоценных металлов могли выходить далеко за пределы тех мест, где их отчеканили. Единичные, разрозненные находки высокопробных серебряных монет отнюдь не очерчивают границы выпустившего их владения и требуют большой осторожности» (Давидович, 1976, с. 70), но низкопробные и плакированные тетрадрахмы «Герая» пока известны только по находке в Таксиле (Маршалл, 1951, с. 812, № 174) и изданному М. Митчинером (1980) экземпляру из Афганистана.

Но для узкой локализации монет «Герая» к северу от Амударьи (или только для постановки вопроса о том, что их выпуск осуществлялся на двух монетных дворах — к северу от Амударьи и к югу от нее) пока нет достаточных оснований: видимо, не менее широко они были распространены и в Северном Афганистане. К старым сведениям о находках монет «Герая» к югу от Амударьи (ступа № 2 в Котпуре — Вильсон, 1841, с. 66 и Каннингэм, 1888, с. 50; тетрадрахма и обол из приобретений Ж. Акэна в Ташкургане — в Национальной библиотеке, Париж; 12 оболов из коллекции А. Каннингэма, происходящие, по его словам, «из Западного Афганистана, т. е. из Кабула и из области к югу от Кабула» — Каннингэм, 1888, с. 50; см. также: Зограф, 1937), можно прибавить также обол из коллекции А. Е. Маджи, собранной в 20-х годах в районе Кабула (хранится в Душанбинском музее — Давидович, 1976, с. 71, прим. 41), три обола из коллекции М. Ле Берра, также собранной на территории Афганистана в бытность ее владельца архитектором Французской археологической делегации в Афганистане (ныне хранятся в Национальной библиотеке, Париж), а также значительно менее надежные сведения о пяти тетрадрахмах «Герая» и дюжине его оболов из Афганистана, появившихся на нумизматическом рынке в 1973—1974 гг. (Митчинер, 1975, т. 4, с. 305). И, наконец, два пункта в Северном Афганистане, где оболы «Герая» были найдены во время раскопок: городище Дильберджин (западная часть городища, раскоп X, 1977 г., на полу большого здания, в единых стратиграфических условиях с подражанием тетрадрахме Гелиокла с конем на об. ст.)[9] и городище Тилля-тепе (погребение № 1[10]).

Видимо, сохраняет силу точка зрения А. Н. Зографа, по которой южной границей ареала монет «Герая» является Гиндукуш. Но и южные района Таджикистана, несомненно, входили в этот ареал. Для того, чтобы судить, входила ли в число подвластных «Гераю» областей долина Сурхандарьи, пока нет необходимых данных[11].

Диапазон датировок, предлагавшихся для монет «Герая» разными исследователями, охватывает более двухсот лет: от второй половины II в. до н. э. (Гёбль, 1978, № 2324) до 100 г. н. э. (Заллет, 1879, с. 389). При этом, как правило, не датировка определяла историческую интерпретацию «Герая» и его монет, а, наоборот, историческая интерпретация (чаще всего — гипотетическая) становилась главным «аргументом» в пользу тех или иных дат.

Одно из немногих исключений — попытка А. Н. Зографа установить время выпуска этих монет, опираясь на такой объективный и не зависящий от исторической интерпретации показатель, как весовые данные. Исходя из предположения, что весовые изменения монет в государствах эллинистического Востока происходили синхронно, А. Н. Зо-

---

[9] С этими сведениями и с фотографиями этих двух монет меня любезно познакомила И. Т. Кругликова.

[10] Сведения об этой находке не включены в публикацию монет из Тилля-тепе (Сарианиди—Кошеленко, 1982); обол — плохой сохранности, но, судя по фотографии, с которой я позникомился благодаря любезности В. И. Сарианиди, Г. А. Кошеленко и А. Б. Никитина, вполне поддается определению.

[11] Методически не верна попытка Э. В. Ртвеладзе противопоставить монетам «Герая» (т. е. сравнительно полноценной серебряной монете) медные подражания серебряным монетам Гелиокла (см. выше, прим. 8) и доказать «существование двух разных политических объединений, в которых обращались свои, свойственные только им монеты» (Ртвеладзе. 1979, с. 78). Требует более надежных доказательств и утверждение, что монеты «Герая» и подражания монетам Гелиокла выпускались одновременно.

граф известные ему десять тетрадрахм «Герая» (крайние показатели — 11,95 г и 15,67 г, средний вес — 13,93 г) сближал с тетрадрахмами парфянского царя Орода I (57—38 гг. до н. э.) и с римской чеканкой в Антиохии (47—20 гг. до н. э.), что позволило ему отнести монеты «Герая» ко второй четверти — середине I в. до н. э. (Зограф, 1937, с. 21—23). Однако весовые данные тетрадрахм из клада, найденного в Южном Таджикистане (Давидович, 1976; Давидович 1979, клад № 1), оказались, как показала Е. А. Давидович, совсем иными (крайние показатели — 15,20 г и 16,00 г, средний вес — 15,56 г). Иной получается и общая картина, если учесть все 30 тетрадрахм, которые известны в настоящее время: при крайних показателях 11,95 г и 16,14 г средний вес составляет 14,64 г[12]. Е. А. Давидович высказала как рабочую гипотезу предположение, что „«Герай» сам изменил и весовой стандарт, и ремедиум в чеканке тетрадрахм", т. е. на одном этапе чеканки тетрадрахмы были высоковесные и ремедиум относительно небольшой, а на другом этапе — низковесные и с очень большой (более 2 г) амплитудой колебаний (Давидович, 1976, с. 73). Независимо от того, получит ли эта гипотеза подтверждение в дальнейших исследованиях и новых материалах (т. е. удастся ли по независимым от весовых данных признакам установить существование в чеканке тетрадрахм «Герая» двух этапов), метод А. Н. Зографа, опирающийся для датировки на метрологические данные, явно не может быть использован для датировки монет «Герая».

Другой объективный признак, который пытались использовать для датировки монет «Герая», — их форма и фактура. А. Н. Зограф справедливо отмечал, что тетрадрахмы «Герая» «по своему плотному кружку с почти плоской поверхностью обеих сторон и гладким ровным краем стоят далеко от бактрийских тетрадрахм, имеющих, как и все эллинистические монеты III—II вв. до н. э., явно выраженные выпуклость на лицевой стороне и вдавленность на оборотной при заостренном крае» (Зограф, 1937, с. 22). Е. А. Давидович, отмечая для экземпляров из найденного в Таджикистане клада разную степень выпуклости л. ст. и вогнутости об. ст. и приостренный край, приходит к выводу, что „тетрадрахмы «Герая» по фактуре именно примыкают к греко-бактрийским монетам, но этот типичный признак последних в них как бы постепенно угасает" (Давидович, 1976, с. 72).

Сближает тетрадрахмы «Герая» с греко-бактрийскими монетами и то, что они чеканены из высокопробного серебра и имеют в целом сравнительно высокий вес. В этом отношении монеты «Герая» для своего региона (если брать не только зону их распространения, а территорию всего Кушанского царства и прилегающих к нему областей) и для предкушанского и кушанского времени (независимо от абсолютных дат) составляют явление совершенно необычное на фоне низкопробной серебряной чеканки индо-сакских и индо-парфянских владетелей, спорадических выпусков серебряных монет низкого веса различными полузависимыми владетелями (Зейонис, Сападбиз и др.) и полного (за редчайшими исключениями) отсутствия серебряных монет в чеканке кушанских царей. Ухудшение качества монетного металла в индо-греческий

[12] Помимо 23 тетрадрахм «Герая», использованных в гистограмме Е. А. Давидович (1976, с. 74, табл. 5), здесь учтены также тетрадрахмы «Герая» из Национальной библиотеки (3 экз.), из Берлинского Мюнцкабинета (1 экз.), из раскопок на Тахти-Сангин (1 экз.), из Самаркандского музея (1 экз.) и изданный М. Митчинером экземпляр.

период и переход при Виме Кадфизе к чеканке золотой монеты породили предположение об истощении серебряных запасов в этом регионе к концу 1 тыс. до н. э. и в первых веках н. э. (Зеймаль, 1967, с. 61). Как отметила Е. А. Давидович (1976, с. 75), тетрадрахмы «Герая» свидетельствуют о том, что «на территории Бактрии в то время, когда их чеканили, было достаточно серебра (в металле или в старой монете)». Сам факт их выпуска показывает, что «Герай» не испытывал, видимо, особых трудностей и при «мобилизации для монетного чекана» этого серебра. Но почему именно «Герая» и его владения не затронул «серебряный кризис»? Должны ли мы настолько приблизить его ко времени существования Греко-Бактрийского царства, чтобы принять предложенную Р. Гёблем дату начала его чеканки — вторая половина II в. до н. э. (Гёбль, 1978, № 2324[13]), или наличие в распоряжении «Герая» серебра, необходимого для выпуска его монет, объясняется специфическими условиями областей к северу от Гиндукуша, где чеканились монеты «Герая»? Больше оснований, мне кажется, связывать особое положение, в котором оказался «Герай», с тем, что он правил в Бактрии. Именно там (а не к югу от Гиндукуша) чеканились из высокопробного серебра тетрадрахмы, близкие к аттическому весовому стандарту, именно там они, в первую очередь, обращались и сохранялись на руках у населения вплоть до I в. до н. э. включительно, как свидетельствует состав Кундузского клада (Кюрье — Фуссман, 1965), младшей монетой в котором была, видимо, тетрадрахма Гермея (№ 627) или Филоксена (№ 626). Судя по Кундузскому кладу, в котором были собраны только высококачественные монеты крупных номиналов из хорошего серебра (из 627 экз. — только 17 драхм, остальные — 5 двойных декадрахм и тетрадрахмы), именно серебро в форме «старой монеты» могло быть здесь мобилизовано для чеканки — доверие к нему явно не было утрачено.

Предположение о том, что тетрадрахмы «Герая» чеканились с использованием в качестве «сырья» греко-бактрийских тетрадрахм хорошо объясняло бы и их сравнительную полновесность (во всяком случае, для экземпляров с наиболее высоким весом), и сходство (неполное и «затухающее») их фактуры с формой и фактурой монет III—II вв. до н. э., и необычный для предкушанского и кушанского периодов выбор монетного металла. В пользу этого предположения свидетельствуют следы перечеканки, сохранившиеся на некоторых тетрадрахмах «Герая» (хотя, конечно, определить, из какой именно монеты произведена перечеканка, по этим следам невозможно). Впервые следы перечеканки на тетрадрахмах «Герая» отметил Р. Б. Уайтхэд на экземпляре из Музея Фитцвильяма (Уайтхэд, 1940, с. 120, № 17). Есть они и на тетрадрахме из Ташкентского музея (Тш 16/4), на тетрадрахмах из коллекции А. Каннингэма, ныне хранящихся в Британском музее (СМ 90—4—4—3; 90—4—4—4; 94—5—6—1889), на тетрадрахме, приобретенной Ж. Акэном в Таш-Кургане (НБ, Париж — Y 6398), а также, видимо, на двух экземплярах из таджикистанского клада (Давидович, 1976, № 1 и 6).

Видимо, запасы старой монеты, которыми располагал «Герай», не были особенно велики: ему тоже приходилось испытывать трудности

---

[13] К сожалению, Р. Гёбль никак не обосновывает свою растянутую датировку монет «Герая»: ко второй половине II в. до н. э. он относит чеканку тетрадрахм (№ 2324), к I в. до н. э. — выпуск оболов (№ 2327), к первой половине I в. до н. э. — „подражания тетрадрахмам «Герая»" (№ 2649).

с обеспечением чеканки «сырьем», как показывает выпуск им плакированных монет. Плакированная тетрадрахма «Герая» имелась в собрании А. Каннингэма (1888, с. 10—11; ныне — БМ СМ 90—4—4—6), который считал ее «древней подделкой». Еще одна плакированная тетрадрахма была издана недавно М. Митчинером (1980), известны и плакированные оболы.

Но если «Герай» действительно перечеканивал греко-бактрийские тетрадрахмы, ни форма и фактура его монет, ни сам факт чеканки из высокопробного серебра не могут быть использованы для определения времени выпуска монет этого правителя.

Присутствие в легенде как оболов, так и тетрадрахм «Герая» эпитета «кушанский» (KOIIANO) остается главным ключом к осмыслению и датировке этих монет[14]. Истолковывая эпитет «кушанский» как название одного из пяти юечжийских родов-владений (до их объединения в единое Кушанское государство под властью Куджулы Кадфиза), многие исследователи помещали «Герая» хронологически раньше Куджулы Кадфиза[15]. Однако такое допущение находится в явном противоречии с имеющимися нумизматическими фактами. «Герай» — скромный предводитель одного из юечжийских родов — не просто чеканит свою монету из серебра, выпуская тетрадрахмы и оболы (ср. Сиркар, 1969, с. 57, примеч.), он создает для них оригинальные типы, помещая на них и свое имя, и название племени. А его предполагаемый потомок — могущественный царь, создатель Кушанского царства Куджула Кадфиз ограничивается только выпусками медных монет и чеканка его носит подражательный характер (Зеймаль, 1967, с. 56—61); он, явно недооценивая или игнорируя политическое значение выпуска монеты, использует для них чужие типы, сохраняет на монетах чужие имена (и даже имена своих предполагаемых противников — например, Гермея).

Нам известны сейчас монеты юечжийского периода — подражания оболам Эвкратида (см. выше — гл. VIII) и подражания тетрадрахмам и драхмам Гелиокла (Массон В., 1956; Массон, 1957; ср. выше—гл. IX). Состояние монетного дела при Куджуле Кадфизе — естественное продолжение и дальнейшее развитие юечжийской монетной чеканки, как она известна по этим двум группам «варварских подражаний». Но уровень развития монетного дела, отраженный тетрадрахмами и оболами «Герая», принципиально отличается и от чеканки самого Куджулы Кадфиза, и тем более от юечжийских выпусков. В юечжийском (предкушанском) периоде, если исходить из нумизматического контекста и учитывать состояние монетного дела, просто нет места для «Герая» и его монет.

Видимо, именно различия в уровне развития монетного дела при «Герае» и при Куджуле Кадфизе вынудили Р. Гёбля датировать тетрадрахмы «Герая» второй половиной II в. до н. э., приблизив их к греко-бактрийской эпохе, а М. Митчинера — провозгласить «Герая» основателем Кушанского царства, объединившим пять юечжийских родов-владе-

---

[14] В последней четверти XIX — первых десятилетиях XX в. таким «ключом» пытались сделать слово, написанное на тетрадрахмах между ногами коня, читая его — по нечетким экземплярам — как этноним ΣΑΚΑ. Только с установлением правильного чтения (ΣΑΝΑΒ) с «сакским» истолкованием «Герая» было покончено окончательно.

[15] Существуют разные варианты гипотез, согласно которым «Герай» оказывается предком Куджулы Кадфиза («дедом» — Тарн, 1951, с. 340, 505; «отцом» — Гиршман, 1946, с. 109; Толстов, 1948а, с. 149—150; просто «предшественником» — Пугаченкова, 1966а, с. 189, ср. Ставиский, 1977а, с. 119).

ний и «разжаловать» Куджулу Кадфиза в наместники «Герая» в долине Кабула (Митчинер, 1973, с. 55—57, 59, 61)[16].

Но существует и другое значение эпитета «кушанский», связанное не с племенем или владением Гуйшуан (и с докушанским периодом), а с Кушанским царством и кушанскими царями. Из такого толкования этого эпитета исходит, например, гипотеза, отождествляющая «Герая» с «сотером мегасом» (МакДоуэлл — Вильсон, 1970), авторам которой, однако, не удалось привести убедительных доказательств в ее поддержку (ср. Давидович, 1976, с. 75)[17].

Если «Герай» не был предшественником Куджулы Кадфиза, то какое положение занимал он в Кушанском царстве и как соотнести его монеты с другими монетами, выпускавшимися и находившимися в обращении в Кушанском царстве? Ответить на этот вопрос было бы легче, если бы мы знали, каким словом в легенде на монетах „Герая" передан его титул. Уже причастие ΤΥΡΡΑΝΝΟΥΝΤΟΣ „владычествующего" (в генетиве) косвенно указывает на нецарский (и ненаследственный) характер власти, — видимо, полузависимый[18]. В пространной легенде (на тетрадрахмах) эпитеты „владычествующего" и „кушанского" могут относиться к слову ΗΙΑΟΥ[19] или к слову ΣΑΝΑΒΟΥ[20]. Легенда более короткая (на оболах) не оставляет нам такого выбора: если титул на них обозначен, он выражен словом ΗΙΑΟΥ (или ΗΙΑΙΟΥ). К выводу о том, что „в слове «Герая» нужно искать не личное имя, а что-то иное, вернее всего какую-то составную часть титулатуры", пришел еще С. П. Толстов (1948а, с. 179). О том, что „рассмотрение ΗΙΑΟΥ как составной части титулатуры также весьма плодотворно", — писала и Е. А. Давидович (1976, с. 65). Но каких-либо ис-

---

[16] У М. Митчинера «Герай» — князь юечжийского владения Гуйшуан, находящегося в долине Зеравшана (?!). Около рубежа н. э., подчинив себе два других владения (Tu-mi, где правил до этого Сападбиз, и Hi-thum, которым владел Фсейгахарис), он отправляется на завоевания дальше, к югу от Бактрии, и около 10 г. н. э. отвоевывает у греко-индийского царя Гермея долину Кабула, поручив править там своему наместнику Куджуле Кадфизу (тот, в свою очередь, около 20 г. н. э. побеждает индосакского царя Аза II). Когда около 45/50 г. н. э. «Герай» умирает, кушанским царем становится его безымянный сын и преемник — «сотер мегас». Сам «Герай» непосредственно не правит, по М. Митчинеру, к югу от Гиндукуша — его владения простираются севернее и включают Согдиану, Бактрию и Хорезм (!). «Смонтированная» из фрагментов чужих гипотез (в частности, широко использована давно устаревшая схема С. П. Толстова с неизбежным «панхорезмийским» креном), эта «интерпретация» «Герая» минимально опирается на факты. Отдавая должное фантазии его автора, мы не будем здесь останавливаться на разборе этой гипотезы, поскольку М. Митчинер (как и в других случаях) только «провозглашает» свои построения, не обосновывая их.

[17] Если «Герай» и «сотер мегас» — одно лицо, как объяснить более скромную титулатуру на серебряных монетах и более пышную — на меди? Очень трудно без „натяжек" представить, в частности, как слово ΗΙΑΙΟΥ превратилось в «Перипле» в ΙΔΙΟΥ и т. п.

[18] Впервые на это обратил внимание Дж. Кеннеди (1913), ср. Зограф, 1937, с. 11—12; Давидович, 1976. с. 58.

[19] Толкование этого слова как имени правителя восходит еще к тому времени, когда вместо слова ΣΑΝΑΒ (в ген. — ΣΑΝΑΒΟΥ) читали ΣΑΚΑ, и остается чисто условным. Сколько-нибудь убедительной негреческой этимологии для этого слова не было предложено. А. Н. Зограф весьма скептически относился к возможным греческим этимологиям — прежде всего потому, что весь историко-нумизматический контекст, в котором выступает это имя, не позволяет видеть в „Герае" человека, носящего греческое имя. Ср., однако, Давидович, 1976, с. 58, прим. 6.

[20] Предложенное еще А. Каннингэмом толкование этого слова как „шаньюй", принимавшееся А. Н. Зографом, С. П. Толстов решительно отверг как совершенно неприемлемое ни филологически, ни исторически (Толстов, 1948а, с. 179). Других толкований этого слова в качестве титула не предлагалось.

толкований этого слова в качестве титула (или части титулатуры) ни С. П. Толстов, ни Е. А. Давидович не предлагали. Высказанное несколько лет назад предположение, что „это слово — не имя правителя, а арамейская идеограмма MR'Y, переданная греческими буквами" (Зеймаль, 1978, с. 207), видимо, требует дополнительных обоснований и комментариев с привлечением всех дошедших до нас тетрадрахм и оболов, а также широких палеографических сопоставлений монет „Герая" с близкими им по времени монетами. Не рассматривая здесь этого вопроса в полном объеме (это далеко увело бы нас от основной темы), необходимо отметить, что наибольшие палеографические трудности вызывает чтение первой буквы: для нее равновероятны значения *мю* и *эта*, хотя одни исследователи категорически отрицают возможность чтения этой буквы как *эты*[21], а другие столь же решительно возражают против чтения ее как *мю*[22]. Широкое распространение идеограммы MR'Y в Средней Азии в первые века н. э. засвитедельствовано раннесогдийскими монетами (Зеймаль, 1978, с. 209—210). Необычно в данном случае сохранение „идеограммы" при передаче этого титула греческии буквами, но, видимо, и открытое написание, и „идеограмма" были одинаково чуждыми для греческого языка, на котором была составлена легенда монет „Герая", и для того, кто составлял эту легенду.

Не останавливаясь здесь на этом подробнее (вопрос этот заслуживает специального рассмотрения), отметим, что чтение HIAI (в ген.— HIAIOY) =MR'Y вполне соответствует оттенку вассальности, выраженному причастием TYPPANNOYNTOΣ. Легенда на тетрадрахмах, если принять это чтение, должна переводиться „Владычествующего кушанского владетеля Санаба", легенда на оболах — просто „Кушанского владетеля".

Но мог ли Санаб („Герай"), будучи вассалом кушанского царя, чеканить свою серебряную монету? Когда у власти находился Куджула Кадфиз, чеканка которого состояла из меди (вопрос о приписываемых ему очень редких серебряных монетах остается спорным), выпуск Санабом („Гераем") полноценных серебряных тетрадрахм и оболов (при полном или почти полном отсутствии медной чеканки „Герая") и, в особенности, создание им новых монетных типов трудно согласовать с состоянием монетного дела в Кушанском царстве. Но при Виме Кадфизе, когда созданию новых монетных типов уделяется большое внимание, когда от имени царя чеканятся золотые и медные монеты и когда (в отличие от периода правления Канишки и его преемников) греческий язык еще сохраняет позиции государственного языка (во всяком случае, на монетах самого Вимы Кадфиза легенды на л. ст. греческие, но в сочетании с легендами на пракрите письмом кхарошти на об. ст.), монеты вассального владетеля Санаба („Герая"), правившего к северу от Гин-

---

[21] Ср. не менее широко принятое, чем „Герай", чтение этого слова как „Миай" (выбор чтения при этом зависел главным образом от того, какое чтение выбиралось для второй буквы — *йота* или *ро*). Например, Мукерджи, 1967, с. 92, прим. 6.

[22] Давидович, 1976, с. 58, прим. 6. К сожалению, пока в нашем распоряжении нет ни одного экземпляра монет „Герая", чеканенных исходным штемпелем-образцом, *начертаниям которого следовали явно неграмотные резчики последующих штемпелей* с неизбежными искажениями. *Мю* часто имеет начертание, очень близкое к начертанию *эты* даже на греко-бактрийских монетах, не говоря уже о кушанских.

дукуша, вполне могли чеканиться из серебра и с греческой легендой только.[23]

Историческая интерпретация Санаба („Герая") и его монет оказывается, как мы видим, сопряженной с двумя большими проблемами истории Кушанского царства, которые пока остаются совершенно не исследованными или исследованными под совершенно иным углом зрения, — проблемой административного устройства Кушанского царства и проблемой состояния денежного обращения в Кушанском царстве (и к моменту проведения Вимой Кадфизом его реформы, и после нее). Исследование этих проблем не входит в задачу данной книги, но в последующих главах нам еще предстоит вернуться к ним (см. гл. XIII), когда этого потребуют монетные находки на территории Таджикистана. Здесь можно только отметить, что серебро Санаба („Герая"), если считать этого владетеля вассалом Вимы Кадфиза, вполне могло бы занять пустующую „ступеньку" в иерархии монетных металлов, сложившейся в результате введения золотого чекана. Видимо, к сатрапской (вассальной) чеканке могли бы быть отнесены и другие серебряные монеты (в частности, Зейониса = Джихоника, который упоминается в надписи 191 г. „неизвестной эры" — Конов, 1929, № XXX), что позволяет по-новому оценить и проведенную Вимой Кадфизом реформу монетного дела (и денежного обращения) в Кушанском царстве.

Рассматривая Санаба („Герая") как зависимого владетеля времени царствования Вимы Кадфиза, мы решаем вопрос об относительной хронологии правления „Герая" (в рамках хронологической колонки Кушанского царства). Но как новая относительная хронология Санаба („Герая") согласуется с абсолютными датами? Известно, что проблема кушанской абсолютной хронологии еще ожидает своего решения. Поэтому здесь необходимо отметить, в первую очередь, что не существует никаких достоверных данных, которые препятствовали бы синхронизации Санаба („Герая") и Вимы Кадфиза. Археологические данные о совместных находках монет Санаба („Герая") с другими монетами, как бы они ни были немногочисленны, позволяют утверждать, что монеты Санаба („Герая") находились в обращении в кушанское время (вплоть до времени Канишки I включительно). Еще в прошлом веке, во время раскопок Ч. Массоном ступы № 2 в Котпуре (Вильсон, 1841, с. 66; Каннингэм, 1888, с. 59) обол Санаба („Герая") был найден вместе с десятью медными монетами Куджулы Кадфиза. В 1953 г. обол „Герая" (XI. 10) был найден во время раскопок на городище Кей-Кобад-шах (Кобадианский р-н) в том же помещении, где были найдены две монеты „сотера мегаса" (одна — в завале, другая — в тесте кирпича); сейчас, после пересмотра кобадинской схемы М. М. Дьяконова и его хронологии (Зеймаль, Т. 1975, с. 268—269), материалы городища Кей-Кобад-шах не могут быть датированы ранее III—IV вв. н. э. В 1978 г., в уже упоминавшемся выше Белом зале на городище Тахти-Сангин, тетрадрахма Санаба („Герая") и три его обола (XI., 9, 21—23) были най-

---

[23] В дополнение к этому необходимо отметить присутствие на л. ст. некоторых оболов Санаба („Герая") знака dha (кхарошти), помещенного слева в поле, за затылком правителя. Мне известны три обола, на которых этот знак хорошо виден: один из них (XI.10) был издан А. М. Мандельштамом, отметившим позади головы „какой-то неясный по своей форме знак" (Мандельштам, 1961а, с. 53); второй — хранится в Британском музее (1894—5—7—1842), куда поступил из коллекции А. Каннингэма; третий экземпляр — из сборов М. Ле Берра в Афганистане — хранится в Национальной Библиотеке (R 3681/1067).

дены в единых стратиграфических условиях с другими монетами (халк Антиоха — 1 экз., халк Эвтидема — 1 экз., подражания драхмам Фраата IV с ложным надчеканом — 69 экз., монеты „сотера мегаса" — 8 экз., медные „тетрадрахмы" Вимы Кадфиза—2 экз., неопределенная— 1 экз.), причем для пола № 2, с которого был спущен „ботрос" № 3, младшей датирующей монетой является медная „драхма" Канишки I (XIV, 66).

Типологическая последовательность оболы Эвкратида→→подражания оболам Эвкратида→оболы Санаба („Герая") принята всеми исследователями, писавшими об этих монетах, какую бы хронологию и интерпретацию для них они при этом ни предлагали (Каннингэм, 1888, с. 308; Дьяконов, 1950, с. 174—175; Массон, В. 1964, с. 153; Мандельштам, 1966а, с. 142—144; Ставиский, 1977а, с. 118 и др.). Новая датировка подражаний оболам Эвкратида позволяет, опираясь на эту последовательность, отнести выпуск монет Санаба („Герая") ко времени не ранее начала II в. н. э., поскольку подражания оболам Эвкратида перестали выпускаться, видимо, в конце I — начале II в. н. э. При таких датах, если считать Санаба современником и вассалом Вимы Кадфиза, сохраняют свое значение *гипотеза Р. М. Гиршмана по кушанской абсолютной хронологии* (НДК = 144 г. н. э.) и те гипотезы, которые относят начальную дату Канишки к еще более позднему времени. Более ранние варианты кушанских абсолютных дат оказываются при такой датировке невозможными.

XI. МОНЕТЫ САНАБА («ГЕРАЯ»). ТАБЛ. 18.

№№	Место и обстоятельства находки	Вес	Диаметр	Ось	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
	Тетрадрахмы					
1	Вахшский р-н Курган-тюбинской обл., 1967 г., клад	15,55	28,7	XII	ИД Н-377/2	Давидович, 1976, № 2
2	то же	15,42	29,2	XII	/3	то же, № 3
3	то же	15,79	30,6	XI	/6	то же, № 6
4	то же	16,00	29,3	XII	/5	то же, № 5
5	то же	15,20	30,9	XII	/1	то же, № 1
6	то же	15,30	28,6	XII	ДМ № 2973	то же, № 8
7	то же	15,84	28,8	XII	ИД Н-341	то же, № 7
8	то же	15,40	28,8	XII	ИД Н-377/4	то же, № 4
9	Г-ще Тахти Сангин, 1978 г., Белый зал, «ботрос» № 3	14,06	28,7	XII	ИД Н-431/72	
	Оболы					
10	Г-ще Кей-Кобад-шах, 1953 г., межстенный коридор	0,43	11,5	XII	ИД Н-376/4	Мандельштам — Певзнер, 1958, с. 309, рис. 16,3; Мандельштам, 1961 а, с. 53—54. (из колл. А. Е. Маджи, собранной, в основном, в Афганистане в 1924—1925 гг.)
11	Не известно	0,56	11,3	XII	ДМ 1884/2	
12	Тулхарский мог-к, 1959 г., курган I, 17	0,19	9,8	—	ИД Н-376/9	Мандельштам, 1966а, с. 139, рис. 49,1
13	Мог-к Туп-хона, 1969 г., погр. 262 (?)	0,42	11,1	XII?	ИД Н-363/3	
14	Мог-к Туп-хона, 1971 г., погр. 273	(0,13)	(8,6)	—	ИД Н-353/2	
15	Г-ще Тепаи-Шах, 1972 г., на поверхности	0,51	12,1	XI	ИД Н-435/2	
16	то же	0,35	12,1	XII	/3	
17	Г-ще Тепаи-Шах, 1972 г., некрополь, сооружение II	0,36	12,0	I	/45	
18	то же	0,47	11,8	XII	/48	
19	Мог-к БМ-IV; курган 13[24]	—	—	—	—	
20	Мог-к на участке «Иттифок»[25] близ Пархара, 1974 г., погр. 65/3	0,42	12,1	XII	ИД Н-485/2	

№№	Место и обстоятельства находки	Вес	Диаметр	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
21	Г-ще Тахти Сангин, 1978 г., Белый зал, «ботрос» № 3	0,32		XII	ИД Н-431/73	
22	то же	0,19		XII	/74	
23	то же	0,26		—	/75	
24	Мог-к Гузари-Тор (юго-восточнее Ховалинга), 1980 г.	0,38	11,7	XII	ИД Н-427/3	
25	Мог-к на участке «Иттифок» близ Пархара, 1973 г., погр. 60	0,34	11,9	XII	ИД Н-485/1	
26	Городище Саксан-Охур, 1974 г., дворец, помещ. 28 на полу	0,42	12,4	XII	/3	

[24] Этот экземпляр был плакированным; его медный сердечник, полностью окислившийся и уже не содержавший металла, растворился при чистке монеты в полевых условиях. Своим знакомством с этой монетой я обязан А. В. Седову, составившему ее подробное описание.

[25] Х. Ю. Мухитдинов, под руководством которого раскапывался могильник, любезно познакомил меня в 1974 г. с этой монетой.

ГЛАВА XII. МОНЕТЫ БЕЗЫМЯННОГО «ЦАРЯ ЦАРЕЙ, ВЕЛИКОГО СПАСИТЕЛЯ»

Самые ранние кушанские монеты общегосударственной чеканки, которые известны на территории Таджикистана[26], — медные монеты с легендой ΒΑCΙΛΕVC ΒΑCΙΛΕΩΝ CΩTHP ΜΕΓΑC = „царь царей, великий спаситель" (их иногда кратко обозначают двумя последними словами этого титула — „сотер мегас"). Отсутствие имени царя в легенде этих монет затрудняет точное соотнесение их с кушанскими царями, имена которых нам известны, но вряд ли в настоящее время могут возникнуть сомнения в том, что монеты „сотера мегаса" — это монеты Кушанского царства[27].

Монеты кушанского безымянного „царя царей, великого спасителя" очень часто встречаются в правобережье Амударьи как во время случайных земляных работ, так и во время археологических раскопок. Только на территории Таджикистана число найденных монет „сотера мегаса" превышает 250 экз.[27а], более 50 экз. хранятся в Краеведческом музее Сурхандарьинской области (г. Термез), около 30 экз. — в Музее истории культуры и искусства Узбекистана (г. Самарканд), более 100 экз. — в Музее истории народов Узбекистана им Айбека (г. Ташкент). Но среднеазиатские находки монет кушанского безымянного царя — только часть его обильной чеканки, обращавшейся по всей огромной территории Кушанского царства.

Наиболее распространенная разновидность монет „сотера мегаса" содержит на л. ст.[28] изображение всадника на коне вправо; на голове

---

[26] Монеты, выпускавшиеся от имени основателя Кушанского царства и первого кушанского царя — Куджулы Кадфиза не представлены в находках на территории Таджикистана и вообще к северу от Амударьи, если не считать нескольких экземпляров в Ташкентском музее (22/11—15), которые были привезены из Термеза (без сведений о месте находки). В его чеканке насчитывается несколько групп (Зеймаль, 1967, с. 56—61), для которых характерна подражательность; выбор образцов, которым следовали монеты Куджулы, видимо, отражает разные этапы его завоевательной деятельности. Невыработанность (и неунифицированность) облика монеты, царской иконографии и титулатуры на монетах с именем Куджулы Кадфиза позволяет помещать их в типологическом ряду развития кушанской чеканки до монет „сотера мегаса" (Зеймаль, 1965, с. 6—8).

[27] По чисто формальным особенностям их долгое время помещали в каталогах среди индо-сакских и индо-парфянских монет (ср. Гарднер, 1886, с. 114—116; Уайтхэд, 1914, с. 161—163; Смит, 1906, с. 68—69).

[27а] К моменту выхода этой книги из печати их число уже превысило 500 экз. — см. Приложение, клад № 18.

[28] В пользу именно такого обозначения сторон свидетельствуют традиционное изображение всадника на л. ст. монет индо-сакских и индо-парфянских правителей, послуживших прототипом для монет „сотера мегаса"; употребление греческого алфа-

всадника — конический головной убор, перевязанный диадемой, свободные концы которой развиваются за спиной; правая рука с боевым топориком вытянута вперед; в поле монеты справа — тамга (трехзубчатое навершие[29], „ножка" с перекрестием и основание в виде правильного замкнутого круга). Легенда (см. выше), расположенная по кругу, обычно начинается с XII часов или с I часа.

На об. ст. — погрудное изображение юноши вправо. Волосы стянуты диадемой; одеяние передано складками плаща, скрепленного на плече фибулой; правая рука вытянута вперед и держит почти строго вертикально дротик, от наконечника которого опускаются два свободных конца ленты. От головы исходят лучи нимба, изображенные короткими штрихами (их бывает от 5 до 14). В поле монеты (слева, за затылком) — тамга, поворяющая тамгу на л. ст. Поле монеты обрамлено ободком из крупных точек.

Монеты описанной группы известны в двух номиналах — с диаметром *монетного кружка 17—22 мм (полновесные экземпляры колеблются* в весе от 7,5 до 8,5 г, приближаясь, как исключение, к 9 г) и с диаметром кружка 12—15 мм (вес — около 2 г). „Малый" номинал встречается реже „крупного", но несомненно хронологически параллелен ему. Соотношение этих двух номиналов (1 : 4) и их вес весьма точно соответствуют — если обращаться к кушанской монетной чеканке — золотому динару (вес 7,9—8,1 г) и его четверти (вес 1,9—2,0 г), что позволяет именовать монеты „сотера мегаса" крупного номинала — „медными динарами", а малого номинала — „медной четвертью динара". Употребление этих названий (наряду с нейтральными — „крупный" и „малый" номинал), видимо, предпочтительнее, чем совершенно условные обозначения „медная дидрахма" и „медная гемидрахма", никак не связанные с кушанским монетным делом и существовавшими в его рамках денежно-весовыми единицами (МакДоуэлл, 1968).

*В классификации монет „сотера мегаса", предложенной М. Е. Мас*соном (1950, с. 17—27), только что описанная разновидность монет обозначена как „1-я группа", внутри которой выделены три класса („первый" соответствует „крупному" номиналу медных монет, „второй" — „малому" номиналу; „третий" класс — „крупные серебряные монеты диаметром в 19—20 мм с A/ и R аналогичными двум первым классам", существование которых требует проверки[30]). Д. МакДоуэлл

вита в легенде л. ст. на двуязычных монетах (ср. ниже двуязычные монеты „сотера мегаса"); употребление греческого алфавита на л. ст. медных монет Вимы Кадфиза, даже когда на об. ст. нет легенды кхарошти; точечный ободок — неизменный элемент типа об. ст. на кушанских медных монетах, начиная с Канишки. Лучистый нимб вокруг головы погрудного изображения юноши с дротиком не позволяет считать, что эта иконографическая схема — изображение царя (скорее, это какое-то божество; в последующей кушанской иконографии лучистый нимб — отличительный атрибут бога Михра). Все это справедливо, если рассматривать монеты „сотера мегаса" как один из этапов формирования единообразного облика кушанской общегосударственной чеканки, еще сохраняющей чисто внешнюю зависимость от индо-парфянских типов (Гондофар, Сасан, Абдагаз), но уже далеко ушедшей от прямого, как это было при Куджуле Кадфизе, копирования типов монет, наиболее распространенных во вновь завоеванных областях.

[29] Встречается, но значительно реже, четырехзубчатое и пятизубчатое навершие.

[30] М. Е. Массон писал, что „среди нумизматов до последнего времени держится предубеждение, что монеты 1-й группы были только медные и потому ко всем серебряным относились с недоверием, как к недавним фальсификатам" (Массон, 1950, с. 23). „Эта настороженность отрицательно сказалась и на составе музейных коллекций, в которых, в результате, серебряные монеты третьего класса в большинстве случаев от-

(1968, с. 5—6) классифицирует эти „медные дидрахмы" и „медные гемидрахмы" как „массовую чеканку" (или „общегосударственную чеканку" — „general coinage"), но сведениями о серебряных монетах этого класса он, видимо, так же, как и автор этих строк, не располагает. Нет сведений о серебряных монетах этого класса и в других сводных работах последних лет (ср. Митчинер, 1973; Митчинер, 1975; Гёбль, 1978).

В качестве второй группы у М. Е. Массона описаны более крупные медные монеты (диаметр 22—24 мм, вес свыше 12 г), на одной стороне которых всадник, легенда и тамга, как на монетах I группы, а на другой стороне — бюст молодого мужчины с дротиком в руке, как на монетах I группы, но обращенный влево, без лучистого нимба и со шлемом на голове (см. XII. 07, 08), как на монетах греко-бактрийских царей (шлем с затылочным гребнем, на его поверхности—волюта-украшение). Тамга — в поле справа, а слева (между рукой и подбородком) знак vi (письмо кхарошти).

Третью группу монет „сотера мегаса" составляют медные монеты крупного и малого номинала, на л. ст. которых иконографический тип, тамга и легенда такие же, как на монетах I и II групп. На об. ст. — стоящее божество вправо в длинном свободном одеянии, перетянутом в талии[31]. В прижатой к поясу левой руке — длинный жезл (или копье), правая рука вытянута вперед на уровне плеча (XII. 03—05). Слева от фигуры в поле — уже знакомый нам по об. ст. монет 2-й группы знак vi письма кхарошти. Справа от фигуры в поле — изображение сосуда (Вильсон, 1841, с. 335; Смит, 1908, с. 61; Уайтхэд, 1951, с. 660; Мак-Доуэлл 1968, с. 2) или алтаря с пылающим огнем (Массон, 1950, с. 25). По кругу — легенда кхарошти „maharajasa rajatirajasa mahatasa... tradarasa" — „царя царей, великого.. спасителя". Между предпоследним и последним словом этой легенды имеется еще не менее трех знаков, возможно, передающих имя царя, но ни на одном из известных в настоящее время экземпляров эти знаки прочесть не удавалось (Уайтхэд, 1913, с. 658—661; Уайтхэд, 1914, с. 160—161). Монеты малого номинала третьей группы повторяют все отмеченные особенности монет крупного номинала (XIII. 06)[32].

Четвертая группа (XIII. 01) — это уже упоминавшиеся выше монеты „сотера мегаса", иконографические типы которых восходят к подражаниям монетам Гелиокла *(бюст царя вправо / стоящий Зевс)*. На л. ст. — погрудное изображение правителя вправо; волосы стянуты диадемой; драпировка на плече передана схематично; в поле справа — тамга, как на других монетах „сотера мегаса" (или без „ножки" с перекрестием). На об. ст. — стоящий „Зевс" левой рукой опирается на

сутствуют". Но те две серебряные монеты „сотера мегаса" в Самаркандском музее, на которые М. Е. Массон ссылается как на подлинные (Н-101 и Н-102), — литые „новоделы", изготовленные в одной форме, что, конечно, не избавляет от „настороженности" и „недоверия". Никаких других серебряных монет „сотера мегаса" в музеях Средней Азии нет.

[31] Определение этой фигуры как божества (и более „точные" обозначения ее как Зевса, которые можно найти в литературе), конечно, в определенной мере условны и отражают, в первую очередь, несомненную иконографическую связь с изображениями эллинистических божеств (и конкретнее — Зевса) на монетах. Значительно труднее принять утверждение М. Е. Массона (1950, с. 25), что эта фигура изображает „государя" (и тем более — Куджулу Кадфиза, которому М. Е. Массон приписывает эти монеты).

[32] Монета Британского музея (Гарднер, 1886, с. 114, табл. XXIV, 1) из „низкопробного серебра" — единственный известный мне случай „билонных" монет 3-й группы.

длинный жезл, а правой держит пучок молний; под ногами „Зевса" — горизонтальная черта. Греческая легенда — как на других монетах „сотера мегаса", но расположена по образцу легенды на подражаниях монетам Гелиокла: по обе стороны фигуры „Зевса" и под чертой. М. Е. Массон считал, что на обеих сторонах этих монет изображен правитель, хотя — по сравнению с прототипом — эти монеты не содержат никаких новых деталей или особенностей, которые указывали бы на переосмысление иконографических типов в кушанской среде.

К пятой группе относятся очень редкие и практически анэпиграфные медные монеты малого размера (Каннингэм, 1890, с. 158, табл. IX, 8; Уайтхэд, 1914, с. 163, табл. XVI, 113) с изображением на одной стороне стоящей фигуры с длинным жезлом в правой руке (справа в поле — знак письма кхарошти, слева — обычная тамга „сотера мегаса"), на другой — стоящей женской фигуры вправо, держащей рог изобилия (XIII.02).

М. Е. Массон относил также к шестой группе „среднего размера серебряные монеты", выполненные по образцу драхм Гермея (Массон, 1950, с. 26), приводя описание, которое опирается на прорисовку у де Моргана (1936, с. 384, рис. 486-А — XIII.09). Но ни в одном из музейных собраний, насколько мне известно, такой монеты (и тем более таких монет) нет, что позволяет усомниться не только в правомочности выделения шестой группы монет „сотера мегаса", но и вообще в ее существовании[33].

Предложенные М. Е. Массоном обозначения групп сохранены здесь, как и в других случаях (Зеймаль, 1965), только для того, чтобы не создавать новой классификацией путаницы в литературе, но последовательности выпуска монет „сотера мегаса" они совершенно не отражают.

Наиболее поздними среди монет „сотера мегаса", видимо, следует считать монеты 1-й группы: они отличаются наибольшей унифицированностью типов, отчасти вобравшей и отразившей „опыт" остальных групп. Наиболее широкий ареал обращения (по сравнению с остальными монетами „сотера мегаса"), практически охватывающий всю территорию Кушанского царства, косвенно подтверждает такой вывод.

Видимо, монеты 4-й (XII.01) и 5-й (XII.02) групп — наиболее ранние среди монет „сотера мегаса", поскольку для них характерна подражательность типов, еще не выработанная форма тамги и другие особенности, сближающие эти две группы с юечжийскими подражаниями греко-бактрийским монетам и отчасти с монетами, чеканенными от имени Куджулы Кадфиза, когда кушанское монетное дело, сами принципы оформления монет, еще находились в процессе становления.

Монеты 2-й (XII. 07, 08) и 3-й (XII. 03—05) групп, как бы подготавливающие появление унифицированной общегосударственной чеканки „сотера мегаса" (1-я группа), типологически должны занимать промежуточное положение между ранними и поздними выпусками „сотера мегаса". Но если это были локальные выпуски для какой-то вполне определенной территории, не исключено, что они чеканились какое-то время одновременно с монетами 1-й группы.

К сожалению, данные об ареалах различных групп монет „сотера мегаса", которые имеются в настоящее время, очень далеки от полноты

---

[33] Издание «Руководства» де Моргана подготавливалось к печати уже после смерти автора и не свободно от целого ряда ошибок, особенно в иллюстрациях. К сожалению, очень трудно судить, располагал ли М. Е. Массон какими-либо другими данными о монетах „шестой" группы.

и не дают надежной опоры для каких-либо выводов. Наиболее обоснована попытка Д. МакДоуэлла (1968) различать наряду с „общегосударственной чеканкой" (1-я группа) чеканку для Западной Гандхары (3-я группа), выпуски для Матхуры и юго-восточного Пенджаба (4-я группа) и чеканку Капишы или Бактрии (2-я и 5-я группы), но она опирается на сведения о происхождении единичных экземпляров, собранные, главным образом, в XIX в., или на иконографические соображения. Другие попытки „локализации" различных выпусков „сотера мегаса" (в том числе и „локализация" разных серий, выделяемых внутри 1-й группы, — Митчинер, 1973) совершенно произвольны (и умозрительны) и не могут быть приняты даже предположительно.

На территории Таджикистана (и вообще в Средней Азии) известны находки монет только 1-й группы „сотера мегаса", хотя в музейных собраниях и имеются единичные экземпляры монет 2-й и 3-й групп (без данных об их происхождении)[34]. Наиболее определенными выглядят сведения о происхождении монет 4-й группы: А. Каннингэм (1890, с. 157) сообщал о находках таких монет в районе Матхуры, а по данным Р. Уайтхэда (1914, с. 162, примеч.), эти же монеты были найдены в Дели и в Джагадхри (в 160 км к северу от Дели), что очерчивает для них вполне определенный ареал[35].

Как такую локализацию монет 4-й группы привести в соответствие с тем, что они типологически выделяются как наиболее ранние среди монет „сотера мегаса" и обнаруживают иконографическую преемственность по отношению к подражаниям монетам Гелиокла со стоящим Зевсом на об. ст., а не к наиболее поздним подражаниям монетам Гелиокла (с конем на об. ст.)? Вопрос этот сложный и, видимо, должен быть решен не только на нумизматических материалах, происходящих из правобережья Амударьи.

В связи с этим напомним, что рассказывается в «Хоу Хань-шу» о создании Кушанского царства: после того как кушанский („гуйшуанский") князь по имени Кюцзюкио = Куджула Кадфиз, подчинив себе четырех других князей Больших Юечжи, стал царем, он „вторгся в Аньси (= владения индо-парфянских царей), захватил Гаофу (район Кабула) и еще уничтожил Пуду (Арахозия?) и Гибинь (Кашмир?), полностью овладев их землями. Кюцзюкио умер, когда ему было более восьмидесяти лет, и его сын Янгаочжень[36] (Вима Кадфиз?) наследовал ему как царь. Он в свою очередь разгромил Тяньчжу (= Индию) и поставил там [своего] полководца, чтобы управлять ею"[37]. Если принять предлагавшееся выше сближение последних выпусков подражаний монетам Гелиокла с началом кушанской царской чеканки, то монеты „сотера мегаса" 4-й группы можно было бы рассматривать как выпуски

---

[34] Например, монета 2-й группы в Самаркандском музее (Н-5489), поступившая в 1930 г. (дар С. М. Нижанского).

[35] „Локализация" 3-й группы в Западной Гандхаре опирается на сопоставление с типами л. и об. ст. индо-парфянских монет; в пользу помещения 2-й группы в Капише или Бактрии Д. МакДоуэлл приводит еще менее надежные „аргументы" — их отсутствие в Таксиле и редкость в Бегараме (МакДоуэлл, 1968).

[36] Реконструируемое по Карлгрену китайское архаическое произношение этого имени diem-kog-tyən, китайское древнее iăm-kâu-'tyen; для Кюцзюкио соответственно k'yug-dz'iôg-k'yak и k'yəu-dz'yeu-k'yak; для Пуду b'uk-d'ât и b'uk-d'ât.

[37] Перевод — по Цюрхеру (1968, с. 367); ср. Бичурин, 1950, с. 227—228.

в Тяньчжу = „Индии"[38] сразу после завоевания этой территории. Чеканил ли их сам царь или некий „наместник" от его имени (на монетах стоит именно царский титул), но подражания монетам Гелиокла явно были вполне привычной монетой для пришельцев-юечжей. Не исключено, что выбор именно этих типов для локальной чеканки в юго-восточном Пенджабе был подсказан какими-то обращавшимися здесь ранее индо-греческими монетами, на об. ст. которых имелось изображение стоящего Зевса с пучком молний (например, индо-греческими монетами Гелиокла).

В целом же, несмотря на большое число работ, посвященных монетам „сотера мегаса", кушанский „царь царей, великий спаситель" продолжает оставаться безымянным. Все попытки раскрыть „инкогнито царя, подернутое таинственным флером забытого прошлого", не дали пока бесспорных результатов. Нет даже полной уверенности, что они выпускались одним царем. И типологически, и стилистически далекие друг от друга группы анонимных монет объединяет: 1) отсутствие на них имени правителя, 2) одинаковая титулатура (что, как отмечал М. Е. Массон, можно рассматривать „под углом зрения традиционной преемственности титулатуры в пределах одной генеалогической династии") и 3) тамга одинаковой формы (как показывают более поздние монеты Кушанского царства, начертание тамги изменялось постепенно и не было индивидуальным для каждого правителя).

Среди советских исследователей долгое время господствовала точка зрения М. Е. Массона, предложившего отождествить „сотер мегаса" с основателем Кушанского царства Куджулой Кадфизом. Эта гипотеза, построенная на детальном изучении монет 1-й группы „сотера мегаса", которые хранятся в Ташкентском музее и отчасти в Самаркандском музее, обогатила кушанскую нумизматику очень важными наблюдениями над эпиграфическими, изобразительными и техническими особенностями монет „сотера мегаса" (Массон, 1950). Один из отправных моментов для отождествления „безымянного царя" с Кадфизом I — необходимость устранить несоответствие между отмечаемым китайскими источниками долголетием Киоцзюкю и тем, что чекан Куджулы Кадфиза „до сих пор количественно очень невелик, не известен из драгоценных металлов и представлен лишь несколькими типами медных монет, большинство которых на территории Средней Азии почти не попадается" (Массон, 1950, с. 42). Опорой же для отождествления стали „предварительные выводы исторического порядка" (там же, с. 37—38), как бы подытоживающие анализ нумизматических данных[39].

---

[38] Географические рамки завоеваний Вимы Кадфиза в Индии всегда вызывали разногласия между исследователями. Район Дели вплоть до Джагадхри на севере и Матхура на юге вполне могли бы соответствовать тому, что в «Хоу Хань-шу» обозначено как „Тяньчжу".

[39] Они были сформулированы в девяти пунктах, из которых только пункты IV, VII и VIII остаются справедливыми и в настоящее время. Возражения по остальным пунктам: I) серебряные монеты „сотера мегаса" остаются по-прежнему не известными (см. выше, с. 161, прим. 30 и прим. 33 о монетах шестой группы), билонные — чрезвычайно редки; II) нет оснований рассматривать монеты „сотера мегаса" как чеканку одного правителя (см. выше); III) нет никаких доказательств того, что в кушанскую эпоху с приходом нового царя к власти производилось насильственное изъятие монеты с целью перечеканки; археологические данные о совместных находках кушанских монет (и в том числе монет „сотера мегаса") скорее свидетельствуют об обратном; V) попытка усмотреть „портретность" в изображении юноши с дротиком на об. ст. (по М. Е. Массону—на л. ст.) 1-й группы монет „сотера мегаса" („безымянный царь" лицо „безусловно не греческого происхождения", а „некоторая разница в чертах

Гипотеза М. Е. Массона, учитывающая материалы, накопленные к 1950 г., сразу же получила очень широкое признание среди советских археологов[40], как бы „закрыв" проблему определения имени „сотера мегаса", его места в истории Кушанского царства.

Появление новых материалов (и в первую очередь находок монет „сотера мегаса" в археологических раскопках) вынудило снова обратиться к гипотезе М. Е. Массона (Зеймаль, 1960, с. 116—123; Ставиский, 1961, с. 113, прим. 42; Ставиский, 1963, с. 356—357, прим. 55; Зеймаль, 1965, с. 7—8) уже критически. В первую очередь, вызывала серьезные сомнения синхронность Кадфиза I и „сотера мегаса", которую М. Е. Массон обосновал только палеографическими аргументами, привлекая в качестве хронологической опоры начертания на парфянских монетах. Данные о монетных находках на городище Сиркап в Таксиле (Маршалл, 1951, с. 786, 792—793), где на две с половиной тысячи монет, чеканенных от имени Куджулы Кадфиза, было найдено всего 12 монет „сотера мегаса" (Вимы Кадфиза—13, Канишки—40, Хувишки—6, Васудевы — 27 экз.), свидетельствовали, что Куджула Кадфиз и „сотер мегас" явно не одновременны и давали основание сближать последнего с Вимой Кадфизом. Обилие монет Куджулы Кадфиза в Таксиле (равно как и сведения о находках в других пунктах за пределами Средней Азии) позволяли также взять под сомнение тезис М. Е. Массона о том, что чекан Кадфиза I, „вопреки ожиданиям, до сих пор количественно очень невелик" (Массон, 1950, с. 42) и что „в распоряжении нумизматики для периода правления Кадфиза I, длившегося несколько десятков лет, собственно почти нет его монет, выпущенных не от имени родо-племенного джабгу, а как правителем крупнейшей им же созданной империи" (там же, с. 44). И, наконец, в специальном разделе своей статьи, рассматривая ареал монет „сотера мегаса", М. Е. Массон справедливо различает районы массовых находок („Пенджаб, Кабулистан, правобережный и левобережный Тохаристан, до долины Кашкадарьи") и пункты, давшие единичные экземпляры („Ашхабад, Хорезм, Ташкент, Куча, Бенарес, Мальва"). Но совершенно неожиданно для читателя, уже поставленного в известность о почти полном отсутствии монет Куджулы Кадфиза к северу от Амударьи, об их чрезвычайной редкости и т. п. (Массон, 1950, с. 42—43 и др.), выясняется, что с чеканом Кадфиза I должен быть отождествлен „совпадающий с ним по времени и территориально <разрядка моя. — *Е. З.*> параллельный кушанский чекан загадочного «безымянного царя» с пышной титулатурой" (там же, с. 44). Сперва, таким образом, обилие монет „сотера мегаса" по всей огромной территории Кушанского царства противопоставляется отсутствию или крайней редкости на этой территории монет Куджулы Кадфиза, т. е. констатируется несовпадение ареалов

лица" — иногда „результат отражения возрастных изменений") не состоятельна по существу, даже если не считать, что эта иконографическая схема изображает божество (лучистый нимб); VI) несколько наивное объяснение анонимности монет „сотера мегаса" тем, что имя его и так „тогда хорошо было известно", не следует из нумизматических данных и может быть использовано с таким же успехом как „доказательство" отождествления „сотера мегаса" и с Вимой Кадфизом (их титулатура полностью совпадает), и с любым другим кушанским царем; IX) датировка монет „сотера мегаса" (между 30—40-ми и 70—80-ми годами I в. н. э.), предложенная М. Е. Массоном, „замкнута" на принятые им даты для Вимы Кадфиза (85—125 гг. н. э.).

[40] Побочный отрицательный эффект этого, преодоленный отчасти в последние годы, — обозначение монет „сотера мегаса" в публикациях как монет Кадфиза I (без каких-либо пояснений), что создавало путаницу и искажало истину.

монет „сотера мегаса" и Кадфиза I, особенно очевидное для правобережья Амударьи. Но затем, когда дело доходит до отождествления „сотера мегаса" с Куджулой Кадфизом, „обнаруживается" — небезукоризненно с точки зрения логики — „совпадение" их ареалов, территориальная параллельность.

Гипотеза М. Е. Массона (если рассматривать ее не узко нумизматически, а в плане реконструкции раннего этапа истории Кушанского царства) требовала бы и серьезного пересмотра представлений о процессе сложения этого государства. Во-первых, совершенно произвольной (или во всяком случае почти не аргументированной) выглядела предложенная М. Е. Массоном последовательность выпуска монет, чеканенных от имени Куджулы Кадфиза (Массон, 1950, с. 46; ср. Зеймаль, 1967, с. 56—61). Между тем чеканка Куджулы Кадфиза отражает и последовательные этапы завоевательной деятельности этого царя, и подражательный характер его монетных типов, приноравливавшийся к рынкам вновь завоеванных территорий, и эволюцию отношения завоевателей к их собственной монете — от недооценки ими политического значения выпуска монет (сохранение имени Гермея на монетах „кабулистанской группы" в течение какого-то времени) до постепенного видоизменения титулатуры, иконографии и других особенностей монеты, в ходе которого собственно кушанские черты и особенности выдвигаются на первый план. Во-вторых, по мере завоеваний Куджулы Кадфиза его связи с правобережьем Амударьи постепенно ослабевали: еще не существовало той государственно-административной „машины", которая была, видимо, создана уже ко времени Вимы Кадфиза (или при нем) и могла бы осуществлять управление всей территорией Кушанского царства; еще не завершился процесс завоевания и каждый новый его этап уводил Куджулу Кадфиза все дальше и дальше на юг. Все это вполне хорошо согласуется с отсутствием к северу от Амударьи монет, чеканенных от имени Куджулы Кадфиза[41]. Только прекращение завоевательной деятельности, которая, как мы знаем из «Хоу Хань-шу», завершилась уже при сыне и преемнике Куджулы Кадфиза, приносит вновь созданному царству стабилизацию положения, а кушанской правящей верхушке — „заботы" общегосударственного характера. Трудно судить, насколько серьезно и глубоко нарушились при Куджуле Кадфизе связи с территориями, лежащими за Оксом. Но, если судить по археологическим и нумизматическим данным, при Виме Кадфизе или при „сотере мегасе" (если считать, что эти монеты выпускал еще один кушанский царь, правивший между Куджулой и Вимой Кадфизами) происходит как бы повторное подчинение правобережья Амударьи кушанским царям.

Гипотеза М. Е. Массона о тождестве „сотера мегаса" с Куджулой Кадфизом, построенная на вполне реальном и весьма обширном нумизматическом материале с привлечением всех остальных доступных исследователю данных, тем не менее остается гипотезой. И сомнения в ее справедливости, высказанные выше, также опираются, в первую оче-

---

[41] Какие монеты обращались в левобережье и правобережье Амударьи (т. е. в Тохаристане) после ухода оттуда Куджулы Кадфиза на юг, на завоевания? Судя по находкам, там продолжали обращаться подражания монетам Гелиокла, но, возможно, они приобретают в это время новый иконографический тип об. ст. — изображение коня. Такое предположение хорошо объясняло бы, почему 4-я группа монет „сотера мегаса" („матхурская" чеканка) восходит к подражаниям Гелиоклу с Зевсом на об. ст.

редь, на столь же конкретные находки и музейные собрания. К сожалению, этого нельзя сказать о выступлениях в защиту гипотезы М. Е. Массона за истекшие двадцать лет (Пугаченкова, 1966а, с. 113—117; Пугаченкова, 1966б, с. 15—25; Пугаченкова, 1967, с. 82—84), хотя поводом для них, как правило, служили новые экземпляры монет „сотера мегаса" 1-й группы, сами по себе не добавляющие ничего принципиально нового к проблеме уравнения „сотер мегас" = Куджула Кадфиз. Попытка не принимать во внимание распределение монетных находок по слоям в Таксиле (городище Сиркап) вынудила Г. А. Пугаченкову приписать Куджуле Кадфизу роль не только завоевателя обширных территорий Кушанского царства, но и ревностного строителя городов, монастырей, ступ и других сооружений в окрестностях Таксилы,— всюду, где были найдены монеты „сотера мегаса". Так Куджула Кадфиз „оказался" основателем города, расположенного на месте городища Сирсукх, возникновение жизни в котором Дж. Маршалл относил ко времени Вимы Кадфиза (Маршалл, 1951, с. 68; ср. также МакДоуэлл, 1968, с. 8, 16—17). Можно, конечно, ради защиты гипотезы, если ее обоснование безукоризненно, и передатировать городища, и пересматривать общеисторические концепции. Но в данном случае нет ни достаточных оснований, ни необходимости делать это. Приводя длинный перечень находок монет 1-й группы „сотера мегаса" на археологических памятниках в правобережье Амударьи, Г. А. Пугаченкова заключает его выводом, что чекан „сотера мегаса" „логически заполняет лакуну периода правления Кадфиза I" между монетами „варварского Гелиокла", Герая, Гиркода и Сападбиза, с одной стороны, и монетами Кадфиза II, с другой. Но и в этом случае обоснованность довода — только иллюзорная, кажущаяся, потому что речь идет не о стратиграфическом распределении всех монет „сотера мегаса" по слоям, а о суммарном перечне всех монет, найденных на том или ином памятнике (независимо от стратиграфических условий их залегания). Что же касается халчаянских монет „сотера мегаса", к которым этот перечень „пристегнут", то подавляющее большинство из них найдено на поверхности. „Лакуну" необходимо заполнять стратиграфически, а не „логически" (т. е. умозрительно). Да и справедливо ли говорить вообще о „лакуне", если исходной посылкой для отождествения Куджулы Кадфиза и „сотера мегаса" была их одновременность, хронологическая параллельность? Никто не сомневался и не сомневается в том, что монеты „сотера мегаса" занимают (с точки зрения относительной хронологии) промежуточное место между чеканкой Куджулы Кадфиза и монетами Вимы Кадфиза (или на каком-то отрезке параллельны последним). В доказательство этого можно сослаться на полное совпадение титулатуры (как в греческой, так и в индийской легенде письмом кхарошти) на монетах Вимы Кадфиза и „сотера мегаса". Серьезные сомнения в справедливости отнесения Р. М. Гиршманом „сотера мегаса" ко времени Канишки (или к несуществовавшему „междуцарствию" между Вимой и Канишкой) были высказаны ранее, равно как был отмечен и сомнительный (с точки зрения подлинности) характере изданной Р. М. Гиршманом „декадрахмы Канишки" (Зеймаль, 1960, с. 122 и прим. 1). Что же касается уникальной медной монеты с двуликим бюстом под „индоскифским" шлемом на л. ст. (перед бородатым профилем — тамга Вимы Кадфиза, перед безбородым профилем — тамга „сотера мегаса") и стоящего царя перед жертвенником вправо на об. ст. (Каннингэм, 1892,

с. 71—72, табл. V[XV], 14), то сомнения в ее подлинности[42] не получили пока подтверждения, как и сама монета — убедительной интерпретации (Чаттопадхьяй, 1967, с. 51—52).

Критическое обращение к гипотезе М. Е. Массона дало, во всяком случае, один бесспорный положительный результат: и в археологических, и в нумизматических публикациях, связанных с республиками Средней Азии, вместо глухих и сбивающих с толку (особенно при отсутствии иллюстраций) обозначений „монета Кадфиза I", рассматриваемые монеты стали снова именоваться монетами „сотера мегаса" (Пугаченкова, 1971, с. 121, прим. 309; Пугаченкова — Ртвеладзе, 1971, с. 105; Пугаченкова и др., 1978, с. 228 и т. д.).

Судя по литературе, поиски правильной исторической интерпретации „сотера мегаса" и его монет за последние десять — пятнадцать лет заметно активизировались. Гипотеза Д. МакДоуэлла (1968), предложившего рассматривать „сотера мегаса" как еще одного кушанского царя, правившего после Куджулы Кадфиза и перед Вимой Кадфизом, получила затем дальнейшее развитие в отождествлении „сотера мегаса" с „Гераем" (МакДоуэлл — Вильсон, 1970). Со своей „версией" выступил М. Митчинер, согласно которому „сотер мегас" — сын и преемник „Герая" — пришел к власти около 45/50 г. н. э. („Герай", по М. Митчинеру, — это упоминаемый в «Хоу Хань-шу» Кюцзюкио, подчинивший себе пять родов-владений да-юечжей и создавший Кушанское царство, а Куджула Кадфиз, которого мы знаем по монетам, — его наместник в долине Кабула) и правил до 85/90 г. н. э., выпуская свои монеты в Согдиане, Западной Бактрии, Восточной Бактрии, в долине Кабула и в Северном Пакистане (Митчинер, 1973, с. 37—43, 55—65). Р. Гёбль (Гёбль, 1976, с. 50—53), датируя „сотера мегаса" и его монеты первой половиной II в. н. э. (Куджула Кадфиз приходится у него на вторую половину I в. н. э.), также помещает его между Куджулой Кадфизом и Вимой Кадфизом и, предлагая именно „сотера мегаса" отождествить с Кюцзюкио, считает его основателем Кушанского царства и отцом Вимы Кадфиза. С узко провинциальных позиций подходят к интерпретации „сотера мегаса" и его места в истории Кушанского царства некоторые индийские ученые (например, Сиркар, 1969, с. 53—54), совершенно не знакомые с обильными монетными находками монет „сотера мегаса" в Средней Азии (или просто их игнорирующие), равно как и с литературой о них.

---

[42] Мнение А. Нарайна, что это — «фальсификат», остается голословным, и ссылка на него вряд ли может убедить (Пугаченкова, 1966б, с. 20). К сожалению, в этой статье и в другой работе (Пугаченкова, 1966а, с. 113—117), почти текстуально повторяющей значительную часть ее, полемика ведется далеко не безупречно: суммарные ссылки на несколько работ Г. А. Пугаченкова „раскрывает" так, чтобы создать у читателя впечатление, что ее „противник" не читал тех авторов, на которых он ссылается; объективные сведения о распределении монетных находок „сотера мегаса" в Таксиле (см. выше) поданы как „ссылки на иностранные авторитеты" и т. п. Фактам, не позволяющим принять отождествление „сотера мегаса" с Куджулой Кадфизом, противопоставлены „аргументы" словесные (т. е. чисто умозрительные) или мнимые (вроде иллюзорного „заполнения лакуны" с помощью ссылок на суммарные данные о находках монет на отдельных городищах, а не на стратиграфическое их распределение), а иногда и молчание. Молчанием, в частности, обходится факт, что серебряные монеты „сотера мегаса", которыми предлагалось заполнить пустующее место в ряду медных монет Куджулы Кадфиза, вообще не существуют: они являются или результатом ошибки у де Моргана (6-я группа, по классификации М. Е. Массона), или же это литые в одной и той же форме „новоделы" (Самаркандский музей, Н-101 и Н-102), моделью для которых послужила медная монета 1-й группы „сотера мегаса".

Общая особенность этих новых точек зрения состоит в том, что они опираются не на новые нумизматические данные и их исследование с привлечением всех доступных материалов, а на старые факты, которые только перетасовываются несколько по-иному — так, чтобы соответствовать общеисторическим построениям авторам. Солидного исследовательского обоснования эти новые гипотезы не имеют, если понимать под таковым не умозрительные рассуждения[43], а тщательный источниковедческий анализ всех накопленных материалов (публикацию новых данных о распределении монетных находок по территории Кушанского царства, археологические свидетельства о стратиграфическом залегании монет „сотера мегаса" и их совместных находках с другими монетами и т. п. объективную информацию).

---

[43] При всей разносторонности Р. Гёбля как исследователя и при всем большом уважении к его блестящим нумизматическим штудиям, читатель вряд ли примет на веру его рассуждения о том, соответствуют ли китайские иероглифы *Янь* — имени Вима, *гао-чжень* — имени Кадфиз и может ли отсутствие иероглифов *гао-чжень* в имени Кюцзюкио быть препятствием к отождествлению последнего с Куджулой Кадфизом (ср. Гёбль, 1976, с. 51). Поверхностный подход, который был бы простителен и понятен у дилетанта М. Митчинера, удивляет и огорчает у серьезного и авторитетного исследователя.

XII. БЕЗЫМЯННЫЙ КУШАНСКИЙ «ЦАРЬ ЦАРЕЙ, ВЕЛИКИЙ СПАСИТЕЛЬ» («СОТЕР МЕГАС»). ТАБЛ. 19, 20.

№№	Место и обстоятельства находки; деление на группы (по М. Е. Масону)	Вес	Диам.	Оси	Место хранения инв. №	Публикации, примечания
01	Неизвестно; IV группа				БМ	Каннингэм, 1890, табл. IX, (XII), 7,
02	То же; V группа				БМ	то же, табл. IX, (XII), 8.
03	То же; III группа, «крупный номинал»				ГЭ	
04	То же; то же				ТШ 154/23	
05	То же; III группа, «малый номинал»				БР	
06	То же; III группа, «малый номинал»				БМ	то же, табл. IX (XII), 5а
07	То же; II группа				БР	
08	То же; то же				СМ Н-5489	
09	То же; VI группа				?	де Морган 1936, с. 384, рис. 486-А (все—«I группа»)
	Находки из Таджикистана (все — «I группа»)					
1	Трасса Гиссарского канала, 1941 г.	7,71	22,0		ИД Н-21/1	Зеймаль, 1960, № 3
2	То же	7,80	19,8		/2	то же, № 4
3	То же	8,11	20,3		/3	то же, № 5
4	Не известно (до 1948 г.)	7,9	20		ДМ 1395/1	Забелина, 1952, с. 76, № 7
5	Кишл. Каратаг (случайная находка), 1951 г.	8,4	22—23		ДМ 1484	то же, с. 76, № 9
6	Кишл. Каратаг (территория дома отдыха), 1951 г.	7,5	20		ДМ 1483	то же, № 8
7	Пенжикентское г-ще, 1953 г., здание IX, пом. 1, завал	7,64	21		ИД Н-46	Смирнова, 1963, с. 59—60, № 21, рис. 8, табл. III, 21
8	Г-ще Кей-Кобад-Шах, 1953 г., завал в северной части коридора	—	19,0	I	ИД Н-376/2	Мандельштам — Певзнер, 1958, с. 309—310, рис. 16—1
8а	Берег р. Кафирниган (близ Шаартуза), 1953 г.	6,27	20,6	XII	ИД Н-14	Зеймаль, 1960, № 13
9	Г-ще Кухна-кала, раскопки 1953 г. (позднее погребение в помещении)	8,75	22,2		ИД Н-15/1	то же, № 12
10	Даганакиикский р-н, бывш. колх. им. Жданова, 1954 г.	8,18	20,9	XI	ИД Н-12	
11	Шахринау (случайная находка), 1954 г.	8,20	20,0	XII	ИД Н-17/2	то же, № 8
12	Шахринау (случайная находка), 1956 г.	7,50	18,5		ИД Н-50/2	то же, № 7
13	Г-ще Кафыр-кала (Колхозабад), раскопки 1957 г.	8,39	21,8		ИД Н-53	то же, № 11

№№	Место и обстоятельства находки	Вес	Диам.	Оси	Место хранения инв. №	Публикации, примечания
14	Г. Душанбе, поселок им. Калинина (случайная находка), 1958 г.	7,27	21,9		ИД Н-56/2	то же, № 9
15	Возвышенность Кара-Бура (Колхозабадский р-н), 1959 г.	8,52	20,8		/3	то же, № 6
16	Шахринау, 1962 г. (случайная находка)	7,57	19,2	XII	ИД Н-189/1	
17	Пархарский р-н (случайная находка), 1962 г.	8,35	21,3	XII	ИД Н-271/1	
18	Яванское г-ще, 1963 г. (май), раскоп I, помещ. 1, южная часть, над полом [ЯВ-I]	7,46	21,6	XII	ИД Н-68 А/2	Юркевич 1965, с. 161
19	То же, раскоп III, помещ. 4 [период ЯВ-I]	8,35			ИД Н-68/1	
20	То же, раскоп II, кв. Г-15, в забутовке над полом помещ. 33 (4-й горизонт)	6,83	21,0	XII	/3	
21	То же	5,61	19,6	XII	/6	
22	То же, кв. А-15, пол. 3-го стратиграфического горизонта (ярус IX)	6,88	20,4	I	/7	
23	Кишл. Дастгирак (Яванский р-н), 1965 г.	7,92	20,4	XII	ИД Н-75/6	
24	Кишл. Чирогчи (Яванский р-н), 1965 г.	8,29	20,8	XI	/10	
25	Кишл. Хучильдиёри Поён (Гиссарский р-н, колх. «Москва»), 1966 г.	7,51	20,1	XII	ИД Н-277/1	
26	Шахринау, 1967 г., случайная находка	7,75	22,2	XII	ИД Н-278/3	
27	Г-ще Саксан-Охур, 1967 г. (раскоп 1, пом. 12, кв. И-XIX, пол)	5,48	18,6	XII	ИД Н-202/3	
28	Г-ще Саксан-Охур, 1967 г. (прирезка к шурфу, ЮЗ угол. яр. IV, кв. Г-XX, мусорная яма)	6,04	20,8		/4	
29	Г-ще Саксан-Охур, 1967 г. (раскоп 2, пом. 20, завал, яр. I, в уплотненной поверхности)	6,27	20,9	XII	/5	
30	Шахринау (случайная находка), 1967 г.	8,29	21,9	XII	ИД Н-278/1	
31	То же	7,31	19,5	XI	ИД Н-255/2	
32	То же	7,80	19,1	XII	/3	
33	Ленинский р-н, кишл. Терсакол, 1971 г.	8,31	21,2	XII	ИД Н-359	
34	Г-ще Кафыр-кала (Колхозабадский р-н), 1968 г.	5,91	22,7	XII	ИД Н-253	

№№	Место и обстоятельства находки	Вес	Диам.	Оси	Место хранения инв. №	Публикации, примечания
25	Колхоз им. Дзержинского (Гиссарский р-н), 1970 г.	8,17	19,7		ИД Н-294/1	Давидович, 1979, клад № 2, экз. № 1
36	То же	8,29	18,7		/2	то же, № 2
37	То же	8,37	19,9		/3	то же, № 3
38	То же	8,48	20,6		/4	то же, № 4
39	То же	8,72	20,5		/5	то же, № 5
40	То же	8,18	21,0		/6	то же, № 6
41	То же	8,24	19,9		/7	то же, № 7
42	То же	8,21	19,7		/8	то же, № 8
43	То же	8,09	19,6		/9	то же, № 9
44	То же	8,12	20,3		/10	то же, № 10
45	То же	8,44	19,9		/11	то же, № 11
46	То же	8,15	19,7		/12	то же, № 12
47	То же	7,90	20,0		/13	то же, № 13
48	То же	8,13	22,7		/14	то же, № 14
49	То же	8,25	20,3		/15	то же, № 15
50	То же	8,28	19,4		/16	то же, № 16
51	То же	7,85	20,6		/17	то же, № 17
52	То же	8,15	18,2		/18	то же, № 18
53	То же	7,94	20,2		/19	то же, № 19
54	То же	8,22	20,6		/20	то же, № 20
55	То же	8,06	20,7		/21	то же, № 21
56	То же	8,08	19,9		/22	то же, № 22
57	То же	8,05	20,3		/23	то же, № 23
58	То же	6,02	17,6		/24	то же, № 24
59	То же	8,39	20,4		/25	то же, № 25
60	То же	8,20	20,6		/26	то же, № 26
61	То же	8,17	20,3		/27	то же, № 27
62	То же	8,15	20,0		/28	то же, № 28
63	То же	8,15	20,1		/29	то же, № 29
64	То же	8,04	20,5		/30	то же, № 30
65	То же	7,62	21,1		/31	то же, № 31
66	То же	7,84	20,4		/32	то же, № 32
67	То же	8,26	20,1		/33	то же, № 33
68	То же	8,09	19,2		/34	то же, № 34
69	То же	8,35	18,6		/35	то же, № 35
70	То же	8,12	19,9		/36	то же, № 36
71	То же	8,00	20,8		37	то же, № 37
72	То же	8,40	20,2		/38	то же, № 38
73	То же	8,19	20,2		/39	то же, № 39
74	То же	8,12	20,6		/40	то же, № 40
75	То же	8,56	20,8		/41	то же, № 41
76	То же	8,03	21,3		/42	то же, № 42
77	То же	8,08	18,6		/43	то же, № 43
78	То же	7,94	21,1		/44	то же, № 44
79	То же	7,37	20,6		/45	то же, № 45
80	То же	7,82	21,0		/46	то же, № 46
81	То же	7,54	19,1		/47	то же, № 47
82	То же	8,12	21,2		/48	то же, № 48
83	То же	7,93	20,4		/49	то же, № 49
84	То же	8,13	20,1		/50	те же, № 50
85	То же	8,17	20,5		/51	то же, № 51
86	То же	8,18	20,8		/52	то же, № 52
87	То же	8,45	19,4		/53	то же, № 53
88	То же	8,50	19,5		/54	то же, № 54
89	То же	8,13	19,6		/55	то же, № 55
90	То же	6,76	21,1		/56	то же, № 56

№№	Место и обстоятельства находки	Вес	Диам.	Оси	Место хранения инв. №	Публикации, примечания
91		7,93	21,3		ИД Н-432/57	Давидович, 1979, клад № 2, № 57
92	То же	7,20	20,3		/58	то же, № 58
93	То же	8,45	19,9		/59	то же, № 59
94	То же	8,00	20,4		/60	то же, № 60
95	То же	7,92	19,5		/61	то же, № 61
96	То же	8,27	20,3		/62	то же, № 62
97	То же	7,20	21,1		/63	то же, № 63
98	То же	8,41	21,3		/64	то же, № 64
99	То же	7,45	20,5		/65	то же, № 65
100	То же	8,12	21,0		/66	то же, № 66
101	То же	8,19	20,4		/67	то же, № 67
102	То же	8,02	20,5		/68	то же, № 68
103	То же	7,78	21,5		/69	то же, № 69
104	То же	6,95	20,8		/70	то же, № 70
105	То же	7,85	20,9		/71	то же, № 71
106	То же	8,34	19,1		/72	то же, № 72
107	То же	6,74	20,1		/73	то же, № 73
108	То же	7,41	19,2		/74	то же, № 74
109	То же	8,20	20,0		/75	то же, № 75
110	То же	8,33	21,4		/76	то же, № 76
111	То же	8,23	20,8		/77	то же, № 77
112	То же	8,48	20,5		/78	то же, № 78
113	То же	8,44	20,8		/79	то же, № 79
114	То же	8,24	20,7		/80	то же, № 80
115	То же	8,19	20,0		/81	то же, № 81
116	То же	8,60	21,0		/82	то же, № 82
117	То же	8,42	21,4		/83	то же, № 83
118	То же	8,51	22,7		/84	то же, № 84
119	То же	8,10	19,3		/85	то же, № 85
120	То же	8,39	21,7		/86	то же, № 86
121	То же	8,41	21,4		/87	то же, № 87
122	То же	8,41	21,0		/88	то же, № 88
123	То же	8,42	20,3		/89	то же, № 89
124	То же	8,16	20,7		/90	то же, № 90
125	То же	8,52	20,5		/91	то же, № 91
126	То же	8,37	22,6		/92	то же, № 92
127	То же	8,10	21,0		/93	то же, № 93
128	То же	8,27	21,5		/94	то же, № 94
129	То же	8,43	20,9		/95	то же, № 95
130	То же	8,16	20,6		/96	то же, № 96
131	То же	8,27	20,2		/97	то же, № 97
132	То же	7,83	20,4		/98	то же, № 98
133	То же	8,03	20,8		/99	то же, № 99
134	То же	8,33	21,2		/100	то же, № 100
135	То же	8,31	20,9		/101	то же, № 101
136	То же	8,92	20,9		/102	то же, № 102
137	То же	8,20	20,6		/103	то же, № 103
138	То же	7,29	19,5		/104	то же, № 104
139	То же	8,39	21,5		/105	то же, № 105
140	То же	8,35	21,3		/106	то же, № 106
141	То же	7,73	20,8		/107	то же, № 107
142	То же	7,87	19,8		/108	то же, № 108
143	То же	8,50	20,1		/109	то же, № 109
144	То же	9,07	21,1		/110	то же, № 110
145	То же	8,03	21,0		/111	то же, № 111
146	То же	8,05	21,7		/112	то же, № 112
147	То же	8,45	20,6		/113	то же, № 113

№№	Место и обстоятельства находки	Вес	Диам.	Оси	Место хранения инв. №	Публикации, примечания
148	То же	8,47	20,6		ИД Н-294/114	Давидович, 1979, клад № 2, № 114
149	То же	8,10	21,0		/115	то же, № 115
150	То же	8,35	22,7		/116	то же, № 116
151	То же	8,36	20,5		/117	то же, № 117
152	То же	8,10	20,5		/118	то же, № 118
153	То же	8,75	21,4		/119	то же, № 119
154	То же	7,98	22,1		/120	то же, № 120
155	То же	8,39	19,8		/121	то же, № 121
156	То же	7,97	20,5		/122	то же, № 122
157	То же	6,37	20,0		/123	то же, № 123
158	То же	8,39	20,4		/124	то же, № 124
159	То же	8,24	21,4		/125	то же, № 125
160	То же	8,20	21,7		/126	то же, № 126
161	То же	8,47	21,0		/127	то же, № 127
162	То же	6,71	20,2		/128	то же, № 128
163	То же	8,27	20,4		/129	то же, № 129
164	То же	7,90	21,3		/130	то же, № 130
165	То же	8,24	21,8		/131	то же, № 131
166	То же	8,38	20,8		/132	то же, № 132
167	То же	6,71	20,9		/133	то же, № 133
168	То же	8,33	20,9		/134	то же, № 134
169	То же	8,51	21,0		/135	то же, № 135
170	То же	8,34	21,1		/136	то же, № 136
171	То же	8,14	19,5		/137	то же, № 137
172	То же	8,17	20,4		/138	то же, № 138
173	То же	8,48	20,1		/139	то же, № 139
174	То же	8,36	19,6		/140	то же, № 140
175	То же	8.59	20,8		/141	то же, № 141
176	То же	8,15	21,3		/142	то же, № 142
177	То же	8,19	20,3		/143	то же, № 143
178	То же	7,65	20,0		/144	то же, № 144
179	То же	8,34	21,0		/145	то же, № 145
180	То же	8,39	19,6		/146	то же, № 146
181	То же	8,05	20,9		/147	то же, № 147
182	То же	8.41	20,3		/148	то же, № 148
183	То же	7,04	20,9		/149	то же, № 149
184	То же	8,29	21,2		/150	то же, № 150
185	То же	8,58	20,6		/151	то же, № 151
186	То же	8,14	21,1		/152	то же, № 152
187	Г-ще Тепаи-Шах, 1972 г. (подъем)	6.77	19,5	I	ИД Н-435/4	Зеймаль, 1983, № 4
188	То же	5,79	21,2	XII	/2	то же, № 2
189	Г-ще Тепаи-Шах, 1972 г., раскоп II, у дневной поверхности	4,83	19,5	XII	/27	то же, № 27
190	Там же, помещ. III А, на полу (у базы)	6,99	21,5		/28	то же, № 28
191	Там же, помещ. IV А, верхний слой	6,52	20,5	XII	/29	то же, № 29
192	Г-ще Тепаи-Шах, 1972 г., некрополь, сооружение 2	7,50	21,5	XII	/40	то же, № 40
193	Хумдон-тепе (оазис Шах), 1972 г, на поверхности	6,99	20,3	III	/80	то же, № 80

№№	Место и обстоятельства находки	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инв. №	Публикации, примечания
194	Г-ще Кафирниган-кала, 1975 г., Р-5, пом. 6, яр. XIV	7,96	22,0	XII	ИД Н-429/6	
195	То же. Р-4 (Ц), завал	7,92	22,9	XII	/12	
196	Шахринау, случайная находка (до 1975 г.)				Шахринау, школа № 30	
197	Г-ще Тахти Сангин, 1976 г. (подъем)	7,32	21,3	XI	ИД Н-430/1	
198	Там же, 1977 г., зал, завал, над 3-м полом	8,86	20,5	XII	/4	
199	Там же, 1978 г., «ботрос» № 3	5,48	19,9	XII	ИД Н-431/131	См. Приложение, клад № 14
200	То же	7,27	21,5	XII	/132	
201	То же	6,43	20,5	I	/133	
202	То же	5,44	20,3	XII	/134	
203	То же	4,33	21,4	XII	/135	
204	То же	5,84	20,5	XII	/136	
205	То же	2,77	20,4		/137	
206	То же	7,45	21,3	XII	/138	
207	Там же, 1978 г., пом. 3, пол № 2 (15 см над материком)	6,82	20,4	XII	/142	
208	Там же, 1978 г. (35 см над материком)	6,22	21,6	XII	/143	
209	Там же, пол № 3 (45 см над материком)	4,99	20,3		/145	
210	Там же, зап. часть зала (рядом с «ботросом» 3), пол № 3	8,42	21,7	XII	/146	
211	Там же, зап. часть зала, пол № 3 (42 см над материком)	7,01	20,3	XII	/147	
212	Там же (40 см над материком)	6,62	21,3	XII	/148	
213	Там же, пол № 2 (30 см над материком)	4,51	20,3	XII	/149	
214	Там же, центр. часть зала, между полами № 4 и 3 (50 см над материком)	5,86	21,4	XII	/151	
215	Там же, вост. часть зала, между полами № 4 и 3 (вместе с III. 31)	4,89	19,7	XII	/153	
216	То же	4,26	20,8	XII	/154	
217	Там же, 1979 г., «ботрос» № 4	6,01	20,8	XII	ИД Н-432/1	см. Приложение, клад № 16
218	То же	6,80	20,4	XII	/2	
219	То же	7,07	20,2	I	/3	
220	То же	6,11	20,5	XII	/4	
221	То же	5,38	20,9	XII	/5	
222	То же	6,43	20,3	XII	/6	
223	То же	6,55	20,4	XII	/7	
224	То же	7,40	19,3	XII	/8	
225	То же	7,75	21,6	XII	/9	

№№	Место и обстоятельства находки	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инв. №	Публикации, примечания
226	То же	6,11	19,8	XII	ИД Н-432/100	см. Приложение, клад № 16
227	То же	6,89	21,3	XII	/11	
228	То же	3,41	17,2	XII	/12	
229	То же	4,40	22,4	XII	/13	
230	То же	6,91	20,5	XII	/14	
231	То же	4,33	20,6	XII	/15	
232	То же	7,63	20,0	XII	/16	
233	То же	4,33	20,7	XII	/17	
234	То же	5,05	20,7	XII	/18	
235	То же	5,53	19,7	XII	/19	
236	То же	6,19	20,0	XII	/20	
237	То же	4,65	18,9	XII?	/21	
238	То же	5,27	19,0	XII	/22	
239	То же	6,82	20,1	XII	/24	
240	То же	6,15	21,4	XII	/23	
241	То же	4,82	18,7	XII	/25	
242	То же	4,66	19,9	XII	/26	
243	То же	6,33	18,6	XII?	/27	
244	То же	7,85	20,8	—	/28	
245	То же	7,47	21,6	XII	/29	
246	То же	7,51	20,6	XII	/30	
247	Г-ще Тахти Сангин, 1979 г., зал. пол № 2 («белый»)	5,54	20,9	XII	/98	
248	То же	5,02	19,2	XII	/99	
249	То же	6,55	20,9	XII	/100	
250	Г-ще Тахти Сангин, 1979 г.	6,42	21,2	XII	/102	
251	То же	7,38	21,6	XI	/103	
252	То же	7.29	20,2	I	/104	
253	Там же, зал, пол № 2 («серый»), 20 см над репером	6,41	20,6	XII	/107	

Малый номинал (медные «$^1/_4$ динара»)

254	Происхождение не известно				ДШ 1884/12	(из колл. А. Е. Маджи)
255	Г-ще Кей-Кобад-Шах, 1952 г., второй слой завала у внутренней стороны оборонительной стены	1,61	—	—	?	Мандельштам — Певзнер, 1958, с. 293—294
256	Г-ще Кей-Кобад-Шах, 1953 г., вост. часть коридора, в тесте кирпича (в завале)		12,0	VIII	ИД Н-376/3	
257	Шахринау, 1967 г., в тесте стены городища (при зачистке)	2,05	13,8	XII	ИД Н-212/5	
258	Г-ще Тепаи-Шах, 1972 г., на поверхности	1,73	14,5	I	ИД Н-435/6	
259	Г-ще Тахти-Кобад, 1979 г., на поверхности	1,30	12,8	XII?	/88	

ГЛАВА XIII. МОНЕТЫ ВИМЫ КАДФИЗА

Кушанский царь Вима Кадфиз, которого обычно отождествляют с упоминаемым в «Хоу Хань шу» сыном и преемником Кюцзюкио (= Куджулы Кадфиза) по имени Янгаочжэнь (архаич. *diem-kog-tyən; древн. *ĭam-kâu-'tyĕn), вошел в историю Кушанского царства как реформатор монетного дела. При нем было положено начало кушанской золотой чеканке, в основе которой лежал динар[44] весом около 8 г. Ни Бактрия, ни Северная Индия до этого не знали регулярной чеканки из золота[45], что породило предположение о прямой зависимости кушанской монетной системы, основанной на золоте, от римской золотой монеты, а кушанские динары рассматривали как римские ауреусы, подвергшиеся перечеканке (Каннингэм, 1892, с. 70). Метрологический анализ (МакДоуэлл, 1960) не позволяет принять такой упрощенный подход и показывает, что вес кушанского динара значительно выше стандарта современных ему римских золотых монет (независимо от принимаемых абсолютных дат Вимы Кадфиза) и совпадает только с весом ауреусов Августа, выпускавшихся в 19—12 гг. до н. э. Наличие в чеканке Вимы Кадфиза четырех номиналов золотых монет — двойного динара, динара, полудинара и четверти динара — также не находит себе аналогий в римском золотом чекане I—II вв. н. э. (ср. Гёбль, 1957, с. 179), да и в сасанидском Иране золотые монеты достоинством в два динара и в половину денара появляются не ранее конца III — начала IV в.[46] Таким образом, вряд ли введение Вимой Кадфизом золотой чеканки непосредственно зависело от ориентации на торговлю с Римской империей, хотя, конечно, не исключено, что в качестве „сырья" для изготовления кушанских золотых монет могли иногда использовать и римские ауреусы (ср. Розенфилд, 1967, с. 19—22).

Создание Вимой Кадзифом монетной системы, основанной на золоте, явно выходит за рамки обычных монетных реформ, происходив-

---

[44] Обозначение этого номинала как „статера", иногда встречающееся в литературе, вряд ли отражает наименование, существовавшее в кушанской среде. В надписях гуптского времени (Флит, 1888, с. 5, 7, 9, 62, 64) золотая монета называется „динар" — название, видимо, восходящее (как и у сасанидской золотой монеты «денар»), к римскому denarius aureus.

[45] Видимо, только при Диодоте, еще сохранявшем традиции селевкидской чеканки, золотые статеры выпускались в Бактрах с какой-то регулярностью (их дошло до нас немногим более двух десятков). Известны единичные золотые монеты Эвтидема и Менандра и уникальные экземпляры индо-сакского или индо-парфянского времени (например, Гарднер, 1886, табл. XXIX, 15), выпуск которых не имел регулярного характера и явно не был рассчитан на обращение.

[46] Правда, при поздних вариантах кушанских абсолютных дат реформа Вимы Кадфиза должна приходиться на середину III в. н. э. и в этом историческом контексте она уже оказывается не необъяснимым феноменом, а вполне закономерным явлением в мировом денежном хозяйстве (Зеймаль, 1974б, с. 292).

ших во вновь образованных государствах эллинистического Востока. Ясно, что объединение разрозненных владений в огромное и могущественное государство, благотворно отразившись на его экономических возможностях, создало условия для проведения такой реформы. Но глубокое исследование причин ее проведения и вполне конкретных особенностей кушанской золотой чеканки при Виме Кадфизе и последующих царях — задача, которая пока остается невыполненной. Переходя к выпуску золотых монет, Вима Кадфиз отказывается от традиционного для этого региона монетного металла — серебра[47], что, как правило, объясняют истощением источников серебра, ссылаясь на ухудшение состава серебра в монетах индо-греческого и, в особенности, индо-парфянского периода. Е. А. Давидович справедливо отмечает, что при исследовании этого вопроса „не должны быть оставлены без внимания оба допущения: истощение запасов серебра и невозможность его мобилизации для монетного чекана" (Давидович, 1976, с. 76). Видимо, не менее серьезную роль должны были играть и конкретные условия денежного обращения в разных областях огромной державы, неодинаковая (как по составу, так и количественно) насыщенность рынка монетной массой в каждой из таких областей и существенно различающиеся местные традиции монетного дела и денежного обращения. Только углубленный анализ монетных находок из разных центров Кушанской державы мог бы дать полное представление о том, как отразилась реформа Вимы Кадфиза на денежном обращении областей и стран, подвластных кушанским царям. По имеющимся в настоящее время данным создается впечатление, что „запрета" на обращение какой-либо монеты в Кушанском царстве не существовало, т. е. не происходило принудительного изъятия из обращения ни монет царей-предшественников, ни монет, выпущенных к моменту возникновения этой державы. Только новые публикации монетных находок могут дать ответ на вопрос, было ли такое положение одинаковым для всех местных рынков внутри государства, каковы были различия между „локальными" рынками и т. п.

Переход к выпуску золотых монет позволил кушанским царям, не разрушая исторически сложившихся в разных частях государства традиций денежного обращения (и столь же традиционного состава монетной массы), занять главенствующее положение на всех рынках державы. Когда золотой динар по праву стал общегосударственной монетой, он, как бы привел к общему „знаменателю" разнородные по составу локальные сферы обращения. О роли медной монеты кушанских царей в этом процессе мы пока можем судить только предположительно. Но если царская медь была твердо соотнесена с царским золотом, то именно она и должна была стать главным инструментом, с помощью которого кушанская верховная администрация пожинала экономические выгоды от реформы Вимы Кадфиза.

Вопрос о роли серебра в денежном обращении Кушанского царства практически никогда не рассматривался, поскольку кушанские цари серебра не чеканили. Но переход к чеканке золотой монеты, вероятно, не означал полного изгнания серебра из денежного обращения. Серебро могло сохранить свои позиции в тех областях, где рынок был к нему

---

[47] Уникальная серебряная монета Вимы Кадфиза, повторяющая типы медных монет (Гарднер, 1886, табл. XXV, 11), обычно рассматривается как «пробный чекан» (Гёбль, 1957, с. 174; Нарайн, 1960, с. 99). Э. Рэпсон (1922, с. 581—582) приписывал Виме Кадфизу еще одну разновидность медных серебряных монет, которые известны по находкам в Таксиле. Ср. Дж. Маршалл (1951, с. 785—786).

приучен, лишь уступив главенствующую роль золоту. Не исключено, что при этом серебро могли продолжать чеканить, но уже не как царскую монету, а от имени вассальных владетелей (с титулами *раджа, кшатрапа* и т. п.).

И, наконец, далеко не всегда учитывается, что причины и особенности реформы Вимы Кадфиза должны были во многом зависеть от государственно-административного устройства, которое пока недостаточно хорошо исследовано. С задачей управления огромными вновь завоеванными территориями, несомненно, столкнулся уже Куджула Кадфиз. Возможно, при нем начала складываться предназначенная для этого государственная „машина", но ее окончательное оформление мы можем проследить, хотя и „пунктирно", только со времени Вимы Кадфиза. Вероятнее всего, и подготовка денежной реформы была одним из мероприятий по упорядочению дел в государстве и велась одновременно с созданием административного аппарата. Те немногие данные о государственном устройстве Кушанского царства, которыми мы, несмотря на их отрывочность и фрагментарность, можем сейчас располагать, приведенные в систему, также могли бы прояснить кое-что в реформе Вимы Кадфиза, особенно если их рассматривать как близкие по времени мероприятия.

Чисто экономический аспект реформы Вимы Кадфиза обычно заслоняет, отодвигает на второй план историко-культурное значение монет, созданных этой реформой. Постепенное накопление новых черт, прослеживавшееся и по монетам Куджулы Кадфиза, подготовило тот „скачок", переход к новому качеству, который демонстрируют монеты Вимы Кадфиза. Устойчивая по содержанию, с четко оформившейся титулатурой, соответствующей высокому рангу главы огромной державы, легенда на его монетах не просто выполнена грамотным резчиком: стабилизировалось ее расположение, устойчивое унифицированное начертание как греческого письма (л. ст.), так и письма кхарошти (об. ст.) выдерживается не только на золотом, но и на чрезвычайно обильном медном чекане, явно изготовлявшемся во многих центрах молодого государства.

Не менее унифицированной и регламентированной до мельчайших деталей предстает перед нами и иконография этих монет. Если золотые монеты Вимы Кадфиза обнаруживают сравнительно большое разнообразие типов л. ст. (выделяется по различию иконографических схем и номиналов 13 типов, внутри которых — по расположению легенды и т. п. деталям — намечается более дробное подразделение на подтипы; ср. Зеймаль, 1965, с. 8), то медные монеты „выдерживают" один и тот же иконографический тип *(царь, стоящий перед алтарем)* на всем протяжении чеканки, без сколько-нибудь существенных отклонений или „поисков". Остается предполагать, что выбор иконографического типа, во многом определившего направление последующего развития кушанской царской иконографии, осуществлялся заранее (и, возможно, не только в связи с монетной чеканкой) и только окончательно принятый вариант „заказа" появляется на монетах, уже сразу — в завершенном виде. Со столь определенно выраженным осознанием прокламационного значение монеты мы никогда не встречались в рассмотренной раньше юэчжийско-кушанской чеканке.

Оборотная сторона всех монет, чеканенных от имени Вимы Кадфиза, занята изображением Шивы (три иконографические схемы: *„стоящий Шива", „стоящий Шива перед быком-зебу"* и *„трезубец-се-*

кира и палица — в жертвеннике") и никаких других божеств на его монетах не изображалось. В легенде кхарошти на об. ст. своих монет (кроме золотых монет в 1/4 динара) Вима Кадфиз прибавляет к титулатуре дополнительный эпитет, никак не отраженный греческой легендой на л. ст. — mahesvarasa = „поклоняющегося Шиве". В сочетании с запечатленной монетами иконографией Шивы[48] этот эпитет в титулатуре достаточно определенно указывает на то, что Вима Кадфиз был приверженцем шиваизма[49]. Мы не знаем, когда произошло его обращение — до воцарения или уже во время пребывания на троне, мы не знаем, последовала ли его примеру вся кушанская верхушка, стоявшая у власти и составлявшая окружение царя, или только какая-то часть, но, несомненно, процесс проникновения индийской культуры в среду завоевателей уже зашел в это время достаточно далеко. Не только экономическое и политическое значение монетной чеканки, но и ее идеологическая роль уже осознавалась царем-реформатором в полной мере: эпитет „поклоняющийся Шиве" стоит только в индийской легенде его монет, но отсутствует в греческой. Как мы увидим дальше, культовая политика и при последующих царях Кушанской державы играла очень важную роль в жизни страны и постоянно находила отражение в монетной чеканке.

Находки золотых монет Вимы Кадфиза на территории Таджикистана (и вообще к северу от Амударьи) не известны. Видимо, во всех музейных собраниях и частных коллекциях мира число дошедших до нас золотых монет Вимы Кадфиза не превышает сотни. Хронологическая систематизация золотого чекана Вимы Кадфиза (учтено около 60 экз. — Зеймаль, 1965, с. 8) позволяет различать три последовательные фазы их выпуска. Медные монеты, для которых характерна большая стандартизация и унифицированность, не обнаруживают признаков, которые позволили бы синхронизировать их с тремя различными типами золотой чеканки. Пока невозможно даже предположительно решить, какая чеканка началась раньше — медная или золотая.

Медные монеты Вимы Кадфиза выпускались трех номиналов (или размеров) — крупные, средние и малые, для которых предлагалось обозначение их как медных „тетрадрахм", „дидрахм" и „драхм" (МакДоуэлл, 1960, с. 69—71). Неустойчивость весовой нормы (в пределах номинала) показывает, что различались они скорее по размеру, чем по весу. Наиболее распространенные монеты Вимы Кадфиза — медные „тетрадрахмы" (рис. 4). Малый и средний номиналы встречаются значительно реже. Соотношение находок на территории Таджикистана (на сто с лишним медных „тетрадрахм" — только одна медная „драхма"), видимо, отражает действительное соотношение частоты

---

[48] Уже на монетах Куджулы Кадфиза в титулатуре появляются эпитеты dharmathidasa и saçadharmathidasa („следующего закону" и „истинно следующего закону"), которые могут быть истолкованы как отражение религиозных симпатий Куджулы. Но никакими другими надежными данными о приверженности этого царя, например, к буддизму или к другим религиям индийского происхождения мы не располагаем.

[49] Ранняя история шиваизма почти не освещена письменными источниками, но можно предполагать (в первую очередь, по иконографии Шивы на монетах Вимы), что Шива, держащий в руках „путы" (paša), олицетворяющие связь души с телесной оболочкой (Грек—Зеймаль, 1963), изображен на монетах Вимы как создатель и верховный властелин мира, что несколько расходится с его обычным местом в средневековом индуистском пантеоне. Эта ипостась Шивы, как она представлена в кушанском монетном пантеоне, предполагает нетерпимость по отношению к другим божествам (Зеймаль, 1963).

встречаемости этих двух номиналов, но в музейных собраниях они представлены более „пропорционально" в силу естественного стремления пополнить собрание более редкими монетами. Все три номинала повторяют одно и то же сочетание иконографических типов лицевой и оборотной сторон, а также легенд греческой и кхарошти. Но известны монеты (как крупного, так и малого номинала), на об. ст. которых место легенды кхарошти занимает обрамление поля ободком из чередующихся продолговатых бусин-черточек и двойных точек.

Рис. 4. Медная «тетрадрахма» Вимы Кадфиза (л. и об. с.)

Увеличено в 2 раза

На л. ст. — царь, стоящий в полный рост. Ноги расставлены, ступни развернуты носками в разные стороны; голова повернута влево. Правая рука опущена вниз, к стоящему слева от царя алтарю-колонке с профилированными верхней и нижней плитами. Рядом с алтарем — вертикально стоящий трезубец с лезвием секиры на древке. Левая рука царя у пояса. Справа от царя (в поле монеты) — вертикально стоящая шишковатая палица с шаровидной рукоятью. На голове царя — высокий закругленный сверху кулах, за которым развеваются свободные длинные концы ленты-диадемы, завязаной на затылке в узел. На царе — кафтан, полы которого закрывают колени. На груди (под подбородком) кафтан застегнут застежкой из двух „шариков", в талии — перетянут поясом, а ниже его полы расходятся.

Справа от фигуры царя (в поле над палицей) — тамга, состоящая из четырехзубчатого навершия и основания в виде незамкнутого в нижней части круга, от наружной стороны которого отходят два изогнутых „уса".

У царя — большая борода. Нос крупный, резко выступающий вперед. Эта манера изображения лица (наряду с обликом костюма) составляет специфику царского изображения на монетах Вимы Кадфиза (как медных, так и золотых). Однако довольно большие различия в чертах лица на разных штемпелях для медных монет (при всей унифицированности чеканки) не позволяют считать, что монетами засвидетельствован сколько-нибудь точный физический портрет Кадфиза II.

Греческая легенда (л. ст.) содержит полный титул и имя царя[50]

BACIΛEYC BACIΛEωN CωTHP MEГAC OOHMO KAΔΦICHC =„царь царей, вели-

---

[50] Такой же полный титул дает только одна из разновидностей золотых монет (*царь на слоне влево / Шива перед быком* — динар) и уже упоминавшийся уникальный серебряный экземпляр из Британского музея.

кий спаситель Вима Кадфиз". Несмотря на разнообразие индивидуальных почерков, общие палеографические особенности на разных экземпвполне устойчивы (в частности, необходимо отметить отсутствие квадлярах ратных форм начертания для *сигмы* и *о микрон*).

На об. ст. медных монет — иконографический тип *Шива в фас перед быком*, известный и в золотом чекане. Обнаженный (или в легких одеждах) Шива (лицо дано в фас) стоит перед горбатым быком-зебу, обращенным головой вправо. Правой рукой Шива опирается на длинный трезубец, локоть согнутой левой руки покоится на спине быка. Тело и ноги Шива опутывают нити, концы которых сходятся к кисти левой руки, — это одно из наиболее ранних в индуистской иконографии изображение символических пут (paša), которые позднее (в том числе и на кушанских монетах) выглядят как петля, от узла которой отходят два свободных конца (иногда напоминает изображение венка).

Голова Шивы представлена на различных штемпелях (но в пределах этого иконографического типа) в различном обрамлении. Иногда — это сложная прическа, в других случаях обрамление больше напоминает сияние вокруг головы, а на отдельных экземплярах перекликается с более поздними (в золотом чекане Васудевы) изображениями трехголового Шивы. Различия в обрамлении (как и ряд признаков на л. ст.) могут быть использованы при разработке более дробной классификации медных монет Вимы Кадфиза.

Легенда письмом кхарошти на об. ст. стандартна и по содержанию, и по начертанию: maharajasa rajadirajasa sarvaloga isvarasa mahesvarasa Vima Kathphisasa tratara [sa] = „царя царей, великого спасителя Вимы Кадфиза, поклоняющегося Шиве".

Ободок из „бусин", иногда заменяющий легенды кхарошти на об. ст. — обрамление, обычное для монет эллинистической Бактрии. Он доживает до кушанского времени не только на редких медных монетах Вимы Кадфиза — такое же обрамление характерно для тетрадрахм „Герая" (л. ст.). известно оно и как устойчивый признак монет „сотера мегаса" 2-й группы.

Добавочный элемент монетного типа об. ст. 30 называется *нандипада* и может быть истолкован как шиваистский символ, но в кушанском чекане он впервые появляется на одной из групп монет Куджулы Кадфиза (Зеймаль, 1967, рис. 1, 4), также располагаясь над изображением быка-зебу, но без Шивы.

* * *

Среди медных монет Вимы Кадфиза, найденных на территории Таджикистана, — остатки двух небольших (или дошедших до нас неполностью) кладов. Один из них состоял из монет Вимы Кадфиза и Канишки I (Давидович, 1979, клад № 3) и был найден на поселении Чимгалыштепе (Кобадианский р-н Курган-Тюбинской обл.) в 1961 г.: три экз. из десяти были монетами Вимы (XIII. 7—9). Другие 9 экз. (XIII. 12—18) принадлежали кладу, найденному в сентябре 1963 г. во время работы экскаватора, „задевшего" археологический памятник во время прокапывания арыка в колхозе «40 лет Октября» (Колхозабад-

ский р-н Курган-тюбинской обл.); имелись ли в этом кладе монеты других кушанских царей, неизвестно.

Монеты Вимы Кадфиза представлены также в трех кладах, которые происходят из раскопок на городище Тахти Сангин (Кобадианский р-н Курган-Тюбинской обл.). Первый из них, найденный в 1977 г. в виде спекшегося монолита с остатками ткани, в которой монеты лежали, находился в проеме № 1, ведущем в Белый зал храма, у ямы № 2, и был спрятан с уровня 4-го пола (о стратиграфии Тахти Сангин: Литвинский — Пичикян, 1981а; Литвинский — Пичикян, 1981б). Клад состоял из медных „тетрадрахм" Вимы Кадфиза (4 экз. — XIII. 28—31), Канишки I (24 экз. — XIV. 42—65), Хувишки (21 экз. — XV. 9—29) и еще одного экземпляра плохой сохранности (предположительно — медная «тетрадрахма» Вимы Кадфиза — см. Приложение, клад № 13).

Две монеты Вимы Кадфиза крупного номинала находились среди монет, найденных в 1978 г. в „ботросе" № 3 (XIII. 31—32) вместе с монетами Антиоха I (1 экз. — II. 382), Эвтидема (1 экз. — III. 52), „Герая" (тетрадрахма и три обола — XI. 9 и 21—23), „сотера мегаса" (8 экз. — XI. 199—206), серебряными подражаниями драхмам Фраата IV с ложным надчеканом (69 экз. — X. 1—69) и одной монетой, которая осталась неопределенной (см. Приложение, клад № 14).

Клад с городища Тахти Сангин 1979 г. („ботрос" № 4) состоял из монет „сотера мегаса" (1-я группа, крупный номинал — 30 экз., XII. 217—246), Вимы Кадфиза (66 экз. — XIII. 35—100) и Канишки I („медный динар" — XIV. 66).

Далеко не все монеты Вимы Кадфиза, обнаруженные во время раскопок, могут быть использованы для датировки слоя. Так, „тетрадрахма" Вимы с городища Кей-Кобад-шах (XIII. 3) залегала в развалинах здания (раскоп I Б) вместе с „позднекушанской" (Дьяконов, 1953, с. 290) медной монетой, а в 50 см над уровнем пола этого здания (т. е. в заполнении) была найдена золотая монета Васудевы (XVII. 2 — „Васудева III", по М. М. Дьяконову)[51]; будучи заведомо более ранней, чем две другие монеты, монета Вимы Кадфиза не имеет в этих условиях датировочного значения. Точно так же „нейтральны" в датировочном отношении не зажатые жестко стратиграфически монеты Вимы Кадфиза с городища Саксан Охур (XIII. 19), с яванского городища Турткуль (XIII. 24, 25) и некоторые другие. Другой пример — находка „тетрадрахмы" Вимы Кадфиза во время раскопок развалин монастыря Уштур-мулло в 1979 г. (XIII. 102): она была найдена на основном (раннем) полу здания в помещении, заложенном на протяжении первого периода функционирования здания, но (учитывая, во-первых, длительность обращения кушанских монет, а, во-вторых, то, что эта монета — единственная) нет оснований датировать возведение здания временем до Вимы Кадфиза, а его функционирование относить к правлению этого царя. Единственная датировка, на которую дает право эта находка, — проход в помещение с монетой Вимы Кадфиза на полу был заложен после того, как эта монета была выпущена (или после

---

[51] М. М. Дьяконов, не учитывая находку „позднекушанской монеты", полагал, что, поскольку золотая монета Васудевы „найдена на 50 см выше уровня пола здания", оно относится „к несколько более раннему времени, чем монета". С таким использованием монет для датировки слоя вряд ли можно согласиться. Г. А. Пугаченкова (1966а, с. 117) отмечает, что на городище Кей-Кобад-шах были найдены обол „Герая", 2 экз. „сотера мегаса" и эта монета Вимы, но умалчивает об остальных двух монетах и совершенно не принимает во внимание условия их залегания.

Вимы Кадфиза), но насколько позже (т. е. при Канишке, при Васудеве или даже еще позднее) — неизвестно.

Вряд ли может быть использована для датировки и монета Вимы Кадфиза из могильника близ Турдаи Калон в Аштском районе (XIII. 20). Просверленное в ней отверстие показывает, что монета эта использовалась как украшение (т. е. была демонетизирована), да и найдена она далеко за пределами основного ареала таких монет.

Географическое распределение монет Вимы Кадфиза (если оставить в стороне экз. XIII. 20) дает картину, характерную для находок кушанских монет (включая и „сотера мегаса") в Таджикистане. Они сосредоточены в долинах Южного Таджикистана (долины нижнего течения рек Кызылсу, Вахш и Кафирниган и Гиссарская долина, а также полоса вдоль правого берега Амударьи). Несколько особняком пока стоит находка в Хороге (XIII. 6) — первая находка кушанской монеты на Памире. Ее можно рассматривать и как далекий „выплеск" за пределы основного ареала на восток (как аштская находка — на север). Однако поскольку и по археологическим, и по лингвистическим данным заселение Памира народами восточноиранской языковой группы относят к кушанскому времени, не исключено, что монета Вимы Кадфиза из Хорога — первое нумизматическое свидетельство, подкрепляющее эту гипотезу.

Сходную картину позволяют составить сведения о распространении монет Вимы Кадфиза в Узбекистане (Массон, 1941, с. 32—33; Пугаченкова, 1966а, с. 117—118; Пугаченкова, 1967, с. 75, 77, 79, 84; Пугаченкова — Ртвеладзе, 1971, с. 105, 109—110; Ртвеладзе, 1974, с. 76, 78; Ртвеладзе — Федоров, 1972, с. 82; Пугаченкова и др., 1978, с. 228—231), где они представлена в находках в Термезе (с округой) и в долине Сурхандарьи. Детальные сведения о стратиграфическом залегании монет Вимы Кадфиза и об их совместных находках с другими кушанскими монетами на городище Дальверзинтепе (две монеты „сотера мегаса" и одна Вимы Кадфиза в слое третьего периода на раскопе ДТ-7 — Пугаченкова и др., 1978, с. 84; в пом. 5 на раскопе ДТ-2 на полу монета Вимы Кадфиза, „там же, но несколько выше" — монета Канишки, а в этом же слое „на полу одной из комнат и во дворике" — две монеты „сотера мегаса", под полом пом. 5 — подражание монете Гелиокла — там же, с. 69—70; на полу хумханы ДТ-11 — из „15 разбросанных в разных местах медных монет" 3 экз. Канишки, 7 экз. Хувишки, „три кушанские с неразличимыми изображениями", „одна тоненькая, неопределенная" и одна — Вимы Кадфиза[52] — там же, с. 173, ср. с. 228; в загородном буддийском святилище ДТ-1 монеты „сотера мегаса" и Вимы Кадфиза обнаружены в обмазке пола пом. № 6 — там же, с. 92) и на других памятниках дают примерно такую же картину, что и материалы из Южного Таджикистана. Особо необходимо отметить небольшой кладик медных монет (хумхана ДТ-11, в углу за хумом), состоящий из 4

---

[52] Этот экземпляр почему-то не был включен Г. А. Пугаченковой в перечень монет, сопровождающий описание раскопа и находок (с. 173), но фигурирует в написанном Э. В. Ртвеладзе разделе „Монетные находки на Дальверзинтепе» (с. 228, № 22). Есть и другие мелкие расхождения между сводным описанием монет и описаниями отдельных раскопов. но существенным образом это не влияет на выводы, которые можно сделать по этой публикации. Так, № 19 (с. 228) в описании раскопа совсем не упоминается (ДТ-2, пом. 11/III), как и № 23 (с. 228 — ДТ-6). В перечне монет не упоминается найденная на раскопе ДТ-6 вместе с монетой „сотера мегаса" монета Канишки из пом. 10 (ср. с. 5 и с. 230): видимо, первоначальное ее определение изменилось.

„тетрадрахм" Вимы Кадфиза и 7 экз. Канишки; он напоминает по составу кладик с Чимгалыштепе, о котором уже говорилось выше.

Хотя в среднеазиатских музейных собраниях медные монеты Вимы Кадфиза представлены достаточно хорошо (Термезский музей — 14 экз., Самаркандский музей — 24 экз., Ташкентский музей — 22 экз.), их находки за пределами южных районов Таджикистана и долины Сурхандарьи практически не известны. Две монеты Вимы Кадфиза найдены на городище Мирзабеккала (на поверхности) в 2,5 км к западу от поселка Головное (побережье среднего течения Амударьи — Пилипко, 1978, с. 92). Из многочисленных находок кушанских монет в Хорезме (обычно они очень плохой сохранности и часто — с клеймами-перечеканками) только одна, возможно, является монетой Вимы Кадфиза (или Канишки); она была найдена в районе Кум-Баскак-калы (Вайнберг, 1977, с. 178, № 15) и точному определению не поддается.

Использование монет Вимы Кадфиза в археологической практике с датировочными целями возможно только с учетом длительности их обращения (как и других кушанских медных монет) и того, что кушанская абсолютная хронология остается неустановленной (допустимый диапазон колебаний дат Вимы Кадфиза: от второй половины I в. н. э. при НДК —100—110 г. и до второй или третьей четверти III в. н. э. при НДК —278 г.). Особенно осторожно следует подходить к датировке по единичным экземплярам в слое (комплексе), верхняя дата которого не ограничена стратиграфически. Как показывает клад 1977 г. с городища Тахти Сангин и ряд других находок (в том числе, видимо, и дальверзинтепинская находка монет, разбросанных на полу в хумхане), медные „тетрадрахмы" Вимы Кадфиза находились в обращении вплоть до времени Хувишки (включительно), а может быть и позднее.

XIII. МОНЕТЫ ВИМЫ КАДФИЗА. ТАБЛ. 21.

№№	Место и обстоятельства находки	Вес	Диаметр	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
1	Не известно (до 1948 г.)	16,3	27		ДМ 1395/2	Забелина, 1952, с. 77, № 10, табл. II, 2
2	Душанбинское г-ще, 1950 г., при строительстве канала	15,15	25—27		ДМ 1395/3	то же, № 11
3	Г-ще Кей-Кобад-Шах, 1950 г., раскоп I Б	15,90	25,0		?	Дьяконов, 1953, с. 290
4	Г-ще Кей-Кобад-Шах, 1952 г., второй слой завала у внутренней стороны оборонительной стены	15,64				Мандельштам-Певзнер, 1958, с. 293—294
5	Шахринау (случайная находка), 1954 г.	16,41	27,2	XII	ИД Н-17/3	Зеймаль, 1960, № 1
6	Г. Хорог (территория аэропорта), 1957 г.	15,12	26,7	XII	ИД Н-50/6	то же, № 2
7	Поселение Чимгалыш-тепе (Кобадианский р-н), раскопки 1961 г. (в дерновом слое)	15,61	27,8	XII	ИД Н-69/1	см. Приложение, клад № 4
8	То же	14,60	27,8	XII	/2	
9	То же	16,77	27,0	XII	/3	
10	Шахринау (случайная находка), 1961 г.	15,70	27,8	XII	ИД Н-190/1	
11	Яванское г-ще, осень 1963 г., подъем	14,35	26,6	—	ИД Н-68/8	
12	Г-ще в колхозе «40 лет Октября» (Колхозабадский р-н), 1963 г.	13,11	26,2	XII	ИД Н-236/1	см. Приложение, клад № 6
13	То же	12,33	26,9	XII	/2	
14	То же	13,80	25,2	XII	/3	
15	То же	9,18	25,4	—	/4	
16	То же	13,54	26,6	XI	/5	
17	То же	12,84	27,2	—	/6	
18	То же	12,05	26,3	—	/7	
19	Г-ше Саксан Охур, 1967 г., раскоп 2, зал, заполнение в с-з углу	12,44	26,7	XII	ИД Н-202/6	
20	Аштский р-н, могильник близ Турдаи Калон, погребение № 5, 1967 г.	10,00	25,5	XII	ИД Н-299/6	
21	Шахринау (случайная находка), 1967 г.	15,75	27,7	XII	ИД Н-255/4	
22	Г-ще Тепаи Шах, 1972 г. (на поверхности)	15,81	27,9	XII	ИД Н-435/7	Зеймаль, 1983, № 7
23	Г-ще Тепаи Шах, 1972 г., некрополь, сооружение II	15,41	26,8	XII	/44	то же, № 44
24	Г-ще Турткуль (Яванский р-н), 1975 г., раскоп 3, штык 2	15,76	28,7	XII	ИД Н-408/1	Абдуллаев, 1980, с. 90—91
24а	Г-ще Кафирниган-кала, 1975 г., раскоп 5, помещ, 2, над полом	15,78	26,6	XII	ИД Н-429/8	

№№	Место и обстоятельства находки	Вес	Диаметр-	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
25	Г-ще Турткуль, 1976 г., раскоп 1, помещ. 4, уровень среднего пола	16,19	27,4	XII	ИД Н-408/3	Абдуллаев, 1982, с. 61
26	Шаартуз, 1976 г., разрушенное тепе близ аэропорта	16,68	18,1	XII	ИД Н-418/46	
27	Г-ще Татхи Сангин, 1977 г., сев. коридор, завал над уровнем III строит. периода	16,69	31,0	XII	ИД Н-430/4	
28	То же, зал, в проеме № 1 (под 4-м полом)	16,39	27,6	XII?	/6	см. Приложение — клад № 13
29	То же	16,18	21,7	I	/7	
30	То же	16,13	28,1	I?	/8	
31	То же	14,33	26,1	XII	/9	
32	Г-ще Тахти Сангин, 1978 г., «ботрос» № 3	13,95	27,3	XII	ИД Н-431/85	см. Приложение — клад № 14
33	То же	14,03	30,9	XII	/86	
34	Г-ще Тахти Сангин, 1978 г., зал, пол № 3 (45 см над материком)	15,17	29,3	XII	/89	
35	Г-ще Тахти Сангин, 1979 г., «ботрос» № 4	13,90	26,5	XII	ИД Н-432/31	см. Приложение — клад № 16
36	То же	10,24	27,0	XII	/32	
37	То же	13,30	26,5	XII	/33	
38	То же	12,42	26,4	I	/34	
39	То же	13,85	27,2	XII	/35	
40	То же	9,74	27,1	XII	/36	
41	То же	13,07	25,7	XII	/37	
43	То же	12,75	26,8	XII	/38	
42	То же	12,70	26,8	XII?	/39	
44	То же	14,27	28,5	XII	/40	
45	То же	12,15	29,1	XII	/41	
46	То же	14,47	27,7	XII	/42	
47	То же	14,04	26,2	XII?	/43	
48	То же	11,38	28,4	XII	44	
49	То же	11,03	25,7	XII	/45	
50	То же	13,49	25,9	XII	/46	
51	То же	11,54	28,0	XII	/47	
52	То же	11,98	27,3	XII	/48	
53	То же	15,28	28,4	XII	/49	
54	То же	14,48	29,7	XII	/50	
55	То же	14,08	27,4	XI	/51	
56	То же	10,69	27,1	XII	/52	
57	То же	12,52	27,6	XII	/53	
58	То же	14,19	28,3	XII	/54	
59	То же	11,72	27,8	XII	/55	
60	То же	14,01	27,9	I	/56	
61	То же	12,48	28,8	XII	/57	
62	То же	12,89	26,3	I	/58	
63	То же	12,08	27,2	I	/59	
64	То же	12,48	28,1	XII	/60	
65	То же	15,10	27,9	XII	/61	
66	То же	13,54	26,7	XII	/62	
67	То же	13,40	26,9	XII	/63	
68	То же	13,88	27,1	XII	/64	
69	То же	13,75	25,9	XII	/65	

№№	Место и обстоятельства находки	Вес	Диаметр	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
70	То же	13,24	27,8	XII	/66	
71	То же	15,05	27,7	XII	/67	
72	То же	11,82	16,9	XII	/68	
73	То же	14,95	26,5	XII	/69	
74	То же	15,03	25,6	XII	/70	
75	То же	13,63	28,5	I	/71	
76	То же	14,88	26,8	XII	/72	
77	То же	14,20	27,1	XII	/73	
78	То же	12,98	26,5	XII	/74	
79	То же	14,15	27,3	XII	/75	
80	То же	13,68	28,2	XII	/76	
81	То же	15,02	27,8	XII	/77	
82	То же	9,56	27,8	I	/78	
83	То же	13,53	27,1	XII	/79	
84	То же	13,74	28,2	I	/80	
85	То же	11,63	28,4	XII	/81	
86	То же	12,26	28,9	XII	/82	
87	То же	10,01	25,6	XII	/83	
88	То же	12,45	27,9	XII	/84	
89	То же	14,67	25,4	XII	/85	
90	То же	10,12	26,8	XII	/86	
91	То же	12,91	27,2	XII	/87	
92	То же	13,81	26,8	XII	/88	
93	То же	11,38	25,2	I	/89	
94	То же	8,33	26,2	XII	/90	
95	То же	11,62	27,7	XII	/91	
96	То же	11,47	27,8	XII	/92	
97	То же	14,09	26,6	XII	/93	
98	То же	13,81	27,4	XII	/94	
99	То же	8,83	27,3	—	/95	
100	То же	11,98	27,9	XII	/96	
101	Шахринау (случайная находка), 1978 г.	16,87	27,1	XII	ИД Н-473/8	
102	Развалины монастыря Уштур-мулло, 1979 г., пом. № 1, основной пол	14,57	26,9	XII	ИД Н-486/10	
103	Г-ще Катта-Джелаир (Гиссарский р-н), 1979 г., на поверхности	5,24	17,7	—	ИД Н-473/5	
		14,77	26,7	XII?	ИД Н-486/14	вместе с монетой Канишки III — XVII. 37
104	Развалины монастыря Уштур-мулло, 1981 г., помещ. 20, завал над верхним полом					

ГЛАВА XIV. МОНЕТЫ КАНИШКИ I

Имя следующего кушанского царя, находки монет которого представлены на территории Таджикистана, — Канишка, — пожалуй, наиболее прославленное среди имен кушанских царей, в первую очередь, благодаря буддийской традиции. Но крупицы достоверных сведений об этом царе настолько тесно переплетены в буддийских источниках с легендами, что не могут служить опорой для историка. В частности, противоречивые даты жизни Канишки, отсчитывавшиеся буддистами прямо или косвенно от даты нирваны Будды, не способны прояснить проблему кушанской абсолютной хронологии (Зеймаль, 1968, с. 68—71).

Эпиграфические памятники, упоминающие Канишку и датированные годами его правления, служат опорой для установления относительной хронологии Кушанского царства. Непосредственная преемственность Канишки I по отношению к его предшественнику — Виме Кадфизу устанавливается, как уже отмечалось выше, по нумизматическим данным. Сейчас известно 20 надписей, упоминающих Канишку. Датированы они 1—3, 5, 8—11, 17, 18, 20 и 23 годами его царствования. Кроме того, в трех надписях дата не читается, в одной она не была проставлена (Зеймаль, 1965, с. 32—37).

Монеты Канишки I, наряду с эпиграфическими материалами, являются единственными надежными документами, относящимися ко времени правления этого царя. Как и при Виме Кадфизе, при Канишке I чеканились золотые и медные монеты.

Золотые монеты выпускались достоинством в динар и в четверть динара (XIV. **07, 08**). Общее число дошедших до нас золотых монет *этого царя, видимо, составляет примерно две сотни экземпляров.* Классификация, учитывающая 112 экз. (Зеймаль, 1965, с. 8—9), позволила выделить десять типов для л. ст. золотых монет Канишки и двадцать шесть для об. ст. Если на об. ст. монет Вимы Кадфиза (как золотых, так и медных) изображалось только одно божество — Шива, то при Канишке I происходит резкое расширение состава монетного пантеона. Рядом с изображением на об. ст., начиная с монет Канишки I, помещается легенда, содержащая имя божества. На золотых монетах Канишки I мы находим имена и изображения Гелиоса (XIV. **01**), Селены, Гефеста, Нанайи (XIV. **02**) или Наны (иногда с титулом „царица" — XIV. **010**), Михра (XIV. **04, 06**), Маха (XIV. **07, 013**), Атеша (XIV. **08**), Виша = Шивы (XIV. **03, 05**), Вретрагны, „бога Манаха" (XIV. **011** — амешаспента Вохуманах?), бога „Маздована", Друваспа (XIV. **012**), Фарра (XIV. **09**), богини Ардохш (XIV. **014**) и Будды.

Иконографическая преемственность золотых монет Канишки I по отношению к монетам Вимы Кадфиза прослеживается достаточно определенно по типам л. ст. Композиционная схема *поясной портрет царя*

влево, преобладающий на динарах Вимы Кадфиза, встречается и при Канишке, но только на монетах достоинством в четверть динара (XIV. 08). На динарах Канишки I всегда помещалась иконографическая схема *царь влево перед жертвенником* (XIV. **01, 03, 07, 09, 013, 014**), явно восходящая к композиционной схеме л. ст. медных монет Вимы Кадфиза. Существенные перемены при Канишке I претерпевает об. ст.: изменяется не только содержание типов (вводятся ранее не изображавшиеся божества и легенды с именами), но и общие принципы оформления реверса. Традиционным (по отношению к монетам Вимы Кадфиза) остаются только факт присутствия на об. ст. божества и изображение рядом с ним тамги.

Серьезные изменения происходят и в монетной легенде. Во-первых, на монетах Канишки I (и на монетах всех последующих кушанских царей) перестает употребляться легенда письмом кхарошти, ранее занимавшая место на об. ст., т. е. легенды на кушанских монетах перестают быть двуязычными. И на л. ст., и на об. ст. сперва помещаются только грекоязычные легенды, а поле об. ст. обрамляет ободок из точек. Известны и золотые, и медные монеты Канишки I с грекоязычной легендой, но (по сравнению с остальной чеканкой этого царя) они довольно редки и выпускались, видимо, совсем недолго.

Следующий этап в преобразовании монетного дела при Канишке I — замена греческой легенды на л. и об. ст. бактрийской, выполненной несколько иной модификацией греческого алфавита, чем грекоязычные легенды. Поскольку все остальные монеты Канишки I и монеты последующих кушанских царей содержат только бактрийскую легенду, а греческую легенду на немногочисленных монетах Канишки I можно рассматривать как результат преемственности по отношению к монетам Вимы Кадфиза, выделение грекоязычных монет Канишки I в качестве первой фазы в его чеканке можно считать твердо установленным (XIV. **01**).

Последовательность чеканки остальных золотых монет Канишки I определяется по изменениям, которые обнаруживают типы л. и об. ст. (и, в частности, по усложнению такой важной детали царской иконографии, какой является головной убор царя — ср. XIV. **01, 04, 09, 013**), а отправным моментом, опорным для ориентации этого типологического ряда во времени, служит состояние типов монет, отнесенных к 1-й фазе. *При переходе от 1-й фазы ко 2-й (XIV. 03—08) с греческого на бактрийский* язык переводится не только легенда л. ст., но и имена божеств на об. ст.: Гелиос, Селена, Гефест и Нанайа без каких-либо перемен в их иконографии получают новые, местные имена — Михр, Мах, Атеш и Нана. Особенно показательно „превращение" женского лунного божества Селены в несомненно мужское божество по имени Мах. Все эти перемены при переходе от 1-й ко 2-й фазе в чеканке Канишки I прослеживаются как в золотой, так и в медной чеканке (медными монетами засвидетельствованы переходы Гелиос → Михр и Нанайа → Нана). Видимо, нет оснований причислять к собственно кушанскому пантеону Гелиоса, Селену и Гефеста, поскольку перевод этих имен с греческого языка на бактрийский не сопровождается изменением атрибутов божеств, их позы и других элементов иконографии, т. е. греческие имена божеств на монетах 1-й фазы — результат грекоязычности этих монет, а не религиозных перемен в Кушанском царстве или — более узко — при дворе кушанского царя. О продолжительности 1-й фазы дает примерное представление количество грекоязычных динаров Канишки I, до-

шедших до нас, — их всего 5 экз. (из учтенных 112 золотых монет этого царя). Монеты в четверть динара с греческой легендой пока не известны, медные монеты (с Гелиосом и с Нанайей на об. ст.) встречаются очень редко.

Золотые монеты Канишки I с бактрийской легендой составляют 2-ю, 3-ю и 4-ю фазы его чеканки. Ко 2-й фазе относятся экземпляры, на л. ст. которых царь изображен в такой же диадеме или кулахе, как и на монетах 1-й фазы (ср. XIV. **01** и **04, 07, 08**). Более развитые в типологическом отношении формы царского головного убора позволяют различать монеты 3-й („тиара с ажурным околышем" и „тиара с козырьком" — XIV. **09**) и 4-й („тиара с полями" — XIV. **013**) фазы (последняя выделяется по наибольшему сходству с монетами следующего царя).

Состав типов об. ст. на протяжении 2-й, 3-й и 4-й фаз не остается неизменным. На монетах 2-й фазы (помимо Михра, Маха, Атеша и Наны, обнаруживающих непосредственную иконографическую преемственность к соответствующим типам об. ст. 1-й фазы) появляется только один новый персонаж (XIV. **03**) — четверорукое мужское божество с гирляндой на груди и с браслетами на руках, одетое в дхоти, закрывающее ноги до колен; в правой нижней руке — продолговатый сосуд (позже — сосуд и анк), в правой верхней — небольшой двойной барабанчик, в левой верхней — длинный трезубец, у левой нижней руки — стоящая на задних ножках антилопа. Стоящее рядом имя божества

OHϷO = Виш (или Виша)[35], равно как и трезубец в левой верхней

руке и все остальные атрибуты этого персонажа, показывают, что перед нами изображение Шивы, но в совершенно иной инкарнации по сравнению с изображениями этого бога на монетах Вимы Кадфиза[36].

На монетах 3-й фазы изображаются все божества, присутствовавшие на монетах 2-й фазы (кроме бога Атеша), и появляются совершенно новые — Вретрагна, „бог Манах" (XIV. **011**), „Маздован", Будда, Друваспа (XIV. **012**), Фарр (XIV. **09**) и Ардохш. И, наконец, на монетах 4-й фазы, для которой в целом характерно снижение художественных достоинств монеты (огрубление, схематизация, искажение деталей в изображениях и появление ошибок в легендах), сокращается число типов об. ст.: продолжают изображаться Михр, Мах (XIV. **013**), Виша = Шива и Ардохш (XIV. **014**).

Как и в других случаях, продолжительность каждой из фаз не известна, но примерный количественный масштаб могут дать цифры распределения по фазам дошедших до нас экземпляров. Из учтенных 112 золотых монет Канишки I к 1-й фазе относятся 5 экз., ко 2-й — 42, к 3-й — 53 и к 4-й — 12 экз.

Медные монеты Канишки I не обнаруживают ни в иконографических типах л. и об. ст., ни в легендах, ни в оформлении монетного кружка принципиальных отличий от золотого чекана. Предлагавшиеся

---

[35] Чтение этого имени и его этимология (Флит, 1907, с. 1045, прим. 1; Марик, 1958, с. 425; Дюшень—Гюйёмин, 1962, с. 240) восходят к зафиксированным в литературных памятниках именам Шивы и могут считаться твердо установленными. Чтение «Охшо», которое можно встретить в литературе, является только неточной транслитерацией этой легенды, нет никакой связи между этим божеством и Оксом-Вахшем (ср. Дьяконов, 1953, с. 290, ошибка которого повторена во многих работах Г. А. Пугаченковой — например, Пугаченкова, 1979, с. 158).

[36] Об этих различиях, имеющих принципиальный характер, см.: Зеймаль, 1963.

для них обозначения (медные „тетрадрахмы", „дидрахмы" и „драхмы") условны, а разные номиналы, видимо, далеко не всегда хронологически параллельны.

Последовательность чеканки медных монет этого царя не может быть установлена, пока подавляющее число дошедших до нас экземпляров остается неопубликованным. По очень приблизительной оценке, медные монеты Канишки I, накопленные сейчас в музейных и частных коллекциях, должны исчисляться тысячами; опубликовано же (с хорошими воспроизведениями и точными техническими данными) в каталогах и статьях, рассеянных по разным изданиям, вряд ли многим более, чем полтораста — двести экземпляров. Поэтому здесь придется ограничиться кратким перечнем известных в настоящее время разновидностей медных монет Канишки I, отметив те признаки и особенности, которые могут быть использованы в дальнейшем при разработке относительной хронологии медных монет этого царя и ее синхронизации с золотой его чеканкой.

Медные монеты с греческой легендой находят себе прямое соответствие в золотых монетах 1-й фазы. Сохранность монет далеко не всегда позволяет различать детали изображений, но на грекоязычных медных монетах (как и на золотых) царь изображался или в кулахе, или только в диадеме. Полностью повторяются на медных монетах и иконографические типы об. ст., сопровождаемые грекоязычной легендой, но на меди пока засвидетельствованы изображения только двух божеств (на грекоязычных золотых монетах их четыре) — а) Гелиоса и б) Нанаи (XIV. **02**). Эти монеты — наиболее ранние среди медных монет Канишки I. Их размеры (диаметр 21—22 мм, вес „медного динара" около 6—7,5 г)[37] свидетельствуют о довольно резкой смене номинала для меди (по сравнению с монетами Вимы Кадфиза) на первом этапе чеканки Канишки I.

Видимо, отчасти параллельны 2-й фазе золотой чеканки Канишки I золотые монеты с изображениями на об. ст. в) Михра, г) Наны и д) Виши = Шивы (XIV. **05**), уже содержащие бактрийскую легенду, но по особенностям царской иконографии на л. ст. и размерам („медный динар") очень тесно примыкающие к грекоязычным медным монетам. О параллельности этих монет 2-й фазе золотой чеканки свидетельствует и репертуар типов об. ст. Других монет „среднего номинала" в медной чеканке Канишки I не известно — очевидно, позднее происходит возврат к выпуску меди „крупного номинала" („медные тетрадрахмы").

Для всех медных монет крупного номинала характерна иконографическая схема л. ст. *стоящий царь влево перед жертвенником* и бактрийская легенда. При этом, как правило, на голове царя — кулах. Можно предполагать, что на некоторых экземплярах царь показан в каком-то ином головном уборе, напоминающем „тиару", но более определенно судить о различиях деталей головного убора (и тем более сопоставлять эти головные уборы на меди с „тиарами", засвидетельствованными в золотой чеканке) не позволяет сохранность доступных мне монет.

---

[37] Размеры золотых и медных грекоязычных монет Канишки I полностью совпадают. С этой точки зрения для „среднего номинала" монет Канишки I из меди более подошло бы название „медный динар", а не „медная драхма" (см. выше о „медных динарах" в чеканке „сотера мегаса").

Медные монеты Канишки I крупного номинала различаются иконографическими типами об. ст. (как правило, они находят себе соответствие в иконографических схемах об. ст. для золотых динаров):

е) бог Михр (MIOPO — XIV. 06) изображен стоящим в фас, но голова повернута влево; правая рука вытянута вперед, левая, согнутая в локте, — у пояса; облачение состоит из доходящего до колен свободного хитона, поверх которого — гиматий, одетый как плащ; главный опознавательный атрибут Михра — контурный нимб вокруг головы, от которого отходят лучи;

ж) бог Мах (MAO) изображен в той же позе и в том же одеянии, что и Михр, но его отличительный атрибут — рога полумесяца, которые видны за его плечами;

з) богиня Нана (NANA), культ которой был связан с почитанием живой природы (Тревер, 1958, с. 137), представлена стоящей в рост вправо, в свободном одеянии, закрывающем щиколотки ног; на голове — диадема, украшенная спереди небольшим полумесяцем, в левой руке — чаша, в правой — короткий жезл с навершием в виде протомы льва (деталь эта не всегда различима на медных монетах);

и) бог Виша = Шива (OҺPO), изображенный четвероруким, как на золотых и на более ранних медных монетах Канишки I, но без антилопы у левой нижней руки (она изображалась только на динарах);

к) бог Атеш (AΘPO), отличительными атрибутами которого в кушанской монетной иконографии были хорошо различимые языки пламени у плечей. В золотой чеканке Канишки I это божество присутствует только на монетах 2-й фазы, но, вероятно, нельзя ожидать полного соответствия между золотой и медной чеканкой и считать монеты из меди с изображением Атеша синхронными только 2-й фазе чеканки из золота;

л) изображение бородатого божества в коротком дхоти, бегущего влево и держащего в поднятых вверх руках развевающийся „шарф", сопровождается легендой с именем кушанского бога ветра Вада (OADO). Иногда стремительность его движения подчеркнута также изображением стоящих вертикально или развевающихся волос, а также переплетением линий в поле рядом с фигурой божества, изображающим „вихрь". Не известно ни одного случая изображений Вада на кушанских золотых монетах, но на медных монетах Канишки I (и затем Хувишки) его изображения не редкость;

м — н) два иконографических типа, изображающих стоящего Будду (композиционная схема аналогична изображениям Будды на золотых монетах) и Будду сидящего[38].

Этим исчерпывается репертуар типов об. ст. на медных монетах Канишки I. Необходимо также кратко остановиться на монетах, чеканен-

---

[38] Детальному исследованию монет Канишки I с изображениями Будды посвящена работа японского исследователя К. Танабэ (1974), в которой учтено 3 золотых и 16 медных монет. Их относительная хронология, которую предлагает этот исследователь, построена на стилистическом анализе изображений Будды на монетах, но совершенно не учитывает общего нумизматического контекста всех остальных монет Канишки I.

ных от имени Канишки, но обладающих целым рядом признаков (контурный нимб вокруг головы царя; пластинчатый панцирь и шлем вместо матерчатого кафтана и тиары в облачении царя; особенности палеографии греческой легенды и присутствие на некоторых из них знака *ти* письма кхарошти и др.), позволяющих не только выделить их как особый, не связанный с Канишкой I, чекан, но и помещать их значительно позднее монет Канишки I. Предположение о принадлежности этих монет Канишке II (Зеймаль, 1967, с. 69—74), позволяющее отнести их чеканку ко времени правления Хувишки, было выдвинуто как одно из возможных, за отсутствием столь же (или более) вероятной альтернативы. На таком определении можно было бы настаивать, если бы имелись какие-то иные свидетельства царствования Канишки II, кроме единственной надписи из Ара, относящейся (судя по дате в надписи) к 41 г. эры Канишки. Во всяком случае, эта более поздняя группа монет легко отличима от описанной выше медной чеканки Канишки I по фактуре, по иконографическим типам л. и об. ст., по различиям в „номиналах" и другим чисто внешним особенностям, т. е. опознавать эти выпуски и отличать их от остального чекана Канишки I, видимо, необходимо, независимо от того, будет ли признана их принадлежность Канишке II.

Монеты „Канишки II" выпускались двух номиналов: крупного и малого. Опознавательным признаком для монет крупного номинала могут служить более высокий рельеф изображений и наличие вокруг головы царя контурного нимба на л. ст. (иконографический тип *стоящий царь влево перед алтарем*). На об. ст. монет крупного номинала — выполненные по обычным для монет Канишки I иконографическим схемам, но со значительными отклонениями в деталях изображения Маха, Наны, четвероруκого Виша = Шивы и Вада.

Монеты малого номинала (диаметр около 16—18 мм, вес около 3,5—4,5 г) чеканены с л. ст. штемпелями, выполненными по трем иконографическим схемам: *царь перед жертвенником влево, царь на троне* и *погрудный портрет царя влево* (восходит непосредственно к иконографической схеме, засвидетельствованной только золотыми монетами Канишки I в четверть динара).

Царь перед жертвенником влево на л. ст. сочетается на монетах малого номинала с изображениями Наны, двурукого Виши = Шивы (на монетах Канишки I он не известен, но появляется в медной чеканке Хувишки), Маха, Михра и Вада (может быть обращен не только влево, но и вправо).

Иконографический тип л. ст. *царь на троне* известен в сочетании с изображением на об. ст. Маха, иконографический тип *погрудный портрет царя влево* — с изображением Наны.

Среди монет Канишки I, происходящих с территории Таджикистана, имеются два золотых динара: один был найден где-то в районе Куляба (до 1949 г.), другой — близ селения Узун в Вахшской долине[39] (Колхозабадский р-н). Обе монеты с бактрийскими легендами: первая — с изображением на об. ст. четвероруκого Виша = Шивы (как XIV. **03**), вторая — Михра (как XIV. **04**) и относятся к 3-й фазе чеканки Канишки I (ср. XIV. **09**).

Находок золотых кушанских монет к северу от Амударьи вообще зарегистрировано очень мало. Помимо таджикистанских динаров Ка-

[39] Осмотрен в 1959 г. Ее местонахождение в настоящее время мне не известно.

нишки I можно указать еще на приведенные М. Е. Массоном (1936, с. 103) данные о находке в 1904 г. на горе Ходжа Гульсуар в окрестностях Термеза золотой монеты Канишки I (без описания и сведений о ее дальнейшей судьбе). В какой мере эти скудные данные отражают частоту находок кушанских золотых монет в Средней Азии, судить трудно.

Ареал находок медных монет Канишки I на территории Таджикистана охватывает, как и для монет „сотера мегаса" и Вимы Кадфиза, только южные районы республики. В прилагаемом ниже перечне учтены (помимо двух динаров) 71 медная монета Канишки I (в том числе 2 „медных динара") и одна монета „Канишки II" малого номинала (XIV. 72).

На об. ст. определяются (с разной степенью уверенности) изображения Вада (17 экз.), Михра (9 или 10 экз.), Атеша (5 или 6 экз.), богини Наны (6 экз.), Маха (6 экз.) и четвероруκого Виша = Шивы (5 экз). Сохранность остальных монет не позволяет различить тип об. ст.

Примерно такой состав типов характерен для монет Канишки I, хранящихся в среднеазиатских музеях (Термезский музей — 30 экз., Самаркандский музей — 18 экз., Ташкентский музей — 45 экз.). Среди таджикистанских находок не представлены грекоязычные „медные динары", которые присутствуют в собраниях перечисленных музеев (2 экз. с Гелиосом и 1 экз. с Нанайей на об. ст. — в Термезском музее, 2 экз. с Нанайей — в Самаркандском музее, 6 экз. с Гелиосом на об. ст. — в Ташкентском музее). Но, видимо, эта диспропорция — лишь результат сознательного отбора необычных разновидностей монет для музейной коллекции.

Среди монет Канишки I, найденных в Таджикистане, отсутствуют экземпляры с изображением на об. ст. Будды, которые вообще встречаются очень редко. Так, в уже упоминавшейся статье К. Танабе (1974), специально посвященной этим монетам, исследователю удалось собрать сведения (разной степени достоверности и документированности изображениями) только о 16 медных монетах с изображениями Будды. В правобережье Амударьи пока зарегистрирована только одна находка монеты с изображением этого божества: в Термезском музее хранится (№ 54/123) найденная в 1937 г. в приамударьинской части городища Старого Термеза монета Канишки I с иконографическим типом *стоящий Будда* на об. ст. Две другие монеты этого же царя с изображением Будды, которые мне известны в собраниях СССР, — беспаспортные.

В Ташкентском и в Самаркандском музеях хранятся также серебряные монеты с типами *царица Нана* и *Вретрагна* на об. ст. Однако их сопоставление убеждает в том, что это — литые в одной и той же форме „новоделы", моделью для которых послужили подлинные золотые динары Канишки I (ТШ № 22/29, 112/10, 155/204; СМ Н-143 и Н-144). О серебряных монетах „сотера мегаса" (СМ — Н-101 и Н-102, по медной модели) и Вимы Кадфиза (СМ — Н-121, Н-122 и Н-8370, модель — двойной динар), которые также являются литыми „новоделами", уже упоминалось выше. Известно о производстве таких подделок в Индии (Алтекар, 1952), но перечисленные экземпляры, видимо, местной работы, поскольку в Средней Азии уже в конце XIX в. было налажено изготовление подделок. В частности, литые подделки древних монет поставлял на рынок „антиквар" Ходжа Заргар, живший в Самарканде. Среди находок на территории Таджикистана такие серебряные „монеты", естественно, отсутствуют, нет их и в коллекциях Института ис-

тории им. Дониша Таджикской ССР и Душанбинского музея, состав которых складывался в самые последние десятилетия.

Единственная монета „Канишки II", хранящаяся в Душанбинском музее, — беспаспортная. Видимо, эти монеты (по сравнению с монетами Канишки I) вообще редки к северу от Амударьи, хотя единичные экземпляры были обнаружены на археологических памятниках во время раскопок (городище Зартепе в долине Сурхана, Узбекская ССР) или хранятся (без данных о происхождении) в среднеазиатских музеях (например, в Ташкентском музее — № 97/11).

Сведения о находках монет Канишки I вместе с другими монетами и об их стратиграфическом распределении на исследовавшихся археологических памятниках могут быть интерпретированы только с учетом конкретных обстоятельств для каждого случая. Прежде всего необходимо отметить совместные находки в кладах. 7 монет Канишки I (XIV. 10—**16**) вместе с 3 медными „тетрадрахмами" Вимы Кадфиза составляли кладик, найденный в 1961 г. на поселении Чимгалыштепе (левобережье нижнего течения р. Кафирниган). В кладе 1977 г. с городища Тахти Сангин 24 монеты Канишки I (XIV. 42—64) были найдены вместе с монетами Вимы Кадфиза (5 экз.), Хувишки (21 экз.); монеты плохой сохранности — для трех экземпляров определение дано предположительно (см. Приложение клад № 13). Нейтральны в датировочном отношении монеты Канишки I, найденные в погребальных сооружениях некрополя городища Тепаи Шах <1972 г.: 3 монеты Канишки I (XIV. **30—32**) в сооружении I найдены вместе с монетами Васудевы (2 экз.), подражанием Васудеве (1 экз.) и подражанием Канишке III (1 экз.); 3 монетам Канишки I (XIV. 33—35, в том числе один „медный динар") в сооружении II сопутствуют монеты еще более широкого хронологического диапазона — подражания оболам Эвкратида (2 экз.), оболы „Герая" (2 экз.), монета „сотера мегаса", медная „тетрадрахма" Вимы Кадфиза, монета Хувишки, монета Канишки III и подражание монетам Васудевы (1 экз.)>. Возможно, такая пестрота состава связана с невозможностью стратиграфически расчленить подобные находки в захоронениях без четко выраженной индивидуальной могилы и трупоположения. По поздней монете должно датироваться и погребение, которое было расчищено на городище Кухнакала в Вахшской долине (1953 г.) и дало — вместе с монетой Канишки I (XIV. 6) — монеты Хувишки и Канишки III. Явно нейтральны в датировочном отношении и монеты Канишки I, найденные на городище Саксан Охур (XIV. 24) в 1966 г. (завал в пом. 5), на цитадели Шахринауского городища (XIV. 40) в 1978 г. (залегала выше уровня, датированного монетой Васудевы) и на городище Тахти Сангин (XIV. 41) в 1977 г. (в заполнении над полом № 2, откуда происходит и монета Канишки III). Более жестко фиксирована стратиграфически монета Канишки I (XIV. 39), найденная в 1977 г. на северном холме городища Чимкурган (близ Шахринау) в помещении № 1, под полом третьего (сверху) периода.

Датирующего значения не имеет монета Канишки I (XIV. 27), явно переотложенная, с городища Кафыркала в Колхозабаде (1968 г.), равно как и экземпляр (XIV. 5), найденный в засыпке могильной ямы погребения № 66 могильника Тупхона (раскопки 1947 г.).

Особо следует остановиться на „медном динаре" Канишки (XIV. 66) с бактрийской легендой, который вместе с монетами „сотера мегаса" (30 экз.) и Вимы Кадфиза (66 экз.) входил в состав клада 1979 г. („ботрос" № 4) с городища Тахти Сангин. В данном случае монета Ка-

нишки I является самой младшей монетой в кладе, а ее принадлежность к числу ранних выпусков медных монет этого царя, равно как и количественное соотношение с другими монетами в этой находке, позволяет датировать выпадение клада не временем Канишки I вообще, а более узко — началом его правления Одновременно, монета Канишки I (и весь клад из „ботроса" № 4) датирует временем после начала правления Канишки I сам пол № 2, с которого был спущен „ботрос" № 4. При этом состав клада 1979 г. можно рассматривать как „моментальный снимок" денежного обращения. Это не противоречит высказывавшимся выше соображениям о длительности обращения кушанских медных монет: из обращения выпало то, что было выпущено к этому моменту, а более ранние монеты представлены в кладе бóльшим числом экземпляров, чем самая „молодая" монета. Но единичная находка точно такого же „медного динара" в иных обстоятельствах не дает права на узкую датировку — „начало правления Канишки I".

XIV. МОНЕТЫ КАНИШКИ I. ТАБЛ. 22.

№№	Место и обстоятельства находки	Краткое описание	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
		Золотые динары					
1	Куляб, до 1949 г.,	*стоящий перед алтарем царь вправо/четверорукий бог Виша влево* (легенда бактрийская)	8,03	20,5		ДМ 3156	Забелина, 1952, с. 77, № 12, табл. II, 3
2	Близ сел. Узун (Колхозабадский р-н), 1959 г.	то же, но на об. ст. — *бог Михр*				осмотрена в частной коллекции в 1959 г.	
		Медные монеты					
3	Душанбинское г-ще, при строительстве канала, 1950 г.	то же; об. ст. — *четверорукий Шива влево*	14,25	26		ДМ 1486	Забелина, 1952, с. 77—78, № 13
4	(Г-ще Чимкурган?) [40], 1951 г.	то же; об. ст. — *богиня Нана вправо*	15,6	26		ДМ 1479/1	Забелина, 1952, с. 78, № 14
5	Мог-к Тупхона, 1947 г., кв. 0—3, в засыпи погр. 66 (но «вне погребения»)	то же; об. ст. — *бог Вад*				?	Дьяконов, 1950, с. 175
6	Г-ще Кухнакала, 1953 г., (погребение в помещении)	то же; об. ст. — *бог Вад* (?)	16,45	28,4		ИД Н-15/2	Зеймаль, 1960, № 15
7	Тигровая балка, 1957 г.	то же; об. ст. — *бог Вад*	18,22	27,9	XII	ИД Н-50/7	то же, № 14
8	Урочище Халкаджар (южнее кишл. Уялы), 1958 г., на поверхности	то же	14,71	23,5	XII	ИД Н-70	то же, № 18
8а	Близ Шахринау, 1959 г.	то же; об. ст. — *богиня Нана*				ДМ 1976	
9	Чимгалы штепе, раскопки 1961 г. (дерновый слой)	то же; об. ст. — *богиня Нана*	15,69	25,6	XII	ИД Н-69/4	Давидович, 1979, клад № 3, экз. № 4
10	То же	то же; об. ст. — *бог Вад*	16,87	25,0	XII	/5	то же, № 5
11	То же	то же; об. ст. не определяется	12,74	23,9	?	/6	то же, № 6

[40] «Колхоз им. Ленина Шахринауского района, при расчистке канала на Ворошиловском участке» (Забелина, 1952, с. 78); эта монета ошибочно определена Н. Н. Забелиной как «монета царя Хувишки».

№№	Место и обстоятельства находки	Краткое описание	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
12	Чимгалыштепе, раскопки, 1961 г. (дерновый слой)	то же; об. ст. — *бог Вад*	13,16	26,1	XII	ИД Н-69/7	то же, № 7
13	То же	то же; об. ст. — *бог Атеш*	16,58	26,8	XII	/8	то же, № 8
14	То же	то же; об. ст. — *бог Михр* (?)	16,60	26,2	XII	/9	то же, № 9
15	То же	то же; об. ст. не определяется	16,85	24,9	XII	/10	то же, № 10
16	Шахринау (случайная находка), 1962 г.	то же; об. ст. — *богиня Нана*	15,91	26,1	XII	ИД Н-189/2	
17	То же	то же; об. ст. — *бог Атеш*	16,39	26,2	XII	/3	
18	Яванское г-ще, 1963 г., (осень), на поверхности	то же; об. ст. — *четверорукий бог Виша*	11,65	26,4	XII	ИД Н-68/5	
19	То же, раскоп II	то же; об. ст. не определяется	15,09	24,4	?	/15	
20	Кишл. Чирогчи (Яванский р-н), 1965 г.	то же; об. ст. — *четверорукий бог Виша*	16,24	25,1	XII	ИД Н-75/8	
21	Шахринау, 1965 г., случайная находка	то же; об. ст. не определяется	16,10	26,3		ИД Н-278/1	
22	Файзабад - кала (Пянджский р-н), 1965 г., случайная находка	то же; об. ст. — *бог Атеш (?)* .					
23	Кишл. Хучильдиёри Поён (Гиссарский р-н), 1966 г.	то же; об. ст. — *бог Михр*	15,74	26.2	XII	ИД Н-277/2	
24	Г-ще Саксан Охур, 1966 г., раскоп I, пом. 5, завал	то же; об. ст. не определяется	12,38	25,8	?	ИД Н-202/1	
25	Г-ще Чимкурган, 1968 г.,	то же; об. ст. — *бог Вад*	15,50	24,9	XII	ИД Н-212/5	
26	То же	то же; об. ст. — *богиня Нана*	15,70	26,1	XII	/6	
27	Г-ще Кафыр-кала, 1968 г.	то же; об. ст. — *четверорукий Виша*	12,46	26,7	XII	ИД Н-253	
28	Г-ще Тепаи Шах, 1972 г., на поверхности	то же; об. ст. — *бог Михр* (?)	12,57	25,3	XII	ИД Н-435/8	Зеймаль, 1983а, № 8
29	То же, некрополь, сооружение I	то же	15,15	26,2	XII	/35	то же, № 35
30	То же	то же; об. ст. — *богиня Нана*	15,26	26,3	XII	/36	то же, № 36
31	То же	то же; об. ст. — *бог Атеш*	16,83	25,7	XII	/37	то же, № 37
32	То же, сооружение II	то же; об. ст. — *бог Вад*	15,87	26,6	XII	/39	то же, № 39
33	То же	то же; об. ст. — *бог Михр*	7,51	21,9	XI	/41	то же, № 41

№№	Место и обстоятельства находки	Краткое описание	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
34	То же	то же; об. ст.— *бог (Мах ?)*	13,92	25,0	XII	/42	то же, № 42
34а	Мадрасаи Нав (Гиссарский р-н), 1974 г., при расчистке фундамента	то же; об. ст.— *богиня Нана*	16,38	27,7	XII	ИД Н-480	
35	Шахринау, случайная находка (до 1975 г.)	то же; об. ст.— *бог Мах*				Шахринау, школа № 30	
36	Г-ще Кафирниган-кала, 1975 г., раскоп 5, помещ. 2, над полом	то же; об. ст.— *бог Вад*	16,65	24,7	XII	ИД Н-429/9	
37	Кишл. Сангтуда (Дангаринский р-н), 1977 г.	то же; об. ст.— *четверорукий Виша*				частная коллекция учителя Гафурова	
38	То же	то же; об. ст.— *Михр* или *Атеш*				то же	
39	Г-ще Чимкурган, 1977 г., раскоп I, пом. 1, под полом III периода	то же; об. ст. не определяется	15,40	25,8	XII?	ИД Н-473/6	
40	Шахринауское г-ще 1978 г., цитадель, под верхней закладкой (V ярус)	то же; об. ст.— *бог Вад*	15,78	25,3	XII?	/9	
41	Г-ще Тахти Сангин, 1977 г., зал, завал над полом № 2 в проеме 1 (0,4 м над материком)	то же; об. ст.— *бог Михр* (?)	16,50	26,9	XII	ИД Н-430/5	
42	То же, в проеме № 1 (у ямы № 2), клад (спекшийся монолит в мешке из ткани), заложенный с уровня пола № 4	то же; об. ст.— *бог Мах*	14,37	28,9	I	ИД Н-430/10	см. Приложение, клад № 13
43	То же	то же; об. ст.— *стоящая фигура*	15,36	28,9	XII?	/11	
44	То же	то же; об. ст.— *стоящее божество ?*	15,64	26,0	XII?	/12	
45	То же	то же; об. ст.— *бог Вад влево*	13,79	26,0	XII	/13	
46	То же	то же; об. ст.— *бог Вад влево?*	16,92	27,0	XII	/14	
47	То же	то же; об. ст.— *бог Вад влево*	17,32	25,8	XII	/15	
48	То же	то же	16,63	26,6	XII	/16	

№№	Место и обстоятельства находки	Краткое описание	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
49	Г-ще Тахти Сангин, 1977 г., зал, в проеме № 1 (у ямы № 2), клад (спекшийся монолит в мешке из ткани), заложенный с уровня пола № 4	то же	16,48	27,6	XII	ИН Н-430/17	см. Приложение, клад № 13
50	То же	то же	16,71	27,5	XII	/18	
51	То же	то же; об. ст. — *бог Вад влево?*	16,16	26,4	XII?	/19	
52	То же	то же; об. ст. — *бог Мах (?) влево*	17,73	27,7	XI	/20	
53	То же	то же; об. ст. — *бог (Атеш ?) влево*	16,43	26,5	XII	/21	
54	То же	то же; об. ст. — *бог (Вишпа ?)*	16,85	27,1	XII	/22	
55	То же	то же; об. ст. — *бог (Атеш ??)*	16,47	27,4	XII	/23	
56	То же	то же; об. ст. — *бог (Михр ?)*	17,09	25,0	XII	/24	
57	То же	то же; об. ст. — *мужское божество*	17,56	27,0	XII	/25	
58	То же	то же; об. ст. — *богиня Нана вправо*	14,20	27,5	XII	/26	
59	То же	то же; об. ст. не определяется	17,10	25,6	?	/27	
60	То же	то же	15,44	27,1	XII?	/28	
61	То же	то же	16,41	26,9	?	/29	
62	То же	то же (Канишка I ?)	15,19	25,6	?	/30	
63	То же	то же	14,75	25,7	XII?	/31	
64	То же	то же	14,26	25,3	?	/32	
65	То же	то же	15,92	25,6	?	/33	
66	Г-ще Тахти Сангин, 1979 г., «ботрос» № 4 (клад)	то же; но «медный динар»	5,88	21,8	XII	ИД Н-432/97	см. Приложение, клад № 16
67	Г-ще Тахти Сангин, 1979 г., находка на поверхности	«медная тетрадрахма» (бактр. легенда), на об. ст. — бог Вад	15,73	25,9	XII	/109	
68	Пенджикентское г-ще, 1978 г., здание X (ограда храма I), помещ. 10, 3-й пол (считая снизу)	«медная тетрадрахма»; на об. ст. — бог Михр (в центре монеты проделано отверстие)	16,2	27	XII	ИД Н-468/23	
69	То же, 1979 г., помещ. 10, пол 2-го периода (с суфой)	то же; об. ст. — *бог Вад*	18,51	25,5	XII	ИД Н-469/74	

№№	Место и обстоятельства находки	Краткое описание	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
70	Развалины монастыря Уштурмулло, 1981 г., помещ. 8, юго-вост. угол, под хумом	то же; об. ст. не определяется	14,69	25,9	—	ИД Н-486/11	
71	То же, помещ. 17, юго - западная часть, в завале щебенки	то же (определение предположительное)	8,20	21,6	—	ИД Н-486/12	

«Канишка II»

72	Не известно	царь перед жертвенником вправо/стоящий бог влево (Михр или Фарр ?)	17,7			ДМ № 1606	

Хронологическая систематизация чеканки Канишки I

1-я фаза *(греческая легенда; диадема)*

01		золотой динар; об. ст. — Гелиос				БМ	Каннингэм 1892, табл. VI, 1
02		«медный динар»; об. ст. — Нанайя				ГЭ	

2-я фаза *(бактрийская легенда; диадема или кулах)*

03		золотой динар; об. ст. — Виша (Шива)				БМ	Каннингэм 1892, табл. VI, 4
04		то же; об. ст. — Михр				БМ	
05		«медный динар»; об. ст. — Виша (Шива)				СМ	
06		«медная тетрадрахма»; об. ст. — Михр				БМ	Каннингэм 1892, табл. VIII, 1
07		1/4 золотого динара; об. ст. — Мах				БМ	то же, табл. VI, 9
08		то же; об. ст. — Атеш				БМ	то же, табл. VI, 13

№№	Место и обстоятельства находки	Краткое описание	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
		3-я фаза *(бактрийская легенда; тиара)*					
09		золотой динар об. ст. — Фарр				БМ	Каннингэм 1892, табл. VII, 4
010		то же; об. ст. — «царица Нана»					
011		то же; об. ст. — «бог Манах»				БМ	то же, табл. VI, 7
012		то же; об. ст. — Друваси				БМ	то же, табл. VI, 15
		4-я фаза *(бактрийская легенда; «тиара с полями»)*					
013		золотой динар об. ст. — Мах				БМ	
014		то же; об. ст. — Ардохш				БМ	то же, табл. VII, 6

ГЛАВА XV. МОНЕТЫ ХУВИШКИ

Монеты Хувишки — основной источник наших сведений об этом царе. Кроме того, к правлению Хувишки относятся 19 эпиграфических памятников, в 18 из них он упоминается по имени (варианты написания — Хувешка, Хукша, Хувекша, Хувашка). Надписи датированы по эре Канишки — с 28 по 60 г. (с перерывами, из которых необходимо отметить промежуток с 40 по 45 г., куда „вставляется" надпись 41 г. из Ара, называющая царем „Канишку, сына Ваджешки" — Зеймаль, 1968, с. 38—43). Ни в буддийской традиции, ни в письменных источниках не сохранилось сведений об этом царе, если не считать кратких и явно легендарных данных о „царе Хушке" в кашмирской «Раджатарангини» (Петеч, 1968).

Золотые монеты Хувишки количественно явно преобладают в нумизматических собраниях по сравнению с динарами других кушанских царей. Большое разнообразие типов л. и об. ст. делает их наиболее интересной — с систематизационной точки зрения — частью золотого чекана Кушанского царства. Как и при Канишке, при Хувишке выпускались золотые монеты достоинством в динар и четверть динара (XV. **03**).

Иконографические типы л. ст. отличаются от принятых при Канишке I. Хувишка — единственный из кушанских царей (если не считать Куджулы Кадфиза и „сотера мегаса"), на золотых и медных монетах которого не встречается композиционной схемы *царь, стоящий перед жертвенником,* традиционной для остальной кушанской царской монетной иконографии. На золотых монетах сравнительно редко представлены иконографические типы л. ст. *царь на слоне* (XV. **01**), *царь, сидящий скрестив ноги* (XV. **02**) и *погрудное изображение царя* (Зеймаль, 1974а, с. 55, рис. 2) — для них известно только 4 типа из 36. Остальные 32 типа л. ст.[41] передают иконографический тип *поясной портрет царя* как правило, обращенный влево (только один тип дан в правом повороте). Различия между типами (в рамках иконографического типа) определяется различиями в головном уборе, в облачении царя, в атрибутах, с которыми он изображен, и т. п. существенными иконографическими деталями (при неизменной композиционной схеме), а также различиями в номиналах.

Детальная хронологическая систематизация золотых монет Хувишки позволяет выделить 12 последовательных фаз в его чеканке, но останавливаться здесь на обосновании именно такого членения его монет нет возможности. Более „грубое" деление золотого чекана Хувишки на два крупных этапа — «период А» и «период Б».

---

[41] Эта классификация, учитывающая 376 золотых монет Хувишки (Зеймаль, 1965, с. 10—11), нашла пока лишь частичное отражение в печати (Зеймаль, 1974а).

К «периоду А» (на царе — „рубаха", контурный нимб вокруг головы царя отсутствует — XV. **01—06**) отнесены экземпляры, чеканенные с л. ст. штемпелями типов I—XII (Зеймаль, 1974а, с. 55, рис. 2). Первая фаза чеканки Хувишки выделяется по сходству с монетами Канишки I. В качестве ее опознавательного признака служит тамга, совпадающая по начертанию с тамгой на монетах Канишки, но отличающаяся от тамги на всех остальных монетах Хувишки. Ко 2-й фазе отнесены экземпляры, чеканенные штемпелями типов, характерных для 1-й фазы, но уже имеющие на об. ст. более позднюю разновидность тамги („тамга Хувишки"). 3-я и 4-я фазы — прямое продолжение типов л. и об. ст., характерных для 2-й фазы, но со значительной схематизацией изображений и искажениями в легендах. Новые типы на протяжении 3-й и 4-й фаз появляются, но не в результате творчества резчиков штемпелей, а вследствие полного искажения прежних типов. При этом снижение художественных достоинств монеты не сопровождается порчей металла или понижением веса монеты и, видимо, связано с отсутствием на кушанском монетном дворе в это время квалифицированных резчиков. 5-я фаза (ее связь с 4-й устанавливается только по „гибридным" экземплярам) характеризуется резким улучшением изображений, и, вероятно, ее начало совпадает с приходом на кушанский монетный двор новых резчиков штемпелей (ср. XV. **06**). В качестве опознавательных признаков монет 5-й фазы служат новые детали в головном уборе и одеянии царя.

«Период Б» (фазы 5-я — 12-я) золотой чеканки Хувишки приносит новые изменения в типах л. и об. ст. (XV. **07—012**). Наиболее существенное различие, проводящее грань между периодами, — появление контурного нимба вокруг головы царя; с этого же момента царя начинают изображать в характерном „кафтане". Различия между формами и деталями головного убора на разных экземплярах дают основания для выделения новых типов л. ст. Среди типов об. ст. появляются новые иконографические типы для божеств, ранее встречавшихся на кушанских монетах, а также изображения новых божеств. Судя по стилистическим особенностям монет 6-й и последующих фаз на протяжении «периода Б», штемпели изготовляют несколько новых мастеров. В ряде случаев (монеты 8-й и 9-й фаз) можно предположить, что на кушанском монетном дворе работали мастера-чужеземцы, не знавшие ни бактрийского языка и особенностей кушанского алфавита, ни даже имен божеств, изображения которых они вырезали на монетных штемпелях (подробнее — Зеймаль, 1974а). От фазы к фазе в пределах «периода Б» обнаруживается постепенное усложнение формы головного убора и облачения царя, а прослеживаемая по типам оборотной стороны преемственность между фазами подтверждает правильность намеченного хронологического членения. Но завершает золотую чеканку Хувишки фаза, для которой снова (как и для 3-й и 4-й фаз «периода А») характерны значительные искажения легенд и схематизация изображений. На протяжении последней, 12-й, фазы монеты часто чеканились старыми штемпелями, подвергнутыми очень грубой „подправке".

Различия между золотыми монетами Хувишки «периода А» и «периода Б», как и интервал в надписях между 40 и 45 гг. эры Канишки, на который приходится надпись 41 г Канишки II, — единственная реальная возможность, которую нам предоставляют достоверные материалы для того, чтобы различать двух царей с одинаковым именем — Хувишку I и Хувишку II. Однако имеющиеся данные не позволяют

сколько-нибудь уверенно настаивать на том, что действительно существовали два разных царя с таким именем.

Состав пантеона, отраженного золотыми монетами Хувишки, отличается от репертуара божеств на монетах Канишки I. По-прежнему среди типов об. ст. встречаются божества Михр, Мах, Нана, Виша-Шива, Ардхош и Фарр, но их иконография меняется: появляются новые композиционные схемы и новые атрибуты, с которыми эти божества изображаются. Сравнительно недолго присутствует в чеканке Хувишки «бог Манах», иконографический тип которого не претерпевает изменений по сравнению с его изображениями на монетах Канишки, а также бог Атеш, в иконографии которого на монетах Хувишки появляются новые атрибуты. То же самое можно сказать и о боге Друваспе. Но ни Будда, ни Вретрагна, ни бог «Маздован» (они входили в пантеон, отраженный монетами Канишки I) на золотых монетах Хувишки не представлены.

Среди божеств, впервые появляющихся на кушанских монетах при Хувишке, три божества индийского происхождения — Сканда Кумара, Висакха и Махасена, близкие по значению боги-воители, которые изображались или втроем на одной монете или двое вместе — Сканда Кумара и Висакха, или только Махасена один. Бог Серапис представлен на золотых монетах Хувишки двумя иконографическими типами (XV. 06). Впервые появляются в кушанском монетном пантеоне при Хувишке такие божества иранского происхождения, как богиня Ваниида и бог Шахревар (XV. 08). По уникальному динару Хувишки известен бог Вахш. Божество Ашанхш, которое А. Стейн интерпретировал как одного из авестийских амешаспентов — Аша-Вахиста (Стейн, 1887), оказался своего рода „подпоручиком Киже" кушанского пантеона: к изображению бога Михра была по ошибке „присоединена" не легенда с его именем, а искаженная легенда с именем богини Ардохш (Зеймаль, 1974а). Есть и другие „загадочные божества", не получившие убедительного истолкования, которые оказались „введенными" в пантеон монет Хувишки в результате аналогичных ошибок.

Медные монеты Хувишки встречаются реже медных монет других кушанских царей. Иконографический тип л. ст. *царь стоящий перед жертвенником,* характерный для монет Вимы Кадфиза, Канишки и Васудевы, на медных монетах Хувишки (как и на золотых) никогда не встречается. Три композиционные схемы, новые для кушанской меди, но известные в золотом чекане, характерны для л. ст. медных монет Хувишки. Каждый из этих трех иконографических типов л. ст. сочетается с типами об. ст., на которых представлены разные божества. Поэтому при описании медной монеты Хувишки необходимо указывать иконографические типы для л. и об. ст.

Монеты с изображением на л. ст. царя на слоне, как ни приблизительны такие количественные оценки, преобладают среди его медных монет (XV. 2—7). Как правило, царь (и слон) обращены вправо, в правой руке царя — анк, левая — у пояса. Этот иконографический тип сопоставим с типом I золотых монет Хувишки (XV. 01), хотя расположение рук и предметов в них, да и пропорции изображения совершенно иные. На некоторых экземплярах (медь) совершенно отчетливо различим контурный нимб вокруг головы царя, сидящего на слоне, на других эта деталь не показана. Это различие (наряду с другими различиями в пределах иконографического типа, прослеживающимися по медным моне-

там), видимо, в дальнейшем сможет служить опорой для разработки относительной хронологии медных монет Хувишки.

В сочетании с иконографическим типом л. ст. *царь на слоне* на об. ст. встречаются изображения восьми божеств — Михра, Маха, Атеша, Ардохш, Фарра, Вада, четверорукого и двурукого Виши-Шивы (разные иконографические типы) и Геракла:

Царь на слоне/Михр — стоящее божество обращено влево; правая рука вытянута вперед, левая — у пояса; вокруг головы — контурный нимб с лучами.

Царь на слоне/Мах — стоящее божество в той же позе, что и Михр, но с рогами полумесяца за плечами (контурный нимб с лучами отсутствует).

Царь на слоне/Атеш — известны два иконографических варианта изображений этого бога на медных монетах Хувишки. Первое выполнено по той же композиционной схеме, как только что описанные изображения Михра и Маха: стоящий Атеш обращен влево и держит в вытянутой правой руке венок. В золотом чекане Хувишки нет таких изображений Атеша, но именно так он показан на золотых монетах Канишки. Второй вариант — стоящий лицом влево Атеш с контурным нимбом вокруг головы держит в правой руке молот, а в левой — кузнечные щипцы; это изображение прямо соответствует иконографии Атеша на золотых монетах Хувишки[42].

Царь на слоне/Ардохш — стоящая богиня в длинном одеянии с рогом изобилия в руке (иногда — с вытянутой вперед правой рукой); диадема на голове украшена спереди маленьким полумесяцем (иногда не виден или отсутствует). Легенда — часто со значительными искажениями (вместо *дельты — альфа* или *о микрон* и др.)[43].

Царь на слоне/Фарр — стоящий Фарр влево; левая рука у пояса, в вытянутой правой руке — мошна. Легенда, как правило, с одним *ро*.

Царь на слоне/Вад — бегущий влево бог Вад, как на монетах Канишки, но „шарф" приобретает вид широкой изогнутой полосы.

Царь на слоне/четверорукий Виша-Шива — как на медных монетах Канишки, в вытянутой вперед правой нижней руке — венок.

Царь на слоне/двурукий Виша-Шива — стоящее божество влево правой рукой опирается на трезубец.

Царь на слоне/Нана и Виша (?) — это сочетание известно только по прорисовке, опубликованной А. Каннингэмом (1892, табл. XII, 21); сама монета, видимо, утеряна.

Царь на слоне/Геракл — хотя монеты с изображениями Геракла среди медных монет Хувишки редки, ими засвидетельствовано несколько вариантов иконографии (Геракл бывает обращен и влево, и вправо, по-разному держит палицу и шкуру льва и т. п.), но его атрибуты остаются неизменными и всегда легко опознаются.

Второй иконографический тип л. ст. медных монет Хувишки — *царь на тахте* (XV. **15—25**). Тахт, видимо, мягкий (ср. изображения тахта на золотых монетах Вимы Кафиза), ножки его — скорее всего, зооморфные. Царь полулежит на тахте: правая нога, согнутая в колене,

---

[42] Известны экземпляры, на которых рядом с изображением Атеша с молотом и кузнечными щипцами ошибочно помещена легенда МАО (Каннингэм, 1892, табл. XX (X), 19).

[43] Иногда (Смит, 1906, табл. XIII, 1) также с легендой МАО, помещенной по ошибке: ср. Ардохш на динарах Хувишки с легендой МІІРО (Зеймаль, 1974а, рис. 3, 12, 13).

поставлена на сидение, левая — свешивается вниз; левым локтем царь также опирается на тахт, правая рука — у пояса. На царе — „шаровары", сужающиеся у щиколоток, остальные детали одеяния и головной убор плохо различимы. Отходящие от головного убора свободные концы ленты-диадемы образуют как бы мандорлу вокруг фигуры царя.

Этот иконографический тип л. ст. известен на медных монетах Хувишки в сочетании с изображениями на об. ст. Михра (как с иконографическом типом л. ст. *царь на слоне),* Маха, Атеша (только вариант иконографии с венком) и четвероруκого Виша-Шивы.

Третий иконографический тип л. ст. для меди Хувишки — *царь, сидящий (на подушках), скрестив ноги.* Голова царя повернута, как правило, вправо, но известны экземпляры с левым поворотом головы. Иногда (но далеко не на всех экземплярах) — контурный нимб вокруг головы царя. Левая рука царя поднята вверх (в ней или жезл с навершием, помещенный на большинстве золотых монет в правой руке, или некий предмет с изогнутой рукоятью, обычно помещавшийся на золотых монетах в левой руке царя), предмет в правой руке царя различить трудно (видимо, жезл с навершием, если исходить из иконографии Хувишки на золотых монетах — ср. XV. 02; жезл с навершием отчетливо виден только в тех случаях, когда царь обращен влево).

Иконографический тип „царь со скрещенными ногами" известен в сочетаниях с изображениями на об. ст. Михра, Атеша, Маха, Фарра и парного изображения Нана и Виша-Шива (определение Наны не вызывает сомнений, определение Виши — условное).

Довольно редкие поясные изображения царя на медных монетах вряд ли есть необходимость рассматривать как еще один иконографический тип л. ст. — они, видимо, являются лишь вариантом иконографического типа *царь со скрещенными ногами* и встречаются только в сочетании с изображением Михра на об. ст.

Приведенный краткий перечень основных типов, характерных для медных монет Хувишки, и их сочетаний дает лишь самое общее (и далеко не полное) представление о медной чеканке этого царя, что вполне отвечает основной задаче этой работы.

Относительная хронология медных монет Хувишки еще ожидает своей детальной разработки. Д. МакДоуэлл (1960) предложил разделить медный чекан этого царя на три последовательные стадии по таким чисто формальным признакам, как вес и размеры монетного кружка. Видимо, более надежной опорой могли бы служить дробная хронологическая систематизация золотых монет Хувишки, о которой уже было сказано кратко выше, и те хронологические признаки, которые установлены для золотых монет. С их помощью уже сейчас, до появления в публикациях необходимого сопоставительного материала из разных частей Кушанского царства и до исследований кушанской медной чеканки на уровне штемпелей, можно предложить деление всех медных монет Хувишки на два периода, которые должны примерно соответствовать «периоду А» и «периоду Б» золотой чеканки.

«Период А». Прежде всего к нему должны быть отнесены те медные монеты, на об. ст. которых стоит „тамга Канишки", являвшаяся для золотого чекана опознавательным признаком 1-й фазы. Во-вторых, к «периоду А» следует отнести те монеты, на л. ст. которых царь изображен без контурного нимба вокруг головы — одного из основных признаков. «периода Б» для золотых монет. Использование этих двух по-

казателей дает возможность перекрестного контроля по л. и об. ст. Следует заметить, что среди известных мне в натуре и по изданиям (или слепкам) медных монет Хувишки нет ни одного экземпляра с „тамгой Канишки", который имел бы на л. ст. изображение царя с контурным нимбом вокруг головы и, наоборот, для всех монет, изображающих царя с контурным нимбом, характерна только „тамга Хувишки".

Столь же надежные результаты дает и сопоставление иконографических типов об. ст. меди Хувишки с составом кушанского монетного пантеона на разных этапах чеканки золотых монет этого царя. Так, медные монеты *царь на слоне/Атеш с венком в руке,* восходящие к иконографическим типам этого божества на золотых монетах Канишки, но не находящие себе аналогий в золотой чеканке Хувишки, также можно с уверенностью отнести к «периоду А»: эта атрибуция подкрепляется присутствием на этих монетах „тамги Канишки" и отсутствием вокруг головы царя на л. ст. контурного нимба (если сохранность монеты позволяет различить эти признаки).

«Период Б». К нему, соответственно, относятся медные монеты с контурным нимбом вокруг головы царя на л. ст. и „тамгой Хувишки" на об. ст. Кроме того, как и для «периода А», существенное значение имеет сопоставление иконографии божеств на об. ст. медных монет с репертуаром и иконографией божеств на динарах. В частности, изображения на меди бога Атеша с молотом и кузнечными щипцами находят себе точное соответствие на золотых монетах Хувишки «периода Б» и могут быть отнесены к «периоду Б» медной чеканки. Бог Фарр на медных монетах (с мошной в вытянутой вперед правой руке) может быть сопоставлен только с иконографией этого божества на золотых монетах 10-й и 11-й фазы («период Б»). Только с золотыми монетами 8-й — 11-й фаз золотой чеканки сопоставимо изображение Ардохш влево на медных монетах, а изображение этой же богини с вытянутой вперед правой рукой на меди соответствует изображениям на золотых монетах 12-й фазы и т. п.

Предлагаемое здесь членение медных монет Хувишки на два периода имеет не только формально-классификационное значение для дальнейших углубленных исследований медной чеканки Кушанского царства. Наблюдение за составом монетных находок на территории Таджикистана и в музейных коллекциях Средней Азии позволяет уже на данном этапе исследования меди Хувишки прийти к весьма интересному заключению: и среди монет, найденных в Таджикистане, и в находках из других пунктов в Средней Азии (в первую очередь, из района Термеза и долины Сурхандарьи) подавляющее большинство составляют медные монеты Хувишки «периода А». Это наблюдение имеет предварительный характер, нуждается в тщательной проверке новыми материалами и, конечно же, пока не может служить опорой для решительных исторических выводов общего характера. Но можно высказать предположение о том, что где-то в середине царствования Хувишки связи правобережья Амударьи с основными территориями Кушанского царства, лежавшими далеко к югу от Окса, по какой-то причине, видимо, ослабли. Вероятно, этим же объясняется и меньшее (по сравнению с монетами других кушанских царей) число находок монет Хувишки в Средней Азии, зарегистрированных до настоящего времени[44].

---

[44] Этот же факт, по существу, констатирует и Э. В. Ртвеладзе для южных районов Узбекистана (Ртвеладзе — Пидаев, 1981, с. 40), когда отмечает, что «по каким-то

Золотые монеты Хувишки на территории Таджикистана не засвидетельствованы, нет их и в коллекциях среднеазиатских музеев. Имеются только сведения о том, что клад из 37 динаров Хувишки был найден в развалинах Старого Термеза (Массон, 1930, с. 83), но о дальнейшей судьбе этой находки ничего не известно.

Медные монеты Хувишки представлены в находках из Таджикистана 32 экземплярами. Из них 21 экз. (XV. 10—30) входил в состав найденного в 1977 г. на городище Тахти Сангин клада (см. ниже Приложение, клад № 13), в который входили также медные монеты Вимы Кадзифа (5 экз.) и Канишки I (24 экз.). В сооружении II некрополя городища Тепаи Шах (1972 г.) монета Хувишки (XV. 8) была найдена вместе с подражаниями оболам Эвкратида (2 экз.), оболами „Герая" (2 экз.), монетой „сотера мегаса", медной „тетрадрахмой" Вимы Кадфиза, монетами Канишки I (3 экз.), монетой Канишки III и подражанием монете Васудевы. Столь же неопределенно хронологическое значение совместной находки монеты Хувишки с монетами Канишки I и Канишки III в погребении на городище Кухна-кала в Вахшской долине (XV. 1). В качестве „старшей" монеты присутствует монета Хувишки (XV. 7) в кладе посткушанского времени (Васудева — 4 экз., подражания Васудеве — 15 экз., Канишка III — 5 экз., подражание Канишке III — 10 экз.), найденного в 1972 г. в Шаартузском районе на хлопковом поле (колхоз им. Ленина, участок «Кзыл-Кетман») и, видимо, дошедшего до нас неполностью. (Приложение, клад № 11).

Примерно такое же количественное соотношение с монетами других кушанских царей можно констатировать и для монет Хувишки в собраниях среднеазиатских музеев (28 экз. в Ташкентском музее, 15 экз. — в Самаркандском, 9 экз. — в Термезском). Что же касается сочетания типов л. и об. ст., то (как и для находок из Таджикистана) с иконографическим типом *царь на слоне* чаще всего сочетается изображение Виши-Шивы, а с иконографическим типом *царь на тахте* — изображения Михра или Маха.

причинам выпадение монет Хувишки в культурные слои было менее интенсивным». Однако объяснение («его монеты чаще шли в переплав при смене правителя, чем монеты других кушанских царей»), которое предлагает этот же автор, трудно назвать удачным. Требует дальнейшего исследования несомненная диспропорция между золотой и медной чеканкой, возникающая при Хувишке: его динаров дошло до нас намного больше, чем золотых монет любого другого из кушанских царей, а меди — намного меньше, чем, например, меди Вимы Кадфиза, Канишки или Васудевы. Вопрос этот, имеющий очень важное значение для истории денежного обращения Кушанского царства, выходит за рамки тех задач источниковедческого характера, на которых в этой книге сосредоточено основное внимание.

XV. МОНЕТЫ ХУВИШКИ. ТАБЛ. 23.

№№	Место и обстоятельства находки	Краткое описание	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
		Медные монеты					
1	Г-ще Кухна-кала, 1953 г., (погребение в помещении)	*сидящий на тахте царь/стоящее мужское божество (Виша ?)*	10,75	24,2	XII?	ИД Н-15/3	Зеймаль, 1960, № 16
2	Не известно (из колл. А. Е. Маджи)	*царь на слоне вправо/стоящий двурукий Виша*				ДМ 1884/15	
3	То же	то же				ДМ 1884/16	
3а	Г-ще Узбекон-тепа, 1958 г., XVIII ярус	*царь на слоне вправо/об. ст. — стоящая фигура (?)*	12,54	24,3	XII?	ИД Н-202/2	Зеймаль, 1961, с. 134
4	Кишл. Чирогчи (Яванский р-н), 1965 г., на поверхности	*царь на слоне вправо/бог Мах*	14,42	25,4	XI	ИД Н-75/9	
5	Яванское г-ще, пригород, 1966 г., раскоп I, I ярус	то же, на об. ст— *стоящее мужское божество (Михр ??)*	13,75	24,7	XII	ИД Н-249	
6	Уч-к «Кзыл Кетман» (колх. им. Ленина Шаартузского р-на), до 1972 г., на хлопковом поле, клад	то же	9,54	24,9	XII	ИД Н-436/1	см. Приложение — клад № 11
7	Г-ще Тепаи Шах, 1972 г. некрополь, сооружение II	то же, на об. ст. — *бог Мах*	14,58	24,8	XII	ИД Н-435/49	Зеймаль, 1983, № 49
8	То же, на поверхности	то же; об. ст. — *бог Михр (или Атеш ?)*	13,61	26,3	XII	/9	то же, № 9
9	Г-ще Тахти Сангин, 1977 г., зал. у ямы № 2, клад в мешке из ткани (заложен с уровня 4-го пола)	то же, на об. ст.—*бог (Мах?)*	15,60	27,1	XII	ИД Н-430/34	см. Приложение, клад № 13
10	То же	то же, на об. ст.— *стоящее мужское божество*	15,77	24,3	XII	/35	
11	То же	то же	14,57	25,8	XII	/36	
12	То же	то же, на об. ст. — *Михр* или *Мах*	15,99	25,7	XII	/37	
13	То же	то же, на об. ст.— *бог Мах* (?)	14,90	25,2	XII	/38	

№№	Место и обстоятельства находки	Краткое описание	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
14	Г-ще Тахти Сангин, 1977 г., зал, у ямы № 2, клад в мешке из ткани (заложен с уровня 4-го пола)	то же	15,01	27,2	XII	ИД Н-430/39	
15	То же	*царь на тахте/ стоящий Михр*	14,24	27,5	I	/40	
16	То же	то же	18,04	27,4	XII?	/41	
17	То же	то же	15,27	26,4	XII	/42	
18	То же	то же (?)	15,95	26,6	XII?	/43	
19	То же	то же, на об. ст. — *Михр (?)*	16,04	27,4	XII	/44	
20	То же	то же	15,06	26,2	XII	/45	
21	То же	то же, на об. ст. — *стоящий бог Фарр (??)*	15,29	27,8	XII	/46	
22	То же	то же, на об. ст.—*бог Мах* (?)	14,06	26,9	XII?	/47	
23	То же	то же	16,26	25,9	XII	/48	
24	То же	то же, на об. ст. — *стоящее мужское божество*	16,74	26,6	XII?	/49	
25	То же	то же, на об. ст. — *четверорукий бог Виша*	15,74	26,1	XII	/50	
26	То же	то же, на об. ст. — *Михр* или *Мах*	14,96	27,0	III?	/51	
27	То же	*царь на тахте (??)/ бог Атеш (??)*	16,23	26,4	?	/52	
28	То же	*царь на тахте (??)/стоящее мужское божество влево*	16,6	27,5	XII	/53	
29	То же	*царь со скрещенными ногами/ стоящее мужское божество в фас (?)*	14,91	26,7	XII	/54	
30	Поселение Культепе (Регарский р-н), 1975 г., шурф. под полом помещ. со сводом	*царь на слоне/ двурукий Виша (Шива)*	9,23	26,3	XII	ИД Н-479/1	
31	Пенджикентское г-ще, 1980 г., храм I (объект X), помещ. 9, под полом (уличные слои V в.)	*царь на слоне/ стоящее божество (Виша ?)*	7,89	24,3	XI?	ИД Н-470/164	

№№	Место и обстоятельства находка	Краткое описание	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания

ДЕЛЕНИЕ ЗОЛОТЫХ МОНЕТ ХУВИШКИ НА ПЕРИОДЫ

«Период А»

01		динар: *царь на слоне влево/Ардохш вправо*					Каннингэм 1892, табл. XII, 11
02		то же: *царь, сидящий скрестив ноги/Нана*					то же, табл. XII, 12
03		1/4 динара: *царь погрудно влево/Фарр*					
04		динар: *царь погрудно влево/Мах*					
05		то же, но *Фарр влево*					
06		то же, но *Серапис влево*					то же, табл. XIII, 8

«Период Б»

07		динар: *царь по пояс влево/Михр влево*					
08		то же, но *Шахревар вправо*					то же, табл. XII, 9
09		то же, но *Ардохш вправо*					
010		то же: *царь погрудно влево/Нана вправо*					
011		то же, но *Мах влево*					то же, табл. X, 8
012		то же, но *трехликий и четверорукий Вишна (Шива) в фас*					то же, табл. XIII, 4

ГЛАВА XVI. МОНЕТЫ ВАСУДЕВЫ

Кушанский царь Васудева, правивший в 64—98 гг. „эры Канишки"[45], чеканил, как и его предшественники, золотые (достоинством в один динар и в одну четвертую динара) и медные монеты, на л. ст. которых помещалась традиционная для кушанских монет (кроме монет Хувишки) иконографическая схема *царь перед жертвенником влево,* а на об. ст. подавляющего большинства золотых монет[46] и на всех медных — иконографический тип *Виша-Шива стоящий перед быком* (Зеймаль, 1967, рис. 11 и 12). Высокий художественный уровень изображений и творчество в области монетного типа характерны только для ранних выпусков этого царя, когда на золотых динарах появляются такие сложные для передачи на монетном штемпеле композиции, как *четверорукий и трехголовый Виша-Шива, стоящий перед быком* (Зеймаль, 1967, рис. 11, *1—3*). В дальнейшем изображения канонизируются и „застывают", а затем — одновременно с резким ухудшением художественных достоинств л. и об. ст. — происходит сравнительно быстрая схематизация типов. Детально этот процесс прослеживается на золотых динарах, но и для медных монет, несмотря на худшую сохранность на них второстепенных деталей, можно с уверенностью констатировать отчетливые признаки аналогичных явлений.

Из четырех золотых монет Васудевы, находки которых зарегистрированы на территории Таджикистана, две относятся к той стадии чеканки, на которой иконография л. и об. ст. сложилась и канонизировалась (XVI. 3 и 4), но процесс схематизации еще не начался. Две другие монеты (XV. 2 и, видимо, 1) относятся к заключительной стадии, когда схематизация изображений настолько искажает иконографические типы, что они близки к утрате первоначального содержания. С этой точки зрений весьма показательна ошибка, которую допустил М. М. Дьяконов, публикуя экземпляр XVI. 2: он принял стоящего Вишу-Шиву на об. ст. за изображение женского божества и даже пытался „интерпретировать" его как „местное женское божество Вахша—Амударьи" (Дьяконов, 1953, с. 290; ср. Зеймаль, 1961, с. 125—127).

Значительные различия между ранними и поздними золотыми монетами Васудевы породили гипотезу о существовании нескольких кушанских царей, носивших имя Васудева (Батай, 1928; Бахофер, 1936; Гиршман, 1946, с. 163—165; Лёхайзен де Лёв, 1949, с. 387—388: Гёбль,

---

[45] Имя Васудевы встречается в надписях, датированных 64 (или 67?), 74, 80, 83, 84, 87 и 98 годами «эры Канишки» (Зеймаль, 1968, с. 45—47); все восемь надписей с датами и именем Васудевы происходят из Матхуры и ее окрестностей (Паликхра, Джамалпур, Балабхадра Кунд, Канкали Тила).

[46] На ранних золотых монетах помещались еще изображения стоящей богини Наны, а также стоящего Виши-Шивы (без быка).

1957, с. 209—224), — Васудевы I, Васудевы II и даже Васудевы III. На основе этой гипотезы выдвигались и различные варианты сложных реконструкций последнего периода истории Кушанского царства, „восстанавливавших" чередование на кушанском троне не только отдельных правителей, но и целых „династий" (гипотеза Р. М. Гиршмана, например). Однако нумизматические данные не дают оснований для такого рода предположений. Если учитывать всю совокупность дошедших до нас золотых монет с именем Васудевы и тот типологический ряд, который они образуют, можно проследить, как изменения накапливаются постепенно, без каких-либо перерывов в выпуске монеты (и типологических, и хронологических) и без резких изменений, которые могли бы определяться политическими, религиозными или иными причинами, лежащими вне литическими, религиозными или иными причинами, лежащими вне сферы изготовления монет. Важно, что в процессе видоизменения золотых монет Васудевы (сперва их унификации, а затем — схематизации) в содержание легенд и изображений не вносится — сознательно и преднамеренно — никаких изменений. Разница между монетами, относимыми к «Васудеве I», «Васудеве II» и «Васудеве III» (ср. Зеймаль, 1967), не затрагивает „сферу заказа" (т. е. уровень содержания), целиком ограничиваясь „сферой исполнения" (т. е. уровнем выражения) — меняется не **то, что** изображено, а **как** выполнено изображение.

В этом отношении разница между монетами Хувишки периода А и периода Б («Хувишка I» и «Хувишка II») дает намного более серьезные основания для того, чтобы различать двух царей с одинаковым именем.

С точки зрения относительной хронологии попытки доказать существование нескольких «Васудев» выглядят чисто казуистическими упражнениями: в любом случае, чеканил ли эти монеты только один Васудева или три царя по имени Васудева подряд[47], надписи, в которых упоминается царь Васудева, датированы от 64 до 98 гг. „эры Канишки", и более поздними надписями с упоминанием этого царя мы не располагаем[48]. Любые попытки отнести правление царя по имени Васудева к более позднему времени не могут опираться на нумизматические и эпиграфические материалы и должны получить обоснование в каких-то иных данных[49].

---

[47] Золотые монеты с именем Васудевы образуют единый и непрерывный типологический ряд, не позволяющий «вставлять» между «Васудевой I» и «Васудевой II» или между «Васудевой II» и «Васудевой III» каких-то других царей. Все предположения такого рода, не учитывая нумизматического контекста в целом, опираются на вырванные из него единичные экземпляры.

[48] Единственное исключение, возможно, составляет так называемая «неоконченная» надпись из Сурх-Котала, если прав Я. Харматта, читая в этой надписи имя Васудевы (Харматта, 1965, с. 161). Если принимать чтение даты в этой надписи как «299», также предложенное Я. Харматтой, присутствие в этой надписи имени Васудевы было бы решающим доказательством в пользу того, что «эра Канишки» — это третий век «неизвестной эры» с опущенными цифрами для сотен (такой же результат дает чтение даты как «285» и как «279»). Но нет полной уверенности, что имя Васудевы действительно упоминается в этой надписи.

[49] Существует весьма обширная количественно и протяженная хронологически группа монет, чеканенных по образцу монет Васудевы и Канишки III (см. ниже) с нечитаемой бактрийской легендой и проставленными в поле акшарами письма брахми (*ми, сита, бха, сайа* и др.), среди которых встречается и сочетание *васу*. Монеты эти, образующие самостоятельный ряд чеканки эфталитского времени, нет никаких оснований связывать ни с Васудевой, ни вообще с Кушанским царством, хотя исходным образцом для них послужили монеты Васудевы и Канишки III.

В том, что именно наиболее схематизированные монеты с именем Васудевы завершают собой чеканку золотых монет Кушанского царства, убеждает их сопоставление с наиболее ранними золотыми монетами сасанидских кушаншахов, использующими композиционные схемы динаров Васудевы (ср. XVI. 2 и XXI. 01).

Медные монеты Васудевы содержат на л. и об. ст. те же иконографические типы, которые характерны для л. и об. ст. динаров этого царя. Признаки, по которым выделены последовательные этапы чеканки золотых монет Васудевы, как правило, плохо различимы на медных монетах, имеющих худшую сохранность. Это затрудняет синхронизацию золотой и медной чеканки Васудевы, хотя общая тенденция, установленная для золотых выпусков (унификация и затем постепенная схематизация изображений), сохраняет свое значение и для медной чеканки. Видимо, одновременно со схематизацией происходит и некоторое уменьшение размеров медных монет (и линейных, и, соответственно, весовых показателей). Пока об этом можно говорить только предположительно, поскольку медные монеты Васудевы все еще не стали предметом специальных исследований и публикаций: издаются, как правило, единичные экземпляры наиболее хорошей сохранности, а массовый материал (в том числе из находок в кладах на территории Индии, Пакистана и Афганистана)—в лучшем случае, оседает—в ожидании будущих исследователей—в местных музеях. Состояние легенды и начертание тамги — признаки, которые, видимо, могут быть использованы при разработке классификации массового материала.

Находки медных монет Васудевы на территории Таджикистана (XVI. 5—37) — лишь очень небольшая часть обильной чеканки этого царя, по которой вряд ли правомочно делать выводы общего характера. Все пункты, из которых происходят таджикистанские находки монет Васудевы, лежат в пределах ареала, характерного и для остальных монет Кушанского царства, — долин Южного Таджикистана, ограниченных на севере Гиссарским хребтом. Примерно третья часть всех монет Васудевы происходит из археологических раскопок (XVI. 2, 10, 12—16, 30—32, 36, 37). Еще одну треть составляют монеты, происходящие из кладов (XVI. 12, 17—23, 26—29), датированных более поздними монетами.

Находки медных монет Васудевы на территории Таджикистана, к сожалению, нет возможности сопоставить с находками в Южном Узбекистане: в существующих публикациях даже самого последнего времени (Пугаченкова и др., 1978, с. 227—231; Ртвеладзе — Пидаев, 1981, с. 78—82 и др.) монеты самого Васудевы и подражания им, как правило, не различаются. Чисто методические трудности, связанные с проведением разграничительной черты между собственно монетами Васудевы и подражаниями им, осложняются в данном случае еще и отсутствием публикаций. Выделение признаков, по которым следует отличать подражания, будучи задачей, в первую очередь, источниковедческой, имеет большое значение не только для классификации монетного материала, но и для его правильного использования с датировочными целями в археологических комплексах, для выяснения особенностей денежного обращения к северу от Амударьи в кушанский и посткушанский периоды, а также для правильной исторической интерпретации нумизматических данных. Нерасчлененное рассмотрение и собственно монет Васудевы, и подражаний им, вполне естественно, дает искаженную кар-

тину, приводя к недостаточно обоснованным выводам [50].

Подражания монетам Васудевы выпускались в течение длительного периода и рассматриваются ниже (см. гл. XIX), вместе с другими подражаниями посткушанского периода. Здесь же необходимо подчеркнуть, что граница, которую — во всяком случае, при нынешнем состоянии изученности медных монет Васудевы — можно провести между ними и подражательными выпусками ранней (1-й) стадии в известной степени условна (как условны и признаки, по которым различаются последующие стадии этой подражательной чеканки). К числу медных монет самого Васудевы можно с уверенностью отнести только те экземпляры, для которых характерны: 1) сохранение всех основных элементов иконографических типов л. и об. ст., засвидетельствованных золотыми монетами (медные монеты Васудевы хорошей сохранности довольно точно их повторяют); 2) сохранение читаемой (или хотя бы уверенно распознаваемой) бактрийской легенды; 3) сохранение начертания „тамги Васудевы", как она представлена на разных этапах золотой чеканки этого царя; 4) сохранение фактуры, характерной для кушанских медных монет в целом.

В заключение необходимо отметить, что присутствие медных монет в кладах вместе с подражаниями монетам Васудевы и Канишки III, а также с монетами сасанидских кушаншахов (клад 1962 г. из Болдайтепе — Зеймаль, 1979а, с. 53—54; клад 1965 г. из Шаартузского района — Зеймаль, 1979а, с. 42—45; клад 1972 г. из Шаартузского района, участок «Кзыл Кетман»), показывает, что монеты Васудевы находились в обращении значительно позднее времени их выпуска — видимо, вплоть до эфталитского времени. Это обстоятельство следует учитывать, используя единичные находки медных монет Васудевы в датировочных целях.

---

[50] В частности, к таким поверхностным выводам следует отнести предположительное заключение о том, что «при Васудеве I или Васудеве II—Канишке III происходит денежная реформа, затронувшая, видимо, в первую очередь, область медных номиналов» (Ртвеладзе — Пидаев, 1981, с. 41). Но если отделить монеты Васудевы от подражаний им, все последующие рассуждения о степени развития товарно-денежных отношений «в городских и сельских поселениях Северной Бактрии» выглядят умозрительными схемами.

XVI. МОНЕТЫ ВАСУДЕВЫ. ТАБЛ. 24.

№№	Место и обстоятельства находка	Краткое описание	Вес	Диаметр	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации примечания
		Золотые динары					
1	Не известно (поступила в 30-х годах в ДМ, в годы войны была утеряна)	«Васудева III»[50a]					(определение выполнено по архивным данным)
2	Г-ще Кей-Кобад-Шах (Кобадианский р-н), 1950 г.	«Васудева III»	8,05	29,2	XII	ИД Н-56/1	Дьяконов, 1953, с. 289—290; Зеймаль, 1960, № 20
3	Колхозабад (случайная находка), 1956 г.	«Васудева II»	7,83			ДМ 1817	
4	Близ перевала Чор Мазак (трасса Душанбе—Куляб), до 1958 г.	«Васудева II»	7,96	20,3	XII	ИД Н-437	Зеймаль, 1960, № 17
5	Не известно (до 1948 г.)	*царь перед алтарем влево/ Вишна (Шива) перед быком*	7,0	19		ДМ 1395/3	Забелина, 1952, с. 78, № 15
6	То же	то же	7,0	21		ДМ 1395/4	то же, № 16
7	Совхоз «Сталинабадский» (Гиссарский р-н), 1954 г.	то же	14,90	27,1	XII	ИД Н-24	Зеймаль, 1960, № 19
8	Не известно (из колл. А. Е. Маджи)	то же				ДМ 1884/22	
9	То же	то же				/23	
10	Г-ще Узбеконтепа, кв. А—О, яр. XV, штык 2, ноябрь 1958 г.	то же	7,24	23,0	XII	ИД Н-202/3	
11	Кишл. Симиганч (Орджоникидзеабадский р-н), 1960 г.	то же	4,90	22,6	?	ИД Н-276	
12	Болдай-тепе (Курган-Тюбинский р-н), 1962 г., шурф, слой «Верхний Болдай», 2-ой строительный период, клад	то же	7,41	20,2	XII	ИД Н-63/1	Зеймаль, 1979а, клад № 6, экз. № 1

[50a] Здесь обозначения «Васудева III» и «Васудева II» используются как чисто условные, чтобы показать место этих экземпляров в типологическом ряду золотого чекана Васудевы и сопоставить их с экземплярами из коллекции Гос. Эрмитажа (Зеймаль, 1967, рис. 11 и 12).

№№	Место и обстоятельства находки	Краткое описание	Вес	Диаметр	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
13	Яванское г-ще, 1963 г. (весна), раскоп I, завал на уровне I периода	то же	9,70	25,5	I	ИД Н-68 А/3	
14	То же, 1963 г. (лето), раскоп II, кв. Е-16, 2-й горизонт	то же	7,32	23,2	XII	ИД Н-68/9	
15	То же, 1963 г. (осень), раскоп II, в яме, спущенной с уровня здания ЯВ-I	то же	7,19	21,2	XII	/22	
16	Шаартузский р-н, с/с Бешкент, случайная находка	то же	7,14	25,2	XII	ИД Н-481/1	
17	Шаартузский р-н, 1965 г., клад (сборы на месте распаханного тепе)	то же	6,23	19,8	XI	ИД Н-74/1	Зеймаль, 1979а, клад № 4, экз. № 1
18	То же	то же	3,79	19,2	XII	/2	то же, № 2
19	То же	то же	4,24	17,1	XII	/3	то же, № 3
20	То же	то же	5,61	19,5	XII	/4	то же, № 4
21	То же	то же	4,32	19,2	XII	/5	то же, № 5
22	То же	то же	4,72	18,6	XII	/6	то же, № 6
23	То же	то же	5,30	18,2	XII	/7	то же, № 7
24	Яванское г-ще, 1966 г., на поверхности	то же	7,90	22,6	XII	ИД Н-200	
25	Кишл. Сангова (Бешкентская долина), 1967 г. (случайная находка)	то же	7,63	23,2	XII	ИД Н-418 38	
26	Уч-к «Кзыл Кетман» (колх. им. Ленина Шаартузского р-на), до 1972 г., на хлопковом поле, клад	то же	8,21	21,6	XII	ИД Н-436/2	Приложение, клад № 11
27	Актепе (Бешкентская долина), 1972 г., на поверхности	то же	4,13	22,2	?	ИД Н-435/73	Зеймаль, 1983, № 73
28	Окрестности Гиссарской крепости, до 1973 г.	то же	6,66	22,0	XII?	ИД Н-412/2	
29	Урочище Олимтой близ кишл. Кучкорбулок (Восейский р-н), 1975 г.	то же				ИД	
30	Г-ще Тепаи Шах, 1972 г., на поверхности	то же	7,51	24,9	XII	ИД Н-435/10	Зеймаль, 1983а, № 10
31	То же, некрополь, сооружение II	то же	9,35	25,3	XII	/32	то же, № 32
32	То же	то же	7,63	23,1	XI	/33	то же, № 33

№№	Место и обстоятельства находки	Краткое описание	Вес	Диаметр	Оси	Место хранения, инвент. номер	Публикации, примечания
33	Г-ще Кафирниган-кала, 1975 г. раскоп 5, помещ. 7, в завале	то же	7,20	22,9	XII	ИД Н-429/13	
34	То же, 1978 г., раскоп 5, в кладке стены здания VII—VIII в.	то же	6,90	22,5	XII	/19	
35	То же, шурф под стеной VIII в.	то же	6,03	24,3	XII	/20	
36	Шахринауское г-ще, 1977 г., цитадель, над вторичным полом в большом коридоре	то же	7,59	22,1	XI	ИД Н-473/7	

ГЛАВА XVII. МОНЕТЫ КАНИШКИ III

Среди медных кушанских монет, находимых на территории Таджикистана как при случайных земляных работах, так и во время археологических раскопок, значительную часть (здесь учтено 37 экз.) составляют монеты диаметром 19—22 мм (вес колеблется от 5,5—6 до 8 г) с изображением на л. ст. стоящего царя, обращенного влево, к алтарю (т. е. по обычной для монет Васудевы и для других кушанских монет композиционной схеме), а на об. ст. — сидящей в фас богини с рогом изобилия в левой руке и с венком в протянутой вперед правой руке. Легенда на медных монетах обычно сохраняется плохо, но остатки ее иногда видны и на л., и на об. ст. Далеко не всегда хорошую сохранность имеют и изображения: чаще всего неразличимы нимб-контур у головы царя и детали его головного убора и одежды, плохо видны предметы, с которыми изображен царь, и т. п. важные особенности на л. ст.; на об. ст., как правило, виден точечный ободок, обрамляющий поле монеты, фигурные ножки мягкого трона, на котором сидит богиня, и значительно реже — высокая спинка трона, овальный или круглый „коврик" под ногами богини и другие детали ее изображения.

Достаточно характерный атрибут богини — рог изобилия — позволяет опознать в ней представленную (начиная с Канишки I) на кушанских золотых и медных монетах богиню Ардохш (рог изобилия — ее главный отличительный атрибут в кушанской монетной иконографии) и сопоставить эти медные монеты со сравнительно небольшой (мне известно 12 экз.) группой золотых динаров (XVII. **01—05**), л. и об. ст. которых занята иконографическими типами, повторенными и на рассматриваемых медных монетах. Эти золотые монеты неоднократно воспроизводились (Каннингэм, 1892, табл. VII [XVII], 7, 8; Розенфилд, 1967, табл. XII, 236—241), а отчетливая бактрийская легенда на них

(ϸAONANO ϸAO KANϵϸKO KOϸAN𐡇O) позволяет относить и сами ди-

нары, и параллельный им медный чекан к еще одному кушанскому царю, носившему имя Канишка и явно находившемуся у власти позднее, чем Канишка I и Канишка II, оставивший надпись 41 г. эры Канишки (о предположительно относимых к его чеканке монетах см. выше, гл. XIV), т. е. к Канишке III.

Ни упоминаний в письменных источниках, ни эпиграфических памятников, которые были бы бесспорно связаны с этим кушанским царем, до нас не дошло[51]. Монеты Канишки III — главные документы,

---

[51] Предпринимались попытки связать с Канишкой III часть надписей, якобы датированных «вторым веком» эры Канишки (Лёхайзен де Лёв, 1949; Розенфилд, 1967, с. 106, 267). Ср. Зеймаль, 1968а, с. 30—31; Ставиский, 1977, с. 29.

позволяющие говорить о его пребывании у власти, и наш единственный источник сведений об этом царе.

Сопоставление золотых монет Канишки III с золотыми монетами Васудевы — последнего кушанского царя (см. гл. XVI) позволяет определить место Канишки III в ряду других кушанских царей, т. е. его относительную хронологию. Типологическая близость наиболее ранних монет Канишки III, изображающих царя в военном доспехе (кафтан с нашитыми на него рядами панцирных пластин), к золотым монетам Васудевы, составляющим 2-ю фазу в его чеканке, настолько очевидна (совпадает большинство второстепенных деталей, вплоть до расположения в поле справа от царя акшар письма брахми, хотя на монетах Васудевы это акшары *ха* или *при,* а на монетах Канишки III — *па),* что позволяет считать их выполненными на одном и том же монетном дворе и, вероятнее всего, одним и тем же мастером, прекращающим после этого изготовление штемпелей для монет Васудевы. Таким образом, монеты Канишки III как бы „отпочковываются" от типологического ряда золотых монет Васудевы (это происходит примерно на рубеже 1-й и 2-й фаз его чеканки— Зеймаль, 1965, с. 12) и начинают свой собственный ряд. К близким выводам о тесном примыкании монет Канишки III к монетам Васудевы пришел и Дж. Розенфилд (1967, с. 107—110, табл. XI, 217, 218 и табл. XII, 241 и 237), но им не была проделана работа по хронологической систематизации золотых монет Канишки III и Васудевы, в результате чего он относит ранние монеты Канишки III (золото) к середине чеканки этого царя.

Медные монеты с изображением на об. ст. сидящей богини Ардохш следует рассматривать как чеканку, хронологически параллельную монетам Васудевы. Соответственно, и находки монет Канишки III и Васудевы в археологических комплексах должны иметь одинаковое (или близкое) датировочное значение.

В среднеазиатской археологической и нумизматической литературе (Ерназарова — Кочнев — Ртвеладзе — Федоров, 1978; Ртвеладзе, 1974; Пилипко, 1978 и др.) по недоразумению утвердилось определение монет с изображением сидящей богини Ардохш на об. ст. как монет „Васудевы II". В основе этого неверного определения, видимо, лежит ошибка в руководстве по нумизматике, составленном Ж. де Морганом и подготавливавшемся к печати уже после смерти автора (де Морган, 1936, с. 474, рис. 621)[52]. Во всяком случае, Г. А. Пугаченкова, определяя монеты с сидящей Ардохш как чекан „Васудевы II", ссылается именно на это издание (Пугаченкова, 1966а, с. 277, прим. 238)[53].

К сожалению, это ошибочное определение не только повторяется в многочисленных публикациях Г. А. Пугаченковой (1966а, с. 121; 1967, с. 85—87; 1971, с. 91, ил. 52; Пугаченкова — Ртвеладзе, 1971, с. 106, 112—113; Пугаченкова, 1979, с. 152, ил. 177; Пугаченкова и др., 1978, с. 180—181, 227—231), но и активно „отстаивается" ею (Пугаченкова, 1967, с. 86). Но ни решение вопроса путем „голосования" („Большин-

---

[52] О другой ошибке в этом же пособии по нумизматике (но не исследовании!) см. выше, гл. XII, с. 163.

[53] Возможно, источник недоразумения надпись *васу* (в поле, рядом с изображением царя) на поздних (эфталитского времени) сериях золотых монет, восходящих к монетам Канишки III и Васудевы и уже утративших бактрийскую легенду (если она и «присутствует» на монете, то чтению не поддается). Выше (гл. XVI, прим. 48) уже отмечалось, что наряду с *васу* на этих монетах встречаются и другие знаки письма брахми (*вай, тха, чху, са, кху),* но нет никаких оснований считать, что они передают имя царя, при котором эти монеты выпускались.

ство нумизматов относят эту группу [т. е. монеты с сидящей Ардохш на об. ст. — *Е. З.*] к чекану взошедшего на престол вслед за Васудевой I правителя с тем же именем" — Пугаченкова, 1967, с. 85), ни обоснование разновременности Васудевы I и „Васудевы II" ссылками на археологические комплексы, ни утверждение, что у этих царей разные наряды („военный костюм у одного, светский или жреческий у другого" — Пугаченкова, 1967, с. 86), никак логически не связанное с их разновременностью, ни, наконец, априорное заявление о том, что „денежное хозяйство Кушан при Васудеве I еще относительно устойчиво, при Васудеве же II [т. е. при Канишке III. — *Е. З.*] совершенно расшатано", и не соответствующее истине утверждение о том, что имеется „существенная разница метрических показателей" между монетами „Васудевы I" и „Васудевы II"[54], — ни один из этих „доводов", приведенных Г. А. Пугаченковой, не в состоянии „отменить" чтения имени Канишки на динарах, изображающих на об. ст. богиню Ардохш на троне (XVII. 01—03). Вполне отчетливые воспроизведения этих монет имеются во многих изданиях, и каждый, кто обращается непосредственно к материалу, а не пользуется им „из вторых рук", в состоянии прочесть на золотых динарах имя Канишки[55]. Пока мы не располагаем медными монетами с сидящей богиней Ардохш на об. ст. достаточно хорошей сохранности, на которых уверенно читалось бы легенда. Но нет и золотых монет с Ардохш на троне на об. ст., на которых читалось бы имя Васудевы. В истории Кушанского царства еще так много действительно спорных вопросов, еще так много на самом деле недостоверного или проблематичного, что вряд ли стоит самим исследователям создавать дополнительную путаницу и вносить разнобой в определение монет, когда для этого нет

---

[54] Говоря о разных линейных и весовых показателях медных монет «Васудевы I» и «Васудевы II», Г. А. Пугаченкова в действительности никаких цифр не называет, ограничиваясь данными, приведенными в списке монет (Пугаченкова, 1967, с. 75—79): «Васудева I» — 24—23 мм и 9,47 г (№ 15), 23—22 и 9,71 (№ 41), 23—20 и 9 (№ 42), 20—22 и 7,92 (№ 43), 20—22 и 7,8 (№ 44), 10—20 и 7 (№ 45), 18 и 6,4 (№ 46), 19—20 и 7,4 (№ 66); «Васудева II» — 20—22 и 9,70 (№ 47), 20 и 8,92 (№ 48), 21—20 и 7,3 (№ 49), 13—14 и 6,97 (№ 50), 13—20 и 6,27 (№ 51), 17—16 и 5,52 (№ 52), 21—20 и 5,3 (№ 53), 20—19 и 2,72 (№ 54), 20—21 и 6,5 (№ 67). Резко из этого ряда выпадает только экз. № 54 (скифатная форма кружка, плохая сохранность), видимо, относящийся к числу подражаний монетам Канишки III (см. ниже, гл. XX). Все остальные монеты имеют примерно одинаковые параметры. Их оценка — это уже скорее вопрос о статистической представительности сопоставляемых выборок. Поэтому не выглядит убедительным мнение Г. А. Пугаченковой, что «те и другие монетные кружки не могли бы одновременно обращаться на тех же рынках, ибо лишь первые пользовались бы доверием у покупателя и продавца» (Пугаченкова, 167, с. 86). Даже резкое понижение веса у подражаний монетам Васудевы и Канишки III не препятствовало их одновременному обращению с более полновесными монетами (см. об этом ниже, гл. XIX и XX): проверка веса меди не производилась, их обращение могло быть только условным и принудительным.

[55] Г. А. Пугаченкова высказывает «предположение», что я связываю эти монеты с Канишкой III, «видимо, вслед за П. Гарднером, усматривавшим в трудно читаемой легенде [разрядка моя. — *Е. З.*] имя Канишки» (Пугаченкова, 1967, с. 86), и предлагает оставить «за специалистами спор о дешифровке легенды». Слово «дешифровка» в данном случае вряд ли вообще уместно.

решительно никаких оснований[56].

Хронологическая параллельность монет Васудевы и Канишки III предполагает, что они царствовали в одно время, но, видимо, на разной территории, т. е. что где-то в первой половине царствования Васудевы произошел раздел Кушанского царства на две части. Было высказано немало предположений о том, как был произведен этот раздел — на западную и восточную части (ср. Рэпсон, 1897, с. 19) или на северную и южную (ср. Розенфилд, 1967, с. 110—112; Гебль, 1967, т. II, с. 300). Обычно отправным моментом в рассуждениях на эту тему служит дальнейшая судьба иконографических типов *Ардохш на троне* (Канишка III) и *Шива перед быком* (Васудева), первый из которых был воспринят и получил дальнейшее развитие в чеканке Гуптов и Кидаритов, а второй — послужил прототипом для об. ст. кушано-сасанидских монет[57]. Не являются надежным аргументом и ссылки на различные ареалы монет этих царей (Харматта, 1965, с. 183), во-первых, потому что для развернутого, по всей территории Кушанского царства, сопоставления ареалов нет пока необходимых данных, а, во-вторых, даже те неполные сведения, которые сейчас доступны, рисуют намного более сложную картину, чем это представляется при поверхностном ознакомлении с нумизматическими данными. Видимо, пока вопрос о разделе Кушанского царства (точнее о границе, по которой мог происходить такой раздел) следует оставить открытым.

Находки на территории Таджикистана вряд ли могут быть использованы для решения этого вопроса. И монеты Канишки III, и монеты Васудевы встречаются здесь одинаково часто. В посткушанский период в правобережье Амударьи с одинаковым успехом и, как показывают находки в кладах, одновременно обращаются (а возможно и изготовляются) подражания монетам как Канишки III, так и Васудевы (см. ниже, гл. XIX и XX).

Географическое распределение монет Канишки III на территории Таджикистана примерно совпадает с ареалом, который очерчивается для монет других кушанских царей и приходится на южные районы республики. Только одна находка (XVII. 2) зарегистрирована к северу от Гиссарского хребта — на городище раннесредневекового Пенджикента (1956 г., здание XII), в условиях, стратиграфически не безупречных (Смирнова, 1963, с. 60, рис. 9, табл. III, 22)[58].

---

[56] Мне уже приходилось писать об этом (Зеймаль, 1979а, с. 46, прим. 2), но, к сожалению, здесь приходится снова возвращаться к искусственно возникшей «проблеме» определения медных монет с изображением на об. ст. богини Ардохш. В «Каталоге древних монет Южного Узбекистана» (Ртвеладзе — Пидаев, 1981, с. 40—41, 82—85) авторы предлагают «компромисное» определение этих монет, называя их монетами «Васудевы II = Канишки III». Вряд ли такое «скругление углов» проясняет дело, независимо от того, руководствовались ли авторы «Каталога» стремлением «примирить» существующие точки зрения или действительно считают, что эти монеты выпускались одновременно и «Васудевой II», и Канишкой III, — никаких пояснений на этот счет в указанном «Каталоге» нет.

[57] Известен, однако, экземпляр кушано-сасанидской золотой монеты с изображением на об. ст. сидящей «Ардохш» (Розенфилд, 1967, табл. XII, 248).

[58] О. И. Смирнова дала слишком краткое определение этой монеты без каких-либо комментариев — «Кушаны малые». Монета была найдена «в выбросе из помещения 11», но мы знаем (Маршак, 1964), что здание XII подстилают мощные слои V—первой половины VII вв. со сложной стратиографией, из которых монета была, видимо, переотложена при возведении здания XII во второй половине VII в. Монета Канишки III плохой сохранности и сильно потертая; не исключено, что она проникла за пределы своего основного ареала значительно позднее того времени, когда была выпущена.

Как и для пенджикентской находки, можно констатировать залегание в заведомо более поздних (раннесредневековых) слоях монет Канишки III (XVII. 23—24, 36) с городища Кафирниган-кала (или Токузтепа), но в данном случае, вероятно, эти монеты уже в раннесредневековый период были перемещены из позднекушанского слоя, подстилающего здание VII—VIII вв. И в погребении на городище Кухна-кала (XVII. 1), и в завале над полом № 2 в Белом зале храма на городище Тахти Сангин (XVII. 34), и в сооружении III некрополя городища Тепаи Шах (XVII. 19), и в слое 3-го стратиграфического горизонта на раскопе II Яванского городища (XVII. 10) монеты Канишки III были обнаружены в стратиграфической позиции, позволяющей использовать их для датировки в качестве „младшей" монеты комплекса (со значением „после прихода к власти Васудевы"). В кладе 1972 г. из Шаартузского района (колхоз им. Ленина (участок «Кзыл-Кетман») 4 монеты Канишки III (XVII. 11—14) были найдены с монетами Хувишки (1 экз.), Васудевы (1 экз.), подражаниями Васудеве (18 экз.) и подражаниями Канишке III (11 экз.), т. е. в хронологически нейтральной роли, хотя сам факт совместного пребывания в обращении монет не только разновременных, но и значительно различающихся по весу (от 2,73 до 9,54 г), представляет собой достаточно наглядный (и вполне типичный) пример „всеядности" денежного рынка правобережья Амударьи в посткушанский период.

Хотя монеты Канишки III — совсем не редкость в южных районах Таджикистана и Узбекистана и встречаются не только в виде отдельных находок, но и в кладах (Пугаченкова и др., 1978, с. 231—4 экз. Канишки III = „Васудевы II" и 21 экз. „Васудевы I"), их сравнительно мало в собраниях среднеазиатских музеев (27 экз. — в Ташкентском музее, 8 экз. — в Самаркандском, 7 экз. — в Термезском музее). Видимо, отчасти это объясняется чисто коллекционерской практикой формирования собраний, при которой в музее оседал не весь появлявшийся материал, а только „образцы типов" и их „варианты": медные монеты Канишки III дают устойчивое сочетание типов, не отличаясь в этом отношении разнообразием. Поскольку подавляющее большинство среднеазиатских находок — сильно потертые экземпляры (или имеют плохую сохранность, не позволяющую судить о степени потертости), можно высказать еще одно соображение, касающееся распространения этих монет к северу от Амударьи: не исключено, что какая-то часть монет Канишки III, находимых в южных районах Таджикистана и Узбекистана, проникала туда уже в посткушанский период. Только тщательное наблюдение за стратиграфическим распределением и совместными находками меди Канишки III с другими монетами, выполненное на количественно представительном материале, позволит проверить это предположение и решить, действительно ли правобережье Амударьи входило в состав владений Канишки III.

XVII. МОНЕТЫ КАНИШКИ III. ТАБЛ. 25.

№№	Место и обстоятельства находки	Краткое описание	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
1	Г-ще Кухна-кала, 1953 г. (погребение в помещении)	*царь перед жертвенником/сидящая (на троне) богиня Ардохш*	5,68	22,0	XII	ИД Н-15/4	Зеймаль, 1960, № 23
2	Пенджикентское г-ще, 1956 г., здание XII, выброс из пом. 11	то же	6,85	20	XII	ИД Н-46	Смирнова, 1963, с. 60, № 22, рис. 9, табл. III, 22
3	Г-ще Клыч-Дувал, случайная находка	то же					
4	Не известно (из колл. А. Е. Маджи)					ДМ 1884/28	
5	То же					ДМ 1884/26	
6	Не известно					ДМ 1977	
7	Близ Орджоникидзеабада, 1962 г.	то же	7,45	22,6	XI	ИД Н-272	
8	Яванское г-ще, 1963 г., раскоп I, период ЯВ-I, в завале	то же	4,33	20,4	XII	ИД Н-68А/4	
9	То же, период ЯВ-1, помещ. 3, в завале	то же	8,53	20,3	XII	ИД Н-68А/5	
10	То же, раскоп II, кв. В-17, 3-й стратигр. горизонт	то же	6,58	21,5	XII	ИД Н-68/12	
11	Уч-к «Кзыл Кетман» (колхоз им. Ленина Шаартузского р-на), до 1972 г., на хлопковом поле, клад	то же	7,94	21,7	XII	ИД Н-436/21	Приложение, № 11
12	То же	то же	7,86	21,0	XII	/22	
13	То же	то же	7,97	16,3	XII	/23	
14	То же	то же	7,27	22,6	XII	/24	
15	Кишл. Симиганч (Орджоникидзеабадский р-н), 1962 г., случайная находка	то же	7,55	22,5	XII	ИД Н-270/1	
16	Г-ще Тепаи Шах, 1972 г., на поверхности	то же	4,82	20,2	XII	ИД Н-435/11	Зеймаль, 1983а, № 11
17	То же	то же	5,57	18,9	XII	/12	то же, № 12
18	То же, некрополь, сооружение II	то же	7,70	21,8	XII	/38	то же, № 38
19	То же, сооружение III	то же	6,19	21,7	XII	/50	то же, № 50
20	Хишт-тепе (Кобадианский р-н), 1972 г., на поверхности	то же	5,10	18,1	?	/52	то же, № 52
21	Ак-тепе II (Бешкентская долина), 1972 г., на поверхности	то же	5,93	21,0	XII	/70	то же, № 70

№№	Место и обстоятельства находки	Краткое описание	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номер	Публикации, примечания
22	В 0,5 км от Мунчак-тепе (колхоз «Искра» Шаартузского р-на), 1969 г., случайная находка при очистке арыка	То же	6,45	21,0	XII	ИД Н-477/1	
23	Г-ще Кафирниган-кала, 1975 г., раскоп V, двор храма (XIV яр.)		6,68	19,6	XII	ИД Н-429/2	
24	То же, 1975 г., пом. 2 («святилище»), в 15 см над полом, у центр. постамента (XV яр.)	то же (или подражание ?)	6,69	21,5	XII	/3	
25	Шаартузский р-н, 1965 г., клад (сборы на месте распаханного тепе)	то же	6,83	21,4	XII	ИД Н-198/2	Зеймаль, 1979а, клад № 4, № 35
26	То же	то же	7,06	20,75	XII	/3	то же, № 36
27	То же	то же (или подражание ?)	7,23	19,6	XII	/4	то же, № 37
28	То же	то же (или подражание ?)	7,07	20,6	XII	/5	то же, № 38
29	Окрестности Гиссарской крепости, до 1973 г.	то же	6,72	21,4	XII	ИД Н-412/1	
30	Г-ще Актепе (Бешкентская долина), 1977 г., раскоп I, в выбросе из *погребальной ямы*	то же	7,39	21,0	XII	ИД Н-419/11	
31	То же, 1977 г., окрестности, на поверхности	то же	5,55	20,0	XII?	/12	
32	Г-ще Тахти Сангин, 1976 г., на поверхности	то же	6,23	19,5	XII	ИД Н-430/2	
33	То же, 1978 г., зал, центр. часть, между 3 и 4-м полами (0,5 м над материком)	то же	5,59	20,7	XII	ИД Н-431/95	
34	То же, 1979 г., сев.-зап. треть *зала*, «серый пол» (№ 2), 0,2 м над материком	то же	4,92	20,6	XII?	ИД *Н-432/106*	
35	То же, 1979 г., на поверхности	то же	7,83	22,2	XII	/111	
36	Г-ще Кафирниган-кала, 1980 г., коридор, на полу	то же	6,50	21,6	XII	ИД Н-429/22	
37	Развалины монастыря Уштур-мулло, 1981 г., помещ. 20, завал над верхним полом	то же	7,17	21,6	XII	ИД Н-486/13	

XVII. 01-05 — золотые монеты с именем Канишки (на об. ст. — *сидящая Ардохш*), все — из собрания Британского музея (Каннингэм, 1895, табл. I, 1, 4— соответственно XVII. 01 и 03).

Часть четвертая

МОНЕТЫ ПОСТКУШАНСКОГО ПЕРИОДА

В этот заключительный раздел вошли монеты, обращавшиеся на территории Таджикистана во второй половине или в конце IV—V вв. н. э., когда Кушанское царство уже прекратило свое существование. Объединенные вместе по хронологическо-территориальному признаку, типологически эти монеты далеко не однородны. Принципиально „родственны" между собой только три линии подражаний кушанским монетам (гл. XVIII, XIX, XX), хотя у каждой из них свои прототипы и свои особенности развития. Монеты сасанидских кушаншахов (гл. XXI), выпускавшиеся от имени наместников иранского „царя царей" на Востоке (нередко они являлись и наследниками престола, т. е. будущими шаханшахами Ирана), хотя и были в какой-то степени приспособлены к обращению на территории бывшего Кушанского царства, его западных областей, все же остаются по существу сасанидской (хотя и провинциальной) чеканкой. И, наконец, совсем особняком среди монет этого раздела стоит раннесогдийская серебряная чеканка с изображением лучника на об. ст. (гл. XXII) — монеты Самаркандского Согда, представленные на территории Таджикистана находками из Пенджикента.

Подражания монетам кушанских царей — Хувишки (гл. XVIII), Канишки III (гл. XX) и Васудевы (гл. XIX) — остаются до настоящего времени недостаточно изученными как с формально-типологической точки зрения, так и с точки зрения их экономической сущности. Источниковедческая оценка каждой из этих трех групп подражаний (настолько она возможна на данной стадии изученности) дана ниже, в соответствующих главах. Здесь же необходимо отметить то общее, что характерно для посткушанских подражаний, и прежде всего подчеркнуть их принципиальное отличие от нумизматических памятников, объединяемых термином «варварские подражания». «Варварские подражания» — это прежде всего начальная форма чеканки областей (стран), ранее не знакомых с денежным обращением, тогда как подражания монетам кушанских царей обращаются (и, видимо, выпускаются) на территории, уже хорошо знакомой с денежным обращением. Коренное отличие заключается в том, что «варварские подражания», как правило, выпускаются из более дешевого металла, чем монеты-прототипы (например, медные подражания серебряным тетрадрахмам и драхмам Гелиокла), или из металла худшего качества (например, постепенную порчу серебра обнаруживают подражания оболам Эвкратида), или, наконец, они имеют значительно более низкий вес, чем монеты-протопы (пример такой редукции в сочетании с ухудшением состава металла на каких-то этапах чеканки — подражания монетам Антиоха, выпускавшиеся и обращавшиеся в Согде). Иначе говоря, обращение «варварских подража-

ний» по тем же нормам и законам, по которым обращаются монеты-прототипы, невозможно: их экономическая сущность, нормы их обращения в принципе иные по сравнению с так называемой „полноценной" монетой.

Подражания монетам кушанских царей не обнаруживают всех этих особенностей, характерных для «варварских подражаний». Они изготовляются из меди, как и монеты кушанских царей, которым они следуют, — в этом их главное отличие от «варварских подражаний». Чисто внешние признаки „варваризации" (огрубление, схематизация и постепенное разложение изображений; быстрая утрата легендами читаемости, а затем и полное их исчезновение) в данном случае имеют второстепенное значение и никак не связаны с экономической сущностью этих выпусков, хотя и отражают в какой-то степени те условия, в которых осуществлялось денежное обращение (во всяком случае, к северу от Амударьи, но, возможно, и по всей территории Кушанского царства) в кушанскую эпоху. Условное (т. е. не определяемое стоимостью металла, пошедшего на изготовление монеты) обращение медных кушанских монет явно не учитывало вес металла в монете — именно поэтому уже при Канишке и особенно при Хувишке проявилась тенденция к постепенному падению их веса: если расчетной единицей была монета вообще, штука (а не монета определенного веса), монетный двор без какого-либо ущерба для сферы обращения мог выпускать, чуть понижая вес отдельной монеты, большее количество штук из того же количества металла.

Как показывают археологические данные, одновременно с собственно кушанской монетой в обращении находились и монеты докушанского периода, видимо, каким-то образом соотнесенные с кушанской медью и — через нее — с золотой кушанской монетой (см. об этом выше, с. 179). Территории к северу от Амударьи, где кушанские медные монеты имели широкое хождение, видимо, стали испытывать недостаток в монете, когда прекратился ее приток — в результате отпадения этих областей от Кушанского царства в правление Хувишки или позднее, уже после того, как Кушанское царство перестало вообще существовать. Подражания монетам кушанских царей должны были восполнить нехватку собственно кушанских монет в обращении и, видимо, вполне соответствовали этому назначению, поскольку мы располагаем довольно протяженными — и типологически, и хронологически — рядами этих подражаний: ни грубость техническая, с которой они изготовлены, ни схематичность изображений, ни низкий вес монет, видимо, не препятствовали, если судить по составам кладов, их обращению (в том числе и совместно с собственно кушанскими монетами).

Таким образом, подражания монетам кушанских царей, не отличаясь от своих монет-прототипов по металлу, по существу, продолжают кушанскую медную чеканку, хотя и на несравненно более низком техническом и художественном уровне. Их можно было бы (в отличие от «варварских подражаний») обозначить каким-то иным термином (например, имитационная чеканка), но главное — посткушанские подражания выпускались с целью сохранить и продолжить традиции и нормы обращения кушанской меди, а характер обращения и монет-прототипов, и монет-имитаций при этом остается (во всяком случае, в главных своих чертах) одинаковым. С этой точки зрения какие-либо параллели между «варварскими подражаниями» и монетами-имитациями просто невозможны (ср. Ртвеладзе, 1980, с. 77), если не ограни-

чиваться чисто внешними признаками „варваризации". Соответственно, должна различаться и их интерпретация в качестве исторического источника. Монеты-имитации в этом отношении вызывают особенно большие трудности.

Совершенно не исследован вопрос о том, кто выпускал подражания монетам кушанских царей. Сопоставление между собой подражаний, обращавшихся в разных областях территории бывшего Кушанского царства, — один из возможных путей решения этого вопроса в будущем, но пока для этого нет необходимых публикаций, не разработаны классификация и хронологическая систематизация для каждой группы подражаний, не выяснены ареалы обращения подражаний монетам разных кушанских царей и не определена продолжительность их обращения, т. е. не проделана большая и трудоемкая работа по источниковедческой обработке посткушанских имитиационных выпусков, для выполнения которой необходимы объединенные усилия исследователей *разных стран, на территории которых обращались подражания монетам* кушанских царей. В связи с публикацией монет из раскопок в долине р. Сват (Пакистан) проблемы изучения посткушанских имитационных выпусков касался Р. Гёбль (Гёбль, 1976, с. 43—48), высказавший интересные замечания методического характера.

В данной работе внимание сосредоточено на вопросах источниковедческого характера — в том объеме, в каком они могут быть поставлены на вполне конкретных нумизматических материалах, происходящих из Таджикистана. В целом же, необходимо подчеркнуть, что подражания монетам кушанских царей нельзя рассматривать как узко локальное, присущее только Северному Тохаристану явление. Находки таких монет-имитаций на территории Таджикистана могут свидетельствовать лишь об их обращении к северу от Амударьи, но где осуществлялся их выпуск — вопрос, на который пока невозможно ответить.

Монеты сасанидских кушаншахов, источниковеческое исследование которых также нельзя считать завершенным, во многих отношениях принципиально отличаются от подражаний медным монетам кушанских царей, будучи регулярной чеканкой большого централизованного государства — Сасанидской державы — с хорошо налаженным денежным хозяйством и высоко развитым денежным обращением. Приспособленные лишь отчасти к условиям местного обращения («кушано-сасанидские» серии), они остаются и по весовым показателям, и по фактуре, и по главным элементам иконографии (особенности царского портрета) монетой сасанидской, хотя и получают к северу от Амударьи широкое распространение и обращаются и в Южном Таджикистане, и в Южном Узбекистане, судя по совместным находкам, одновременно с подражаниями медным монетам кушанских царей. Если подражания монетам кушанских царей нейтральны в политическом отношении (во всяком случае, для нас и на данном этапе их изучения), монеты сасанидских кушаншахов, будучи выпусками, специально предназначенными для оккупированных Сасанидами областей Кушанского царства, могут служить ценным источником для реконструкции политической истории Северного Тохаристана, если принимать во внимание зоны их массового распространения. Менее уверенно можно судить о продолжительности обращения монет сасанидских кушаншахов в Северном Тохаристане: можно предполагать, что они оставались в обращении вплоть до начала хождения к северу от Амударьи монет эфталитской чеканки.

Появление в Северном Тохаристане эфталитских серебряных монет, чеканенных по образцу сасанидских драхм Пероза, знаменует собой начало нового — раннесредневекового периода в истории денежного обращения Средней Азии. Сходные явления наблюдаются примерно в это же время и в долине Зеравшана, где на смену раннесогдийским монетам, вероятно, уже в VI в. приходят серебряные монеты, следующие драхмам Варахрана V. Как показывают находки последних лет на Пенджикентском городище, в долину Зеравшана проникали единичные экземпляры кушанских монет и подражаний им, видимо, участвовавшие в местном денежном обращении наряду с раннесогдийскими серебряными монетами с изображением на об. ст. лучника вплоть до начала VI в. В гл. XXII рассматриваются только пенджикентские находки монет с лучником. Полное, с привлечением более широкого материала, исследование этой группы раннесогдийских монет не входит в задачи этой работы.

ГЛАВА XVIII. ПОДРАЖАНИЯ МЕДНЫМ МОНЕТАМ ХУВИШКИ

Подражания медным монетам Хувишки — это, пожалуй, наименее исследованная группа монет, обращавшихся в Средней Азии в посткушанский период. Правда, первые экземпляры таких подражаний были опубликованы еще в 30-х годах XIX в.; вместе с довольно большой подборкой медных монет Хувишки они составили „самостоятельный" раздел, приписанный (в отличие от монет Хувишки, именовавшихся тогда „монетами Хооерка") царю по имени „Кеноран" (Вильсон, 1841, с. 371—373, табл. XIII, 9, 13, 14). Появлявшиеся в последующие десятилетия экземпляры подражаний медным монетам Хувишки также не были выделены в особую группу и продолжали оседать в музейных собраниях или под рубрикой „неопределенные кушанские", или как монеты Хувишки.

Первая публикация, в которой монеты самого Хувишки отделены от „поздних подражаний" им, — издания нумизматических материалов, найденных в Таксиле (Маршалл, 1951, с. 821, табл. 243, 267 и 268), но там же еще два экземпляра, относящихся к этой же группе подражаний, остались неопознанными и изданы среди неопределенных монет (Маршалл, 1951, с. 827, табл. 246, 335 и 337).

На территории Таджикистана подражания медным монетам Хувишки были впервые зарегистрированы во время раскопок и разведок в Яванском р-не в 1963—1965 гг. (XVII. 1, 2), и в дальнейшем, по мере накопления новых данных (XVIII. 3—5), все более определенно фиксировались как особая разновидность медной чеканки посткушанского периода.

Наибольшее число монет-подражаний этой группы дали работы 1972 г. в оазисе Тепаи Шах (левобережье самого нижнего течения р. Кафирниган), откуда происходят 13 экз. (XVIII. 6—18), найденных на городище Тепаи Шах и на Хишттепе (Литвинский, 1976, с. 74).

Подражания медным монетам Хувишки отличаются от своих прототипов сильной схематизацией изображений и, как правило, полным исчезновением легенд. Но подражания легко опознаются и по фактуре монеты, и по своим чисто техническим особенностям. Монетный кружок у них значительно тоньше, чем у собственно монет Хувишки (примерно 1,5 мм вместо 3—4 мм), и далеко не всегда имеет правильный контур круга. Диаметр таджикистанских экземпляров дает колебания от 19 до 22 мм (XVIII. 6—22,4 мм), что несколько меньше, чем у подлинных монет Хувишки. Вес подражаний много ниже веса прототипов и очень неустойчив — от 0,83 до 3,59 г (XVIII. 5—4,6 г). С технической и художественной точек зрения все они исполнены крайне небрежно, рельеф изображений очень низкий. Некоторые подражания монетам Хувишки имеют легкую скифатность („чашевидность"), но она выражена в этих

случаях очень слабо. Сохранность монет, как правило, плохая. Соотношение осей, если его можно определить, приходится на XII часов (реже, но бывает, — XI или I час).

Среди подражательных выпусков представлены все три иконографических типа л. ст., характерные для монет самого Хувишки. Степень отдаления от прототипа и схематизации изображений столь значительна, что определить, какой именно „сюжет" изображает та или иная монета, можно лишь с помощью хорошо известных композиционных схем л. ст. медных монет Хувишки. *Царь на слоне* (XVIII. 6—9, 13, 15) опознается на таджикистанских монетах вполне определенно, но схематизация настолько велика, что не всегда можно установить, влево или вправо обращены слон и его царственный наездник. Иконографические схемы *царь на тахте* (XVIII. 10, 12 и, возможно, 14) и *сидящий царь со скрещенными ногами* (XVIII. 16, 17), достаточно выразительные и стоящие несколько особняком среди обычных композиций л. ст. кушанских медных монет, легко узнаются и на монетах-подражаниях, хотя огрубление и схематизация иногда достигают стадии, близкой к полному „разложению" изображения, к полной потере ими изобразительного содержания.

Необходимо также обратить внимание на экз. XVIII. 12, на одной стороне которого воспроизведена композиционная схема *царь на тахте,* а на другой — *царь на слоне,* т. е. у этой монеты как бы две л. ст. и ни одной об. ст.

Композиционная схема об. ст. у большинства таджикистанских монет, подражающих медным выпускам Хувишки, видимо, одинаковая, но детали изображения обнаруживают различия, неизбежные для разных стадий искажения. На монетах самого Хувишки по такой схеме изображался, как правило, бог Михр (или Мах): стоящее мужское божество, обращенное влево, с вытянутой вперед на уровне плеча правой рукой. Изображение предельно схематизированное, но тамга слева от изображения чаще всего на подражаниях видна. Нет полной уверенности, изображен ли в вытянутой правой руке какой-нибудь предмет (например, характерный для иконографии Атеша на медных монетах Хувишки венок) или нет. В одном случае (XVIII. 1) похоже, что персонаж на об. ст. держит двумя руками (на уровне) пояса длинное копье, обращенное влево. Сохранность не позволяет с уверенностью судить об этом, но так божества на медных монетах Хувишки не изображались, и, может быть, в данном случае изменение композиционной схемы уже вызвано далеко зашедшей деградацией исходного изображения.

Одна монета-подражание из Тепаи Шах (XVIII. 11) изображает и на л. и на об. ст. стоящую фигуру, отдаленно напоминающую стоящего Михра на монетах Канишки и Хувишки: у нее как бы две об. ст. и ни одной л. ст. (т. е. случай обратный, по сравнению с экз. XVIII. 12).

Степень схематизации как л., так и об. ст. у публикуемых монет неодинакова. Видимо, со временем, когда число экземпляров таких подражаний медным монетам Хувишки увеличится, можно будет выделить разные стадии этой чеканки. Но уже сейчас можно высказать предположение, что объектом подражания служили только те медные монеты Хувишки, которые были выше отнесены к «периоду А». В этом убеждает, в первую очередь, „состав" типов об. ст.: на подражаниях не представлены не только такие сравнительно редкие типы для медных монет Хувишки, как Ардохш, Фарр, Атеш с молотом и кузнечными щипцами, но и очень широко распространенный на монетах «периода

Б» тип. об. ст.—стоящий двурукий Виша-Шива, отличающийся довольно определенно от других стоящих божеств характерным положением рук (правая рука, согнутая в локте и поднятая вверх на уровень головы, опирается на трезубец, левая рука опущена вдоль тела вниз), т. е. признаком, который обычно, даже при сильной схематизации в процессе чеканки подражаний, не претерпевал бы изменений. „Тамга Канишки", которая служила опознавательным признаком для медных монет самого Хувишки «периода А», на подражаниях подвергается искажениям, что затрудняет ее уверенное опознавание. Но при этом на л. и об. ст., подражаний нет и четко выраженной „тамги Хувишки", типичной для «периода Б». Скорее можно предполагать, что на подражаниях присутствует (во всяком случае, на тех, которые были мне доступны) не „тамга Хувишки", а искаженная „тамга Канишки". Находки новых экземпляров должны будут прояснить этот вопрос окончательно, но имеющийся в настоящее время материал, никак не отражающий особенности медных монет Хувишки «периода Б», позволяет возводить рассматриваемые подражания только к первому периоду чеканки меди от имени Хувишки («период А»).

Уже первые находки подражаний медным монетам Хувишки на территории Таджикистана поставили вопрос об их локализации, которая должна поневоле опираться только на сведения о происхождении этих монет. Яванское городище и его окрестности, городище Саксанохур близ Пархара, окрестности Шахринау и оазис Тепаи Шах, — пункты, целиком укладывающиеся в пределы ареала, характерного для монет кушанских царей в Таджикистане. Это первоначально породило предположение о сугубо местном происхождении этих выпусков (Зеймаль, 1983, с. 163—164), а единичные экземпляры из Таксилы и Беграма (сборы Ч. Массона, учтенные в публикации Вильсона) можно было бы рассматривать как экземпляры, вышедшие за пределы своего основного ареала.

Но теперь в эту схему должны быть внесены важные коррективы, поскольку еще 10 экз. стилистически и типологически очень близких к тем, что были найдены в Таджикистане, как стало теперь известно (Гёбль, 1976, № 184—194), происходят из раскопок в Буткаре I (долина Свата в Северо-Западном Пакистане). Здесь также представлены все три иконографических типа л. ст. (*царь на слоне* — № 184—188, *царь на тахте* — № 189 и, возможно, 190, *царь со скрещенными ногами* — № 191—193, 194?). Среди иконографических типов об. ст. явно преобладает композиционная схема, восходящая к изображениям стоящего Михра (или Маха) на монетах Хувишки «периода А». Исключение, не нарушающее заключений, сделанных на таджикистанских материалах, составляет только экз. № 189 (Гёбль, 1976[1]), фигура на об. ст. которого явно держит в вытянутой руке венок (как Атеш на медных монетах Хувишки «периода А»), а также экз. № 190 и 194, об. ст. которых плохо различима.

Находки из Буктары I уже не позволяют рассматривать Таксилу и Беграм как пункты случайных находок за пределами основного ареала, значительно расширяя тем самым зону обращения рассматриваемых подражаний. Конечно, об окончательном определении границ сферы обращения подражаний медным монетам Хувишки говорить пока

---

[1] Знакомством с этой публикацией я целиком обязан любезности А. Б. Никитина и Б. Я. Ставиского, которых считаю своим приятным долгом поблагодарить.

не приходится[2]. Судя по тому, что и среди монет из Буткары I, и в находках с городища Тепаи Шах, и в экземплярах из Таксилы и Беграма представлены все три основных иконографических типа л. ст. в сочетании с почти унифицированным типом об. ст., восходящим к Михру на монетах Хувишки, всю эту группу подражаний можно рассматривать как единую, не стремясь, например, локализовать монеты с разными типами л. ст. отдельно и в каких-то очень узких зонах.

Хронологическое определение подражаний медным монетам Хувишки также пока, до появления новых данных, должно иметь лишь предварительный и вынужденно умозрительный характер. Непосредственное примыкание этих выпусков не к медным монетам Хувишки вообще, а только к чеканке «периода А», позволяет считать, что их выпуск мог начаться уже при жизни этого кушанского царя. Если в дальнейшем получит подтверждение в новых материалах высказанное выше (см. гл. XV) предположение о том, что где-то в середине правления Хувишки часть северных владений отпадает от этого царя, начало чеканки рассматриваемых подражаний можно будет считать синхронным «периоду Б» правления Хувишки, когда прекратился приток на север монет этого царя, или даже отнести ко времени царствования Васудевы, если потребность в пополнении находящейся в обращении монетной массы возникла несколько позже. Отнесение начала их чеканки к более позднему времени предполагало бы одновременное изготовление сразу трех видов подражаний медным кушанским монетам — Хувишки, Канишки III и Васудевы (см. ниже, гл. XIX, XX), ареалы которых, судя по находкам, не различаются.

Для датировки подражаний медным монетам Хувишки может иметь важное значение отсутствие среди монет, найденных в слое на городище Тепаи Шах (и вообще в окружающем его оазисе, если не принимать во внимание находки с Хишт-тепе и Уштур-мулло), кушано-сасанидских монет, датировка которых не зависит непосредственно от кушанских абсолютных дат, хотя и тесно с ними связана. Если считать, что городище Тепаи Шах и его округа не доживают до массового проникновения в правобережье Амударьи медных монет сасанидских кушаншахов, время выпуска подражаний монетам Хувишки можно было бы ограничить второй половиною царствования царя Хувишки («период Б»), с одной стороны, и началом сасанидского господства в бывших кушанских владениях, с другой.

Такая относительная хронология рассматриваемых подражаний вполне согласуется с тем фактами, которыми мы сейчас располагаем. Однако до полной ясности в этом вопросе, видимо, еще далеко: и на поверхности городища Тепаи Шах, и в сооружении II некрополя представлены подражания монетам Васудевы (главным образом, I и II стадии) и Канишки III (см. о них ниже), явно находившиеся в обращении одновременно с кушано-сасанидскими монетами (Зеймаль, 1979а, с. 42—56, клады № 4—6), а возможно, и поднее. Не зарегистрировано кушано-сасанидских монет и на Яванском городище, но 4-й горизонт (сверху) на стратиграфическом раскопе II дал оттиск штампа на керамическом сосуде, имеющий прямые кушано-сасанидские аналоги. Но верхний слой Яванского городища (горизонты 1—3-й) по керамиче-

---

[2] В частности, остается неясным, представлены ли такие подражания в южных районах Узбекистана: в известных мне публикациях они не фигурируют, но, возможно, они остались неопределенными или неопознанными среди уже имеющихся находок.

скому материалу дает очень близкие параллели с верхним слоем поселения Болдайтепе, в котором был найден клад, состоящий из кушано-сасанидских медных монет и подражаний медным монетам Васудевы.

Все это заставляет нас воздержаться от окончательного решения вопроса о датировке подражаний медным монетам Хувишки. Предположительная датировка времени их выпуска — начиная со второй половины правления Хувишки и до начала распространения в правобережье Амударьи кушано-сасанидских монет. Но в обращении, видимо, они могли оставаться и дольше.

XVIII. ПОДРАЖАНИЕ МОНЕТАМ ХУВИШКИ. ТАБЛ. 26.

№№	Место и обстоятельства находки	Краткое описание	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
1	Яванское г-ще, 1963 г. (осень), раскоп V, улица (в кладке стены), ЯВ-I	схематизированные и искаженные типы *царь на тахте/стоящее божество*	2,04	20,6	II	ИД Н-68/31	
2	Кишл. Дастгирак (Яванский р-н), 1965 г., на поверхности		1,07	19,0	?	ИД Н-75/7	
3	Г-ще Саксанохур, раскоп III, 1967 г., яр. I, уровень верхнего пола		1,86	21,7	—	ИД Н-202/2	
4	Шахринау (случайная находка), 1967 г.		4,69	22,9	XI?	ИД Н-278/2	
5	То же, 1968 г.					ИД Н-212	
6	Г-ще Тепаи Шах, 1972 г.,	*царь на слоне/стоящее божество (Михр ?)*	1,94	22,4	I	ИД Н-435/15	Зеймаль, 1983а, № 15
7	То же	то же	1,55	21,0	?	/16	то же, № 16
8	То же, раскоп I, пом. 3, завал над полом	то же	2,75	21,9	XII	/18	то же, № 18
9	То же, завал над полом	то же	0,83	19,8	?	/19	то же, № 19
10	То же	то же *(царь на тахте ?)*	2,75	19,4	XII	/20	то же, № 20
11	То же	на л. и об. ст — изображение стоящей фигуры	0,86	20,1	XII	/21	то же, № 21
12	То же	л. ст. — *царь на слоне*/об. ст. — *царь на тахте* (схематично)	2,57	20,5	XI	/22	то же, № 22
13	То же, раскоп I, пом. 3, пол у поперечной стенки	*царь на слоне* (или *на тахте ?*)/*стоящая фигура*	1,57	21,6	XII?	/23	то же, № 23
14	То же, пол у сосуда № 1	*царь на тахте (?)/стоящая фигура*	3,33	20,5	XII	/24	то же, № 24
15	То же, раскоп I, пом. 19, заполнение (яр. III)	л. ст. — *царь на слоне*, об. ст. — не различима	3,59	21,0	XII	/26	то же, № 26
16	То же, раскоп II, пом. IV А, забутовка между пом. IV А и V А, верхний слой	л. ст. — *сидящая фигура* (тахт не виден)/*стоящее божество влево (Мах ?)*	2,42	19,3	III	/30	то же, № 30
17	Хишттепе (Кобадианский р-н), 1972 г., на поверхности	л. ст. — *сидящая фигура* (?)/об. ст. — *стоящее божество*	2,61	20,0	I?	/56	то же, № 56
18	То же, шурф (конец IV яр.)	изображения плохо видны	2,14	20,3	—	/63	то же, № 63

XVIII. **01-07** — медные подражания монетам Хувишки, найденные за пределами Таджикской ССР.

ГЛАВА XIX. ПОДРАЖАНИЯ МЕДНЫМ МОНЕТАМ ВАСУДЕВЫ

Подражания медным монетам Васудевы, найденные на территории Таджикистана (зарегистрировано 165 экз.), — это лишь очень небольшая часть, пожалуй, наиболее обильной подражательной чеканки посткушанского периода. Так, экз. XIX. 116—118, по сведениям находчика, были обнаружены вместе с другими такими же монетами в кувшине, а общий вес всех монет достигал якобы 4 кг. Подражания монетам Васудевы, имеющие низкий рельеф и, как правило, чеканенные довольно небрежно, далеко не всегда бывают хорошей сохранности и часто остаются неопределенными.

Но в целом сейчас уже накоплен обширный материал (даже если принимать во внимание, в первую очередь, монеты хорошей сохранности), достаточно определенно свидетельствующий о типологической неоднородности этой подражательной чеканки (при неизменности, в принципе, композиционных схем л. и об. ст. *стоящий царь перед алтарем влево* и *Виша-Шива, стоящий перед быком*).

Подражания монетам Васудевы обнаруживают различия, позволяющие, исходя из степени отдаления от прототипа, подразделить их на пять последовательных серий, каждая из которых соответствует определенному периоду чеканки этих подражаний (рис. 5).

Наибольшие трудности вызывает выделение подражаний, относящихся к 1-му периоду (рис. 5-I—II). Не всегда можно отличить, особенно если монета плохой сохранности, наиболее ранние экземпляры (т. е. максимально близкие к прототипу) от монет самого Васудевы. Трудно определимые особенности стилистического характера (большая или меньшая степень схематизации; частичные изменения пропорций фигур, еще не дающие качественно нового эффекта; некоторое „упрощение" деталей, оказавшихся непонятными для резчика штемпелей и т. п.) не могут быть использованы в качестве опознавательных признаков этой стадии, прежде всего из-за слишком субективных оценок, которые при этом возможны. Намного более объективными критериями должны служить такие признаки, как полная анэпиграфность подражательных выпусков 1-го периода, отсутсвие на об. ст. тамги и, видимо, точечного ободка. Эти признаки были использованы для хронологической систематизации подражаний монетам Васудевы при публикации клада 1965 г. из долины Кафирнигана (Зеймаль, 1979а, с. 42—46), однако последующее накопление материала внесло некоторые коррективы в оценку этих признаков: стали известны экземпляры явных подражаний, на которых еще сохранился ободок и продолжает изображаться тамга. Анэпиграфность, как оказалось, признак более универсальный, но сохранность монеты не всегда позволяет судить, воспроизводилась на ней легенда (или ее имитация) или нет.

Видимо, на данном этапе изученности подражаний медным монетам Васудевы необходимо учитывать, выделяя подражания 1-го периода, всю совокупность признаков. Экземпляры, причисляемые к числу подражаний по стилистическим признакам и по отсутствию легенды, но имеющие точечный ободок и тамгу на об. ст. (или их рудименты), могли бы при этом составить переходную группу (или наиболее раннюю серию подражаний).

Рис. 5. Подражания медным монетам Васудевы

Второй период в чеканке подражаний характеризуется дальнейшим отдалением от прототипа (рис. 5—III). Схематизация изображений и удлиненные пропорции фигур (особенно показательно в этом отношении изображение Вишы-Шивы на об. ст.) уже могут быть выделены как характерные для этого периода признаки. На этой стадии изготовления подражаний прототипом служат уже не монеты самого Васудевы, а подражания 1-го периода, все отмеченные выше особенности которых как бы закрепляются монетами 2-го периода. Важная и легко опознаваемая деталь — остроугольные полы царского кафтана (на л. ст.) и обрамление его по внешнему контуру мелкими точками-„перлами". Но основной опознавательный признак монет 2-го периода— бросающееся в глаза даже на монетах плохой сохранности нарушение

первоначальной иконографической схемы: левая рука не поднята вверх (как это было на монетах Васудевы и на подражаниях 1-го периода), а опущена вниз, в положении, симметричном правой руке. Как правило, штемпели этого и последующих периодов заметно больше монетного кружка. Поэтому голова царя или ноги на л. ст. (а иногда и то, и другое) оказываются, как правило, за пределами поля монеты; не попадает в пределы монетного кружка и голова Шивы на об. ст.

На монетах третьего периода (рис. 5—IV) фигура царя, в отличие от предшествующих этапов чеканки и монет самого Васудевы, изображена с подчеркнуто (и даже утрированно) тонкой талией, хотя до полной потери содержания дело, видимо, еще не доходит. Полы царского кафтана становятся еще более остроугольными и ниже талии расходятся под углом в стороны. Более обильным становится обрамление кафтана точками-„перлами": оно идет уже не в один ряд, а в два или в три, иногда покрывая не только контур одеяния, но и все его пространство. К использованию этого признака следует, однако, подходить с большой осторожностью. Во-первых, точки-„перлы" хорошо различимы далеко не на всех монетах, а только на тех, которые мало потерты, во-вторых, украшенный „перлами" кафтан — признак, более характерный для монет Канишки III, чем для монет Васудевы, — возможно, появляется на подражаниях 3-го периода далеко не во всех областях, где изготовлялись подражания монетам Васудевы (локализация их остается пока делом будущего, когда появятся публикации подражаний монетам Васудевы, происходящих из разных областей). Отмечая этот признак на монетах 3-го периода, видимо, не стоит его рассматривать как обязательный, определяющий — его может не быть совсем или он может быть просто не виден.

На об. ст. и Шива, и бык имеют те же резко удлиненные пропорции (по вертикали), как правило, уходящие за „кадр". Намного сильнее ощущается схематизация, приводящая иногда к „распаду" рисунка, к расчленению его на вполне „самостоятельные" (или очень плохо соединенные в одно целое) объемы и контуры. В качестве опознавательного признака этой серии на об. ст. необходимо отметить, как показаны ноги Шивы: ниже дхоти, изображенного условно и очень приблизительно (т. е. примерно от уровня колен и ниже), они как бы расходятся под острым углом, тогда как на монетах самого Васудевы и на более ранних стадиях подражательной чеканки ноги Шивы показаны, как правило, параллельными линиями или в положении, естественном для фигуры, стоящей с упором на одну ногу.

Для четвертого периода (рис. 5—V) в качестве опознавательного признака на л. ст. следует отметить значительное увеличение пространства меду руками и корпусом царя; его руки, опущенные вниз, вдоль тела, образуют почти правильную дугу. Одновременно с этим сохраняются и усиливаются особенности л. ст., отмеченные для подражаний 3-го периода: резко сузившаяся талия „поднимается" почти до подмышек, кафтан разделяется на две полы почти сразу же от уровня пояса (при этом сами полы только намечены двумя линиями, расходящимися почти под прямым углом).

На об. ст. дальнейшая схематизация проявляется в том, что фигуры Шивы и быка „детализируются" штрихами: условной изогнутой линией переданы руки божества, дхоти ниже пояса проработано вертикальными штрихами — „складками"; штрихами в „елочку" разделан горб быка, а на крупе его изображена спиральная линия или круг. К сожа-

лению, все эти детали отчетливо различимы лишь на экземплярах хорошей сохранности, что затрудняет их использование в качестве универсального признака, различимого во всех случаях.

Монеты пятого периода представлены на территории Таджикистана плохо. Их отличает от монет-подражаний, выпускавшихся на предшествующих этапах чеканки, уже вполне определенное расчленение рисунка (как на л., так и на об. ст.) на отдельные геометрические фигуры, расположение которых в определенном порядке на монетном кружке — скорее дань традиции, чем осознанная связь между ними как частями единого целого, единой композиции и составляющих ее персонажей. Тенденции к такому „распаду" рисунка наметилась уже на подражаниях третьего периода, но критического состояния она достигает только на образцах, отнесенных к пятому периоду.

Весовые показатели, если рассматривать их от первого периода к пятому, обнаруживают постоянную тенденцию к падению, но в целом колебания веса монет в пределах одного периода достаточно велики. Использовать эти данные для определения монет, т. е. для отнесения единичных экземпляров к тому или иному периоду (наряду с иконографическими наблюдениями, например), вряд ли возможно, так как тенденция к падению веса ощутима только в большой выборке монет и проявляется в понижении — от периода к периоду — количественных показателей только наиболее полновесных монет. Вряд ли (во всяком случае, на данном этапе изученности) могут служить для хронологической систематизации и такие фактурные признаки, как толщина монетного кружка (хотя определенно наблюдается постепенное его утоньшение), способ оформления гурта и т. п. технические особенности подражаний медным монетам Васудевы.

Новые публикации и новые находки, расширив круг доступных для изучения подражаний монетам Васудевы, можно не сомневаться, внесут существенные коррективы в предложенную здесь периодизацию рассматриваемой подражательной чеканки. Возможно, существенные датировочные поправки дает и сопоставление медных подражаний с посткушанской золотой чеканкой по образцу монет Васудевы. Но даже до того, как эта работа будет проделана, членение подражаний медным монетам Васудевы на периоды позволяет сопоставлять стратиграфическое распределение и совместное присутствие с другими группами монет в обращении (совместные находки, клады) не всей совокупности подражаний этого образца вместе, а хронологически „дискретно".

Так, янгиабадский клад 1969 г., в котором представлены только подражания монетам Васудевы 1-го (1 экз.) и 2-го периодов (16 экз.), включает в себя лишь наиболее ранние монеты сасанидских кушаншахов, указывая на их примерную одновременность (Приложение, клад № 9). А присутствие подражаний монетам Васудевы 2-го периода в весьма скромном количестве (3 экз.) среди монет городища Тепаи Шах (там же представлены подражания монетам Канишки III и большинство учтенных в этом работе подражаний монетам Хувишки), где не было найдено ни одной монеты сасанидских кушаншахов, позволяет предполагать, что выпуск подражаний 1-го и 2-го периодов, возможно, предшествовал появлению к северу от Амударьи кушано-сасанидских монет. С другой стороны, как ни мала количественно выборка монет с Хан-Газы в Бешкентской долине (Мандельштам, 1966в), подражание монетам Васудевы 4-го периода найдено там в слое, перекрывающем слой с монетой сасанидского кушаншаха Хормизда. В болдайтепинском

кладе 1962 г. монеты сасанидских кушаншахов имеют плохую сохранность и представляют далеко не все разновидности их чеканки, а подражания монетам Васудевы 4-го периода (экз. XIX. 113, возможно, относится к 5-му периоду) явно выступают в роли младших монет клада (Приложение, клад № 5).

Все приведенные наблюдения (их перечень можно было бы продолжить, если привлечь данные о совместных находках подражаний монетам Васудевы с другими монетами за пределами Таджикистана) носят предварительный характер. До окончательного определения хронологии этой подражательной чеканки еще далеко, мы получаем пока только какие-то отправные точки, ориентиры для ее определения и для сопоставления по времени подражаний Васудеве разных периодов с другими монетами чеканки посткушанского периода. Приблизить решение этой важной задачи могло бы более широкое использование намеченной здесь периодизации при публикации новых находок и пересмотр уже накопленных ранее данных с учетом хронологического членения этой обширной группы монет.

XIX. ПОДРАЖАНИЯ МОНЕТАМ ВАСУДЕВЫ. ТАБЛ. 27, 28.

№№	Место и обстоятельства находки	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
	I период					
1	Левобережье нижнего течения р. Кафигниган, 1965 г., клад на месте снивелированного тепе	4,95	17,9	XII	ИД Н-74/8	Зеймаль, 1979а, клад № 4, экз. № 8
2	То же	4,23	17,4	XI	/9	то же, экз. № 9
3	То же	3,80	19,1	XII	/10	то же, экз. № 10
4	То же	4,56	19,6	I	/11	то же, экз. № 11
5	Кишл. Сангова (Бешкентская долина), 1967 г. (подъем)	3,84	18,4	XII		
6	То же	3,18	17,9	XII		
7	Участок «Янгиабад» (колх. им. Ленина Шаартузского р-на), 1969 г., клад	3,72	18,2		ИД Н-308/1	Зеймаль, 1979а, клад № 5, экз. № 1
8	Уч-к «Кзыл Кетман» (колхоз им. Ленина Шаартузского р-на), 1972 г., клад на хлопковом поле	5,63	18,3	I	ИД Н-436/3	см. Приложение, клад № 11
9	То же	7,27	21,2	XI	/4	
10	То же	6,17	20,6	XII	/5	
11	То же	3,98	19,0	XII	/6	
12	То же	4,80	18,4	XII	/7	
13	То же	4,94	18,1	XII	/8	
14	То же	3,35	17,4	XI	/9	
	II период					
15	Трасса Гиссарского канала, пикет 133, 1940 г.	5,75	20,5	XII	ИД Н-281	(разрублена)
16	Кобадиан (случайная находка), 1966 г.	3,60	19,0	XII	ИД Н-248/2	
17	Окрестности кишл. Симиганч (Орджоникидзеабадский р-н), 1962 г.	4,45	19,1	XII	ИД Н-270/2	
18	Болдайтепе (Курган-Тюбинский р-н), 1962 г., здание «Верхний Болдай», 2-й строительный период, клад	3,40	20,1	XII	ИД Н-63/2	Зеймаль, 1979а, клад № 6, экз. № 2
19	То же	1,57	19,0	XII	/3	то же, экз. № 3
20	То же	2,78	18,4	XII	/4	то же, экз. № 4
21	То же	2,63	17,5	XII	/5	то же, экз. № 5
22	То же	2,15	17,9	XI	/6	то же, экз. № 6
23	То же	1,55	16,7	X	/7	то же, экз. № 7
24	То же	2,38	17,1	XII	/8	то же, экз. № 8
25	То же	2,56	17,7	XII	/9	то же, экз. № 9
26	То же	(0,89)	15,4	—	/10	то же, экз. № 10
27	То же	2,50	17,6	XII	/11	то же, экз. № 11
28	То же	1,37	16,9	XII	/12	то же, экз. № 12
29	То же	2,48	15,7	XI	/13	то же, экз. № 13
30	То же	(0,81)	14,8	—	/14	то же, экз. № 14
31	То же	1,43	17,2	XI?	/15	то же, экз. № 15

№№	Место и обстоятельства находки	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
32	То же	2,09	16,7	XII	ИД Н-63/16	то же, экз. № 16
33	То же	2,74	20,2	XII	/17	то же, экз. № 17
34	«Верхний Болдай», 1962 г., в гумусном слое, покрывающем нижний пол двора	2,56		XII	ИД Н-63А/2	
35	Там же, на нижнем полу двора	2,65		XII?	/3	
36	Там же, на нижнем полу двора, у хума	3,26		XII	/4	
37	То же	2,53		I	/5	
38	То же	1,14		XII	/6	
39	То же	(0,97)		XII	/7	
40	Там же, гумусный слой над нижним полом двора	(1,92)		—	/1	
41	Левобережье нижнего течения р. Кафирниган, 1965 г., клад на месте снивелированного тепе	5,49	19,4	XII	ИД Н-74/12	Зеймаль, 1979а, клад № 4, экз. № 12
42	То же	3,88	19,2	XI	/13	то же, экз. № 13
43	То же	3,64	18,1	XII	/14	то же, экз. № 14
44	То же	3,62	18,9	XII	/15	то же, экз. № 15
45	То же	3,29	18,0	XII	/16	то же, экз. № 16
46	Участок «Янгиабад» (колх. им. Ленина Шаартузского р-на), 1969 г., клад	2,86	17,3		ИД Н-308/2	Зеймаль, 1979а, клад № 5, экз. № 2
47	То же	2,47	18,7		/3	то же, экз. № 3
48	То же	2,18	17,8		/4	то же, экз. № 4
49	То же	3,20	18,5		/5	то же, экз. № 5
50	То же	2,09	17,6		/6	то же, экз. № 6
51	То же	2,14	16,1		/7	то же, экз. № 7
52	То же	1,52	16,2		/8	то же, экз. № 8
53	То же	1,44	17,0		/9	то же, экз. № 9
54	То же	1,40	16,1		/10	то же, экз. № 10
55	То же	1,93	16,7		/11	то же, экз. № 11
56	То же	1,72	15,0		/12	то же, экз. № 12
57	То же	1,71	15,8		/13	то же, экз. № 13
58	То же	1,64	15,1		/14	то же, экз. № 14
59	То же	1,90	16,6		/15	то же, экз. № 15
60	То же	2,83	14,3		/16	то же, экз. № 16
61	То же	1,41	14,8		/17	то же, экз. № 17
62	Гор-ще Тепаи Шах, 1972 г., на поверхности	3,33	17,0	XII	ИД Н-435/13	Зеймаль, 1983а, № 13
63	Гор-ще Тепаи Шах, 1972 г., некрополь, сооружение I	5,96	19,1	XII	/34	то же, № 34
64	Там же, сооружение II	6,71	20,0	XII?	/47	то же, № 47
65	Гор-ще Кызларкала (Кобадианский р-н), 1972 г., коридор, завал над сводом	5,13	19,2	XI	/79	то же, № 79

№№	Место и обстоятельства находки	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
66	Участок «Кзыл Кетман» (колх. им. Ленина Шаартузского р-на), 1972 г., клад	5,63	20,9	XII	ИД Н-346/10	См. Приложение, клад № 11
67	То же	2,86	17,4	XII	/11	
68	То же	3,60	17,2	IX	/12	
69	То же	4,08	19,0	XII	/13	
70	То же	4,32	20,2	XI	/14	
71	То же	6,46	19,7	XII	/15	
72	То же	5,82	19,3	XII	/16	
73	Гор-ще Тахти Сангин, 1979 г., на поверхности	5,24	19,6	XII	ИД Н-432/110	
	III период					
74	Не известно (из колл. А. Е. Маджи)				ДМ 1884/27	
75	Болдай-тепе (Курган-Тюбинский р-н), 1962 г., верхнее здание, 2-й строительный период, клад	2,23	18,1	XI	ИД Н-63/18	Зеймаль, 1979а, клад № 6, экз. № 18
76	То же	1,89	17,3	X?	/19	то же, экз. № 19
77	То же	3,74	16,9	XI	/20	то же, экз. № 20
78	То же	1,56	15,0	XII	/21	то же, экз. № 21
79	То же	2,50	18,5	XII	/22	то же, экз. № 22
80	То же	1,38	15,4	X	/23	то же, экз. № 23
81	То же	1,80	17,0	II	/24	то же, экз. № 24
82	То же	2,54	18,2	XII	/25	то же, экз. № 25
83	То же	2,07	17,4	—	/26	то же, экз. № 26
84	То же	2,27	15,7	XII	/27	то же, экз. № 27
85	То же	2,80	16,6	XI	/28	то же, экз. № 28
86	То же	2,66	19,6	XI	/29	то же, экз. № 29
87	То же	1,74	16,8	XII	/30	то же, экз. № 30
88	То же	1,61	16,5	XI	/31	то же, экз. № 31
89	Левобережье нижнего течения р. Кафирниган, 1965 г., клад на месте снивелированного тепе	2,96	17,0	XI	ИД Н-74/17	Зеймаль, 1979а, клад № 4, экз. № 17
90	То же	4,45	20,1	XII	/18	то же, экз. № 18
91	То же	4,28	19,3	XII	/19	то же, экз. № 19
92	То же	5,91	19,1	XII	/20	то же, экз. № 20
93	Участок «Кзыл Кетман» (колх. им. Ленина Шаартузского р-на), 1972 г., клад на поле	3,94	18,4	X	ИД Н-436/17	См. Приложение, клад № 11
94	То же	3,63	19,1	I	/18	
95	То же	4,20	18,5	XII	/19	
96	То же	2,73	16,7	?	/20	
97	Г-ще Тепаи Шах, 1972 г., на поверхности	2,72	17,1	XII	ИД Н-435/14	Зеймаль, 1983а, № 14

№№	Место и обстоятельства находки	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
	IV период					
98	Болдай-тепе (Курган-тюбинский р-н), 1962 г., верхнее здание, 2-й строительный период, клад	2,09	18,0	XI	ИД Н-63/32	Зеймаль, 1979а, клад № 6, экз. № 32
99	То же	3,12	18,5	X?	/33	то же, экз. № 33
100	То же	3,25	18,7	X	/34	то же, экз. № 34
101	То же	1,95	17,3	X	/35	то же, экз. № 35
102	То же	3,29	19,0	XII	/36	то же, экз. № 36
103	То же	2,09	17,7	XII?	/37	то же, экз. № 37
104	То же	2,99	19,4	X?	/38	то же, экз. № 38
105	То же	1,74	16,0	XII	/39	то же, экз. № 39
105а	Г-ще Хан-Газа, Бешкентская долина, 1959 г. 5-й (последний) этап жизни			XI	ИД Н-376/6	Мандельштам, 1966в, с. 121—123, рис. 1, 3
106	Левобережье нижнего течения р. Кафирниган, 1965 г., клад на месте снивелированного тепе	3,05	18,5	VIII	ИД Н-74/21	Зеймаль, 1979а, клад № 4, экз. № 21
107	То же	5,11	19,5	X	/22	то же, экз. № 22
108	То же	4,65	19,8	XI	/23	то же, экз. № 23
109	То же	3,72	17,4	XII	/24	то же, экз. № 24
110	То же	4,73	18,8	XII	/25	то же, экз. № 25
111	То же	3,61	18,3	XI	/26	то же, экз. № 26
112	То же	3,76	17,7	I	/27	то же, экз. № 27
	V период					
113	Болдай-тепе, 1962 г., клад (см. выше)	1,77	14,7	XII	ИД Н-63/40	то же, клад № 6, экз. № 40
114	Ак-Тепе II (Шаартузский р-н), 1972 г., на поверхности	0,46	13,0	XII	ИД Н-435/71	
115	То же	0,53	12,8	?	/72	
	Без разделения на периоды					
116	В 30—32 км южнее поселка Октябрьск (Вахшская долина), 1947 г., остатки клада	4,60	19,2	XII	ИД Н-50/4	Зеймаль, 1960, № 24; Зеймаль, 1979а, клад № 7, экз. № 1
117	То же	4,23	21,5	X	/5	Зеймаль, 1960, № 25; Зеймаль, 1979а, клад № 7, экз. № 2
118	То же	5,82	22,7	XII	/3	Зеймаль, 1960, № 26; Зеймаль, 1979а, клад, № 7, экз. № 3
119	Болдай-тепе, 1962 г., клад (см. выше)	2,42			ИД Н-63/41	Зеймаль, 1979а, клад № 6, № 41
120	То же	2,38			/42	то же, № 42
121	То же	1,39			/43	то же, № 43
122	То же	1,96			/44	то же, № 44
123	То же	2,80			/45	то же, № 45

№№	Место и обстоятельства находки	Вес	Диам.	Оси	Место хранения инвент. номера	Публикации, примечания
124	Болдай-Тепе, 1962 г., клад (см. выше)	1,60			ИД Н-63/46	то же, № 46
125	То же	2,63			/47	то же, № 47
126	То же	0,96			/48	то же, № 48
127	То же	1,98			/49	то же, № 49
128	То же	0,41			/50	то же, № 50
129	То же	2,73			/51	то же, № 51
130	То же	1,95			/52	то же, № 52
131	То же	1,91			/53	то же, № 53
132	То же	1,96			/54	то же, № 54
133	То же	1,05			/55	то же, № 55
134	То же	0,86			/56	то же, № 56
135	То же	1,13			/57	то же, № 57
136	То же	2,46			/58	то же, № 58
137	То же	2,86			/59	то же, № 59
138	То же	2,27			/60	то же, № 60
139	То же	2,33			/61	то же, № 61
140	То же	0,99			/62	то же, № 62
141	То же	1,04			/63	то же, № 63
142	То же	1,58			/64	то же, № 64
143	То же	0,85			/65	то же, № 65
144	То же	2,67			/66	то же, № 66
145	То же	1,50			/67	то же, № 67
146	То же	1,06			/68	то же, № 68
147	То же	0,84			/69	то же, № 69
148	То же	3,09			/70	то же, № 70
149	То же	1,83			/71	то же, № 71
150	То же	0,62			/72	то же, № 72
151	То же	2,36			/73	то же, № 73
152	Яванское г-ще, 1963 г., раскоп II, кв. Г-14, пол помещения 3-го горизонта	5,09	20,5	—	ИД Н-68/18	
153	То же, в стене здания ЯВ-I	3,59	18.6	—	/23	
154	То же, при зачистке обреза на уровне 3-го горизонта	5,42	18,9	—	/26	
155	То же, раскоп V, слой периода ЯВ-I	2,83	19,1	XII?	/29	
156	То же, раскоп V, период ЯВ-I	4,51	18,1	XII	/30	
157	Ак-тепе II, (Бешкентская долина), 1978 г., погребальная яма №2	2,24	16,5	XI	ИД Н-419/35	
158	То же	1,11	15,2	I	/39	
159	Пенджикентское г-ще, 1980 г., храм I (объект X), помещ. 4, яма у южной стены	5,57	16,8	XII	ИД Н-470/144	[вместе с экз. XX. 31 и XIX. 160—165]
160	То же	6,70	20,5	XII?	/146	
161	То же	4,60	18,9	XI?	/147	
162	То же	5,03	18,7	XII	/148	
163	То же	4,50	18,4	XI	/149	
164	То же	5,57	18,1	XII	/150	
165	То же	4,30	18,4	XI?	/151	

ГЛАВА XX. ПОДРАЖАНИЯ МЕДНЫМ МОНЕТАМ КАНИШКИ III

Среди зарегистрированных в Таджикистане находок эта группа монет посткушанского периода представлена всего тремя десятками экземпляров. Но действительное количество таких монет, находимых на территории республики, должно быть несколько больше: подражания медным монетам Канишки III часто имеют плохую сохранность, иконографический тип л. ст. у них практически не отличим от аверса подражаний монетам Васудевы (см. выше, гл. XIX), и в целом они опознаются значительно хуже, чем, например, подражания медным монетам Хувишки с их характерными типами. Вполне естественно, что в публикациях (особенно не специально нумизматических) рассматриваемые монеты часто фигурируют как „неопределенные" или просто „позднекушанские" (Мандельштам, 1966в). В каких-то случаях, видимо, их не отличают от монет самого Канишки III (Пугаченкова—Ртвеладзе, 1971, с. 112, № 51, табл. II, 51), но с уверенностью судить об этом можно только тогда, когда публикация снабжена иллюстрациями. Даже в последнем сводном труде по античной нумизматике, где приведены сведения о подражаниях медным монетам Хувишки и Васудевы (Гёбль, 1978, № 2652—2654), подражания монетам Канишки III совсем не упоминаются.

Почти полное отсутствие хороших публикаций затрудняет осмысление этой группы монет в целом. В результате до настоящего времени остаются невыработанными ясные и четкие критерии, по которым подражания можно было бы отличить от собственно монет Канишки III[3]. На довольно ограниченном материале наиболее характерные признаки таких подражаний уже были намечены (Зеймаль, 1979а, с. 44). Теперь необходимо проверить эти наблюдения на подражаниях медным монетам Канишки III, которые пока оставались неопубликованными, и, если необходимо, уточнить и дополнить их. На данном этапе изучения было бы преждевременным ставить вопрос о выделении в рамках подражательной чеканки серий, отражающих последовательность выпуска этих монет, но со временем, когда возрастет количество экземпляров, доступных для изучения, такая задача, несомненно, также возникнет.

Л. ст. подражаний медным монетам Канишки III воспроизводит стандартный для монет этого царя иконографический тип *царь, стоящий перед жертвенником влево.* Как и на прототипе, царь изображен

---

[3] Публикуя три подражания медным монетам Канишки III («Васудевы II») из Дальверзинтепе (Пугаченкова и др., 1978, с. 230, № 59, 60, 61), авторы так описывают их отличие от монет самого «Васудевы II» (= Канишки III): л. ст. — «то же изображение царя, но более грубоватое и схематичное», об. ст. — «то же изображение богини, но более грубоватое и нечеткое». При этом ни сами монеты Канишки III, ни подражания им в иллюстрациях не воспроизведены.

в кафтане, доходящем до колен, но нашивные бляшки-точки (они не всегда различимы и на монетах самого Канишки III) ни на одном из известных мне экземпляров подражаний не показаны. Алтарь, к которому обычно обращен Канишка III (слева от его правой ноги) на его собственных монетах, на подражаниях не изображался. Не виден на подражаниях и контурный нимб, как правило, окружающий голову царя на монетах-прототипах. Пожалуй, легче всего опознаются подражания по положению левой руки: на монетах самого Канишки III она согнута в локте и поднята до уровня головы (царь опирается ею на длинное копье), на подражательных выпусках — опущена вниз симметрично правой. На меди Канишки III легенда присутствовала, хотя от нее в лучшем случае различимы лишь отдельные буквы; подражания, вероятнее всего, вообще не имели легенды — во всяком случае, ни на одном из известных мне экземпляров нет даже следов ее.

Иконографический тип об. ст.—*сидящая на троне богиня Ардохш*— также претерпевает на подражаниях вполне определенные изменения. На подражаниях перестает изображаться высокая спинка трона, исчезает венок, который богиня на монетах самого Канишки III держит в вытянутой вперед и отведенной в сторону правой руке, практически не видна левая рука, поддерживающая рог изобилия, совершенно перестает изображаться (или показан в виде дуги из точек-перлов) коврик под ногами Ардохш. Окружающий поле монеты ободок из крупных точек или совсем не виден, или как бы надвигается на изображение, обрамляя его, а не контур монеты. Труднее уловить изменения в пропорциях как самой фигуры богини, так и деталей в ее изображении. Так, заметно сужается (во всяком случае, на какой-то части подражаний, если не на всех) талия Ардохш, а скрытая платьем нижняя часть ее фигуры как бы уплощается и приобретает секирообразные очертания, иногда подчеркнутые проведенной по контуру линией. Видимо, теряет первоначальное значение такая деталь, как рог изобилия — на многих подражаниях она более похожа на ветку (или на какой-то вытянутый и узкий предмет), лежащую на левом плече. Условной становится и передача головы Ардохш, если она вообще видна (на многих экземплярах подражаний штемпель смещен вверх и на медном кружке отчетливо отчеканилась только нижняя часть его).

Отличить подражания от медных монет самого Канишки III по весу, видимо, невозможно: колебания веса для монет-имитаций (без учета явно дефектных экземпляров), по учтенным здесь находкам на территории Таджикистана, лежат в пределах от 1,5 до 8,0 г, целиком „поглощая" диапазон весовых различий, фиксируемых (также по таджикистанским находкам) для меди Канишки III (от 4,1 до 8,0 г).

Более устойчивый признак — несколько меньший (по сравнению с монетами самого Канишки III) диаметр монетного кружка подражаний, но отдельные экземпляры могут и совпадать с размерами монет Канишки III, достигая 22—22,5 мм. Неправильная конфигурация монет больше характерна для имитационных выпусков, но встречается и среди прототипов: это не позволяет использовать и ее в качестве устойчивого опознавательного признака.

Уже сейчас (т. е. до пересмотра накопленных материалов с учетом признаков, отличающих подражания от собственно монет Канишки III) необходимо затронуть вопрос о стратиграфическом распределении рассматриваемых монет на археологических памятниках правобережья Амударьи и об их совместных находках с монетами других групп.

И в находках на Яванском городище (XX. 1—7), и в кладе 1965 г. (Зеймаль, 1979а, клад № 4—XX. 9—15), и в сооружении I некрополя городища Тепаи Шах (XX. 17), и в кладе 1972 г. (XX. 18—28) подражания медным монетам Канишки III были обнаружены совместно с другими монетами, из которых наиболее поздними являются подражания монетам Васудевы второго или третьего периода (см. выше, гл. XIX). Но в кладах, характеризующихся сочетанием подражаний монетам Васудевы с монетами сасанидских кушаншахов (Зеймаль, 1979а, клады № 5 и 6), подражания монетам Канишки III не представлены. Хорошо согласуется с этим наблюдением и отмеченное А. М. Мандельштамом распределение медных „позднекушанских" монет по слоям в шурфе на городище Хан Газа в Бешкентской долине (Мандельштам, 1966в), хотя в распоряжении исследователя оказалось всего три монеты: здесь было прослежено пять этапов жизни, из них второму (считая снизу) соответствует подражание медной монете Канишки III (Мандельштам, 1966в, рис. 1, *1*), в слое третьего этапа была найдена кушано-сасанидская медная монета кушаншаха Пероза (там же, рис. 1, *2*), а с пятым слоем связана находка подражания монетам Васудевы (там же, рис. 1, *3*), относящаяся, по принятой здесь (см. выше, гл. XIX) хронологической систематизации этих подражаний, к IV этапу их чеканки[4]. Необходимо также обратить внимание на то, что монеты сасанидских кушаншахов совершенно не представлены в слоях городища Тепаи Шах и его некрополя, но оттуда (некрополь, сооружение I) происходит подражание монетам Канишки III (XX. 17). В целом складывается впечатление, что подражания монетам Канишки III (как и подражания монетам Хувишки) синхронны (во всяком случае, в обращении) только с ранними стадиями чеканки подражаний медным монетам Васудевы и предшествуют по времени поздним стадиям подражаний Васудевы и кушано-сасанидским монетам. При очень пестром составе монет, находившихся в обращении и не контролировавшихся с помощью целенаправленного принудительного изъятия тех или иных разновидностей, вполне можно ожидать, что со временем подражания монетам Канишки III будут найдены вместе с кушано-сасанидскими монетами и поздними подражаниями медным монетам Васудевы. В этом смысле для относительной датировки подражаний Канишке III гораздо большее значение имеют их находки в таких нумизматических комплексах, которые „закрылись" на определенном этапе, не пополняясь более поздними монетами (будь то клад, погребальное сооружение, слой, городище и даже целый оазис).

Наблюдения, которые сделаны на таджикистанских материалах, к сожалению, нет возможности проконтролировать сопоставлением с находками, сделанными в долине Сурхандарьи. Даже если оставить в стороне расхождения в определении монет, приходится констатиро-

---

[4] Г. А. Пугаченкова выразила сомнение в принадлежности монеты Канишки III («Васудевы II») ко второму слою Хан Газы: «Может быть, в данном случае имело место нередкое в среднеазиатской археологии перемещение мелких археологических объектов в нижележащий слой благодаря деятельности грызунов, устраивающих в рыхлых культурных слоях многочисленные норы; тем более, что в данном случае второй археологический слой Хан Газы отстоит от вышележащего третьего всего лишь на 20 см» (Пугаченкова, 1967, с. 86—87, прим. 40). Однако производивший раскопки А. М. Мандельштам не отмечает никаких нор и считает монеты относящимися к тому слою, в котором они найдены; у нас нет права, игнорируя его мнение, «исправлять» факты, опираясь только на наблюдения за повадками грызунов.

вать, что существующие публикации далеко не всегда позволяют использовать приведенные в них данные для сопоставления такого рода.

Это относится, к сожалению, и к нумизматическим материалам из Дальверзинтепе, изданным, пожалуй, наиболее обстоятельно, если не считать почти полного отсутствия иллюстративного аппарата, не менее необходимого и для работы с монетами, а не только, например, со скульптурой, терракотами или керамикой. В этом издании (Пугаченкова и др., 1978, с. 230—231) приводятся сведения о находках трех подражаний монетам „Васудевы II" (= Канишки III) и 9 экз. монет самого „Васудевы II" (считая вместе с тремя экземплярами из клада), но проведенная между ними грань, как уже отмечалось выше, весьма неопределенна: возможно, к подражаниям причислены монеты самого Канишки III с недостаточно четкими изображениями.

Вторая трудность — определение стратиграфического места подражаний „Васудеве II". В описи «Монетные находки на Дальверзинтепе» указаны раскоп (= здание), помещение и иногда ярус, откуда монеты происходят. Но при описании раскопок „дома богатого домовладельца" (ДТ-6, откуда присходят, судя по описи, подражания монетам „Васудевы II" № 59 и 60) подражания монетам „Васудевы II" вообще не упоминаются (Пугаченкова и др., 1978, с. 47—62), и лишь сказано, что датируется „последний этап жизни <на ДТ-6. — *Е. З.*>, как и в большинстве построек Дальверзинтепе, временем «Васудевы II»" (там же, с. 52). Может быть, фигурирующие в описи подражания монетам „Васудевы II" и монеты собственно „Васудевы II" в описании раскопа не расчленены? Тогда, видимо, в заключение о последнем этапе жизни этого здания — после уточненного определения — должны быть внесены какие-то коррективы? Но простого „решения" мы не получаем и здесь: в описи приведены сведения о 10 экз. монет самого „Васудевы II" и подражаний им, которые происходят из здания ДТ-6, а в описании раскопа (там же, с. 56) сообщается, что на этом раскопе было найдено всего 13 монет „Васудевы II". Не упоминаются „подражания монете Васудевы II" и в итоговой главе, где рассматриваются вопросы датировки Дальверзинтепе (и даже вопросы кушанской абсолютной хронологии), но никак не проясняется, сколько же в действительности было найдено на ДТ-6 монет „Васудевы II" и были ли там найдены подражания „Васудеве II" (там же, с. 176—188). Читателю остается только разделить с авторами трудности в определении стратиграфических обстоятельств залегания на этом памятнике подражаний медным монетам Канишки III[5], но преодолеть их, по опубликованным данным, невозможно.

Для правильного понимания подражаний монетам Канишки III и определения их относительной хронологии не меньший интерес представляет и уточнение сведений об их стратиграфическом соотношении с монетами сасанидских кушаншахов, найденными на Дальверзинтепе. Нельзя не обратить внимание на полное отсутствие на этом памятнике подражаний монетам Васудевы („I") — факт очень важный, если только он не возник искусственно, в результате неточного определения монет.

[5] Единственная монеты «Васудевы II» воспроизведенная на фотографии только с л. ст. (рис. 159, 13) — № 53 (там же, с. 230) — явно относится к числу подражаний монетам Канишки III, поскольку левая рука царя опущена вниз симметрично правой. Может быть, и остальные монеты «Васудевы II» являются в действительности подражаниями Канишке III? Для общего представления о хронологии Дальверзинтепе и его истории на протяжении последнего этапа жизни в городе это имеет немаловажное значение.

XX. ПОДРАЖАНИЯ МОНЕТАМ КАНИШКИ III. ТАБЛ. 29.

№№	Место и обстоятельства находки	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, *примечания*
1	Яванское г-ще (Гарав-кала), 1963 г., (лето), раскоп II, помещ. 21, забутовка над полом 3-го горизонта	6,82	20,0	XII	ИД Н-68/2	
2	То же, 1963 г. (осень), раскоп *II*, кв. *Е-19*, под зданием ЯВ-I	5,37	19,3	XII	/17	
3	То же, кв. Г-15, яма под зданием ЯВ-1	4,40	19,7	XII	/20	
4	То же, в выбросе земли с уровня 3-го горизонта	(0,99)	14,0		/21	
5	То же, кв. Е-18, 4-й горизонт в кладке стены здания ЯВ-II	1,55	15,1		/19	
6	То же, раскоп V, период ЯВ-I	3,49	17,2	XII	/27	
7	То же, раскоп II, кв. Е-19, под полом здания *ЯВ-I*	1,62	17,1	—	/16	
8	Хан-Газа в Бешкентской долине (Шаартузский р-н), II слой снизу (из пяти слоев)			XII	ИД Н-376/5	Мандельштам, 1966в, с. 121 рис. 1,1
9	Левобережье нижнего течения р. Кафирниган, 1965 г. (ныне Кобадианский р-н), *клад на месте* сниве-лированного тепе	4,60	19,9	XII	ИД Н-74/28	Зеймаль, 1979а, клад № 4, экз. № 28
10	То же	5,27	22,3	XI	/29	то же, экз. № 29
11	То же	6,09	22,2	XII	/30	то же, экз. № 30
12	То же	7,27	19,9	XII	/31	то же, экз. № 31
13	То же	5,72	19,4	XII	/32	то же, экз. № 32
14	То же	3,77	19,5	XII	/33	то же, экз. № 33
15	То же (половина моне-ты обломана)	2,87	20,2	—	/35	то же, экз. № 34
16	Г-ще Телаи Шах, 1972 г., раскоп I	4,49	17,7	XII	ИД Н-435/25	Зеймаль, 1983а, № 25
17	То же, некрополь, соору-жение I	6,69	21,2	XII	/31	то же, № 31
18	Уч-к «Кзыл Кетман» (колхоз им. *Ленина* Шаартузского р-на), 1972 г., клад на хлоп-ковом поле	7,60	21,2	XII	ИД Н-436/25	см. Приложение, клад № 11
19	То же	6,68	20,0	XII	/26	
20	То же	6,84	21,2	XI	/27	
21	То же	8,07	18,7	XI	/28	
22	То же	5,79	20,2	XII	/29	
23	То же	7,59	20,2	XII	/30	
24	То же	4,98	19,9	XII	/31	
25	То же	6,19	19,5	XII	/32	
26	То же	6,98	19,8	XII	/33	
27	То же	6,27	20,4	XII	/34	
28	То же	6,33	20,8	XII	/35	

№№	Место хранения, инв. № находки	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
29	Не известно (из колл. А. Е. Маджи)				ДМ 1884/25	
30	То же				/29	
31	Пенджикентское г-ще, 1980 г., храм I, (объект X) помещ. 4, яма у южной стены	5,65	19,3	XII	ИД Н-470/ /145	вместе с экз. XVIII. 159—165

ГЛАВА XXI. МОНЕТЫ САСАНИДСКИХ КУШАНШАХОВ

Среди монет посткушанского периода, найденных в Таджикистане, значительную часть (175 экз.) составляют медные монеты, чеканившиеся сасанидскими кушаншахами — наместниками шаханахов Ирана на Востоке и предназначавшиеся для обращения в отвоеванных у Кушанского царства областях. Изучение монет сасанидских кушаншахов продолжается уже более ста пятидесяти лет — сперва под названием „индо-сасанидских" (Вильсон, 1841, с. 378—379) или „скифо-сасанидских" (Каннингэм, 1893, с. 166—202), затем — „кушано-сасанидских" (Херцфельд, 1930). Большой вклад в разработку классификации и относительной хронологии монет сасанидских кушаншахов внесли Ж. Батай (1928), Р. Курье (1963) и А. Бивар (1956; 1968), однако среди исследователей пока не существует единодушия даже по таким основным вопросам, как место и время чеканки этих монет.

В. Г. Луконин (1967; 1969а; 1969б) убедительно показал, что нет достаточных оснований относить завоевания Сасанидов на востоке Ирана к III в. н. э., связывая их вслед за Табари и другими поздними источниками, с именами шаханшахов Ардашира I (224—240 гг.) и Шапура I (240—272 гг.), как это предлагали, например, Э. Херцфельд и затем А. Бивар. Опираясь на сопоставление иконографических особенностей монет сасанидских кушаншахов с царской иконографией сасанидского Ирана, а также на целый ряд других археологических и нумизматических данных, В. Г. Луконин пришел к заключению, что начало чеканки монет сасанидских кушаншахов приходится на последние годы правления шаханшаха Шапура II (309—379 гг.), при котором сасанидский Иран, видимо, и вступает в борьбу со своим восточным соседом — Кушанским царством[6], а завершается выпуск монет сасанидских кушаншахов в последней четверти V в.

Для определения принадлежности монеты тому или иному кушаншаху служат, как правило, два признака — легенда, в которой указано имя правителя, и индивидуальная корона. Классифицируя монеты сасанидских кушаншахов, В. Г. Луконин обозначил встречающиеся на монетах короны буквами латинского алфавита (от a до h) [7]; эти обозначения также целиком приняты здесь (см. ниже — приложенный к этой главе

---

[6] Р. Гёбль (1967) высказал точку зрения, пожалуй, наиболее близкую к хронологии, предложенной В. Г. Лукониным: чеканка монет сасанидскими кушаншахами, по Р. Гёблю, также начинается при Шапуре II, но не в конце его правления, а в первой половине. Здесь и далее принята хронологическая систематизация монет сасанидских кушаншахов В. Г. Луконина, поскольку она наиболее надежно обоснована, хотя, видимо, со временем и в нее будут внесены уточнения и исправления.

[7] Луконин, 1967, с. 23, но с учетом поправки (Луконин, 1979, с. 52, прим. 6), принадлежащей самому В. Г. Луконину (равно как и описание кушано-сасанидской части клада № 5 в этой работе, по недоразумению приписанного Е. В. Зеймалю).

реестр), равно как и обозначения типов оборотной стороны арабскими цифрами[8].

В основу существующего деления монет сасанидских кушаншахов по правителям положено, в первую очередь, изучение золотых и немногочисленных серебряных монет. Медные монеты, имеющие в целом худшую сохранность, исследовались преимущественно в сопоставлении с сериями золотых монет, позволяющих более уверенно судить о деталях изображений и о легендах. Но полного соответствия между чеканкой из золота и из меди, т. е. полной параллельности медной чеканки по отношению к золотой, как теперь выясняется со всей большей очевидностью, не существовало. И, видимо, именно медные монеты хорошей сохранности смогут — когда будут найдены — существенно дополнить общую картину чеканки монет сасанидских кушаншахов.

Последовательность правления и абсолютные даты сасанидских кушаншахов, чеканивших свои монеты, представляются, по В. Г. Луконину, следующим образом (в скобках указаны даты пребывания в качестве шаханаха на сасанидском престоле для тех кушаншахов, которые его занимали):

Шапур [II]	368—371 гг.	(309—379 гг.)
Арташир [II]	371—379 гг.	(38?—383 гг.)
Пероз I	379—38? гг.	
Хормизд I	38?—384 гг.	
Варахран I [IV]	384—389 гг.	(389—399 гг.)
Варахран II	389—3?? гг.	
Хормизд II [III]	450—457 гг.	(457—459 гг.)
Пероз II	457—459 гг.	(459—484 гг.)

Хотя детальное изучение медных монет сасанидских кушаншахов — дело будущего, необходимо отметить, что подходить к ним необходимо с теми же мерками (нормами), что и к собственно сасанидской медной монете. Особенно это следует учитывать, рассматривая количественную сторону чеканки сасанидских кушаншахов и интенсивность их выпуска. В этом смысле совершенно необоснованными выглядят сомнения, высказывавшиеся по поводу предложенной В. Г. Лукониным хронологии сасанидских кушаншахов только на том основании, что тот или иной кушаншах правил, по В. Г. Луконину, недолго, а монеты его известны в большом количестве (В. Массон, 1981). Следует также учитывать, что чеканка сасанидских кушаншахов осуществлялась, видимо, не менее, чем на трех монетных дворах: об этом свидетельствуют формально-типологические различия между монетами.

По формально-типологическим признакам монеты сасанидских кушаншахов можно подразделить на три большие группы. Первую группу составляют так называемые сасанидо-кушанские монеты (Луконин, 1967, с. 19—22 — группы А и Б), чеканившиеся из золота, серебра и меди по весовым и техническим нормам сасанидского монет-

---

[8] В. Г. Луконин выделяет для сасанидо-кушанских монет следующие типы об. ст.: 1) *аташдан с пламенем* (со «знаком наследника» или с «царским знаком»); 2) *аташдан с головой и плечами божества в пламени* («знаки наследника», «царя» и «эфталитский»); 3) *аташдан с фигурами предстоящих по сторонам* (правитель и бог); 4) *сидящее на трон божество, протягивающее венец стоящему перед ним правителю;* 5) *сидящее на троне под аркадой храма божество с венцом в правой и скипетром в левой руке; 6) стоящий «Шива» с «узами»* (paša) *в правой руке и трезубцем — в левой, а за ним обращенный влево бык Нанди;* 7) *аташдан с погрудным изображением божества в пламени* (над аташданом) *с «узами» в правой руке и с трезубцем — в левой.*

ного дела: все они имеют легенды пехлеви на среднеперсидском языке, а на л. ст. содержат выполненный в традициях сасанидской иконографии погрудный портрет правителя в индивидуальной короне. Выпуск этой группы монет, видимо, осуществлялся в Мерве и, возможно, в Герате.

Вторая группа иногда фигурирует в литературе под названием „группы Кобада". К ней относятся медные монеты большей толщины (до 3—4 мм), чем монеты первой группы (и вообще сасанидская медь), часто имеющие неправильную конфигурацию. Иконографические типы л. и об. ст. *(погрудный бюст правителя в индивидуальной короне/ жертвенник-колонка (аташдан) со ступенчатой базой и капителью)*, как на монетах первой группы, выполнены в сасанидских традициях, но, наряду с легендой пехлеви, на монетах второй группы присутствует и легенда бактрийским письмом.

И, наконец, третью группу составляют кушано-сасанидские монеты (Луконин, 1967, с. 19—20 — группы В и Г), чеканившиеся из золота и меди с использованием иконографических схем, характерных для монет Васудевы *(стоящий царь влево перед низким жертвенником/стоящий Шива перед быком)*, но подвергшихся в мелких деталях значительной сасанидской переработке. Легенды на монетах третьей группы выполнены бактрийским письмом, но приспособленным, по мнению В. Г. Луконина, для передачи среднеперсидских надписей. И в весовом, и в техническом отношении кушано-сасанидские золотые монеты непосредственно следуют монетам Васудевы — последнего кушанского царя. Медные кушано-сасанидские монеты по своей фактуре (тонкий монетный кружок, низкий рельеф изображения и др.) ближе к медным сасанидо-кушанским выпускам (или вообще — к сасанидским), чем к монетам Васудевы.

Все три группы — сасанидо-кушанская, „группа Кобада" и кушано-сасанидская — хронологически параллельны (или, во всяком случае, частично параллельны): одинаковые или очень близкие короны владетелей повторяются на монетах всех трех групп, полностью соответствуя чтению имен и титулатуры владетеля. Если монеты третьей группы (так называемые „кушано-сасанидские" выпуски), типологически примыкающие к наиболее поздним монетам кушанских царей, есть основания считать чеканенными в Балхе, то вопрос о месте выпуска монет второй группы („группа Кобада"), не имеющих параллельных им выпусков золотых или серебряных монет, может быть решен только в результате более глубокого изучения самих монет этой группы и прежде всего — топографии их находок. С учетом находок монет „группы Кобада" в Таксиле (Маршалл, 1951, с. 76—77, 790, № 357), в долине реки Сват (Буткара) в Пакистане (Р. Гёбль, 1976, с. 33, 49, табл. VIII, 247—255), а также четырех недавно изданных кладов (Крибб, 1981, с. 84—106), предположительно происходящих с территории Пакистана, было выдвинуто предположение о том, что монеты „группы Кобада" — это выпуски для владений сасанидских кушаншахов в Гандхаре (или шире — в Индии). Такая точка зрения (Гёбль, 1967, с. 20; ср. Крибб, 1981, с. 93) совершенно не учитывает находок монет „группы Кобада" к северу от Гиндукуша (ср. Вайнберг — Кругликова, 1976, экз. № 10), в том числе — в кладах, обнаруженных к северу от Амударьи — в Южном Таджикистане (Зеймаль, 1979а, с. 47—52 — клад № 5; с. 53—56 — клад № 6; клад из погребальной ямы № 2 на Ак-тепе II в Бешкентской

долине — Приложение, клад № 15) и Южном Узбекистане[9]. Но нельзя принять и предположение о том, что монеты „группы Кобада" выпускались в Северном Тохаристане (Ртвеладзе, 1982).

И топография находок монет сасанидских кушаншахов к северу от Амударьи, и стратиграфическое их соотношение на этой территории с другими монетами, находившимися здесь в обращении в посткушанский период, имеют большое значение для выяснения вопроса о размерах сасанидских завоеваний к северу от Амударьи и о том, как долго продолжалась здесь сасанидская оккупация. Э. В. Ртвеладзе на материалах Южного Узбекистана показал, что между обращением собственно кушанской монеты и монеты сасанидских кушаншахов не существовало сколько-нибудь ощутимого перерыва[10]. Не противоречат такому заключению и материалы из Южного Таджикистана, хотя здесь массовое распространение монет сасанидских кушаншахов можно констатировать, опираясь на зафиксированные находки, только для сравнительно узкой полосы, непосредственно примыкающей к правому берегу Амударьи (Шаартузский и Кобадианский районы), в Вахшской долине они встречаются значительно реже (клад из Болдай-тепе), а в Гиссарской долине пока на археологических памятниках не зарегистрировано ни одной монеты сасанидских кушаншахов. Мне уже приходилось писать, что „севернее и дальше в глубь Трансоксианы кушано-сасанидских монет нет совершенно" (Зеймаль, 1978, с. 212).

В сочетании с какими монетами обращались в Южном Таджикистане монеты сасанидских кушаншахов? Остатки большого клада из Янгиабада (Шаартузский р-н), поступившие в 1969 г. в нумизматическое собрание АН Таджикской ССР (удалось собрать 62 экз.), дают такую картину: подражания монетам Васудевы (XX. 7, 46—61) составляют 17 экз., „сасанидо-кушанские" — 8 экз. (в том числе кушаншах Арташир I—XXI. 3, кушаншах Хормизд I—XXI. 27—32), „кушано-сасанидские"—8 экз. (кушаншах Пероз I—XXI. 7—11, кушаншах Хормизд I—XXI. 33—35) и 29 экз. „группы Кобада" (Шапур II—XXI. 1, кушаншах Варахран I—XXI. 36, кушаншах Пероз I—XXI. 12—22, 16 экз. не поддаются более детальному определению).

В кладе, найденном в 1962 г. во время раскопок поселения Болдай-тепе (Курган-Тюбинский район), из 130 экз. не поддавались определению 44 экз., а остальные 86 экз. распределялись следующим образом: Васудева — 1 экз., подражания монетам Васудевы — 72 экз. (2-й период — 16 экз., 3-й — 14 экз., 4-й — 9 экз.; сохранность остальных не позволяет определить период), монеты сасанидских кушаншахов — 19 экз. („кушано-сасанидская" кушаншаха Пероза I — XXI. 5 и „сасанидо-кушанские" монеты кушаншахов Пероза I — XXI. 6, Хормизда I — XXI. 25, 26; для 9 экз. имя кушаншаха определить не удалось — XXI. 92—100).

И, наконец, ка ккклад можно воспринимать находку 113 монет в „погребальной яме" № 2 на поселении Ак-тепе II в Бешкентской долине (94 экз. при этом были положены в погребение в матерчатом мешочке

---

[9] Ш. Р. Пидаев подготавливает в настоящее время публикацию большого (более 1000 экз.) клада монет сасанидских кушаншахов (в том числе — монет «группы Кобада») из Альбай-тепе (Южный Узбекистан), с частью которого он любезно познакомил В. Г. Луконина и меня. Ср. предварительную информацию об этом кладе — Ртвеладзе, 1982.

[10] Как и в других случаях, Э. В. Ртвеладзе не приводит, правда, критериев, по которым он отличает собственно кушанские монеты от подражаний.

или просто завернутыми в ткань): 7 экз. остались неопределенными, 47 экз. принадлежат к числу „сасанидо-кушанских" монет (без более точного определения — XXI. 109—136; 139—157); кушаншахи Пероз I — 1 экз. (XXI. 24), Хормизд I—2 экз (XXI. 35а, 35б), Варахран I — 16 экз. (XXI. 38—53), Варахран II—17 экз. (XXI. 55—71), Хормизд II — 11 экз. (XXI. 73—83) и Пероз II — 7 экз. (XXI. 84—90); монеты „группы Кобада" (без уточненного определения) — 2 экз. (XXI. 174, 175), а также подражания монетам Васудевы (2 экз. — XIX. 157, 158) и одна медная монета, возможно, относящаяся к собственно сасанидским монетам Шапура II (XXI. 176). Видимо, заслуживает упоминания и находка в „погребальной яме" № 1 на этом же поселении Ак-тепе II вместе с „сасанидо-кушанскими" монетами монеты Канишки III (XVII. 30).

Если действительно между выпуском последних кушанских монет и началом чеканки монет сасанидских кушаншахов не существовало *сколько-нибудь ощутимого перерыва (такая точка зрения высказывалась* и до появления цитированной выше работы Э. В. Ртвеладзе), совстречаемость в кладовых находках (и, видимо, одновременное пребывание в обращении) и собственно кушанских монет (см. клад из Болдай-тепе), и подражаний им, и монет сасанидских кушаншахов — весьма примечательный факт, требующий истолкования. В тех случаях, когда в кладе содержатся наиболее поздние из монет сасанидских кушаншахов („погребальная яма" № 2 на Ак-тепе II) можно предполагать, что „сасанидско-кушанские" монеты (как и монета Шапура II) е щ е остаются в обращении и после того, как сасанидская оккупация окончилась и основное место в денежном обращении Северного Тохаристана прочно заняли подражания монеты Васудевы. Но клад из Янгиабада (Зеймаль, 1979а, клад № 5), в котором не представлены наиболее поздние монеты сасанидских кушаншахов (в нем нет монет *кушаншахов Варахрана II, Хормизда II и Пероза II), видимо, можно* датировать концом IV или началом V в. Присутствие в этом кладе ранних подражаний монетам Васудевы (2-й период) можно объяснить или тем, что чеканка этих подражаний началась еще в то время, когда на занятой Сасанидами территории чеканились монеты сасанидских кушаншахов (в этом случае выпуск подражаний монетам Васудевы следует связывать с территорией, на которую сасанидская оккупация не распространялась), или же начало выпуска подражаний монетам Васудевы приходится на тот перерыв между кушаншахами Варахраном II и Хормиздом II, который существует в хронологической схеме В. Г. Луконина, т. е. на первую половину V в. н. э.

Обращение монет сасанидских кушаншахов в Северном Тохаристане, видимо, продолжалось долго — вплоть до начала VI в. включительно, т. е. до возникновения здесь местной эфталитской чеканки, которая пока остается совершенно не изученной, как и денежное обращение Северного Тохаристана в раннесредневековый период в целом.

XXI. МОНЕТЫ САСАНИДСКИХ КУШАНШАХОВ. ТАБЛ. 29, 30.

№№	Место и обстоятельства находки	Краткое описание	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
	Чеканка для восточных владений шаханшаха Шапура II (368—371 гг.)[11]						
1	Янгиабад (Шаартузский р-н), 1969 г., клад	«группа Кобада»	3,92	16,5		ИД Н-308/26	Зеймаль, 1979а, клад № 5,
	Неизвестный правитель						
2	То же	сасанидо-кушанская группа	2,59	14,7		/18	то же. экз. № 18
	Кушаншах Артшир (371—379 гг.; шаханшах — 38? — 383 гг.)						
3	То же	то же	2,46	20,9		/19	то же, экз. № 19
	Кушаншах Пероз I (379 г. — ? гг.)						
4	Гор-ще Хан-Газа Бешкентская долина), 1959 г., шурф № 1, в хуме, вкопанном с пола 3-го периода	кушано-сасанидская группа			IX	ИД Н-376/8	Мандельштам, 1961б, с. 66—71; Мандельштам, 1966в, с. 121—123, рис. 1, 2
5	Болдай-тепе (Курган-Тюбинский р-н), 1962 г., здание «Верхний Болдай», 2-й строит. период, клад	то же	1,92	17,0	XII	ИД Н-63/74	Зеймаль, 1979а, клад № 6, экз. № 74
6	То же	сасанидо-кушанская группа	1,56	16,5	I	/75	экз, № 75
7	Янгиабад (Шаартузский р-н), 1969 г., клад	кушано-сасанидская группа	3,52	18,3		ИД Н-308/55	Зеймаль, 1979а, клад № 5, экз. № 55
8	То же	то же	2,72	18,2		/56	экз. № 56
9	То же	то же	2,52	17,2		/57	то же, экз. № 57
10	То же	то же	1,82	17,1		/58	то же, экз. № 58
11	То же	то же	1,44	14,4		/59	то же, экз. № 59
12	То же	«группа Кобада»	3,09	17,6		/28	то же, экз. № 28

[11] Здесь и далее все датировки приводятся по В. Г. Луконину (Луконин, 1967; Луконин, 1969б, с. 125—150), консультациями которого я постоянно пользовался при подготовке к публикации кушано-сасанидских монет из Таджикистана.

№№	Место и обстоятельства находки	Краткое описание	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
13	То же	то же	3,05	16,5		ИД Н-308/29	то же, экз. № 29
14	То же	то же	3,41	16,3		/30	то же, экз. № 30
15	То же	то же	3,89	17,7		/31	то же, экз. № 31
16	То же	то же	3,80	26,8		/32	то же, экз. № 32
17	То же	то же	3,80	16,9		/33	то же, экз. № 33
18	То же	то же	3,19	19,1		/34	то же, экз. № 34
19	То же	то же	4,21	18,2		/35	то же, экз. № 35
20	То же	то же	3,51	17,3		/36	то же, экз. № 36
21	То же	то же	3,19	15,0		/37	то же, экз. № 37
22	То же	то же	4,19	17,0		/38	то же, экз. № 38
23	Новабад-кала (Кобадианский р-н), 1972 г., на поверхности	сасанидо-кушанская группа	0,77	13,2	XII	ИД Н-435/51	Зеймаль, 1983, № 51
24	Ак-тепе II (Бешкентская долина), 1978 г., погребальная яма № 2	то же	1,03	14,2	II	ИД Н-419/29	Приложение, № 15

Кушаншах Хормизд I (? — 384 г.)

25	Болдай-тепе (Курган-Тюбинский р-н), 1962 г., здание «Верхний Болдай», 2-й строит. период, клад	сасанидо-кушанская группа, об. ст. 6	1,44	14,0		ИД Н-63/76	Зеймаль, 1979а, клад № 6, экз. № 76
26	То же	то же	1,47	15,4		/77	то же, экз. № 77
27	Янгиабад (Шаартузский р-н), 1969 г., клад	то же	2,47	15,6		ИД Н-308/20	Зеймаль, 1979а, клад № 5, экз. № 20
28	То же	то же, но об ст. 7	2,26	16,8		/21	то же, экз. № 21
29	То же	то же	2,42	15,4		/22	экз. № 22
30	То же	то же	2,12	15,2		/23	то же, экз. № 23
31	То же	то же	2,37	15,7		/24	то же, экз. № 24
32	То же	то же	2,26	14,6		/25	то же, экз. № 25
33	То же	кушано-сасанидская группа	2,58	17,5		/60	то же, экз. № 60
34	То же	то же	1,97	15,9		/61	то же, экз. № 61

№№	Место и обстоятельства находки	Краткое описание	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
35	Янгиабад (Шаартузский р-н), 1969 г., клад	то же	2,28	16,0		ИД Н-308/62	Зеймаль, 1979а, клад № 5 экз. № 62
35а	Ак-тепе II (Бешкентская долина), 1978 г., погребальная яма № 2	то же	1,25	13,6	?	ИД Н-419/43	
35б	То же	то же	1,03	14,2	?	/45	
Кушаншах Варахран I (384—389 гг.; шаханшах — ? — 399 гг.)							
36	Янгиабад (Шаартузский р-н) 1069 г., клад	«группа Кобада»	3,35	17,4		/27	То же, № 27
37	Хишт-тепе (Кобадианский р-н), 1972 г., на поверхности	кушано-сасанидская группа	1,01	17,0	XII	ИД Н-435/55	Зеймаль, 1983а, № 55
38	Ак-тепе II (Бешкентская долина), 1978 г., погребальная яма № 2	сасанидо-кушанская группа (e/7)	1,62	14,3	VII?	ИД Н-419/24	Приложение, № 15
39	То же	то же	1,45	15,1	II	/27	
40	То же	то же	0,85	11,9	VII?	/46	
41	То же	то же	0,89	12,7	II	/47	
42	То же	то же	0,87	14,8	III	/48	
43	То же	то же	0,75	13,1	II	/49	
44	То же	то же	0,56	14,6	VIII	/50	
45	То же	то же	0,76	12,4	?	/51	
46	То же	то же	0,53	12,8	II	/52	
47	То же	то же	0,72	12,1	XII	/53	
48	То же	то же	0,99	12,8	I	/54	
49	То же	то же	0,75	12,4	?	/55	
50	То же	то же (e?)	0,81	15,2	III	/56	
51	То же	то же	1,10	12,0	IX?	/157	
52	То же	то же	1,48	13,9	IV	/158	
53	То же	то же	0,77	13,4	III	/159	
Кушаншах Варахран II (389 — ? гг.)							
54	Хишт-тепе (Кобадианский р-н), 1972 г., шурф, ярус I	сасанидо-кушанская группа (f/7)	0,72	13,0		ИД Н-435/62	Зеймаль, 1983а, № 62
55	Ак-тепе II (Бешкентская долина), 1978 г., погребальная яма № 2	то же	1,06	13,0	?	ИД Н-419/21	
56	То же	то же (7 ?)	0,89	14,8		/28	
57	То же	то же	0,61	13,0	XII	/37	
58	То же	то же	0,75	12,6	III?	/160	
59	То же	то же	1,23	13,9	II?	/161	
60	То же	то же	0,77	12,5	V	/162	
61	То же	то же	0,74	12,2	III	/163	
62	То же	то же	0,90	13,7	II?	/164	
63	То же	то же	0,85	11,9	VIII	/165	

№№	Место и обстоятельства находки	Краткое описание	Вес	Диам.	Ось	Место хранения, инвент. номера	Публикация, примечание
64	Ак-тепе II (Бешкентская долина), 1978 г., погребальная яма № 2	то же	1,05	13,8	VIII	ИД Н-419/166	Приложение, № 15
65	То же	то же	0,88	13,1	IV	/167	
66	То же	то же	0,94	13,5	III?	/168	
67	То же	то же	0,86	12,6	IV?	/169	
68	То же	то же	1,21	13,0	?	/70	
69	То же	то же	1,22	13,8	IX	/71	
70	То же	то же	1,25	13,2	VI	/72	
71	То же	то же	1,05	12,1	—	/73	
Кушаншах Хормизд II (450—457 гг.)							
72	Ак-тепе II (Бешкентская долина), 1977 г., погребальная яма № 1	сасанидо-кушанская группа (g/7)	0,56	14,4	III?	/9	
73	Там же, но 1978 г., погребальная яма № 2	то же	0,80	13,4	III	/74	
74	То же	то же	0,65	14,1	III	/75	
75	То же	то же	0,75	13,9	II	/76	
76	То же	то же	1,10	12,8	XI	/77	
77	То же	то же	0,55	12,1	XII?	/78	
78	То же	то же	0,55	14,0	I?	/79	
79	То же	то же	1,07	13,8	X	/80	
80	То же	то же	0,77	13,5	I	/81	
81	То же	то же	1,14	14,1	XI	/82	
82	То же	то же	1,10	12,4	X	/83	
83	То же	то же	1,11	13,9	VI	/84	
Кушаншах Пероз II (457—459 гг.)							
84	То же	то же (h/7)	0,92	14,2	X	/31	
85	То же	то же	0,81	13,4	II	/32	
86	То же	то же	0,70	13,0	V	/85	
87	То же	то же	1,21	14,1	II	/86	
88	То же	то же	0,56	12,8	VII	/87	
89	То же	то же	1,14	13,0	III	/88	
90	То же	то же	(0,41)	12,9	?	/89	
Неопределенные монеты сасанидских кушаншахов Сасанидо-кушанская группа							
91	Окрестности Хан-Газы (Бешкентская долина), 1959 г., погребение с трупосожжением	(?/7)				ИД Н-376	Мандельштам, 1966в, с. 122

№№	Место и обстоятельства находки	Краткое описание	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
92	Болдай-тепе (Курган-Тюбинский р-н), 1962 г. здание «Верхний Болдай», 2-й строит. период, клад	(?/7)	1,56	15,0	—	ИД Н-63/78	Зеймаль, 1979а, клад № 6 экз. № 78
93	То же		1,07	14,8	—	/79	то же, экз. № 79
94	То же		0,93	15,0	—	/80	то же, экз. № 80
95	То же		1,23	15,1	—	/81	то же, экз. № 81
96	То же		0,95	14,9	—	/82	то же, экз. № 82
97	То же		1,76	17,0	—	/83	то же, экз. № 83
98	То же		0,95	14,6	—	/84	то же, экз. № 84
99	То же		1,43	15,2	—	/85	то же, экз. № 85
100	То же		2,15	15,3	—	/86	то же, экз. № 86
101	Хишт-тепе (Кобадианский р-н), 1972 г., на поверхности		0,90	13,2	?	ИД Н-435/54	Зеймаль, 1983а, № 54
102	То же		0,89	13,4	?	/57	№ 57
103	То же		0,36	13,4		/58	то же, № 58
104	То же		1,31	13,5		/59	то же, № 59
105	То же		1,04	13,7		/60	то же, № 60
106	То же		0,43	13,0		/61	то же, № 61
107	Ак-тепе II, (Бешкентская долина), 1977 г., погребальная яма № 1		0,85	13,2	—	ИД Н-419/6	
108	То же		1,10	13,3	—	/8	
109	Там же, но 1978 г., погребальная яма № 2	(?/7)	1,01	13,5	I	/36	Приложение № 15
110	То же	(?/7)	1,31	13,2		/90	
111	То же	(?/7)	0,95	12,8		/91	
112	То же	(?/7)	0,49	13,0		/92	
113	То же	(?/7)	(0,38)	13,9		/93	
114	То же	(?/7)	0,70	14,1		/94	
115	То же	(?/7)	0,75	13,8		/95	
116	То же	(?/7)	0,83	14,1		/96	
117	То же	(?/7)	1,08	14,2		/97	
118	То же	(?/7)	1,09	13,4		/98	
119	То же	(?/7)	0,84	12,9		/99	
120	То же	(?/7)	(0,46)	12,6		/100	
121	То же	(?/7)	1,05	12,7		/101	

№№	Место и обстоятельства находки	Краткое описание	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
122	Там же, 1978 г., погребальная яма № 2	(?/7)	0,78	13,5		/102	Приложение, № 15
123	То же	(?/7)	1,17	12,2	III	/103	
124	То же	(?/7)	(0,54)	12,6	III	/104	
125	То же	(?/7)	0,74	13,0		/105	
126	То же	(?/7)	0,61	12,5		/106	
127	То же	(?/7)	(0,62)	13,2		/107	
128	То же	(?/7)	(0,57)	11,4		/108	
129	То же	(?/7)	(0,52)	11,6		/109	
130	То же	(?/7)	0,96	12,5		/110	
131	То же	(?/7)	0,55	12,5		/111	
132	То же	(?/7)	(0,62)	13,9		/112	
133	То же	(?/7)	(1,35)	14,1		/113	
134	То же	(?/7)	0,92	12,9		/114	
135	То же	(?/7)	0,93	13,8		/115	
136	То же	(?/7)	1,04	11,9		/116	

Сасанидо-кушанская группа ?

137	Г-ще Тахти-Кобад (Кобадианский р-н), 1972 г., на поверхности		0,81	13,1	?	ИД Н-435/65	Зеймаль, 1983а, № 65
138	Клыч-Дувал (Бешкентская долина), 1972 г., на поверхности		0,43	12,5		/77	то же, № 77
139	Ак-тепе II, (Бешкентская долина), 1978 г., погребальная яма № 2		0,64	13,2	?	ИД Н-419/22	Приложение, № 15
140	То же		0,69	15,8		/23	
141	То же		0,54	13,9	—	/24	
142	То же		0,47	11,9	I?	/30	
143	То же		(0,62)	14,0		/117	
144	То же		0,50	11,2		/118	
145	То же		(1,12)	12,5		/119	
146	То же		(0,56)	13,0		/120	
147	То же		0,60	11,9		/121	
148	То же		(0,37)	13,0		/122	
149	То же		0,89	12,5		/123	
150	То же		(0,55)	12,8		/124	
151	То же		(0,48)	11,7		/125	
152	То же		(0,39)	10,8		/126	
153	То же		(0,90)	13,4		/127	
154	То же		(0,93)	12,0		/128	
155	То же		1,06	12,9		/129	
156	То же		1,21	14,2		/130	
157	То же		(0,86)	13,0		/131	

№№	Место и обстоятельства находки	Краткое описание	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
				«Группа Кобада»			
158	Янгиабад (Шаартузский р-н), 1969 г., клад		3,39	18,6		ИД Н-308/39	Зеймаль, 1979а, клад № 5, экз.
159	То же		4,24	17,3			№ 39
160	То же		3,36	17,8		/40	то же, № 40
161	То же		3,73	15,6		/41	то же, № 41
162	То же		3,49	18,2		/42	то же, № 42
163	То же		3,11	17,2		/43	то же, № 43
164	То же		3,58	16,2		/44	то же, № 44
165	То же		3,78	17,6		/45	то же, № 45
166	То же		4,28	20,4		/46	то же, № 46
167	То же		2,98	18,0		/47	то же, № 47
168	То же		2,33	16,2		/48	то же, № 48
169	То же		3,44	17,5		/49	то же, № 49
170	То же		2,72	16,4		/50	то же, № 50
171	То же		3,12	15,7		/51	то же, № 51
						/52	то же, № 52
172	То же		3,52	17,4			
173	То же		3,28	17,0			
174	Ак-тепе II (Бешкентская долина), 1978 г., погребальная яма № 2		1,23	12,3	XI	ИД Н-419/26	Приложение, № 15
175	То же		0,85	14,2	?	/29	
				Монеты сасанидских шаханшахов (?)			
176	то же	медная монета Шапура II [12] ?	1,00	14,1	?	/41	

ЗОЛОТЫЕ МОНЕТЫ САСАНИДСКИХ КУШАНШАХОВ

XXI.01—04 — золотые монеты сасанидских кушаншахов Пероза (XXI.02), Хормизда I (XXI.03) и Варахрана I (XXI.04), а также один из самых поздних динаров кушанского царя Васудевы (XXI.01, ср. выше экз. XVI..02 — так называемый «Васудева III» [13]).

[все — из Британского музея]

---

[12] Определение В. Г. Луконина

[13] См. примечание 50а к главе XVI.

ГЛАВА XXII. РАННЕСОГДИЙСКИЕ МОНЕТЫ С ЛУЧНИКОМ

Все раннесогдийские серебряные монеты с изображением на об. ст. лучника, находки которых зарегистрированы на территории Таджикистана, происходят из одного пункта — городища раннесредневекового Пенджикента, где с 1947 г. ежегодно ведутся большие раскопочные работы. Учтенные здесь 68 экз. таких монет — очень небольшая часть от общего количества нумизматических находок в Пенджикенте (всего за время раскопок здесь было найдено около 5000 монет). Такое соотношение объясняется, в первую очередь, тем, что на этом многослойном памятнике исследовались, главным образом, верхние слои, относящиеся ко второй половине VII—VIII в., и лишь на отдельных участках вскрывались более ранние слои V— первой половины VII в. (Маршак, 1964; Исаков, 1977; Беленицкий — Маршак — Распопова, 1979).

Среди пенджикентских монет с лучником на об. ст. представлены только поздние серии этой чеканки (IV — начало VI в.), которая началась, видимо, в конце I или во II в. н. э. Общая характеристика раннесогдийских серебряных монет с лучником, предпосланная рассмотрению находок из Таджикистана, выполнена на материалах непосредственно не связанных с Таджикистаном и учитывающих более 1600 экземпляров этой чеканки (XII. **01—012**).

Пенджикентские находки — только самая восточная точка в ареале рассматриваемых монет, а центр его приходится на Самарканд и его окрестности (клад из Тали Барзу — Зеймаль, 1972; клад с городища Афрасиаб — Ташходжаев, 1974, с. 12—13). Кроме того, известны находки монет с лучником в Джизаке (Друэн, 1894, с. 175), в Придаргомской степи (Обельченко, 1966, с. 79, рис. 1) и в верхней части долины р. Кашкадарья (Кабанов, 1958).

В целом, чеканку раннесогдийских серебряных монет с изображением на об. ст. лучника можно подразделить на четыре периода. Первый период составляют экземпляры, на об. ст. которых имеется греческая легенда (ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ) или ее имитация (XXII. **01—05**), а на л. ст. — раннесогдийская легенда ’št’m, очевидно, передающая имя правителя. Всего мне известно немногим более двух десятков „монет Аштама", но имя это читается только на наиболее ранних.

На протяжении первого периода происходит довольно быстрая схематизация изображений на лицевой *(бюст усатого правителя влево; широкая лента-диадема перетягивает волосы)* и на оборотной сторонах *(стоящая в полный рост фигура человека; правая рука — у бедра, в отставленной в сторону левой руке — лук; над правым плечом — стрелы, торчащие из висящего за спиной колчана; под ногами — черта)*, уже в самом начале чеканки греческая легенда искажается и становится нечитаемой. В целом монеты претерпевают перемены, обычно характер-

ные для подражательных выпусков. Различие только в том, что в данном случае происходит отдаление не от чужеземного образца-прототипа, а от стоящего в самом начале этой чеканки исходного экземпляра, штемпели для которого были вырезаны высококвалифицированным мастером, обладающим в полной мере техническими и художественными навыками, необходимыми для создания совершенно новых типов, и уверенно владеющим грамотой.

К монетам первого периода причислены и довольно редкие монеты, на л. ст. которых такое же изображение правителя и раннесогдийская легенда 'št'm, а на об. ст. голова коня (XXII. **01**). С „монетами Аштама" их позволяет объединять л. ст., а об. ст. несомненно восходит к наиболее поздним сериям раннесогдийских подражаний монетам Антиоха с головой коня на об. ст. (см. выше, гл. VII). Имя Антиоха на об. ст. „монет Аштама", изображающих лучника, — косвенное подтверждение именно такого „примыкания" наиболее ранних монет с лучником к предшествующей согдийской чеканке.

Параллельно с процессом отдаления монет с лучником от исходного экземпляра на протяжении первого периода происходит и довольно серьезное понижение веса этих монет — от 3,95 г (XXII. **02**) до 1,10 г, протекающее сравнительно плавно, без видимых „скачков", за которыми можно было бы предполагать сознательные и упорядоченные „реформы". Столь же плавно и без соблюдения каких-либо метрологических норм продолжается это падение веса на протяжении II и III периода, пока вес монет не достигает 0,2—0,3 г. Применительно к монетам с лучником для обозначения весовых различий между ними употребляются часто термины „драхма", „гемидрахма", „обол" и даже „диобол" и „гемиобол" (Массон, В. 1955, с. 42; Ерназарова, 1974, с. 234; Ташходжаев, 1974, с. 12 и др.). Термины эти вряд ли следует прилагать к экземплярам пониженного веса даже условно, поскольку раннесогдийские монеты с изображением лучника на протяжении всех четырех периодов чеканки остаются, видимо, „драхмой", а колебания веса отражают степень ее редукции. Сама редукция происходит плавно и сопровождается изменениями в типах л. и об. ст., свидетельствующими об отдалении от исходного экземпляра.

На монетах с лучником, составляющих второй период этой чеканки, греческая легенда на об. ст. окончательно исчезает, а на л. ст. появляется согдийская легенда, выполненная более поздней разновидность письма, чем на монетах Аштама, — βγwrty (XXII. **06**) и hprwrnh (XXII. **07—010**). Типологическое примыкание монет второго периода к монетам Аштама подтверждают наблюдения за иконографией л. и об. ст. Прежние композиционные схемы сохраняются, но отдаление от исходного образца продолжается весьма активно. Некоторая „стабилизация" типов л. и об. ст. намечается только к концу второго периода. Видимо, в это же время происходит попытка обновить тип. об. ст., заменив изображение лучника на занимающую все поле монетного кружка легенду hprwrnh. Этот эксперимент, видимо, был вызван тем, что значительное уменьшение в результате редукции диаметра монеты создало трудности для размещения на л. ст. и изображения, и легенды. Но в последующей чеканке это нововведение не закрепилось.

Монеты третьего периода (известно менее 10 экземпляров), можно предполагать, выпускались недолго, а штемпеля для их чеканки, видимо, были изготовлены одним мастером. Тесно примыкая типологи-

чески к монетам четвертого периода, они отличаются от них согдийской легендой на л. ст., в которой читается kyδr (XXXII.01).

И, наконец, четвертый период, к которому относится подавляющее большинство дошедших до нас экземпляров, является практически анэпиграфным: легенда на л. ст., выполненная согдийским письмом, сохранилась лишь частично и пока не поддается чтению. По состоянию изображений на л. и об. ст. монеты четвертого периода можно подразделить на несколько серий, типологическое соотношение между которыми может служить опорой для разработка более детальной хронологической систематизации наболее поздних монет с лучником.

Начальная дата для раннесогдийских монет с лучником на об. ст. определяется по их примыканию к заключительным выпускам подражаний монетам Антиоха I с головой коня на об. ст. Хронологический рубеж, после которого начинается чеканка монет Аштама, определяется (как и для так называемых монет Гиркода) — до появления новых материалов — условно, с учетом общего нумизматического контекста, в котором осуществляется их выпуск.

Важной промежуточной вехой для датировки служит закрытое начертание буквы *вав,* характерное для монет второго периода с легендой hprwrnh. Так называемые согдийские «старые письма» (IV в.), если принимать предложенную для них датировку В. Б. Хеннинга (1948), несмотря на различие в материале и характере письма, еще в большинстве случаев дают открытое написание *вав*'а. Это позволяет относить ко времени не ранее IV в. н. э. монеты с лучником, на которых *вав* имеет закрытое начертание. С такой датировкой вполне согласуется и появление на монетах 3-го периода слитного начертания двух знаков в монетной легенде. Менее определенные результаты дает привлечение для датировки иконографических сопоставлений.

Широкое распространение монет с лучником на городище раннесредневекового Пенджикента (и, в частности, их находки в стратиграфически надежных условиях) позволяют привлечь для определения верхней даты монет с лучником археологические данные. Их находки вместе с керамикой VI — первой половины VII в. в слоях, явно перекрытых или застроенных во второй половине VII в., позволили предложить датировку наиболее поздних серий 4-го периода временем с начала VI по середину VII в. (Зеймаль, 1972, с. 74). Видимо, для обращения монет с лучником эта датировка сохраняет свое значение и сейчас. Но время их выпуска, благодаря находке экземпляров XXII. **34—59** в особо благоприятных стратиграфически обстоятельствах, сейчас необходимо ограничить началом VI в.: во время раскопок внутренней восточной городской стены раннего периода (Беленицкий — Маршак — Распопова, 1979, с. 258—259) кладик из 26 монет с лучником был найден в одной из бойниц вместе с керамикой I комплекса, относящейся по принятой периодизации пенджикентской керамики к V в. н. э.; бойница эта была заложена, когда к ранней городской стене пристраивали помещения II периода. Б. И. Маршак, который осуществлял раскопки на этом участке, высказал предположение, что „вероятнее всего, клад попал в закладку незамеченным вместе с землей, взятой из культурного слоя". II комплекс, по той же периодизации, относится ко времени „не позже начала VI в.". Поскольку среди монет, обнаруженных в заложенной бойнице, представлены все разновидности монет 4-го периода (включая и самые поздние из них), окончание чеканки монет с лучником нельзя относить позднее конца V — начала VI в. Но обращение этих монет, как показы-

вают последующие находки (и, в частности, экз. XXII. 65—68, обнаруженные в 1980 г. в пом. 11 здания X вместе с керамикой VI в.), видимо, продолжалось и в VI в.

Хотя за последнее десятилетие резко возросло число доступных для исследования экземпляров и многое в истории этой группы монет прояснилось, в целом раннесогдийская чеканка с изображением лучника на об. ст. еще не может считаться хорошо изученной. Более надежного обоснования требует датировка начала чеканки этой группы монет. Нет полной уверенности, передают ли согдийские легенды на л. ст. имя правителя, при котором осуществлялась чеканка, или имеют какое-то иное значение. Монеты Хуварфарна, например, если судить по дошедшему до нас количеству, могли быть выпущены не одним, а несколькими правителями.

Ряд нерешенных вопросов связан и с особенностями обращения этих монет. Три клада, которые сейчас известны, несмотря на различное число монет в каждом из них, дают довольно близкий по составу набор экземпляров. Как правило, в них представлены все выпуски монет IV периода — от наиболее ранних до наиболее поздних, а монеты III и более ранних периодов отсутствуют. Можно считать, что составляющие эти клады монеты находились в обращении примерно в одно время и примерно одновременно были спрятаны владельцами (пенджикентский кладик замурован в заложенной бойнице, афрасиабский — спрятан в кувшине, об обстоятельствах сокрытия талибарзинского клада нет данных). О причинах выпадения этих монет из обращения можно судить лишь предположительно.

Постепенная редукция веса монет с лучником от почти 4 г до маленьких монет весом в 0,2—0,3 г (т. е. в 15—20 раз) прослеживается на протяжении первого, второго и третьего периодов. Она прекращается только достигнув минимально возможного веса монеты. Находимые на Пенджикентском городище экземпляры иногда (во всяком случае — по внешнему облику) имеют вид медных (например, XXII. 63, 64), но нет полной уверенности, что эти „медные" экземпляры появились в результате продолжающейся скрытой редукции (т. е. ухудшения качества серебра в монете) всей чеканки. Не исключено, что они были выпущены в силу какой-то случайности, имеющей частный характер. Но следует отметить, что в кладах, которые сейчас известны, такие „медные" экземпляры не представлены: видимо, для кладов производился специальный отбор монет хорошего серебра.

VI—VII вв. — переломный период в денежном обращении Самаркандского Согда, на протяжении которого совершается переход к раннесредневековому денежному обращению, основанному на серебряной монете (первоначально — сасанидского образца). Если выпадение монет с лучником в клады соотнести с началом чеканки раннесредневековых серебряных монет (Давидович — Зеймаль, 1980, с. 73—78), то массовое сокрытие монет „старого образца" после выпуска „новых" — весьма типичная в истории денежного обращения ситуация, свидетельствующая о значительном „перепаде" в курсе серебра. Если представить, что новая монета сасанидского образца обращалась в соответствии со стоимостью пошедшего на ее изготовление серебра, то монеты с лучником, видимо, имели принудительный курс (на это указывает и строго ограниченный ареал этих монет), намного более высокий, чем стоимость заложенного в эти монеты-малютки серебра.

Если связывать распространение в Согде монеты сасанидского об-

разца с приходом туда эфталитов (509 г. — захват ими Самарканда, см. Маршак, 1971, с. 65), то окончание чеканки и обращения раннесогдийских монет с лучником, видимо, должно совпадать с этим событием, независимо от того, как будет решена в дальнейшем проблема перехода к раннесредневековому денежному обращению в Согде с точки зрения истории экономической жизни.

XII. РАННЕСОГДИЙСКИЕ МОНЕТЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЛУЧНИКА.
ТАБЛ. 31, 32

№№	Место и обстоятельства находки	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
1	Пенджикентское г-ще, 1949 г., здание III, в завале	0,24	9,9	XII	ИД Н-42	Смирнова, 1963, № 4
2	То же, 1952 г., храм II, (ограда)	0,22			ИД Н-45	
3	То же, 1953 г., загородная усадьба (здание VIII)	0,24	9,2	XII	ИД Н-46	то же, № 1
4	То же, 1954 г., здание IX, помещ. 12, дверной проем	0,30	9,9	XI	ИД Н-47	то же, № 3
5	То же, здание IX	0,50	9,5	XI	ИД Н-479/1	то же, с. 56, № 2, табл. I, 2
6	То же, 1959 г., зд. III, помещ. 112 (в завале)	0,26	10,1		ИД Н-84/41	
7	То же, здание VI, помещ. 59 (в выбросе)	0,16			/62	
8	То же, здание XIII, помещ. 19, на полу	0,30			/95	
9	То же, 1960 г., здание VI, помещ. 49 (в развале свода)	0,13			ИД Н-85/11	
10	То же, помещ. 55, в кладке вост. стены	0,20			/15	
11	То же, 1961 г., здание VI, помещ. 65, в закладке проема в зап. стене				ИД Н-378/6	
12	То же, здание XVI, помещ. 3	0,18			/81	
13	То же, помещ. 10, пол	0,24			/83	
14	То же, 1962 г., здание XIII, помещ. 35	0,27			ИД Н-379/86	
15	То же, 1963 г., храм II (ограда), помещ. 6	0,24			ИД Н-380/430	
16	То же, храм II (ограда), в завале раннего здания (у юго-зап. угла помещ. 7 ограды)	0,12			/434	
17	То же, 1964 г., храм II (ограда), слой раннего здания, помещ. с живописью	0,21	9,7	XI	ИД Н-381/12	
18	То же, здание VII, ранняя городская стена (помещ. 20 а, на полу башни)	0,27	10,1	XII	/102	
19	То же	0,30	9,9	XII	/103	
20	То же, здание XVII, помещ. 22, в яме	0,26	10,1	XI	/190	
21	То же, здание XXI, помещ. 1, «эстрада»	0,13	9,5	VII	/322	
22	То же, 1965 г., здание III, помещ. 151, отвал	0,11	9,2	XI	ИД Н-382/139	

№№	Место и обстоятельства находки	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
23	То же, здание XII, помещ. 57	0,10	10,9	—	/204	
24	То же, 1966 г., здание XII (верхний слой), улица к западу от выхода из помещ. 39	0,27	10,9	XI	ИД Н-382А/36	
25	То же, 1967 г., цитадель, дворец, помещ. 2, завал (VII ярус)	0,16	10,8	XI	ИД Н-382Б/15	
26	То же					
27	То же, 1967 г., здание XVII, помещ. 8, завал	(0,08)	(7,8)	—	/73	
28	То же, 1969 г., здание XXI, помещ. 6, в завале свода	0,20	9,4	XI	ИД Н-384/131	
29	То же, здание XXIV				/149	
30	То же, 1970 г., здание XIII, помещ. 75, в предпольном слое	0,18	11,8	—	ИД Н-460/21	
31	То же, 1971 г., здание XXIII, помещ. 8, 1 этаж, в слое кирпичного завала				ПЖ	(полев. шифр — ТП-71/XXIII-21)
32	То же, здание XXIV, помещ. 9, под стеной 2-го этажа	0,12	8,0		ИД Н-461/49	
33	То же, 1974 г., здание III, помещ. 45, в пазухе свода	—	—	—		(монета раскрошилась — полевой шифр — ТП-74/III-1)
34	То же, ранняя внутренняя восточная городская стена под зданием VII, в закладке бойницы при постройке помещений II периода; клад	0,26	9,5	XII	ИД Н-464/3-1	Приложение, № 12
35	То же	0,28	9,1	XII	/3-2	
36	То же	0,35	10,1	XII	/3-3	
37	То же	0,23	9,4	XII	/3-4	
38	То же	0,34	9,4	XII	/3-5	
39	То же	0,24	10,3	XII	/3-6	
40	То же	0,29	9,9	XII	/3-7	
41	То же	0,30	9,1	—	/3-8	
42	То же	0,23	9,1	XII	/3-9	
43	То же	0,32	9,9	XII	/3-10	
44	То же	0,25	9,6	XII	/3-11	
45	То же	0,30	9,9	XI	/3-12	
46	То же	0,23	9,7	XII	/3-13	
47	То же	0,29	10,3	XII	/3-14	
48	То же	0,31	10,0	XII	/3-15	
49	То же	0,31	10,0	XII	/3-16	
50	То же	0,32	9,9	XII	/3-17	
51	То же	0,24	9,6	XII	/3-18	
52	То же	0,28	9,7	XII	/3-19	
53	То же	0,32	9,7	XII	/3-20	
54	То же	0,24	9,7	XII	/3-21	
55	То же	0,23	10,0	XII	/3-22	

№№	Место и обстоятельства находки	Вес	Диам.	Оси	Место хранения, инвент. номера	Публикации, примечания
56	То же, ранняя внутренняя восточная городская стена под зданием VII, в закладке бойницы при постройке помещений II периода; клад	0,22	10,2	XII	Н-464/3-23	
57	То же	0,33	10,0	XII	/3-24	
58	То же	0,23	10,3	XI	/3-25	
59	То же	0,29	10,1	XI	/3-26	
60	То же, 1977 г., здание XVI, помещ. 82, (в плотном кирпичном завале)	0,26	9,1	—	ИД Н-467/27	
61	То же, 1978 г., здание X, помещ. 8, предпольный слой, ниже горелого пола	0,22	10,5	—	ИД Н-468/21	
62	То же, здание XXVIII, помещ. 6, (завал свода в 35 см над полом)	0,24	9,9	—	/78	
63	То же, 1979 г., здание X, помещ. 9, над нижним полом (между полами)	0,15	10,1	—	ИД Н-469/66	
64	То же, помещ. 8, верх забутовки между суфами	0,29	10,5	XII	/70	
65	То же, 1980 г., здание X, помещ. 11, кирпичный завал	0,33	11,3	XII	ИД Н-470/153	
66	То же, помещ. 11, 14-й пол снизу	0,22	11,7	XII	/160	
67	То же, над 12-м полом снизу	0,14	11,1	XII	/161	
68	То же, между 11-м и 12-м полами снизу	0,18	9,9	XII	/162	

ПЕРИОДИЗАЦИЯ РАННЕСОГДИЙСКИХ МОНЕТ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЛУЧНИКА НА ОБ. СТ.

01-05 I период («монеты Аштама») — с раннесогдийской легендой 'št'm на л. ст. и греческой легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ или ее искаженной имитацией на об. ст. (05 — «медная драхма»)

06-010 II период — с раннесогдийской легендой βγwrty (06) или hprwrnh (07—010) на л. ст.

011 III период — с раннесогдийской легендой kyδr на л. ст.

012 IV период (как и подавляющее большинство монет с лучником, найденных на Пенджикентском г-ще)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Происходящие с территории Таджикистана древние монеты, собранные в этой книге, частично уже использовались и ранее в качестве источника исследователями разных специальностей. Будут они, наверняка, использоваться не менее широко и в дальнейшем, когда это издание увидит свет. Передавая в распоряжение читателей нумизматические материалы, на обработку и изучение которых потрачено двадцать лет, трудно удержаться от нескольких замечаний общего характера.

Выявление новых экземпляров и уточнение ареалов разных нумизматических групп; определение относительной хронологии выпуска монет (внутри каждой группы) и пересмотр, когда в этом была необходимость, абсолютных дат их чеканки и обращения; попытка проследить, как одна нумизматическая группа сменяет другую, и использовать археолого-стратиграфические данные, клады и просто совместные находки для определения длительности обращения тех или иных монет,— все эти вопросы, с большей или меньшей полнотой, были разобраны выше на вполне конкретном материале и составляют неотъемлемую часть источниковедческой подготовки и оценки нумизматического материала, который — после такого рода обработки — может служить опорой для более надежных и строгих выводов.

Принципиальное значение при этом имеет полнота, с какой учтен имеющийся материал. Дело даже не в количественной стороне, не в том — большее или меньшее число экземпляров использовано, а в максимально широком охвате в с е х монет исследуемой группы (или, во всяком случае, в стремлении к такому „максимализму"). Опираясь на случайные и вырванные из общего нумизматического (и исторического) контекста факты или привлекая единичные монеты в качестве иллюстрации каких-то идей, просто невозможно обеспечить наибольшую „отдачу" монет как источника, подметить и выявить закономерности в явлениях, зафиксированных нумизматическими данными, осмыслить их и получить прочно обоснованные выводы.

Несмотря на весьма ограниченный, на первый взгляд, характер и объем информации, заложенный в монете, нумизматические данные поставляют факты, которые могут служить (и служат) опорой для очень широкого спектра исторических исследований. Политическая история и генеалогия обращаются к именам и титулатуре царей, языкознание и палеография — к особенностям языка монетных легенд и их начертания, метрология — к весовым и линейным стандартам монет. Искусствоведение видит в нумизматических памятниках не только реальные произведения искусства и изображения не дошедших до нах шедевров древности, но и отражение художественных критериев и направлений той эпохи, к которой принадлежит монета. Дипломатика и история религии, история архитектуры и геральдика, история астрономии и история

торговли, история металлургии и история международных отношений — эти и многие другие направления исторических изысканий широко используют (наряду с другими источниками) нумизматические материалы. Все это в полной мере относится и к древним среднеазиатским монетам, всестороннее исследование которых специалистами разных областей знания только начинается.

Научная ценность монет как источника определяется не только их массовостью или количеством информации, которую несет в себе тот или иной экземпляр. Современное источниковедение, изучающее нумизматические данные в комплексе с другими категориями исторических источников (документов), предполагает, что такого рода оценка должна опираться на сопоставление сведений, которые несут в себе монеты, с данными прочих видов источников, имеющихся в распоряжении исследователей. Нумизматические факты, полностью или частично совпадающие со сведениями других источников, могут служить для разного рода уточнений, для контроля за справедливостью заключений, для оценки достоверности информации и т. п. Однако наибольшую ценность и самостоятельное значение имеют такие монетные данные, которые не перекрываются никакими свидетельствами (сообщениями) всех остальных источников. В таких случаях монеты оказываются в положении основного источника — источника с правом решающего голоса.

Именно в такой роли нумизматические данные выступают по отношению к истории денежного хозяйства (и шире — товарно-денежных отношений) древней Средней Азии, поскольку все, что известно о местной монетной чеканке и о существовавшем здесь денежном обращении, не освещено никакими другими источниками и может опираться только на сами монеты — на их территориальное и стратиграфическое распределение, на их совстречаемость в кладах, на претерпеваемые монетами изменения (в пределах группы, чеканки и т. д.), на сведения о смене одних монетных групп другими и т. п., т. е. на то, что лучше всего определяется термином поведение (монет), давно нашедшим себе широкое применение в историко-типологических исследованиях.

Первый опыт исследования денежного хозяйства древней Средней Азии был предпринят В. М. Массоном, наметившим в ее составе нумизматические области и проследившим особенности денежного обращения и монетной чеканки для каждой из таких областей (В. Массон, 1955). Но за прошедшие четверть века накоплен огромный фактический материал, позволяющий снова обратиться к исследованию проблем и вопросов, которые были рассмотрены или только затронуты В. М. Массоном. Однако исследование такого рода должно опираться на значительно более широкую источниковедческую базу, чем монеты древнего периода одной из среднеазиатских республик.

Оценивая источниковедческие возможности собранного в этой книге нумизматического материала в целом, необходимо учитывать, что это достаточно случайная (хотя и вполне представительная) выборка нумизматических памятников, происходящих с совершенно произвольно (с точки зрения истории денежного обращения в древности) очерченной территории, отнюдь не составлявшей в далеком прошлом единой историко-географической области или страны.

Кроме того, фиксируя на таджикистанских материалах те или иные особенности денежного хозяйства, далеко не всегда можно подкрепить их ссылками на равноценно сопоставимые (и источниковедчески с необ-

ходимой полнотой осмысленные) данные по другим республикам Средней Азии (или по сопредельным историко-географическим областям). Рассматривая отдельные группы монет из Таджикистана на широком нумизматическом фоне, с учетом неопубликованных материалов среднеазиатских музеев и тех сведений, которые можно найти в литературе, я стремился показать, когда это было можно, их распространение и за пределами Таджикистана. Но для постановки и решения проблем истории денежного хозяйства в масштабах всего Среднеазиатского Междуречья (Трансоксианы) необходимо провести дополнительные исследования (в частности, по монетам древнего Согда) и привлечь не менее обширный нумизматический материал, чем тот, который — прежде всего, под источниковедческим углом зрения — был рассмотрен в этой книге. Таким образом, несмотря на то, что публикуемый и учтенный для сопоставления в этой книге реальный монетный материал намного превосходит те данные, которыми мог располагать в 1955 г. В. М. Массон, его явно недостаточно для рассмотрения в полном объеме проблем истории денежного хозяйства древней Средней Азии в целом.

Опираясь преимущественно на древние монеты, найденные в пределах Таджикистана, и на их распределение во времени и в пространстве, мы ограничимся здесь только краткой характеристикой состояния денежного хозяйства на территории республики в древности, — того, в какой степени на разных этапах древнего периода своей истории Таджикистан был вовлечен в денежное обращение. Учитывая несовпадение современного политико-административного деления с границами древних историко-географических областей, нам далеко не всегда в своих суждениях придется оставаться в пределах современных территориальных единиц: вряд ли в древности существовали какие-либо принципиальные различия в характере денежного обращения между долиной Сурхандарьи и южными районами Таджикистана или, например, восточной (таджикистанской) частью долины Зеравшана и узбекистанской территорией Самаркандского Согда.

Территориальное распределение. Сопоставление ареалов всех групп древних монет, представленных в находках из Таджикистана, позволяет получить достаточно наглядную общую картину распространения древних монет на территории республики с весьма определенно выраженной особенностью — неравномерностью их распределения.

Не известны находки древних монет на Памире (единственное исключение — экз. XIII. 6), в горных расйонах Гарма, на верхнем Зеравшане (к востоку от Пенджикента и его округи) и в других горных районах республики. Почти отсутствуют они и в районах Ленинабадской области, лежащих к северу от Туркестанского хребта: здесь зарегистрированы одна медная „тетрадрахма" Вимы Кадфиза из погребения в Аштском районе (XIII. 19) и остатки клада римских денариев из сел. Меджум в Ганчинском районе Ленинабадской области (V. 1—19). Подавляющее же большинство находок приходится на долины Южного Таджикистана.

Такое распределение монетных находок в какой-то степени отражает неравномерность заселения территории Таджикистана в древности, что подтверждается и археологическими данными. Да и в современных условиях весьма значительный процент территории республики

остается практически ненаселенным[1]. Но полное (или почти полное) отсутствие древних монет в горных местностях нельзя объяснять только более низкой плотностью населения или естественно-климатическими условиями: обособленность сравнительно небольших общин, составляющая специфику высокогорья, порождала в древности и в средние века заметный консерватизм в хозяйственной деятельности, приводивший, как правило, к более медленному социальному и экономическому развитию. Эти причины не могли не сказаться на очень медленном вовлечении в товарно-денежные отношения горных долин Таджикистана, хотя, видимо, вряд ли целесообразно выделять — с точки зрения денежного обращения в древности — особую „горную" зону, во-первых, потому что обусловливающие ее отличие причины нельзя квалифицировать как историко-географические, а, во-вторых, потому что ее границы были бы весьма неопределенны.

Совершенно иную картину дают долины Северного Таджикистана, в которых также почти полностью отсутствуют находки древних монет. Ни о пониженной плотности населения, ни об экономическом или социальном отставании здесь не может быть и речи, хотя, судя по распределению монетных находок, эти районы вообще не знали в древности регулярного денежного обращения. Зарегистрированные здесь монеты (V. 1—19; XIII. 19) должны рассматриваться как монета иноземная, попавшая сюда случайно и не в качестве средства обращения (серебряные денарии — как сокровище, демонетизированная медная „тетрадрахма" Вимы Кадфиза — как часть украшения)[2].

Следует напомнить, что отсутствие регулярного денежного обращения в древности характерно не только для отмеченных районов Ленинабадской области: не было его и в целом ряде других историко-географических областей Средней Азии (в том числе и в Фергане, и в Уструшане в целом, в состав которых входила территория Таджикистана к северу от Туркестанского хребта). Ссылка на общий закон неравномерности исторического развития никак не проясняет причин отсутствия своего денежного обращения в Фергане и в Уструшане в древности. Можно только предполагать, что немаловажную роль при этом сыграло отсутствие непосредственных и устойчивых контактов с народами, имевшими длительные и развитые традиции собственной монетной чеканки и денежного обращения. Теоретически возможно, что отсутствие на этой территории монетного обращения в какой-то степени компенсировалось высоким развитием форм натурального (товарного) обмена или даже возникновением здесь иных, немонетных форм денег. Пока нет данных даже для сколько-нибудь обоснованных предположений на этот счет, но не исключено, что новые археологические раскопки (и, собственно, тщательное наблюдение с этой точки зрения за составом инвентаря в погребениях) дадут со временем ответ и на этот вопрос.

Таким образом, территория Ленинабадской области, лежащая к северу от Туркестанского хребта, по особенностям территориального распределения монетных находок может быть для древнего периода выделена в самостоятельную — «северную» — зону.

---

[1] Атлас Таджикской ССР. Душанбе — Москва, 1968, с. 118—119.

[2] Несколько странно — на фоне полного отсутствия даже следов денежного обращения в древности к северу от Туркестанского хребта — выглядит предложенная Г. А. Кошеленко «локализация» в районе современного Ленинабада (Ходжента) «монетного двора первых селевкидских царей» в Согде (Кошеленко, 1979, с. 157—158), о существовании которого В. М. Массоном в 1955 г. было высказано (и, видимо, без достаточных оснований) осторожное предположение.

Вторая зона — „согдийская" — занимает сравнительно небольшой участок долины Зеравшана (от Пенджикента и его округи на востоке и до границы с Узбекской ССР на западе), исторически относившейся в древности к Самаркандскому Согду как территориально, так и по составу обращавшейся там монеты. Здесь зарегистрированы, помимо стоящей особняком коммеморативной тетрадрахмы греко-бактрийского царя Антимаха (III. 76), правившего во второй четверти II в. до н. э., раннесогдийские подражания монетам Антиоха (VII. 1, 2), раннесогдийские монеты с лучником на об. ст. (XXII. 1—67), а также медные кушанские монеты (XII. 7, XVI. 31) и подражания им (XX. 151—167), происходящие (кроме тетрадрахмы Антимаха) из раскопок на городище раннесредневекового Пенджикента.

Третья зона включает в себя все долины больших рек Южного Таджикистана и их притоков и ограничена на севере предгорьями Гиссарского хребта, на востоке — долинами р. Кызылсу и Яхсу (включительно), на юге — р. Пянджем и Амударьей, на западе — современной административно-территориальной границей с Узбекской ССР, не совпадающей с какими-либо историко-георгафическими рубежами. Составлявшая в древности (вместе с южными районами Узбекской ССР) территорию Северного Тохаристана, эта зона может быть обозначена как „тохаристанская". Эта зона дала наибольшее (по сравнению с двумя другими зонами) количество находок древних монет. Для нее же характерно и наибольшее разнообразие в составе монеты: из описанных выше двадцати двух групп монет (при всей условности такого деления) в тохаристанской зоне представлены восемнадцать групп (здесь не зарегистрированы находки подражаний драхмам с типами Александра и подражаний монетам Антиоха, раннесогдийских монет с лучником на об. ст. и римских монет). Для сравнения укажем, что в согдийской зоне встречены монеты только шести групп (III, VII, XII, XVI, XX и XXII), в северной — двух (V, XIII). Если отсутствие в тохаристанской зоне раннесогдийских монет (VI, VII и XXII) можно рассматривать как явление закономерное, то находки кушанских монет и подражаний им за пределами тохаристанской зоны — это случайные единичные экземпляры, оказавшиеся вне своего основного ареала, в котором присутствие этих монет, во-первых, носит массовый характер, и, во-вторых, где они относятся ко времени их выпуска (или близки к нему).

Хронологическое распределение древних монет в пределах Таджикистана целесообразно рассматривать с учетом тех территориальных зон, которые только что были намечены выше. Видимо, проникновение монеты в „северную" зону началось не ранее III в. н. э., а, возможно, и позднее (см. гл. V).

Сложнее обстоит дело с находками из согдийской зоны. Наиболее раннюю дату здесь имеет коммеморативная тетрадрахма Антимаха (III. 76), но мы не располагаем никакими данными о времени ее проникновения в эту зону (случайная находка при земляных работах на огороде). Все остальные находки древних монет в согдийской зоне происходят из раскопок и по условиям стратиграфического залегания не могут быть датированы ранее V в. (наиболее древние слои Пенджикентского городища — не старше начала V в.). Но знакомство Самаркандского Согда с иноземной монетой впервые, видимо, произошло еще в III в. до н. э. — так датируются, во всяком случае, прототипы тех подражаний, которые во II в. до н. э. — I в. н. э. (или даже позднее) там чеканились и обращались (см. гл. VII). На смену им в I или во II в.

н. э. пришли раннесогдийские монеты с лучником на об. ст. Но ранние серии монет с лучником на территории Таджикистана пока не известны: обнаруженные на Пенджикентском городище экземпляры чеканены не ранее IV в. н. э. Кушанские монеты и подражания им были найдены во время раскопок на Пенджикентском городище вместе, в единых стратиграфических условиях. Это позволяет предполагать, что и в согдийскую зону они тоже проникают одновременно, т. е. уже в посткушанский период, что вполне согласуется с археологическими датами того слоя, в котором они были найдены. Их место в денежном обращении согдийской зоны (и конкретно Пенджикента V в.) остается до некоторой степени загадочным: кушанские медные монеты, равно как и подражания им, вряд ли могли свободно обращаться вне своего основного ареала. Но в любом случае их присутствие на Пенджикентском городище свидетельствует о непосредственных торговых контактах с Северным Тохаристаном. Предположение (пока отчасти умозрительное) о том, что монетное обращение пенджикентского „рустака" в древности прошло через те же хронологические этапы, что и денежное обращение Самаркандского Согда, пока остается гипотезой, подтвердить или опровергнуть которую должны новые находки монет.

Таким образом, на данном этапе изучения для согдийской зоны территории современного Таджикистана можно предположительно говорить о первом знакомстве с иноземной монетой в II в. до н. э., но вопрос о том, проникали ли сюда во III в. до н. э. монеты греко-бактрийских царей, должен пока остаться открытым. Ранние стадии чеканки согдийских подражаний монетам Антиоха (II—I вв. до н. э.), видимо, можно рассматривать как начальный период денежного обращения в этой зоне, но зафиксированы здесь находки этих подражаний, уже относящиеся к заключительному этапу их чеканки (I—II вв. н. э.?). Только по поздним (не старше IV в. н. э.) экземплярам фиксируется здесь (но достаточно уверенно) распространение раннесогдийских монет с лучником на об. ст. — первой самостоятельной чеканки Самаркандского Согда, выпускавшейся с I—II по начало VI в. н. э.

В тохаристанской зоне зарегистрирован довольно разнообразный состав монеты V—III вв. до н. э. (I. 1—44, II. 1—396, IV. 1—40), но наиболее ранний достоверный (если оставить в стороне сомнения, высказывавшиеся по поводу монет Амударьинского клада) случай проникновения иноземной монеты к северу от Амударьи относится к последней четверти III в. до н. э. Нет никаких признаков, что монеты из этой находки попали на территорию Таджикистана в качестве средства обращения. Состав Амударьинского клада в целом (т. е. не только монетной части, но и вещевой) показывает, что вошедшие в него изделия и монеты из драгоценных металлов являлись, в первую очередь, сокровищем. Индийские клеймённые монеты (IV. 1—40), выпуск которых датируют V — серединой II в. до н. э., были найдены на городище Тахти Сангин в „ботросе" № 6 вместе с оболом Эвкратида, но сам „ботрос" № 6 был спущен с пола № 2 (в Белом зале), датировка которого кушанским временем подтверждается многочисленными монетными находками. Есть и другие примеры, когда иноземные монеты с ранними датами залегали в слое, отстоящем от времени их выпуска, по крайней мере, на несколько столетий.

Можно предполагать, что и греко-бактрийские монеты проникали к северу от Амударьи значительно позднее времени их выпуска. Пока не только в пределах Таджикистана, но и вообще на территории всей

Средней Азии не известно ни одной находки греко-бактрийской монеты в слое, синхронном времени существования Греко-бактрийского царства (середина III—30-е гг. II в. до н. э.), но зарегистрированы случаи присутствия греко-бактрийских монет в слоях, надежно датированных кушанским временем (II. 53, III. 81), или в единых стратиграфических условиях с более поздними монетами (совместная находка III. 31 и XII. 215).

Первые монеты, бесспорно регулярно обращавшиеся (и, вероятнее всего, чеканившиеся) в пределах тохаристанской зоны, — это подражания оболам Эвкратида, начало выпуска которых относится к последней четверти или к концу II в. до н. э. Чисто умозрительно можно допустить, что выпуску этих подражаний в течение какого-то времени предшествовало обращение на той же территории монет-прототипов — оболов самого Эвкратида с изображением на л. ст. царя в шлеме и с монограммой . Последние датируются 70—40-ми гг. II в. до н. э. Видимо, в это же время или несколько позднее начинается и их проникновение к северу от Амударьи.

Найденные в Таджикистане подражания монетам Гелиокла частично параллельны по времени подражаниям оболам Эвкратида. Подражания драхмам Фраата IV, также выпускавшиеся одновременно (во всяком случае, на протяжении довольно значительного хронологического отрезка) с подражаниями оболам Эвкратида, засвидетельствованы на территории Таджикистана (и вообще к северу от Амударьи) пока единственной находкой (X. 1—69 — эти 69 экз. входили в состав клада кушанского времени из „ботроса" № 3 в Белом зале на городище Тахти Сангин — см. указатель кладов), которая не позволяет судить, насколько подражания драхмам Фраата IV, в целом, характерны для правобережья Амударьи.

Таким образом, для тохаристанской зоны (как и для согдийской) можно наметить хронологические рамки двух последовательных этапов, на протяжении которых происходит знакомство этой территории с денежным обращением. Первый этап — III — первая половина II в. до н. э., когда вся иноземная монета проникала сюда только как сокровище, не выступая в роли средства обращения. С середины или с третьей четверти II в. до н. э. здесь можно допустить обращение оболов Эвкратида (л. ст. — *голова в шлеме*), поскольку именно к ним восходят первые местные подражательные серии. Но прямыми свидетельствами обращения оболов самого Эвкратида в Южном Таджикистане мы пока не располагаем. Нет никаких оснований (во всяком случае, при современном состоянии изученности) даже предположительно говорить об обращении здесь и каких-то иных греко-бактрийских монет (в том числе тетрадрахм и драхм Гелиокла)[3].

Второй этап, для которого мы уже располагаем прямыми данными о регулярном денежном обращении в тохаристанской зоне, начинается с последней четверти II в. до н. э. — одновременно с началом чеканки местных подражаний оболам Эвкратида. Время чеканки этих подража-

---

[3] Находки серебряных тетрадрахм и драхм Гелиокла в правобережье Амударьи пока вообще не известны. Нет на территории Таджикистана и самых ранних медных подражаний монетам Гелиокла (они концентрируются в районе Термеза): находки здесь относятся к 4-му и более поздним периодам (см. гл. IX) и, видимо, проникали сюда позднее времени их выпуска.

ний (до конца I — начала II в. н. э.) и можно определить как начальный этап денежного обращения в Южном Таджикистане.

Примерно в это же время через стадию чеканки «варварских подражаний» проходят и другие области и страны Среднеазиатского Междуречья, переживая свой начальный период денежного обращения: в Южном Узбекистане (Термез и его округа, Ширабадская и Сурхандарьинская долины) начинается чеканка и обращение медных подражаний тетрадрахмам и драхмам Гелиокла, в Самаркандском Согде выпускаются и обращаются подражания монетам Антиоха I (с головой коня на об. ст.), в Бухарском Согде прототипом для местной чеканки подражаний становятся тетрадрахмы греко-бактрийского царя Эвтидема. Примерно одинаковые условия возникновения денежного обращения и местной монетной чеканки породили и сходную — стадиально— форму начального периода денежного обращения, хотя конкретные прототипы в каждой такой области были различны.

Видимо, III—II вв. до н. э. (если говорить о территории Таджикистана в целом, учитывая определенный параллелизм в явлениях и датах между согдийской и тохаристанской зонами) можно считать временем первого знакомства Таджикистана с иноземными монетами, а ко II—I вв. до н. э. следует относить первые шаги собственного денежного обращения на его территории. Такие же хронологические рамки начального периода денежного обращения можно констатировать и для других областей Трансоксианы, наиболее развитых экономически, если оставаться на почве достоверных фактов или обоснованных предположений. Попытки возвести возникновение в Средней Азии денежного обращения к более раннему времени (вплоть до ахеменидского) пока не находят подтверждения в имеющихся материалах.

Каково было историческое содержание начального периода денежного обращения в Южном Таджикистане (последняя четверть II в. до н. э. — конец I — начало II в. н. э.)? Нумизматические данные не дают ответа на этот вопрос, но письменные источники (как китайские, так и античные) свидетельствуют о том, что на третью четверть II в. до н. э. приходится очень важное событие в политической истории правобережья Амударьи — приход сюда из степей Центральной Азии большого кочевого объединения племен, которое, нанеся поражение Греко-бактрийскому царству, остается жить к северу от Амударьи. Сопоставление данных китайских хроник с известиями античных авторов показывает, что речь идет об одних и тех же событиях, освещаемых под несколько различающимися углами зрения.

В китайских источниках это объединение племен носит название да-юечжи. Китайский путешественник Чжан Цянь, посланный с дипломатической миссией, для заключения союза с да-юечжами против сюнну, около 128 г. до н. э. застал да-юечжей живущими к северу от Амударьи. Китайские хроники «Ши цзи», «Хань шу» и «Хоу Хань шу» позволяют проследить историю да-юечжей от их вынужденного ухода — под давлением сюнну — из провинции Ганьсу в 70-х гг. II в. до н. э. и до появления их в Средней Азии, где со временем происходит усиление одного из пяти юечжийских родов — рода Гуйшуан = Кушан, — подчинившего себе остальные четыре рода и затем создавшего Кушанское государство.

Сходным образом Страбон (XI. 8, 2) называет тохаров (вместе с асиями, пасианами и сакарауками) в числе племен, пришедших из-за Согдианы (через Яксарт = Сырдарью) и сокрушивших Греко-бактрий-

ское царство (сведения эти у Страбона—через Посидония Родосского—восходят к Аполлодору из Артемисии, писавшему в I в. до н. э.). Трог Помпей посвятил особую главу тому, «Как асианы сделались царями у тохаров», но в дошедшей до нас эпитоме Юстина (ср. Justin, XLI—XLII) этой главы нет; он сообщает только об одном событии, связанном с тохарами: парфянский царь Артабан, получив в войне с ними рану, умер в 124/123 г. до н. э. (Justin, XLII, 2,2).

Видимо, с приходом да-юечжей = тохаров в правобережье Амударьи и возникает название „Тохаристан", хотя впервые оно упоминается намного позднее — в китайском переводном сочинении, относящемся к 383 г., в форме „Ту-хо-ло" (Мюллер, 1918, с. 575). В этой же форме, но в разных вариантах написания (Шаванн, 1903, с. 155), оно фигурирует в китайских источниках и позднее, но содержание этого названия, видимо, неоднократно менялось. Первоначально, когда да-юечжи = тохары поселились к северу от Амударьи (с третьей или второй четверти II в. до н. э. и по первую четверть I в. н. э.), название „Тохаристан" могло относиться только к правобережью Амударьи. С переселением да-юечжей на юг (после 25 г. н. э.) могло возникнуть более широкое название, относившееся и к правобережью, и к левобережью. Сужение термина „Тохаристан" до небольшого округа в Северном Афганистане (так называемый Нижний Тохаристан) происходит, вероятнее всего, уже в раннесредневековый период[4].

Таким образом, Южный Таджикистан составлял в конце II в. до н. э. — I в. н. э. часть территории, находившейся во власти да-юечжей = тохаров. Было ли связано возникновение именно в это время здесь своего денежного обращения с приходом юечжей = тохаров? Для ответа на этот вопрос мы располагаем только самими монетами. В. М. Массон высказывал предположение (в связи с юечжийскими подражаниями монетам Гелиокла — В. Массон, 1957, с. 113), что „выпуск монеты был вызван, в первую очередь, экономическими потребностями древних культурных оазисов, подчинявшихся правителям юечжей». Не располагая данными, которые подтверждали бы это мнение, следует, однако, отметить, что подражания оболам Эвкратида одинаково часто встречаются как в грунтовых могильниках, которые можно связывать только с оседло-земледельческим населением, так и в курганных, которые скорее принадлежали кочевникам (или, во всяком случае, вчерашним кочевникам). *Бесспорными случаями находок подражаний оболам Эвкратида* на городищах (и вообще на оседло-земледельческих поселениях) мы пока не располагаем.

Определяя начальный период денежного обращения в Южном Таджикистане как т о х а р с к о - ю е ч ж и й с к и й, вряд ли можно констатировать высокий уровень развития товарно-денежных отношений в это время. На два с лишним века (с конца II в. до н. э. до начала II в. н. э.), в течение которых чеканились оболы-подражания, в нашем распоряжении всего пять десятков экземпляров, если даже учитывать и беспаспортные подражания, этой группы, видимо, выпускавшиеся здесь же. При всей приблизительности подобных количественных „оценок", видимо, речь должна идти об очень ограниченном развитии денежного обращения на этом этапе. Предварительные соображения о характере обра-

---

[4] В арабоязычных и персоязычных географических сочинениях X—XII вв. нашли отражение разные значения названия «Тохаристан» — Бартольд, 1963, с. 116 и сл.; Бартольд, 1971, с. 47 и сл.

щения в это время можно высказать по наблюдениям за составом металла в оболах-подражаниях. Наряду с экземплярами из хорошего качества серебра (начальные серии) в обращение выпускались и экземпляры со значительными примесями меди. Число таких экземпляров (и размеры примесей в них) к концу чеканки возрастает, как это и характерно для стадии «варварских подражаний».

Только с началом третьего — кушанского этапа в истории денежного обращения Южного Таджикистана можно констатировать действительно массовое насыщение монетой тохаристанской зоны. Очень широкое распространение к северу от Амударьи получают в это время медные монеты Кушанского царства — от „сотера мегаса" до Васудевы и Канишки III (группы XII—XVII), находки которых исчисляются сотнями[5]. В меньшем количестве проникали сюда золотые монеты кушанских царей, явно предназначавшиеся для штучного обращения (высокопробное золото с фиксируемым по дошедшим до нас экземплярам разбросом веса, как правило, в пределах 0,2 г)[6]. Но одновременно с общегосударственной монетой Кушанского царства в Южный Таджикистан в это время проникают и другие монеты, находившиеся в обращении в разных областях Кушанского государства, — греко-бактрийские и индийские клеймёные, единичные селевкидские халки и серебряные подражаниям драхмам Фраата IV с ложным надчеканом. В слоях кушанского времени зафиксированы и находки тетрадрахмы и оболов кушанского владетеля Санаба („Герая").

Чем объясняется такой разительный контраст (как количественный, так и по составу обращавшейся здесь монеты) между вялым денежным обращением тохарско-юечжийского этапа и бурной „вспышкой" кушанского времени? Видимо, дело не только в импульсе извне для развития денежного обращения в Южном Таджикистане (и вообще — в Северном Тохаристане), выразившегося — с включением этой территории в состав Кушанского царства — в притоке сюда всей обильной чеканки, находившейся в обращении на территории этой обширной державы[7]. Не менее впечатляющим „фоном" для этого скачка в товарно-денежных отношениях служат те огромные перемены в хозяйственной и культурной жизни Северного Тохаристана, которые наступают (как об этом свидетельствуют, в первую очередь, археологические данные) с включением правобережья Амударьи в состав Кушанской державы: прокладываются большие магистральные каналы и осваиваются (впервые или заново) весьма обширные земельные площади, ведется интенсивное строительство новых городов и крепостей (Дальверзин-тепе, Шахринауское городище и др.), возникают новые культовые центры — буддийские и т. п. Несомненно, происходит и резкий „демографический взрыв", хотя пока мы не знаем, в результате чего произошло столь значительное увеличение населения Севрного Тохаристана в кушанскую эпоху — за

---

[5] Перечень этих монет, найденных до 1980 г., см. в соответствующих главах выше. Кроме того, осенью 1981 г., когда работа над рукописью этой книги уже была, в основном, закончена, В. С. Соловьев и А. В. Седов доставили в нумизматическое собрание АН Таджикской ССР 232 монеты «сотера мегаса» — остатки клада из Пянджского р-на.

[6] Для понимания характера обращения кушанских динаров большое значение имеют наблюдения Е. А. Давидович над особенностями чеканки и обращения золота в Средней Азии в средние века (Давидович, 1980).

[7] Вопрос о существовании к северу от Амударьи монетного двора в кушанский период остается пока открытым. Похоже, что большинство кушанской монеты было привозной, хотя и не иноземной.

счет массовых переселений из других районов „в административном порядке", добровольного прихода в долины жителей горных селений или вследствие каких-то иных причин.

Решающее значение для правильной оценки всех этих перемен может иметь разработка намного более дробной хронологии (хотя бы относительной): нерасчлененное определение „кушанская эпоха" и даже подразделение ее на три периода („юечжийский", или „раннекушанский"; „великокушанский"; „позднекушанский") уже более не отвечает состоянию наших представлений, да и накопленные материалы (как археологические, так и нумизматические) нуждаются в более совершенном хронологическом членении.

В третьей части были намечены те хронологические „вешки", которые прослеживаются по монетам. Видимо, с переселением на территорию Северного Афганистана связи да-юечжей (или, во всяком случае, их правящей верхушки) с Трансоксианой постепенно ослабевают, а завоевательная деятельность Куджулы Кадфиза далеко на юге от Амударьи должна была окончательно оторвать его от правобережного Тохаристана. Повторное подчинение этой территории кушанским царям (и, видимо, большие строительные работы и вспышка процветания, последовавшая за ними) должно приходиться на время Вимы Кадфиза или Канишки I: монеты именно этих царей (если считать широко распространенные в Средней Азии монеты „сотера мегаса" относящимися ко времени Вимы Кадфиза) составляют к северу от Амударьи наиболее ранний массовый нумизматический материал. Предположение о том, что где-то в середине правления Хувишки происходит снова отпадение Северного Тохаристана из-под власти кушанского царя, еще требует проверки новыми материалами, но, в любом случае, спада в хозяйственной жизни, упадка в развитии товарно-денежных отношений, судя по имеющимся археологическим и нумизматическим данным, при этом не происходит.

В посткушанский период (часть четвертая) явно ощущается противоречие между потребностями рынка в монете и отсутствием ее притока с юга, лишь отчасти компенсируемое многочисленными подражаниями кушанским медным монетам и тем, что сама кушанская монета (а возможно, и монета предшествующих эпох, если она еще имелась на руках) продолжает оставаться в обращении, по крайней мере, вплоть до VI в.

Совместное пребывание в обращении разновременных монет на протяжении как кушанского, так и посткушанского периодов во многом затрудняет их использование с датировочными целями. Но клады и совместные находки монет разных групп дают вполне надежную опору для разработки уточненной относительной хронологии для Северного Тохаристана в кушанскую эпоху. Дальнейшее пополнение такого рода „опорных" материалов, можно надеяться, внесет серьезные поправки в намечающуюся — на данном этапе изучения — хронологическую канву этой важной эпохи в истории Южного Таджикистана.

* * *

Исследование денежного обращения на территории Таджикистана в древности (если брать эту проблему в целом, а не изучение отдельных групп монет или решение с их помощью каких-то частных вопросов) делает самые первые свои шаги, как и исследование денежного хозяй-

ства всей древней Трансоксианы. И чем больше мы узнаём, тем больше возникает у нас вопросов. Видимо, это вполне естественно. Но как бы остроумны и тонки ни были наши гипотезы, как бы сложны и продуманны ни были наши реконструкции процессов и теоретически безупречны оценки явлений, решающее слово — за или против — всегда остается за новыми монетными находками.

КЛАДЫ ДРЕВНИХ МОНЕТ, НАЙДЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ ТАДЖИКИСТАНА

(Указатель)

1. *Дата находки:* не позднее 1877—1878 гг. („Амударьинский клад")
   Место находки: (установлено предположительно — Зеймаль Т., Зеймаль Е., 1962) городище Тахти Кобад — на правом берегу Амударьи, ниже слияния Вахша с Пянджем (тогда — Кобадианское бекство Бухарского ханства; ныне — Кобадианский р-н Курган-Тюбинской обл. Таджикской ССР)
   Обстоятельства обнаружения: случайная находка монет и вещей, в подмытой рекой части городища
   Состав клада: около 200 предметов из золота, серебра и камня (Дальтон, 1964; Зеймаль, 1979, №№ 1—176) и приблизительно 1500 монет[1] (золотые, серебряные и медные, но принадлежность последних к кладу — под вопросом), в том числе:
   — монеты греческих и малоазийских городов —I.1—13
   — монеты Ахеменидского государства —I.14—44
   — подражания афинским монетам —I.45—60
   — монеты македонских царей —II.1—275
   — монеты вавилонской чеканки последней трети IV в. до н. э. —II.276—288
   — монеты селевкидских царей —II.289—381, 383—388 (в том числе Селевк I—II.289—335, Антиох I — II.336—381, Антиох II — II.383—388)
   — монеты раннепарфянских (доаршакидских) правителей —II.389—396
   — монеты греко-бактрийских царей —III.1—7, 9—30, 32—45, 53—58, 61—63, 65—75 (в том числе Диодот — III.1—7, 9—30, 32—37, Эвтидем I—III.38—45, 53—58)
   Дата выпадения клада: не ранее последней четверти III в. до н. э.
   Местонахождение: БМ — около 100 экз., ГЭ —2 экз. + ?, местонахождение остальных не установлено
   Литература: Гарднер 1879; 1981; Каннингэм 1881; 1883а; 1883б; Дальтон 1905; 1926; Шлюмберже 1953; Беллинджер 1962; Дальтон 1964; Зеймаль 1979.

2. *Дата находки:* начало 30-х гг. XX в.
   Место находки: предположительно — окрестности сел. Муджум (Ганчинский р-н Ленинабадской обл. Таджикской ССР)
   Обстоятельства обнаружения: случайная находка при земляных работах
   Состав клада: 19 + ? («около 300 экз.») серебряных денариев римских императоров (в том числе Веспасиана —1 экз., Траяна —1 экз., Адриана —4 экз., Антонина Пия —8 экз., Марка Аврелия —2 экз., Коммода —3 экз.) —V.1—19
   Дата выпадения клада: не ранее первой половины III в. (возможно, значительно позднее)
   Местонахождение: ГЭ — 19 экз.
   Литература: Зеймаль 1962; Давидович 1979, клад № 8

3. *Дата находки:* 1947 г.
   Место находки: в 30—32 км к югу от поселка Октябрьск (ныне — Вахшский р-н Курган-Тюбинской обл. Таджикской ССР), точное место находки определить не удалось.
   Обстоятельства обнаружения: случайная находка при проведении сбросового канала, примерно на глубине 10 м [? !]; монеты находились в кувшине «красном как кирпич»
   Состав клада: 3 + ? экз. (общий вес находки якобы достигал 4 кг, т. е. всего было найдено не менее 600—700 экз.) подражаний монетам Васудевы —XIX.116—118

---

[1] Учтены как бесспорно относящиеся к этой находке монеты, так и приписываемые к ней, но вызывающие сомнения экземпляры.

Дата выпадения клада: не ранее первой половины V в. н. э.
Местонахождение: ИД —3 экз.
Литература: Давидович 1959, с. 175—176; Зеймаль 1960, с. 128; Давидович 1979, клад № 7.

4. *Дата находки:* 1961 г.
Место находки: древнее поселение Чимгалыш-тепе (Чимгилич-тепе) в Кобадианском р-не Курган-Тюбинской обл. Таджикской ССР
Обстоятельства обнаружения: находка во время раскопок в дерновом слое (Литвинский — Зеймаль Т. 1964, с. 89—92)
Состав клада: 10 медных кушанских монет, в том числе Вимы Кадфиза —XIII.7—9 (3 экз.), Канишки I—XIV.10—16 (7 экз.)
Дата выпадения клада: в правление Канишки I или позднее
Местонахождение: ИД —10 экз.
Литература: Давидович 1979, клад № 3

5. *Дата находки:* июнь 1962 г.
Место находки: древнее поселение Болдай-тепе на территории совхоза им. Куйбышева (Курган-Тюбинский р-н Курган-Тюбинской обл. Таджикской ССР)
Обстоятельства обнаружения: находка во время раскопок слоя «Верхний Болдай»: в ямке, спущенной с уровня 2-го строительного периода (всего в слое «Верхний Болдай» насчитывается три строительных периода), монеты были прикрыты сверху перевернутым вверх дном сосудом (тагора с вертикальными ручками). Материалы раскопок остаются неопубликованными — Зеймаль Т. 1971, с. 81
Состав клада: 130 медных монет, в том числе:
— монеты Васудевы —XVI.12 (1 экз.)
— подражания монетам Васудевы —XIX.18—33, 75—88, 98—105, 113, 119—150 (72 экз.)
— монеты сасанидских кушаншахов —XXI.5, 6, 25, 26, 92—100 (13 экз.)
— неопределенные —44 экз.
Дата выпадения клада: не ранее второй половины V в. н. э.
Литература: Давидович 1979, клад № 6

6. *Дата находки:* 1963 г.
Место находки: городище в колхозе «40 лет Октября» (Колхозабадский р-н Курган-Тюбинской обл. Таджикской ССР)
Обстоятельства обнаружения: случайная находка при земляных работах
Состав клада: 7 + ? медных кушанских монет —XIII.12—18
Дата выпадения клада: в правление Вимы Кадфиза или позднее
Местонахождение: ИД —7 экз.
Литература: —

7. *Дата находки:* 1965 г.
Место находки: левобережье среднего течения р. Кафириган (Шаартузский, ныне — Кобадианский р-н Курган-Тюбинской обл. Таджикской ССР)
Обстоятельства обнаружения: монеты найдены на месте снивелированного тепе во время полевых работ
Состав клада: 38 (+?) кушанских и посткушанских медных монет, в том числе:
— Васудева —XVI.17—23 (7 экз.)
— Канишка III — XVII.25—27 (3 экз.).
— подражания монетам Васудевы —XIX.1—4, 41—45, 89—92, 106—112 (20 экз.)
— подражания монетам Канишки III —XX.9—15а (8 экз.).
Дата выпадения клада: не ранее второй половины V в. н. э.
Местонахождение: ИД —38 экз.
Литература: Давидович 1979, клад № 4

8. *Дата находки:* (до 1968 г.)
Место находки: территория поселка Вахш (Вахшский р-н Курган-Тюбинской обл. Таджикской ССР)
Обстоятельства обнаружения: случайная находка при постройке жилого дома

Состав клада: 8 + ? серебряных тетрадрахм кушанского владетеля Санаба («Герая») —XI.1—8
Дата выпадения клада: во время правления Санаба («Герая») или позднее
Местонахождение: ИД —7 экз., ДМ —1 экз.
Литература: Давидович 1971; Давидович 1976; Давидович 1979, клад № 1

9. *Дата находки:* 1969 г.
Место находки: территория колхоза им. Ленина (участок Янгиабад) — Шаартузский р-н Курган-Тюбинской обл. Таджикской ССР
Обстоятельства обнаружения: случайная находка во время земляных работ
Состав клада: 62 + ? медных посткушанских монет, в том числе:
— подражания монетам Васудевы —XIX.7, 46—61 (17 экз.)
— монеты сасанидских кушаншахов —XXI.1—3, 7—22, 27—36, 158—173 (45 экз.)
Дата выпадения клада: не ранее конца IV в. н. э.
Местонахождение: ИД —62 экз.
Литература: Давидович 1979, клад № 5 (ср. Луконин 1979).

10. *Дата находки:* 1970 г.
Место находки: ферма на территории колхоза им. Дзержинского (Гиссарский р-н Таджикской ССР), к северу от железной дороги Душанбе — Термез, вблизи полустанка Турды-Бобо
Обстоятельства обнаружения: случайная находка при прокладке бульдозером силосной траншеи
Состав клада: 182 + ? медных монет кушанского безымянного «царя царей, великого спасителя» («сотера мегаса») — XII.35—186
Дата выпадения клада: в правление «сотера мегаса», Вимы Кадфиза или позднее
Местонахождение: ИД —152 экз., ТУ —более 30 экз.
Литература: Давидович 1979, клад № 2

11. *Дата находки:* (до 1972 г.)
Место находки: участок «Кзыл Кетман» на территории колхоза им. Ленина Шаартузского р-на Курган-Тюбинской обл. Таджикской ССР
Обстоятельства обнаружения: случайная находка при обработке хлопкового поля
Состав клада: 35 + ? медных кушанских и посткушанских монет, в том числе:
— Хувишка —XV.6 (1 экз.)
— Васудева —XVI.26 (1 экз.)
— Канишка III—XVII.11—14 (4 экз.)
— подражание монетам Васудевы — XIX.8—14, 66—72, 93—97 (18 экз.)
— подражание монетам аКнишки III—XX.18—28 (11 экз.)
Дата выпадения клада: не ранее первой половины V в.
Местонахождение: ИД —35 экз.
Литература: —

12. *Дата находки:* 1974 г.
Место находки: Пенджикентское г-ще, объект VII
Обстоятельства обнаружения: во время раскопок внутренней восточной городской стены раннего периода «в заложенной и прикрытой торцом стены жилого помещения нижней бойнице был найден клад... и керамика I комплекса (по принятой периодизации пенджикентской керамики —V в. н. э.). Вероятнее всего, клад попал в закладку незамеченным вместе с землей, взятой из культурного слоя» (Беленицкий — Распопова — Маршак, 1979, с. 258—261). На полу помещений, в процессе функционирования которых была заложена бойница, — керамика II комплекса. В целом, археологические обстоятельства обнаружения клада не исключают его датировку концом V — началом VI в. Более поздняя датировка потребовала бы пересмотра всей периодизации пенджикентской керамики.
Состав клада: 26 серебряных раннесогдийских монет с изображением на об. ст. лучника — XXII.34—59
Дата выпадения клада: не позднее конца V — начала VI в.
Местонахождение: ИД — 26 экз.
Литература: —

13. *Дата находки:* 1977 г.
Место находки: городище Тахти Сангин (Кобадианский р-н Курган-Тюбинской обл. Таджикской ССР)
Обстоятельства обнаружения: во время раскопок храма — в зале (проем № 1, под 4-м считая снизу полом), севернее устья ямы, закрывавшейся сверху «деревянной крышкой и подтесанной под конус базой восточноаттического типа», «среди золотой фольги», вместе с золотой квадратной пронизью с двумя завитками и двумя рогами оленя (Пичикян, 1979, с. 582). Монеты были найдены в виде спекшегося монолита с остатками ткани на нем — мешочка (?), в котором монеты хранились. Клад заложен с уровня 4-го (считая снизу) пола.
Состав клада: 50 медных кушанских монет, в том числе:
— Вима Кадфиз —XIII.27—31 (5 экз.)
— Канишка I — XIV.42—65 (24 экз.)
— Хувишка —XV.9—29 (21 экз.)
Дата выпадения клада: в правление царя Хувишки или позднее
Местонахождение: ИД —50 экз.
Литература: —

14. *Дата находки:* 1978 г.
Место находки: городище Тахти Сангин
Обстоятельства обнаружения: во время раскопок храма — в зале, в заполнении прямоугольной ямы («ботрос» № 3—2,00 м×1,77 м×0,35 м), спущенной с уровня 2-го (считая снизу) пола
Состав клада: 86 серебряных (отмечены ниже) и медных монет, в том числе:
— Антиох I—II.382 (1 экз.)
— Эвтидем I—III.52 (1 экз.)
— подражания драхмам Фраата IV с ложным надчеканом —X.1—69 (серебро — 69 экз.)
— Санаб («Герай») —XI.9 (тетрадрахма) и XI.21—23 (оболы)
— «сотер мегас» —XII.199—206 (8 экз.)
— Вима Кадфиз —XIII.32—33 (2 экз.)
Дата выпадения клада: в правление Вимы Кадфиза или позднее, так как младшая монета, найденная на полу № 2, с которого спущен «ботрос» № 3, чеканена от имени Канишки I — XIV.66
Местонахождение: ИД —86 экз.
Литература: —

15. *Дата находки:* 1978 г.
Место находки: городище Ак-тепе II (Бешкентская долина, Шаартузский р-н Курган-Тюбинской обл. Таджикской ССР)
Обстоятельства обнаружения: во время раскопок — раскоп I, погребальная яма № 2, устроенная в коридоре заброшенного здания (закрытый комплекс)
Состав клада: 113 медных монет (из них 94 экз. — в ткани), в том числе:
— подражания монетам Васудевы —XIX.157, 158 (2 экз.)
— монета шаханшаха Ирана Шапура II (?) —XXI.176 (1 экз.)
— монеты сасанидских кушаншахов: Пероза I —XXI.24 (1 экз.), Хормизда I—XXI.35а, 35б (2 экз.), Варахрана I —XXI.38—53 (16 экз.), Варахрана II — XXI.55—71 (17 экз.), Хормизда II —XXI.73—83 (11 экз.), Пероза II —XXI.84—90 (7 экз.)
— «сасанидо-кушанские» (без более точного определения) —XXI.109—136, 139—157 (47 экз.)
— «группа Кобада» (без более точного определения) —XXI.174, 175 (2 экз.)
— неопределенные —7 экз.
Дата выпадения клада: не ранее второй половины V в. (возможно, начало VI в.)
Местонахождение: ИД —113 экз.
Литература: —

16. *Дата находки:* 1979 г.
Место находки: городище Тахти Сангин
Обстоятельства обнаружения: во время раскопок храма — в зале, в заполнении ямы-«ботроса» № 4, спущенной с уровня 2-го (считая снизу) пола
Состав клада: 97 медных кушанских монет, в том числе:
— «сотер мегас» — XII.217—246 (30 экз.)

— Вима Кадфиз —XIII.35—100 (66 экз.)
— Канишка I — XIV.66 (1 экз.)
Дата выпадения клада: в правление Канишки I (возможно, в первые годы правления)
Местонахождение: ИД —97 экз.
Литература: —

17. *Дата находки:* 1979 г.
Место находки: городище Тахти Сангин
Обстоятельства обнаружения: во время раскопок храма — в зале, в заполнении ямы-«ботроса» № 6, спущенной с уровня 2-го (считая снизу) пола
Состав клада: 41 серебряная монета, в том числе:
— обол греко-бактрийского царя Эвкратида —III.81 (1 экз.)
— индийские клеймёные монеты —IV.1—40 (40 экз).
Дата выпадения клада: не ранее правления Вимы Кадфиза или Канишки I (пол № 2, с которого спущен «ботрос» № 6, продолжал функционировать вплоть до начала правления Канишки I — см. выше, клад № 16)
Местонахождение: ИД —41 экз.
Литература: —

18. *Дата находки:* 1981 г.
Место находки: территория совхоза «Пограничник» (Пянджский р-н Кулябской обл. Таджикской ССР)
Обстоятельства обнаружения: случайная находка при земляных работах
Состав клада: 232 + ? экз. медных монет кушанского безымянного «царя царей, великого спасителя» (по классификации М. Е. Массона — I группа). Точное число найденных монет установить невозможно, но, видимо, их было значительно больше: В. С. Соловьеву и А. В. Седову, которые собрали эти 232 экз., рассказывали о находке «ведра» монет. В реестр главы XII эти монеты не включены, так как они были переданы в Гос. Эрмитаж для обработки и изучения в октябре 1982 г., когда эта книга уже была сдана в издательство.
Дата выпадения клада: в правление Вимы Кадфиза (если судить по дошедшим до нас экземплярам)
Местонахождение: ИД —232 экз.
Литература: —

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Абдуллаев, 1976 — *Абдуллаев А.* Отчет о раскопках Тамошо-тепе в 1972 г. — АРТ. Вып. XII. (1972 г.), 1976, с. 38—47.

Абдуллаев, 1977 — *Абдуллаев А.* Отчет о раскопках Тамошо-тепе в 1973 г. — АРТ Вып. XIII. (1973 г.), 1977, с. 35—46.

Абдуллаев, 1979 — *Абдуллаев А.* Раскопки городища Тамошо-тепе в 1974 г. — АРТ. Вып. XIV. (1974 г.), 1979, с. 123—133.

Абдуллаев, 1980. — *Абдуллаев А.* Раскопки в Яванской долине в 1976 г. — АРТ. Вып. XV. (1975). Душанбе, 1980, с. 88—95.

Абдуллаев, 1982 — *Абдуллаев А.* Разведки и раскопки в Яванском районе в 1976 г. — АРТ. Вып. XVI. (1976 г.). Душанбе, 1982, с. 54—65.

Акэн, 1935 — *Hackin J.* Répartition des monnaies anciennes en Afghanistan. — JA. t. CCXXVI, 1935. p. 287—292.

Аллан, 1914 — *Allan J.* Catalogue of the coins of the Gupta Dynasties and Śaśanka, king of Gauda. London, 1914.

Аллан, 1936 — *Allan J.* Catalogue of the coins of Ancient India. London, 1936.

Аллан, 1951 — *Allan J.* Notes on the punch-marked, local taxilan and Greek coins. — [In:] Marshall J. Taxila. Vol. II. Cambridge, 1951, p. 853—863.

Алтекар, 1952 — *Altekar, A. S.* Twelve forger silver coins of the Kushanas. — JNSI. Vol. XIV, 1957.

Альбаум, 1960 — *Альбаум Л. И.* Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960.

Асавина и др., 1979 — *Асавина Н. М., Новиков С. В., Никитин А. Б.* Греко-бактрийские и греко-индийские монеты из коллекции Государственного исторического музея. — ВДИ, 1979, № 4, с. 76—94.

Бабаев — Казиев, 1971 — *Бабаев И. А., Казиев С. М.* Кабалинский клад монет эллинистической эпохи. — НЭ. Т. IX, 1971, с. 16—32, 12 табл.

Бабелон, 1893 — *Babelon, E.* Les Perses achéménides. Paris, 1893.

Бабелон, 1901 — *Babelon E.* Traité des monnaies grecques et romaines. Ire partie. Paris, 1901.

Бартольд, 1963 — *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Сочинения. Т. I. М., 1963.

Бартольд, 1963б — *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана. — Сочинения. Т. II, ч. I. М., 1963, с. 167—433.

Бартольд, 1971 — *Бартольд В. В.* Историко-географический обзор Ирана. — Сочинения. Т. VII. М., 1971, с. 31—225.

Батай, 1928 — *Bataille G.* Notes sur la numismatique des Kouchans et des Kouchanshahs Sassanides. — «Aréthuse». Fasc. 18. Paris, 1928, p. 19—35.

Бахофер, 1936 — *Bachhofer L.* Herrscher und Münzen der späten Kushānas. — JAOS. Vol. LVI, 1936, p. 429—439.

Бахофер, 1941 — *Bachhofer L.* On Greeks and Sakas in India. — JAOS. Vol. LXI 1941, p. 229—238.

Белинджер, 1962 — *Bellinger A. R.* The coins from the Treasure of the Oxus. — The American Numismatic Society. Museum Notes. Vol. X. 1962, p. 51—67.

Беленицкий — Маршак — Распопова, 1979 — *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И.* Раскопки древнего Пенджикента в 1974 г. — АРТ. Вып. XIV (1974 г.), 1979, с. 257—295.

Бен, 1937 — *Бен.* Интересная находка. — «Коммунист Таджикистана». 1937, № 4, с. 4.

Бернар, 1967 — *Bernard P.* Aï Khanum on the Oxus: a hellenistic city in Central Asia. — Proceedings of the British Academy. Vol. LIII, 1967, p. 71—95.

Бернар, 1973 — *Bernard P.* Foilles d'Aï Khanoum. I (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968). [T. I] Texte et figures; [T. II] Planches. Paris, 1973 (MDAFA, t. XXI).

Бернар, 1979 — *Bernard P.* Pseudo documents des epoques parthe et kushane en Asie Centrale. — Communication du Congres des etudes kushanes. (Cabul, 1979).

Бивар, 1951 — *Bivar A. D. H.* The Bactra coinage of Euthydemus and Demetrius. — NC. 1951, p. 22—38.

Бивар, 1956 — *Bivar A. D. H.* The kushano-sassanian coin series. — JNSI, Vol. XVIII, pt 1, 1956, p. 13—42.

Бивар, 1968 — *Bivar A. D. H.* Kushan and kushano-sasanian seals and kushano-sasanian coins; sasanian seals in the British Museum. London, 1968 (CIIr. Part III. Pahlavi inscriptions. Vol. VI. Seals and coins. Portfolio I).

Бичурин, 1950 — *Бичурин (Иакинф) Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л., 1950.

Борисковская, 1974 — *Борисковская С.* Об одной группе подделок античной керамики. — СГЭ. Вып. XXXIX. Л., 1974, с. 39—42.

Брайчевский, 1954 — *Брайчевский Ю. М.* О распространении римских монет у древних восточных славян. — ВДИ, 1954, № 1, с. 119—134.

Бхандаркар, 1902 — *Bhandarkar D. R.* A kushana stone-inscription and the question about the origin of the Saka Era. — JBBRAS. Vol. XX. 1902, p. 269—302.

Вайнберг, 1962 — Вайнберг Б. И. Ранняя хорезмийская монета из собрания Самаркандского музея и некоторые вопросы истории докушанской хорезмийской чеканки. — ВДИ, 1962, № 1, с. 125—132.

Вайнберг, 1977 — *Вайнберг Б. И.* Монеты древнего Хорезма. М., 1977.

Вайнберг — Кругликова, 1976. — *Вайнберг Б. И., Кругликова И. Т.* Монетные находки из раскопок Дильберджина. — В кн.: Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969—1973 гг. М., 1976, с. 172—182.

Вильсон, 1841 — *Wilson H.* Ariana Antiqua. London, 1841.

Вольский, 1947 — *Wolski J.* L'effondement de la domination des Séleucides en Iran au III-e siècle av. J.-C. Cracovie, 1947 (Bulletin international de l'Academie Polonaise des sciences et des letters. Classe de philologie, d'histoire et de philosophie. Suppl. 5).

Вольский, 1950 — *Wólski J.* Le probleme d'Andragoras. — «Известия на Българския археологически институт». София, 1950, кн. 16, ч. I, с. 111—114.

Воробьева, 1963. — *Воробьева М. Г.* Греко-бактрия. Парфия (III—II вв. до н. э.)— История таджикского народа. Т. I. С древнейших времен до V в. н. э. М., 1963, с. 290—339 (гл. VII).

Гардинер, 1874 — *Gardner P.* A coin of Heraüs, Saka king. — NC. New series. Vol. XIV. 1874, p. 161—167.

Гардинер, 1879 — *Gardner P.* New coins from Bactria. — NC. New series. Vol. XIX, 1879, p. 1—12.

Гарднер, 1881 — *Gardner P.* The coins from Central Asia. — NC. 3d series. Vol. I. 1881, p. 8—12.

Гарднер, 1886 — *Gardner P.* The coins of the Greek and Scythic kings of Bactria and India [in the British Museum]. London, 1886.

Гафуров, 1949 — *Гафуров Б. Г.* История таджикского народа в кратком изложении. Т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. М., 1949.

Гафуров, 1952 — *Гафуров Б. Г.* История таджикского народа в кратком изложении. Т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1952.

Гафуров, 1972 — *Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.

Гёбль, 1957 — *Göbl R.* Die Münzprägung der Kušan von Vima Kadphises bis Bahram IV. — [In]: Altheim F., Stiehl R. Finanzgeschichte der Spätantike. Frankfurt-am-Main, 1957, S. 173—256.

Гёбль, 1967 — *Göbl R.* Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Bd I—IV. Wiesbaden, 1967.

Гёбль, 1976 — *Göbl R.* Catalogue of coins from Butkara I (Swat. Pakistan). Rome, 1976 (IsMEO).

Гёбль, 1978 — *Göbl R.* Antike Numismatik. Bd 1—2. München, 1978.

Гиршман, 1946 — *Ghirshman R.* Bégram. Récherches archéologique et historique sur les Kouchans. Le Caire, 1946 [MDAFA, t. XII]

Гиршман, 1957 — *Ghirshman R.* Le problème de la chronologie des Kouchans. — «Cahiers d'histoire mondiale». Vol. III, No. 3. Neuchatel, 1957.

Гиршман, 1974 — *Ghirshman R.* Un tétradrachme d'Andragoras de la collection de M. Foroughi. — [In:] Near Eastern Numismatics, Iconography and History. Studies in Honor of G. C. Milles. Beirut, 1974.

Григорьев, 1867 — *Григорьев В. В.* Греко-бактрийское царство. — ЖМНП. Ч. CXXXVI, 1867, с. 330—331.

Грек — Зеймаль, 1963 — *Грек Т. В., Зеймаль Е. В.* Индийская гемма-печать I в. н. э. — ЭВ. Вып. XVI. М. — Л., 1963, с. 29—34.

Гупта, 1965 — *Gupta P. L.* The Amaravati hoard of silver punch-marked coins. Hyderabad, 1963 (Andhra Pradesh government Museum series, No. 6).

Гупта, 1965 — *Gupta P. L.* Roman coins from Andhra Pradesh. Hyderabad, 1965 (Andhra Pradesh government Museum series, No. 10).

Давидович, 1954 — *Давидович Е. А.* Монетные находки на территоии Таджикистана в 1953 г. — (АРТ. Вып. I 1953 г.), доклады АН Тадж. ССР. Вып. 11, 1954, с. 69—79.

Давидович, 1956а — *Давидович Е. А.* Монетные находки на территории Таджикистана в 1954 г. — АРТ. [Вып. II. 1954 г.], 1956, с. 95—103.

Давидович, 1956б — *Давидович Е. А.* О работах Гиссарского отряда в 1955 г. — АРТ. [Вып. III. 1955 г.], 1956, с. 75—86.

Давидович, 1959а — *Давидович Е. А.* Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1956 г. — АРТ. Вып. IV (1956 г.), 1959, с. 171—179.

Давидович, 1959б — *Давидович Е. А.* Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1957 г. — АРТ. Вып. V (1957 г.), 1959, с. 153—161.

Давидович, 1971 — *Давидович Е. А.* Незаконченная история. — «Памир», 1971, № 1, с. 81—87; № 2, с. 75—84; № 3, с. 77—82.

Давидович, 1976 — *Давидович Е. А.* Первый клад тетрадрахм кушанца «Герая». — ВДИ, 1976, № 4, с. 56—78.

Давидович, 1979 — *Давидович Е. А.* Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979.

Давидович — Зеймаль, 1980 — *Давидович Е. А., Зеймаль Е. В.* Денежное хозяйство Средней Азии в переходный период от древности к средневековью (к типологии феодализма). — В сб.: Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980, с. 70—80.

Дадашева, 1971 — *Дадашева С. А.* О подражаниях монетам Александра Македонского на территории Азербайджана. — Тезисы докладов, посвященных итогам археологических исследований в 1970 г. в СССР. Археологические секции. (Дополнительный выпуск). Тбилиси, 1971, с. 33—34.

Дадашева, 1972 — *Дадашева С. А.* Тетрадрахмы Александра Македонского и подражания им в Азербайджане. — Материалы к сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1971 г. в СССР. Тезисы докладов археологов и этнографов Азербайджанской ССР. Баку, 1972, с. 44—45.

Дальтон, 1964 — *Dalton O. M.* The Treasure of the Oxus with other examles of Early Oriental metal-work. 3d ed., London, 1964.

Дандамаев — Луконин, 1980 — *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.

Дженкинз — Нарайн, 1957 — *Jenkins G. K., Narain A. K.* The coin-types of the Saka-Pahlava kings of India. Varanasi, 1957 [NSI NNM No. 4].

Десне, 1949 — *Desneux J.* Tètradrachmes d'Akanthos. — Revue Belge de numismatique et sigillographie. Bruxelles, Vol. 95, 1949.

Довутов, 1980 — *Довутов Д.* Новая находка монеты, чеканенной в подражание тетрадрахмам Евкратида, в Таджикистане. — ВДИ, 1980, № 4, с. 125—127.

Довутов, 1980а — *Довутов Д.* Новые монетные находки на территории Таджикской ССР. — АРТ. Вып. XV. (1975 г.). Душанбе, 1980, с. 200—209.

Довутов, 1982 — *Довутов Д.* Монетные находки в Таджикистане (1976 г.). — АРТ. Вып. XVI. (1976 г.). Душанбе, 1982, с. 185—193.

Друэн, 1894 — *Droin E.* Monnaies de deux nouveaux rois de la Sogdiane. — RN. 3e sér., t. XII. 1894, p. 174—182.

Дьяконов, 1950 — *Дьяконов М. М.* Работы Кафирниганского отряда. — Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. Т. I. 1946—1947 гг. М. — Л., 1950, с. 147—186 (МИА СССР, № 15).

Дьяконов, 1953 — *Дьяконов М. М.* Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан) (1950—1951 гг.). — Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. II. 1948—1950 гг. М. — Л., 1953, с. 253—294 (МИА СССР, № 37).

Дюшень-Гюйемин, 1962 — *Duchesne-Guillemin J.* La religion de l'Iran ancien. Paris, 1962 («Mana». Introduction a l'Histoire des religions. 1. Les anciennes religions orientales. III).

Ерназарова, 1971 — *Ерназарова Т. С.* Денежное обращение Самарканда по археолого-нумизматическим данным. — Автореф. канд. дис. Ташкент, 1971.

Ерназарова, 1974 — *Ерназарова Т. С.* Денежное обращение Самарканда по археолого-нумизматическим данным (до начала IX в.). — В сб.: Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974, с. 155—237.

Ерназарова — Кочнев — Ртвеладзе — Федоров, 1978 — *Ерназарова Т. С., Кочнев Б. Д., Ртвеладзе Э. В., Федоров М. Н.* Нумизматические находки на территории Узбекистана в 1969—1972 годах. — ОНУ, 1978, № 3, с. 65—68.

Жуков, 1960 — *Жуков В. Д.* Находка сестерция Нерона в кушанском слое в Южном Узбекистане. — ЭВ. Вып. XIII. М., 1960, с. 125—127.

Забелина, 1949 — *Забелина Н. Н.* Новая монета с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΘΥΔΗΜΟΥ. — КС ИИМК. Вып. XXVIII. М.—Л., 1949, с. 101—102.

Забелина, 1952 — *Забелина Н. Н.* Обзор древнейших монет из коллекций Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР. — Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР. Вып. I. Археология. Сталинабад. 1952, с. 73—85.

Забелина, 1953 — *Забелина Н. Н.* Раскопки на городище Калаи-Мир. — Труды ТАЭ. Т. II. 1948—1950 гг. М. — Л., 1953, с. 294—301 (МИА СССР, № 37).

Заллет, 1879 — *von Sallet A.* Die Nachfolger Alexanders des Grossen in Baktrien und Indien. — ZfN. Bd VI. 1879, S. 165—231, 271—411.

Зеймаль, 1960 — *Зеймаль Е. В.* Кушанские монеты из собрания Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. — Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР. Вып. 1 (22), 1960, с. 115—128.

Зеймаль, 1961 — *Зеймаль Е. В.* Археологические разведки в Гиссарской долине. — АРТ. Вып. VI. (1958 г.), 1961, с. 121—136.

Зеймаль, 1962 — *Зеймаль Е. В.* Клад римских денариев из Таджикистана. — НЭ. Вып. III, 1962, с. 141—146.

Зеймаль, 1963 — *Зеймаль Е. В.* Шива на монетах Великих Кушан. — Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1962 год. Л., 1963, с. 40—41.

Зеймаль, 1965 — *Зеймаль Е. В.* Кушанское царство по нумизматическим данным. Автореф. канд. дис. Л., 1965.

Зеймаль, 1967 — *Зеймаль Е. В.* Монеты Великих Кушан в собрании Государственного Эрмитажа. — ТГЭ. Т. IX. Л., 1967, с. 55—86.

Зеймаль, 1968 — *Зеймаль Е. В.* Кушанская хронология (материалы по проблеме). М., 1968.

Зеймаль, 1971 — *Зеймаль Е. В.* «Сино-кхароштийские» монеты (к датировке хотанского двуязычного чекана). — В сб.: Страны и народы Востока. Вып. X. М., 1971, с. 109—120.

Зеймаль, 1972 — *Зеймаль Е. В.* Тали-барзинский клад монет с изображением лучника — СГЭ. Вып. XXXIV. 1972, с. 70—75.

Зеймаль, 1973 — *Зеймаль Е. В.* Раннесогдийские монеты с изображениями Геракла и Зевса. — СГЭ. Вып. XXXVII. 1973, с. 68—73.

Зеймаль, 1974а — *Зеймаль Е.* Существовал ли бог Ашаихш?—СГЭ. Вып. XXXVIII. 1974, с. 53—59.

Зеймаль, 1974б — *Зеймаль Е. В.* Начальная дата Канишки — 278 г. н. э. — Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. I (Труды Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Душанбе, 27 сентября — 6 октября 1968 г.). М., 1974, с. 292—301.

Зеймаль, 1975 — *Зеймаль Е.* «Варварские подражания» как исторический источник. — СГЭ. Вып. XL. 1975, с. 56—61.

Зеймаль, 1975а — *Зеймаль Е. В.* Монеты Западных Кшатрапов в коллекции Государственного Эрмитажа. — В сб.: Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока. Л., 1975, с. 4—20.

Зеймаль, 1978 — *Зеймаль Е. В.* Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным. — В сб.: Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978, с. 192—214.

Зеймаль, 1979 — *Зеймаль Е. В.* Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979.

Зеймаль, 1979а — [*Зеймаль Е. В.* Описание кладов № 2—7 в кн.:] Давидович Е. А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979, с. 36—57.

Зеймаль, 1983 — *Зеймаль Е. В.* Начальный этап денежного обращения древней Трансоксианы. — В сб.: Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983, с. 61—80.

Зеймаль, 1983а — *Зеймаль Е. В.* Монетные находки 1972 г. из Шаартузского района. — [Приложение в кн.:] Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-Шах (Культура и связи кушанской Бактрии). М., 1983, с. 161—171.

Зеймаль, Т. — Зеймаль Е. 1962 — *Зеймаль Т. И., Зеймаль Е. В.* Еще раз о месте находки Амударьинского клада. — Известия ООН АН Тадж. ССР. 1962. Вып. I (28), с. 40—45.

Зеймаль — Вафаев, 1982 — *Зеймаль Е. В., Вафаев Г.* Тетрадрахма Деметрия из долины Зеравшана. — ОНУ, 1982, № 5, с. 38—42.

Зеймаль Т., 1969 — *Зеймаль Т. И.* Вахшская долина в древности и раннем средневековье. (археологические памятники и динамика ирригационных систем левобережья долины). — Автореф. канд. дис. Л., 1969.

Зеймаль Т., 1971 — *Зеймаль Т. И.* Древние и средневековые каналы Вахшской долины. — В сб.: Страны и народы Востока. Вып. X. М., 1971, с. 37—57.

Зеймаль Т., 1971а — *Зеймаль Т. И.* Древнеземледельческое поселение Болдай-тепе. — Материальная культура Таджикистана. Вып. II. Душанбе, 1971, с. 80—101.

Зеймаль, Т. 1975 — *Зеймаль Т. И.* Позднекушанские слои в Южном Таджикистане. — Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975, с. 267—269.

Зограф, 1937 — *Зограф А. Н.* Монеты «Герая». Ташкент, 1937.

Зограф, 1951 — *Зограф А. Н.* Античные монеты. М.—Л., 1951 (МИА СССР, № 16).

Исаков, 1977 — *Исаков А. И.* Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977.

Кабанов, 1965 — *Кабанов С. К.* Руины поселения III—V вв. в долине Кашкадарьи. — ИМКУ. Вып. 6. 1965, с. 71—86.

Казаманова — Кропоткин, 1961 — *Казаманова Л. И., Кропоткин В. В.* Подражания золотым римским монетам на территории СССР. — ВДИ, 1964. № 1.

Каннингэм, 1862 — [*Cunningham A.*] Part of a letter to E. C. Bayley, Esq., dated 6th May, 1862. — JASB, Vol. XXXI. 1862. Calcutta, 1863, p. 425—428.

Каннингэм, 1872 — *Cunningham A.* The coins of Alexander's successors in the East. London, 1872.

Каннингэм, 1881 — *Cunningham A.* The Relics from Ancient Persia in gold, silver and copper. — JASB. 1881, p. 151—186.

Каннингэм, 1883а — *Cunningham A.* The Relics from Ancient Persia in gold, silver and copper. Second Notice. — JASB. 1883, p. 64—67.

Каннингэм, 1883б — *Cunningham A.* The Relics from Ancient Persia in gold, silver and copper. Third Notice. — JASB. 1883, p. 258—260.

Каннингэм, 1888 — *Cunningham A.* Coins of the Indo-Scythians. — NC. 1888, p. 199—248.

Каннингэм, 1888а — *Cunningham A.* Coins of the indo-scythian king Miaüs, or Heraüs. — NC. 1888, p. 47—58.

Каннингэм, 1889 — *Cunningham A.* Coins of the Tochari, Kushâns, or Yue-ti. — NC. 1889, p. 268—311.

Каннингэм, 1890 — *Cunningham A.* Coins of Sakas. — NC. 1890, p. 163—172.

Каннингэм, 1892 — *Cunningham A.* Coins of the Kushans or Great Yue-ti. — NC. 1892, p. 40—82, 98—159.

Каннингэм, 1893 — *Cunningham A.* Later Indo-Scythians. — NC. 1893, p. 93—128, 166—202.

Капанадзе, 1957 — *Капанадзе Д. Г.* Ауреусы армазского некрополя. — СА. 1957, № 3.

Карл, 1959 — *Carl J.* Fouilles dans le site de Shahr-i-Banu et sondages au Zakertépé. — Diverses recherches archeologique en Afghanistan (1933—1940). MDAFA. T. VIII. Paris, 1959, p. 59—81.

Кастальский, 1940 — *Кастальский Б. Н.* Неизданная греко-бактрийская тетрадрахма — медаль Антимаха I, битая в честь Евтидема I. — ВДИ, 1940, № 3—4, с. 339—347.

Кеннеди, 1913 — *Kennedy J.* Heraus o τυραννος. — JRAS. 1913, p. 124—127.

Кёлер, 1823 — *Koehler* [*M.*] Supplement la suite des médailles des Rois de la Bactriane. St. Pétersbourg. MDCCCXXIII, p. 3—8.

Конов, 1929 — *Konow S.* Kharoshthi Inscriptions with exception of those of Aśoka. Calcutta, 1929 (CII. Vol. II, pt I).

Кошеленко, 1972 — *Кошеленко Г. А.* Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н. э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н. э. — ВДИ, 1972, № 4, с. 59—

Кошеленко, 1979 — *Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.

Крибб, 1981 — *Cribb J.* Gandharan Hoards of kushano-sasanian and late kushan coppers. — «Coin Hoards». Vol. VI. 1981, p. 84—108.

Кузьмина, 1977 — *Кузьмина Е. Е.* В стране Кавата и Афрасиаба. М., 1977.

Кюрье, 1953 — *Curiel R.* Le trésor du tépé Marenjan. Une travaille de monnaies cušano-sassanide. — MDAFA. T. XIV. Paris, 1953, p. 101—131.

Кюрье — Фусман, 1965 — *Curiel R., Fussman G.* Le trésor monétaire de Qunduz. Paris, 1965 (MDAFA. T. XX).

Лахири, 1965 — *Lahiri A. N.* Corpus of Indo-Greek coins. Calcutta, 1965.

Ле Риде, 1973 — *Le Rider G.* Les monnaies [d'Aï Khanoum]. — Fouilles d'Aï Khanoum. I (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968). Paris, 1975, p. 203—205 (MDAFA. T. XXI).

Лёхайзен де Лёв, 1949 — *van Lohuizen-de Leeuw J. E.* The «Scythian» period. Leiden, 1949.

Литвинский — Давидович, 1954 — *Литвинский Б. А., Давидович Е. А.* Предварительный отчет о работе Хуттальского отряда в Вахшской долине в 1953 г. — [АРТ. Вып. I. 1953 г.]. Докл. АН Тадж. ССР, № 11, 1954, с. 53—60.

Литвинский, 1963 — *Литвинский Б. А.* Борьба народов Средней Азии против греко-македонских захватчиков. — [гл. V в кн.:] История таджикского народа. Т. I. С древнейших времен до V в. н. э. М., 1963, с. 236—274.

Литвинский, 1963а — *Литвинский Б. А.* Средняя Азия в составе Селевкидского государства. — [Гл. VI в кн.:] История таджикского народа. Т. I. С древнейших времен до V в. н. э. М., 1963, с. 275—289.

Литвинский, 1967 — *Литвинский Б. А.* Археологические открытия в Таджикистане за годы советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии. — ВДИ, 1967, № 4, с. 118—137.

Литвинский, 1976 — *Литвинский Б. А.* Работы Южно-Таджикистанского отряда в 1972 г. (памятники Шаартузского района). — АРТ. Вып. XII (1972 г.). 1976, с. 61—84.

Литвинский — Пичикян, 1981а — *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Тахти-Сангин — Каменное городище (раскопки 1976—1978 гг.). — Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981, с. 195—212.

Литвинский — Пичикян, 1981б — *Litvinskiy B. A., Pichikiyan I. R.* The Temple of the Oxus. — JRAS. 1981, fasc. 2, p. 133—167.

Литвинский — Седов, 1982 — *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Тепаи-Шах (Культура и связи кушанской Бактрии). М., 1983.

Логофет, 1913 — *Логофет Д. Н.* В горах и на равнинах Бухары. СПб., 1913.

Луконин, 1967 — *Луконин В. Г.* Кушано-сасанидские монеты. — ЭВ. Вып. XVIII. Л., 1967, с. 16—33.

Луконин, 1969а — *Луконин В. Г.* Завоевания Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии. — ВДИ, 1969, № 2, с. 20—44.

Луконин, 1969б — *Луконин В. Г.* Культура сасанидского Ирана. Иран в III—V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969.

Луконин, 1979 — [*Луконин В. Г.* Описание кушано-сасанидской части клада № 5 в кн.:] Давидович Е. А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979, с. 48—52.

Лунин, 1955 — *Лунин Б. В.* В Институте истории и археологии АН УзССР. ВИ, 1955, № 1, с. 177.

Макалатия, 1951 — *Макалатия С. И.* Археологические находки в селении Ахриси. — ВДИ, 1951. № 3, с. 181—186.

МакДоуэлл, 1960 — *MacDowall D. W.* The weight standarts of the gold and copper coinage of the Kushana dynasty from Wima Kadphises to Vasudeva. — JNSI. Vol. XXII. 1960, p. 63—74.

МакДоуэлл, 1968 — *MacDowall D. W.* Soter Megas, the king of kings, the Kushana. — JNSI. Vol. XXX. 1968.

МакДоуэлл — Вильсон, 1970 — *MacDowall D. W., Wilson N. G.* The references to the Kusanas in the Periplus and further numismatic evidence for its date. — NC. 1970, p. 221—240.

Мандельштам, 1954 — *Мандельштам А. М.* О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском Междуречье. — СА. Т. XX. М., 1954, с. 57—99.

Мандельштам, 1957 — *Мандельштам А. М.* Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. — (Труды АН Тадж. ССР, т. L III). Сталинабад, 1957.

Мандельштам, 1961а — *Мандельштам А. М.* Об одном оболе «Герая». — ЭВ. Вып. XIV. М. — Л., 1961, с. 53—54.

Мандельштам, 1961б — *Мандельштам А. М.* Хан-Газа (Из результатов работ Кафириганского отряда ТАЭ в 1958—1959 гг.). — АРТ. Вып. VII. (1959 г.). 1961, с. 63—72.

Мандельштам, 1966а — *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию. М. — Л., 1966 (Труды ТАЭ, т. V; МИА СССР, № 136).

Мандельштам, 1966б — *Мандельштам А. М.* К предкушанскому чекану Бактрии. — ЭВ. Вып. XVII. М. — Л., 1966, с. 85—91.

Мандельштам, 1966в — *Мандельштам А. М.* К хронологии медных кушанских монет. — ЭВ. Вып. XVII. М. — Л., 1966, с. 121—123.

Марик, 1958 — *Maricq A.* Le grande inscription de Kaniska et l'etéo-tokharien. — JA. T. 246. 1958. p. 345—445.

Маркварт, 1938 — *Marquart J.* Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. Leiden, 1938.

Маркварт, 1946 — *Markwart J.* Die Sogdiana des Ptolemaios. — «Orientalia». Nova series. Roma, 1946, p. 123—149, 286—323.

Марков, 1892 — *Марков А. К.* Неизданные Арсакидские монеты. — ЗВОРАО. Т. VI. 1891. СПб., 1892, с. 265—304.

Маршак, 1964 — *Маршак Б. И.* Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг. — Труды ТАЭ. Т. IV. 1954—1959 гг. М. — Л., 1964. (МИА СССР, № 124).

Маршак, 1971 — *Маршак Б. И.* К вопросу о восточных противниках Ирана в V в. — [сб.] Страны и народы Востока. Вып. X. М., 1971, с. 58—66.

Маршалл, 1951 — *Marshall J.* Taxila. T. I—III. Cambridge, 1951.

Массон В., 1953 — *Массон В. М.* Редкая среднеазиатская монета из собрания Государственного Эрмитажа. — ВДИ, 1953, № 3, с. 167—169.

Массон, В., 1955 — *Массон В. М.* Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным. — ВДИ, 1955, № 2, с. 37—47.

Массон В., 1956 — *Массон В. М.* Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла. — ЭВ. Вып. XI. М. — Л., 1956, с. 63—75.

Массон В., 1957 — *Массон В. М.* К вопросу о чекане юечжийской Бактрии. — Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР, № 14, 1957, с. 109—114.

Массон В., 1964 — *Массон В. М.*, Ромодин В. А. История Афганистана. Том I. С древнейших времен до начала XVI века. М., 1964.

Массон В., 1966 — *Массон В. М.* Хорезм и кушаны (некоторые вопросы хорезмийской нумизматики). — ЭВ. Вып. XVII. М. — Л., 1966, с. 79—84.

Массон В., 1976 — *Массон В. М.* Кушанские поселения и кушанская археология (Некоторые результаты работ Бактрийской экспедиции в 1973—1975 гг.). — Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1976, с. 3—17.

Массон, 1928 — *Массон М. Е.* Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 г. по 1927 г. — Изв. Средазкомстариса. Вып. III. Ташкент, 1928, с. 280—293.

Массон, 1930 — *Массон М. Е.* Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1928 и 1929 гг. — [журн.] «Научная мысль», [Ташкент], 1930, № 1, [отд. оттиск, с. 1—11].

Массон, 1933 — *Массон М. Е.* Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 годах. — Материалы Узкомстариса. Вып. 5. Ташкент, 1933.

Массон, 1936 — *Массон М. Е.* Новый пункт местонахождения греко-бактрийских памятников. — [журн.] СОНАТ, 1936, № 1.

Массон, 1938 — *Массон М. Е.* К определению древнехорезмийского алфавита. — [журн.] СОНАТ, 1938, № 6, с. 57—69.

Массон, 1941 — *Массон М. Е.* Городища Старого Термеза и их изучение. — ТАКЭ. Т. I. 1940—1941, Ташкент, с. 5—122.

Массон, 1948а — *Массон М. Е.* Неопубликованные находки греко-бактрийских монет, зарегистрированные на территории Таджикской ССР до 1947 года. — Сообщения Тадж. ФАН'а СССР. Вып. VII. Сталинабад, 1948, с. 42—44.

Массон, 1948б — *Массон М. Е.* Неопубликованные монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные до 1947 года. — Сообщения Тадж. ФАН'а СССР. Вып. VI. 1948, с. 52—54.

Массон, 1950 — *Массон М. Е.* Происхождение безыменного «царя царей — великого спасителя» — Труды САГУ. Нов. серия. Вып. XI. 1950, с. 11—49.

Массон, 1968 — *Массон М. Е.* К вопросу о северных границах государства «Великих Кушан». — ОНУ, 1968, № 8, с. 14—25.

Массон, 1975 — *Массон М. Е.* К вопросу о северных границах государства «Великих Кушан» — ЦАКЭ. Т. II. 1975, с. 42—49.

Массон, 1976 — *Массон М. Е.* Из воспоминаний среднеазиатского археолога. Ташкент, 1976.

Массон Ч., 1834 — *Masson Ch.* Memoir on the ancient coins found at Beghram, in the Kohistan of Kabul. — JASB, 1834, p. 152—130.

Массон Ч., 1835 — *Masson Ch.* Second memoir on the ancient coins found at Beghram, in the Kohistan of Kabul. — JASB, 1836, p. 1—25.

Митчинер, 1973 — *Mitchiner M.* The early coinage of Central Asia. London, 1973.

Митчинер, 1975 — *Mitchiner M.* Indo-Greek and Indo-Scythian coinage. Vol. I. The early Indo-Greeks and their antecedants; Vol. IV. Contemporaries of the Indo-Greeks. London, 1975.

Митчинер, 1980 — *Mitchiner M.* Plates of tetradrachms of Heraios, tyrant of the

Kushans. — The Numismatic Circular. Vol. LXXXVIII. No 12 (December 1980), p. 147—148.

де Морган, 1911 — *de Morgan J.* Étude sur le décadence de l'écriture Grecque dans l'empire Perse sous la dynastie des Arsacides. — RA. T. XX. 1911.

де Морган, 1936 — *de Morgan J.* Manuel de numismatique orientale de l'Antiquité et du Moyen Age. Publication achevée sous la direction de K. J. Basmadjian. T. 1. Paris, 1923—1936.

Мюллер, 1918 — Müller F. W. K. Toxrī and Kuišan (Küšän). — SPAW. Phil.-hist. Klasse. Bd. XXVIII. 1918.

Навиль, АК 1925 — [*Naville Sale Catalogue*]. Monnaies Grecques et Romaines. No X. Collections d'un grand industriel décéé, de feu le baron Alexandre de Petrowicz, de M. Le Rev. Edgar Rodgers et de pluisiers autres amateurs. Genève, 1925.

Нарайн, 1962 — *Narain A. K.* The Indo-Greeks. Oxford, 1962.

Негматов, 1968 — *Негматов Н. Н.* Ходжент и Уструшана в древности и средневековье. — Автореф. докт. дис. М., 1968.

Негматов — Салтовская, 1975 — *Негматов Н. Н., Салтовская Е. Д.* Материальная культура кушанского времени в Уструшане и Западной Фергане. — ЦАКЭ. Т. II. М., 1975, с. 258—266.

Николе-Пьер, 1973 — *Nicolet-Pierre H.* Monnaies grecques trouvées en Afghanistan. — RN. VIe série. T. XV. 1973, p. 35—42.

Ньюэлл, 1938 — *Newell E. T.* The coinage of the Eastern Seleucid Mints. From Seleucus I to Antiochus III. New York, 1938 (NS ANS, No 1).

Ньюэлл, 1941 — *Newell E. T.* The coinage of the Western Seleucid Mints. From Seleucus I to Antiochus III. New York, 1941 (2nd ed. — 1977) [NS ANS, No 4].

Обельченко, 1966 — Обельченко О. В. Сазаганские курганы. — ИМКУ. Вып. 7. Ташкент, 1966, с. 66—81.

Обельченко, 1974 — *Обельченко О. В.* Курганные могильники эпохи кушан в Бухарском оазисе. — ЦАКЭ. Т. I. М., 1974, с. 202—209.

Одуэн — Бернар, 1973; 1974 — *Audoin F., Bernard P.* Trésor de monnaies indiennes et indo-grecques d'Aï Khanoum (Afghanistan). I. Les monnaies indiennes. — RN. VIe sér. T. XV, 1973, p. 238—289; II. Les monnaies indo-grecques. — RN. VIe sèr. T. XVI. 1974, p. 7—41.

Пахомов, 1962 — *Пахомов Е. А.* Чеканка в Албании подражаний монетам македонским или селевкидским в I в. до н. э. — В кн.: Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1962 (Труды МИАз. Т. V), с. 74—76.

Петеч, 1968 — *Petech L.* Kashmiri and Tibetan Materials on the Date of Kanishka. — PDK, p. 244—246.

Пидаев, 1978 — *Пидаев Ш. Р.* Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978.

Пидаев, 1979 — *Пидаев Ш. Р.* Монеты, чеканенные по типу Гелиокла, как исторический источник. — Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана (тезисы докладов)». Ташкент, 1979, с. 87—88.

Пилипко, 1975 — *Пилипко В. Н.* Парфянское поселение Гарры-кяриз. Ашхабад, 1975.

Пилипко, 1978 — *Пилипко В. Н.* Топография находок кушанских монет на побережье средней Амударьи. — В сб.: История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978, с. 89—97.

Пилипко, 1980 — *Пилипко В. Н.* Парфянские бронзовые монеты со знаком П под луком. — ВДИ, 1980, № 4, с. 105—124.

Пичикян, 1980 — *Пичикян И. Р.* Раскопки на Каменном городище. — АО 1979, М., 1980, с. 476—477.

Пугаченкова, 1951 — *Пугаченкова Г. А.* Сосуд из Термеза с вакхической сценой.— ВДИ, 1951, № 1, с. 128—136.

Пугаченкова, 1963 — *Пугаченкова Г. А.* Резные камни античной поры в Музее истории Узбекистана. — Труды ТашГУ. Вып. 200. (Археология Средней Азии, вып. VI). Ташкент, 1963, с. 65—85.

Пугаченкова, 1965 — *Пугаченкова Г. А.* К иконографии Герая. — ВДИ, 1965, № 1, с. 127—136.

Пугаченкова, 1966а — *Пугаченкова Г. А.* Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966.

Пугаченкова, 1966б — *Пугаченкова Г. А.* К дискуссии о «сотере мегасе». — Труды ТашГУ. Вып. 295 (Археология Средней Азии, вып. VII). Ташкент, 1966, с. 15—25.

Пугаченкова, 1967 — *Пугаченкова Г. А.* К стратиграфии новых монетных находок из Северной Бактрии. — ВДИ, 1973, № 3, с. 74—88.

Пугаченкова, 1971 — *Пугаченкова Г. А.* Скульптура Халчаяна. М., 1971.

Пугаченкова — Ртвеладзе, 1971 — *Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В.* Новые монетные находки из правобережной Бактрии. — ВДИ, 1971, № 4, с. 101—113.

Пугаченкова и др., 1978 — *Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В.* и др. Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.

Пугаченкова, 1979 — *Пугаченкова Г. А.* Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979.

Пулейблеик, 1968 — *Pulleyblank E. G.* Chinese evidence for the Date of Kaniska. — PDK. Leiden, 1968, p. 247—258.

Рей, 1959 — *Ray S. C.* Stratigraphic Evidence of coins in Indian excavations and some allied Issues. Varanasi, 1959 [NSI NNM, No 8].

Розенфилд, 1967 — *Rosenfield J. M.* The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley — Los Angeles, 1967.

Рос, 1903 — *Wroth, W.* Catalogue of the coins of Parthia. London, 1903.

Ртвеладзе — Федоров, 1972 — *Ртвеладзе Э. В., Федоров М. Н.* Нумизматические находки в Узбекистане в 1966—1968 гг. — ЭВ. Вып. XXI. Л., 1972, с. 82—83.

Ртвеладзе, 1974 — *Ртвеладзе Э. В.* Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана. — В сб.: Древняя Бактрия. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1974, с. 74—85.

Ртвеладзе, 1976 — *Ртвеладзе Э. В.* Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана.—В сб.: Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1976, с. 93—103.

Ртвеладзе, 1979 — *Ртвеладзе Э. В.* О некоторых спорных вопросах истории и археологии Бактрии до Великих Кушан. — Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана» (тезисы докладов). Ташкент, 1979, с. 77—79.

Ртвеладзе, 1980 — *Ртвеладзе Э. В.* К политической истории Северной Бактрии и Согда в III—II вв. до н. э. — Всесоюзный симпозиум по проблеме эллинистической культуры на Востоке. Май, 1980 г. Тезисы докладов. Ереван, 1980, с. 77—78.

Ртвеладзе — Пидаев, 1981 — *Ртвеладзе Э. В., Пидаев Ш. Р.* Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент, 1981.

Ртвеладзе, 1982 — *Ртвеладзе Э. В.* Об ареале и хронологии сасанидских завоеваний в Северной Бактрии — Тохаристане (По данным нумизматики). — ОНУ, 1982, № 1, с. 47—54.

Рэпсон, 1897 — *Rapson E. J.* Indian Coins. — Grundriss der indo-arischen Philologie und Altertumskunde. Strassburg, 1897.

Рэпсон, 1904 — *Rapson E. J.* Ancient silver coins from Baluchistan. — NC. 4[d] ser., vol. IV, 1904, p. 311—320.

Рэпсон, 1908 — *Rapson E. J.* Catalogue of the coins of the Andhra Dynasty, Western Ksatrapas, the Traikûtaka Dynasty and the "Bodhi" Dynasty. London, 1908.

Рэпсон, 1922— Cambridge History of India. Vol. I. Ancient India (*Rapson E. J.*, ed.). Cambridge, 1922.

Сарианиди, 1979 — *Сарианиди В. И.* Царский некрополь в Северном Афганистане. — Вестник АН СССР, 1979, № 7, с. 76—88.

Сарианиди, 1980 — *Sarianidi V.* Le tombe regali della 'Collina d'Oro'. Mesopotamia. Vol. XV, 1980, c. 6—16.

Сарианиди — Кошеленко, 1982 — *Сарианиди В. И., Кошеленко Г. А.* Монеты из раскопок некрополя, расположенного на городище Тилля-тепе (Северный Афганистан). — Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982, с. 307—318.

Своронос, 1913 — ΣΒΟΡΩΝΟΥ Ι. Ν. ΔΕΛΤΙΟΝ ΕΘΝΙΚΟΥ ΝΟΜΙΣΜΑΤΙΚΟΥ ΜΟΥΣΕΙΟΥ. ΚΑΤΑΛΟΓΟΣ ΠΡΟΣΚΤΗΜΑΤΩΝ ΤΟΥ ΑΚΑΔΗΜ. ΕΤΟΥΣ 1912—1913. — Journal International d'archéologie numismatique, dirigé et publie par J. N. Svoronos. T. XV. Athènes, 1913, p. 185—192.

Селлвуд, 1971 — *Sellwood D.* An Introduction to the Coinage of Parthia. L., 1971.

Семенов, 1902 — *Семенов А. А.* По границам Бухары и Афганистана (Путевые очерки). — Исторический Вестник. Т. 87. СПб., 1902, с. 961—992.

Симонета, 1958 — *Simonetta A.* A new essay on on the Indo-Greeks, the Sakas and the Pahlavas. — EW. Vol. IX, No 3, 1958, p. 154—183.

Симонетта, 1974 — *Simonetta A.* The Indo-Parthian coinage and its significance in the chronology of the Kushans. — ЦАКЭ. Т. 1. М., 1974, с. 283—288.

Сиркар, 1969 — *Sircar D. C.* Some problems of Kusāna and Rājput History. Calcutta, 1969 (The Alumni Assosiation. Department of Ancient Indian History and Culture, University of Calcutta).

Скератто, 1962 — *Scerrato U.* On a silver coin of Traianus Decius from Afghanistan. — EW. Vol. XIII, 1962, p. 17—23.

Смирнова, 1963 — *Смирнова О. И.* Каталог монет с городища Пенджикента. М., 1963.

Смит, 1906 — *Smith V. A.* Catalogue of the coins in the Indian Museum, Calcutta. Vol. I. Oxford, 1906.

Ставиский, 1961 — *Ставиский Б. Я.* О северных границах Кушанского государства. — ВДИ, 1961, № 1, с. 108—114.

Ставиский, 1963 — *Ставиский Б. Я.* Средняя Азия под властью Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.). — [гл. VIII в кн.:] История таджикского народа. Т. I. С древнейших времен до V в. н. э. М., 1963, с. 189—234.

Ставиский, 1966 — *Ставиский Б. Я.* Между Памиром и Каспием (Средняя Азия в древности). М., 1966.

Ставиский и др., 1968 — *Ставиский Б. Я.*, Вайнберг Б. И., Горбунова Н. Г., Новгородова Э. А. Советская археология Средней Азии и кушанская проблема. Аннотированная библиография. — Т. 1—2. М., 1968.

Ставиский, 1977а — *Ставиский Б. Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977.

Ставиский, 1977б — *Ставиский Б. Я.* Заметки об Амударьинском кладе. — В сб.: Искусство Востока и античность. М., 1977, с. 42—47.

Стейн, 1887 — *Stein A.* Zoroastrian deities on Indo-Scythian coins. — BOR. Vol. I. 1887, p. 155—166.

Сьюэлл, 1904 — *Sewell R.* Roman coins found in India. — JRAS. 1904, p. 307—407.

Танабэ, 1974 — *Tanabe K.* Kanishka I's coins with Buddha image on the reverce and some references to the Art Gandhara. — «Orient». Vol. X. Tokio, 1974, p. 31—56.

Тарн, 1951 — *Tarn W. W.* The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951.

Ташходжаев, 1954 — *Ташходжаев Ш. С.* Археологические исследования древнего Самарканда в 1973 г. — В сб.: Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974, с. 3—24.

Тиханова, 1979 — *Тиханова М. А.* К вопросу о достоверности датировки закрытых комплексов римскими монетами. — КС ИА. Вып. 159. М., 1979, с. 37—43.

Толстов, 1938 — *Толстов С. П.* Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит. — ВДИ, 1938, № 4, с. 120—145.

Толстов, 1939 — *Толстов С. П.* К вопросу о монетах «Герая». — ВДИ. 1939, № 2, с. 113—119.

Толстов, 1948а — *Толстов С. П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.

Толстов, 1948б — *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.

Толстов, 1961 — *Толстов С. П.* Датированные документы из дворца Топрак-кала и проблемы «Эры Шака» и «Эры Канишки». — ПВ, 1961, № 1.

Томас, 1858 — *Thomas E.* Essays on Indian Antiquities, Historic, Numismatic, and Palaeographic, of the late James Princep. Vol. I—II. London, 1858.

Томашек, 1877 — *Tomaschek W.* Centralasiatische Studien. I. Sogdiana. Wien, 1877 («Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der kais. Akademie der Wissenschaften»).

Тревер, 1940 — *Тревер К. В.* Памятники греко-бактрийского искусства. М. — Л., 1940.

Тревер, 1955 — *Тревер К. В.* Кушанская империя (I—IV вв.). — История Узбекской ССР. Т. I. кн. 1. Ташкент, 1955, с. 94—102.

Тревер, 1958 — *Тревер К. В.* Золотая статуэтка из селения Хаит (Таджикистан). К вопросу о кушанском пантеоне. — ТГЭ. Т. II. 1958, с. 130—146.

Тревер, 1967 — *Тревер К. В.* Рабовладельческий строй. — История Узбекской ССР. Т. I. С древнейших времен до середины XIX в. Ташкент, 1967, с. 57—161.

Уайтхэд, 1913 — *Whitehead R. B.* Two coins of Soter Megas, the Nameless King. — JRAS. 1913, p. 658—661.

Уайтхэд, 1914 — *Whitehead R. B.* Catalogue of coins in the Panjab Museum, Lahore. Vol. I. Indo-greek coins. Oxford, 1914.

Уайтхэд. 1940 — *Whitehead R. B.* Notes on the Indo-Greeks. — NC. 1940, p. 89—122.

Уайтхэд, 1951 — *Whitehead R. B.* Commentary on rare and unique coins. — [In:] Marshall J. Taxila. Vol. II. Cambridge, 1951, p. 830—842.

Умняков, 1940 — *Умняков И. И.* Тохарская проблема. — ВДИ, 1940, № 3—4, с. 181—193.

Уэлш, 1951 — *Walsh E. H. C.* Two hoards of silver punch-marked coins found in the Bhir Mound at Taxila. — [In:] Marshall J. Taxila. Vol. II. Cambridge, 1951, p. 843—852.

Фергюссон, 1880 — *Fergusson J.* On the Saka, Samvat and Gupta Eras. — JRAS. 1880, p. 259—285.

Флит, 1888 — *Fleet J. F.* Inscriptions of the early Gupta kings and their successors. Calcutta, 1888 (CII. Vol. III).

Флит, 1907 — *Fleet J. F.* Moga, Maues, and Vonones. — JRAS. 1907, p. 1013—1040.

Флит, 1913 — *Fleet J. F.* The Question of Kanishka. — JRAS. 1913, p. 95—107.

де ля Фюи, 1910, 1925, 1926 — *Allote de la Fuye.* Monnaies incertaines de la Sogdiane et des contrées voisines. — RN. 4e série. T. XIV, 1910, p. 6—73, 281—333; T. XXVIII, 1925, p. 26—50, 143—169; T. XXIX, 1926, p. 29—40, 141—151.

Халун, 1937 — *Haloun G.* Zu Ue-tsi Frage. — ZDMG. Bd 91, 1937, S. 243—318.
Харматта, 1965 — *Harmatta J.* Minor Bactrian Inscriptions. — Acta Antiqua Hungarica. T. XIII. 1956, p. 149—205.
Хеннинг, 1948 — *Henning W. B.* The date of the Sogdian ancient letters. — BSOAS. Vol. XII, No 3—4, 1948, p. 601—615.
Хеннинг, 1958 — *Henning W. B.* Mitteliranisch. Leiden — Köln, 1958 («Handbuch der Orientalistik, 1. abt., 4. Bd: Iranistik, 1. Abschnitt: Linguistik»).
Херрман, 1938 — *Herrmann A.* Das Lande der Seide und Tibet im Lichte der Antike. Leipzig, 1938.
Херцфельд, 1930 — *Herzfeld E.* Kushano-Sasanian Coins. Calcutta, 1930 («Memoirs of the Archaeological Survey of India», No 38).
Хилл, 1900 — *Hill G. F.* Catalogue of the Greek coins of Lycaonia, Isauria and Cilicia. London, 1900.
Хилл, 1910 — *Hill G. F.* Catalogue of the Greek coins of Phoenicia. London, 1910.
Хилл, 1919 — *Hill, G. F.* Andragora. — Atti e Memorie dell'Istituto Italiano di Numismatica. Rome, 1919.
Хилл, 1922 — *Hill G. F.* Catalogue of the Greek coins of Arabia, Mesopotamia and Persia. London, 1922.
Хэд, 1888 — *Head B. V.* Catalogue of the Greek coins. Attica — Megaris — Aegina. London, 1888.
Хэд, 1892 — *Head B. V.* Catalogue of the Greek coins of Ionia. London, 1892.
Хэд, 1897 — *Head B. V.* Catalogue of the Greek coins of Caria, Cos, Rhodes, etc. London, 1897.
Хэд, 1906 — *Head B. V.* The earliest Graeco-Bactrian and Graeco-Indian coins. — NC. 1906, p. 1—16.
Цюрхер, 1968 — *Zürcher E.* The Yüeh-Chih and Kaniṣka in the Chinese sources. — PDK, p. 346—390.
Чаттопадхьяй, 1967 — *Chattopadhyay B* The Age of the Kushânas. A numismatic study. Calcutta, 1967.
Шаванн, 1903 — Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. Recueillis et commentés par Ed. Chavannes. Spb., 1903.
Шишкина, 1969 — *Шишкина Г. В.* Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаб. — В сб.: Афрасиаб. Вып. I. Ташкент, 1969, с. 221—246.
Шлюмберже, 1953 — *Schlumberger D.* L'argent grec dans l'empire Achéménide. — MDAFA. T. XIV. 1953, p. 3—64.
Шлюмберже — Кюрье, 1953 — *Schlumberger D., Curiel R.* Les trésors monétaires d'Afghanistan. MDAFA. T. XIV. 1953.
Юркевич, 1965 — *Юркевич Э. А.* Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии. — СА, 1965, № 4, с. 158—167.
Янин, 1977 — *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977.

СОКРАЩЕНИЯ

АК	— Аукционный каталог
АН	— Академия Наук
АНО	— Американское нумизматическое общество
АО	— сб. «Археологические открытия», Москва
АРТ	— сб. «Археологические работы в Таджикистане», Душанбе
АФ	— Национальный нумизматический музей, Афины
АШ	— Туркменский Государственный музей краеведения, Ашхабад
БМ	— Британский музей, Лондон
БР	— Берлинский Мюнцкабинет
ВДИ	— «Вестник древней истории», Москва
ГИМ	— Государственный исторический музей, Москва
ГМИИ	— Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ДМ	— Объединенный республиканский музей Таджикской ССР, Душанбе
ДТ	— Дальверзинтепе
ЖМНП	— «Журнал Министерства народного просвещения», Петербург
ЗВОРАО	— «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», Петербург — Петроград
ИА	— Институт археологии АН Узбекской ССР, Самарканд
ИИ	— Институт искусствоведения им. Хамзы, Ташкент
ИМКУ	— сб. «История материальной культуры Узбекистана», Ташкент
КБ	— Кабульский музей
КМИ	— Коллекция Министерства по делам Индии (India Office)
КСИА	— «Краткие сообщения Института археологии АН СССР», М.
КСИИМК	— «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР». М. — Л. М.
Л.	— Ленинград
л. ст.	— лицевая сторона
М.	— Москва
МИА СССР	— «Материалы и исследования по археологии СССР»

НБ — Национальная Библиотека, Париж
НДК — Начальная дата Канишки
НЭ — «Нумизматика и эпиграфика», М.
об. ст. — оборотная сторона
ОНУ — «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент
ООН — Отделение общественных наук
ПЖ — Пенджикентский краеведческий музей им. Рудаки
СА — «Советская археология», М.
САГУ — Среднеазиатский Государственный университет имени В. И. Ленина, Ташкент
САМИИР — Среднеазиатский музей истории и истории революции, Ташкент
СГЭ — «Сообщения Государственного Эрмитажа», Л.
СОНАТ — «Социалистическая наука и техника», Ташкент
ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция
ТашГУ — Ташкентский Государственный университет
ТАЭ — Таджикская археологическая экспедиция
ТГЭ — «Труды Государственного Эрмитажа», Л.
ТР — Сурхандарьинский областной краеведческий музей, Термез
ТУ — Таджикский Государственный университет имени В. И. Ленина, Душанбе
ТШ — Музей истории народов Узбекистана им. Айбека, Ташкент
УСА — «Успехи среднеазиатской археологии», Л.
ФАН — Филиал Академии Наук
ФМ — Феодосийский краеведческий музей
ЦАКЭ — Центральная Азия в кушанскую эпоху. Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Душанбе, 27 сентября — 6 октября 1968 г. Т. 1—2. М., 1974--1975.
ЭВ — «Эпиграфика Востока», Л., М. — Л.

ANS — The American Numismatic Society
BOR — «The Babilonian and Oriental Records», London
BSOAS — «The Bulletin of the School of Oriental and African Studies», London
CII — Corpus Inscriptionum Indicarum
CIIr — Corpus Inscriptionum Iranicarum
EW — «East and West», Roma
JA — «Journale Asiatique», Paris
JAOS — «The Journal of American Oriental Society», New York
JASB — «The Journal of the Asiatic Society of Bengal», Calcutta
JBBRAS — «The Journal of Bombey Branch of the Royal Asiatic Society», Bombey
JNSI — «The Journal of the Numiasmatic Society of India», Varanasi — Dehli
JRAS — «The Journal of the Royal Asiatic Society», London
MDAFA — «Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan», Paris, Le Caire
NC — «The Numismatic Chronicle», London

NS ANS	— «The Numismatic Studies of the American Numismatic Society», New York
NSI NNM	— «The Numismatic Society of India. The Numismatic Notes and Monographs», Varanasi — Dehli
PDK	— Papers on the Date of Kaniska, submitted to the conference on the Date of Kaniska, London, 20—22 april, 1960, edited by A. L. Basham. Leyden, 1968 (Australian National University Centre of Oriental Studies. Oriental Monograph Series. Vol. IV)
RA	— «Revue archéologique», Paris
RN	— «Revue numismatique», Paris
SPAW	— «Sietzungsberichte der Preussischen Academie der Wissenschaften», Berlin
ZDMG	«Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Berlin
ZfN	— «Zietschrift für Numismatik», Berlin

ТАБЛИЦЫ

Табл. 1. Привозные иноземные монеты V—IV вв. до н. э. (гл. I)
и «двойные дарики» (гл. II)

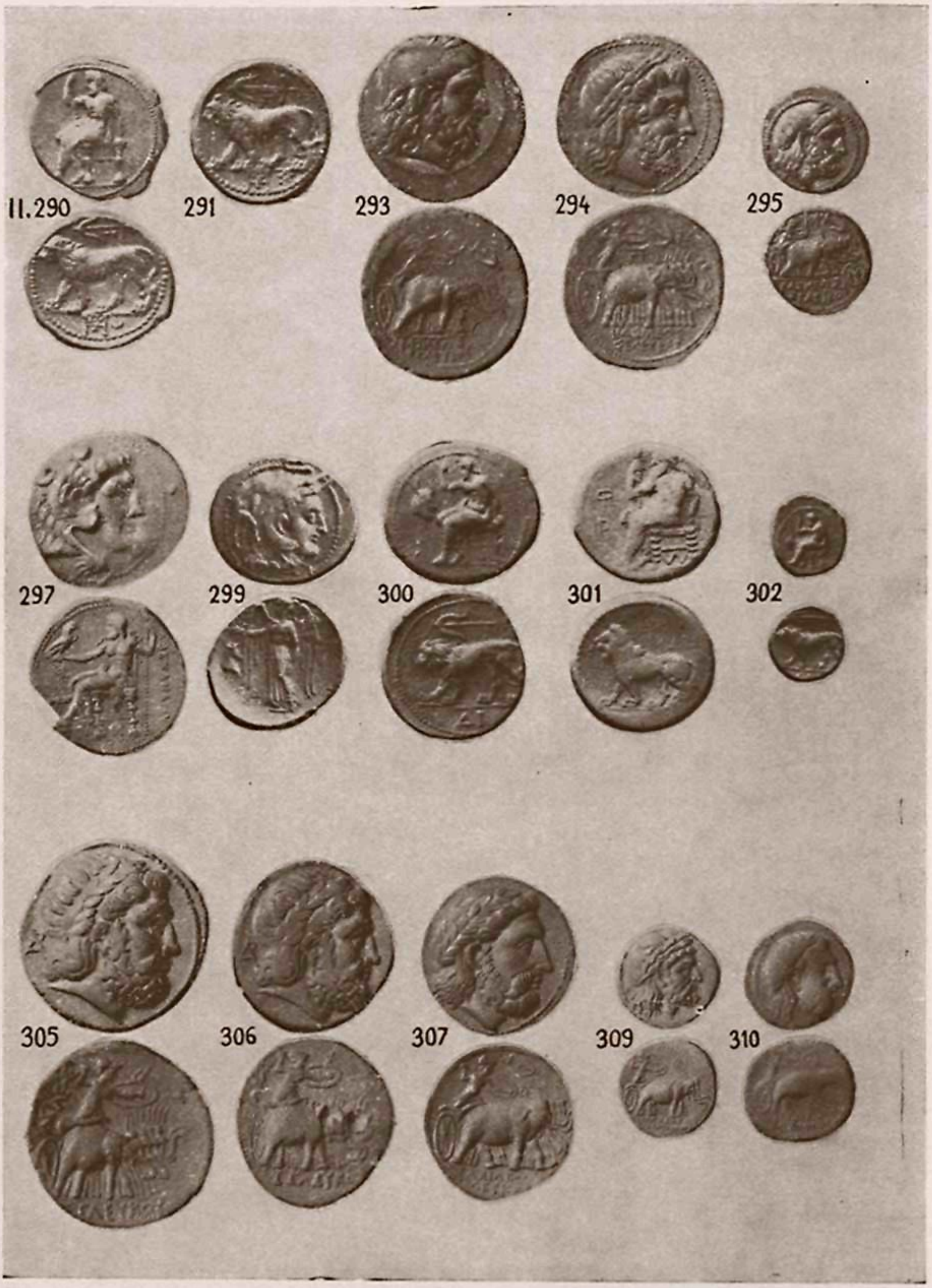


Табл. 2. Селевкидские монеты (гл. II)

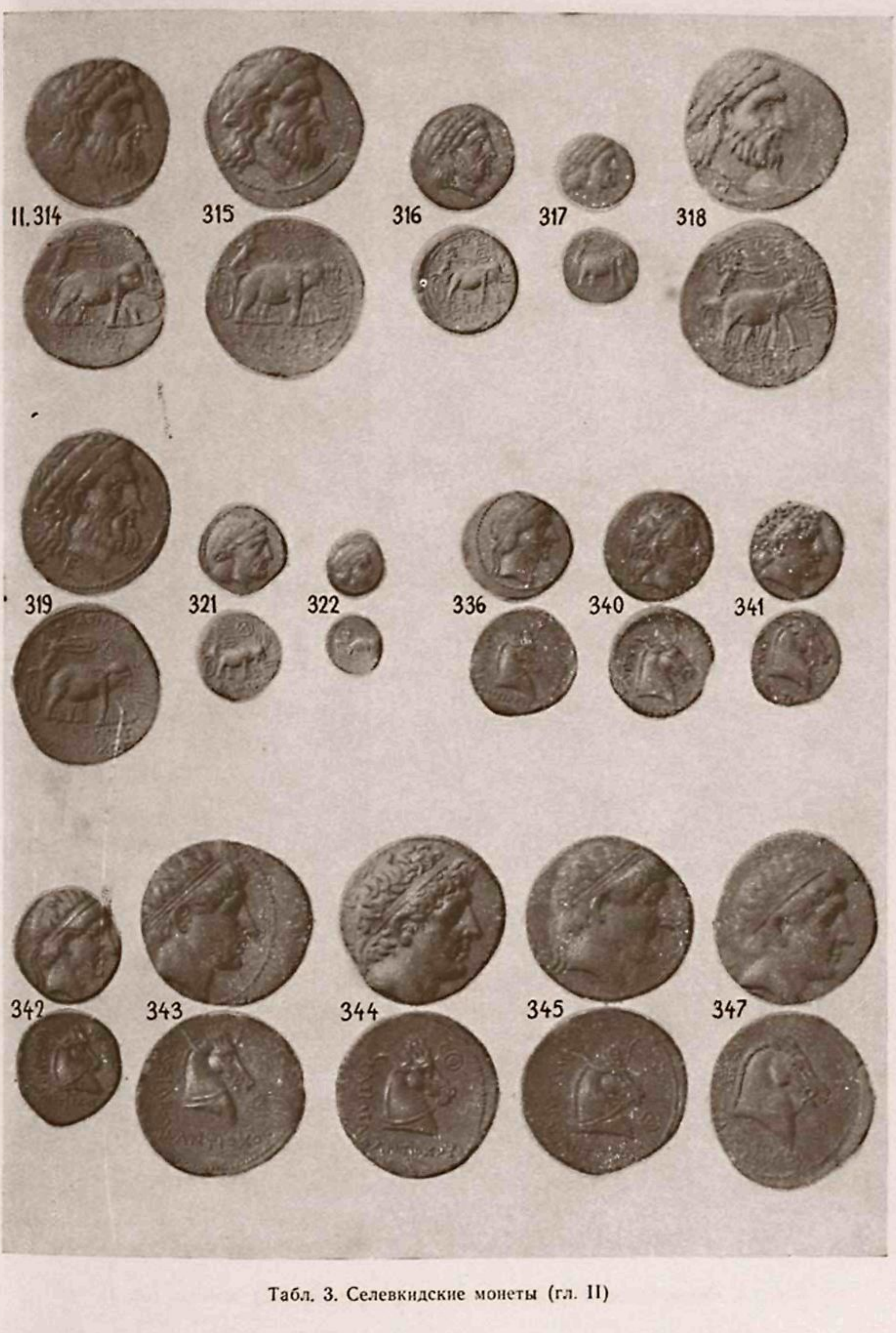


Табл. 3. Селевкидские монеты (гл. II)

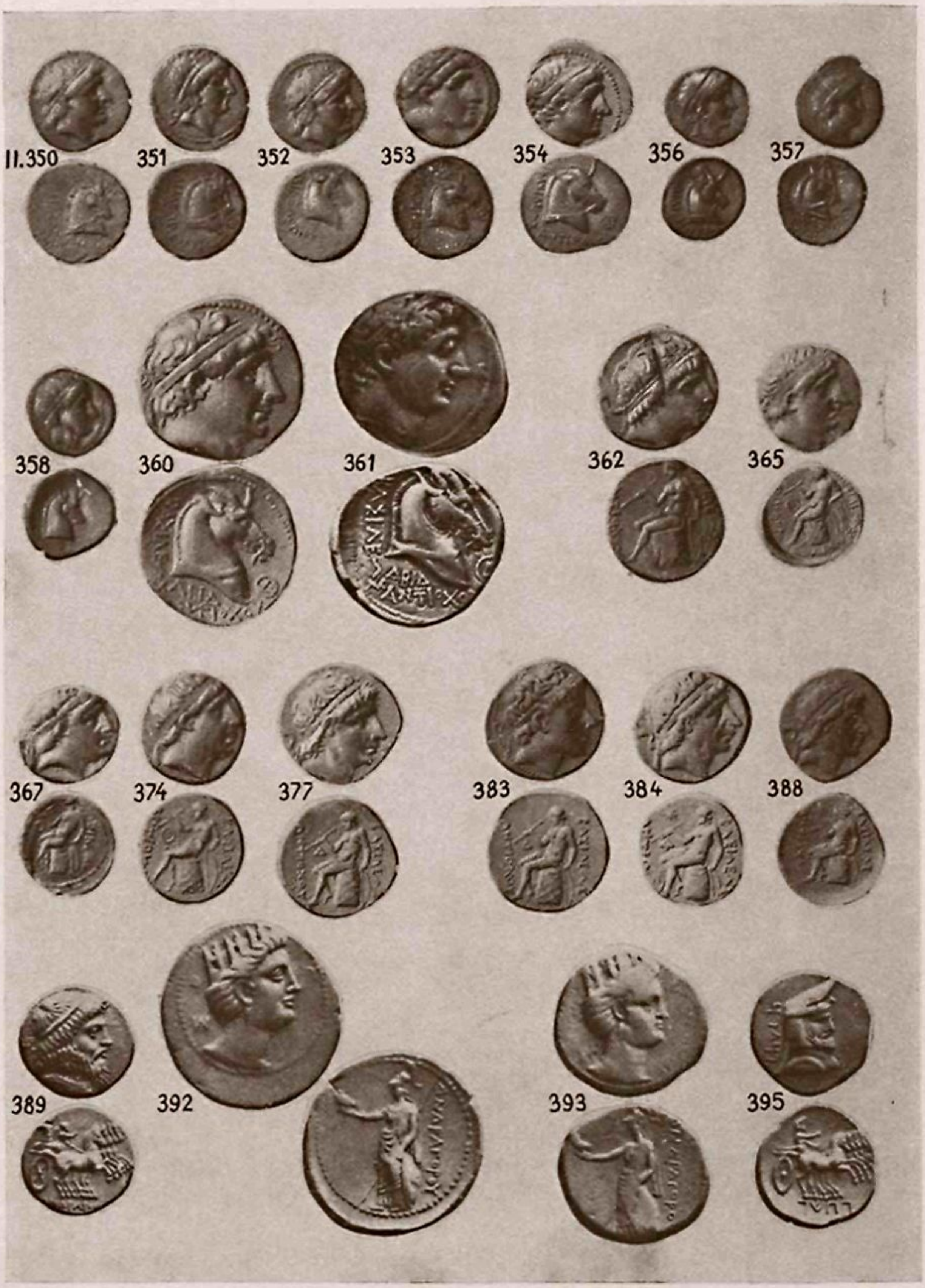


Табл. 4. Селевкидские и раннепарфянские (доаршакидские) монеты (гл. II)

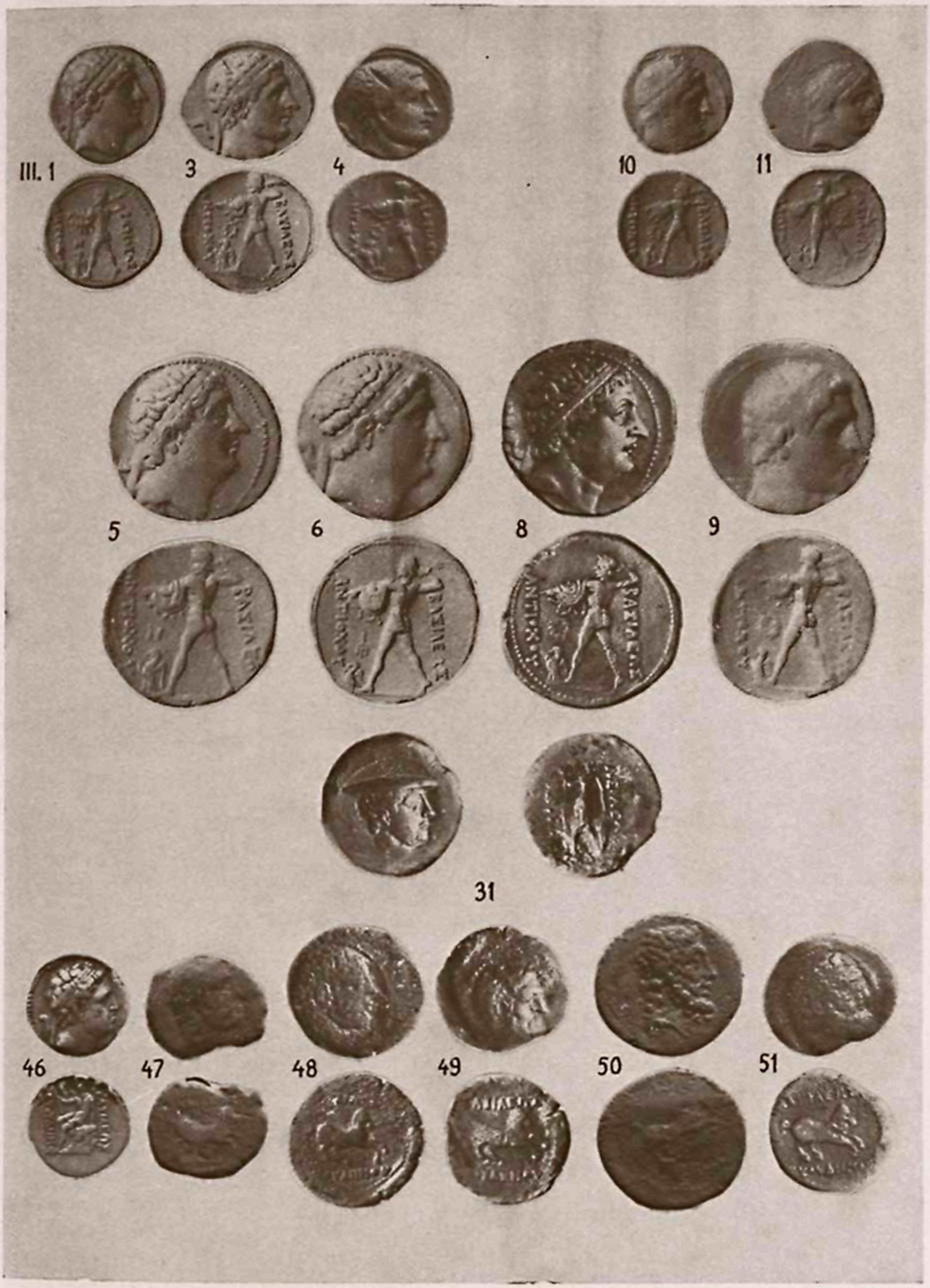


Табл. 5. Греко-бактрийские монеты (гл. III)

Q.C.L. - N.Ver

Табл. 6. Греко-бактрийские монеты (гл. III)

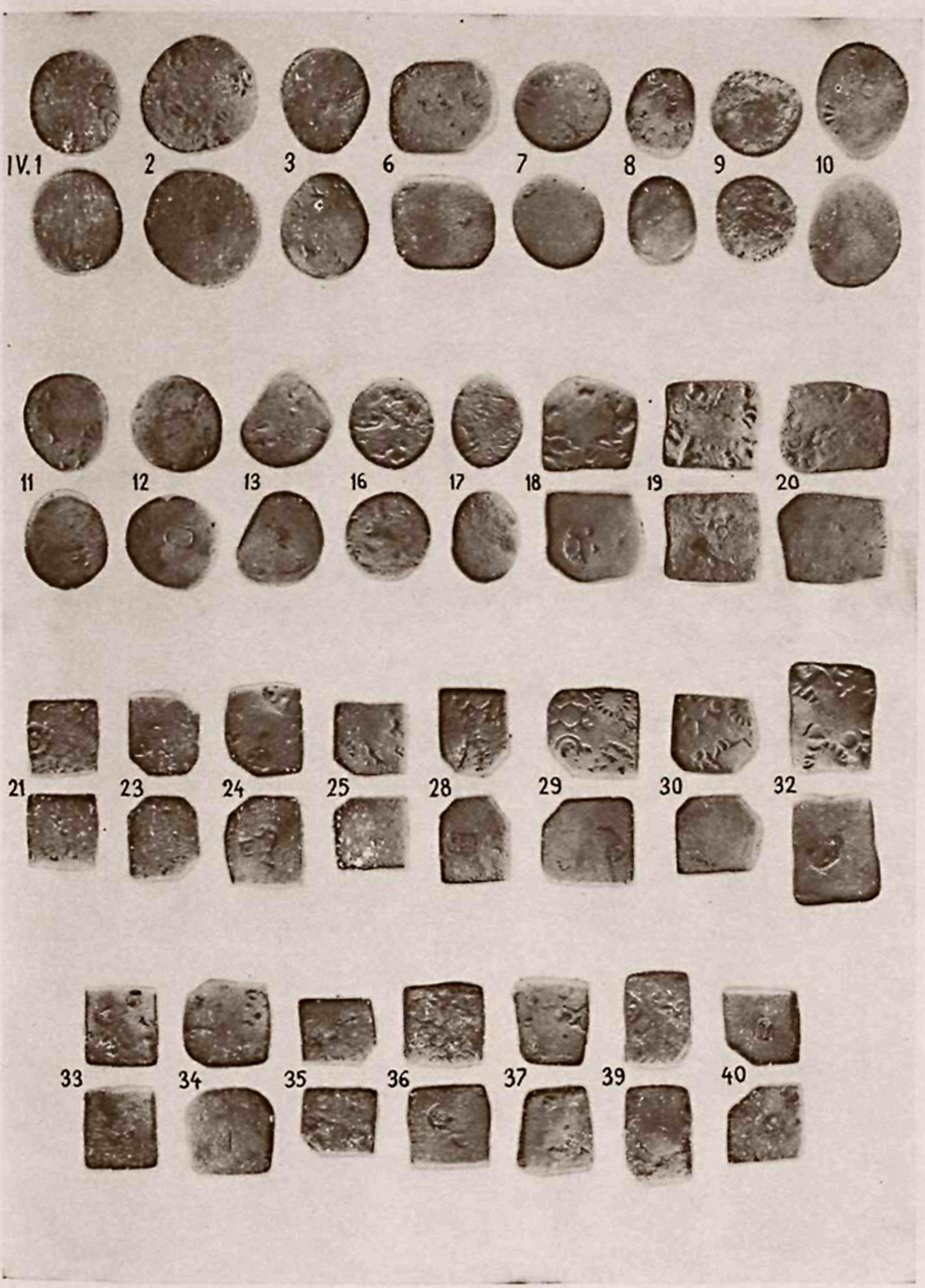


Табл. 7. Индийские клеймёные монеты (гл. IV)

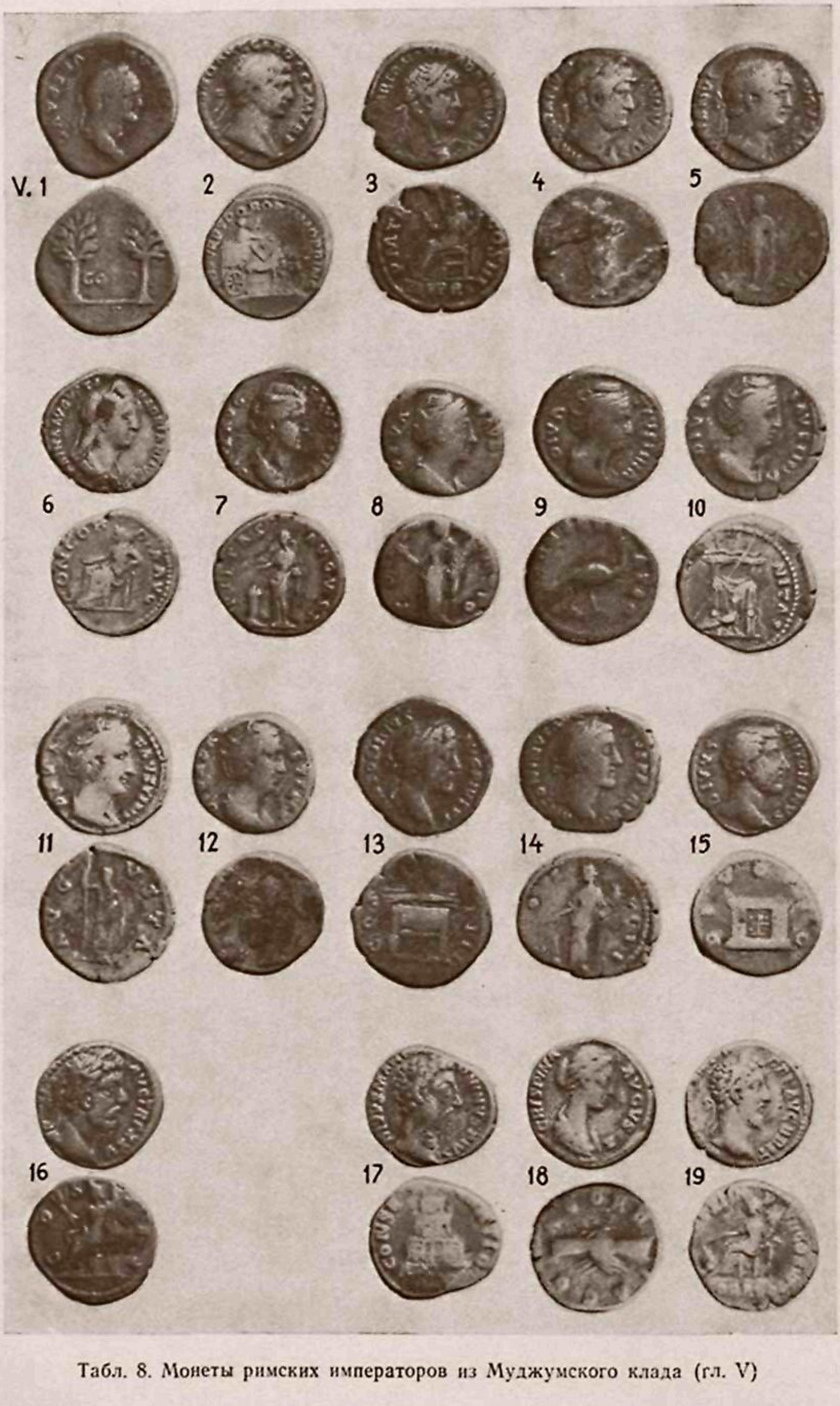


Табл. 8. Монеты римских императоров из Муджумского клада (гл. V)

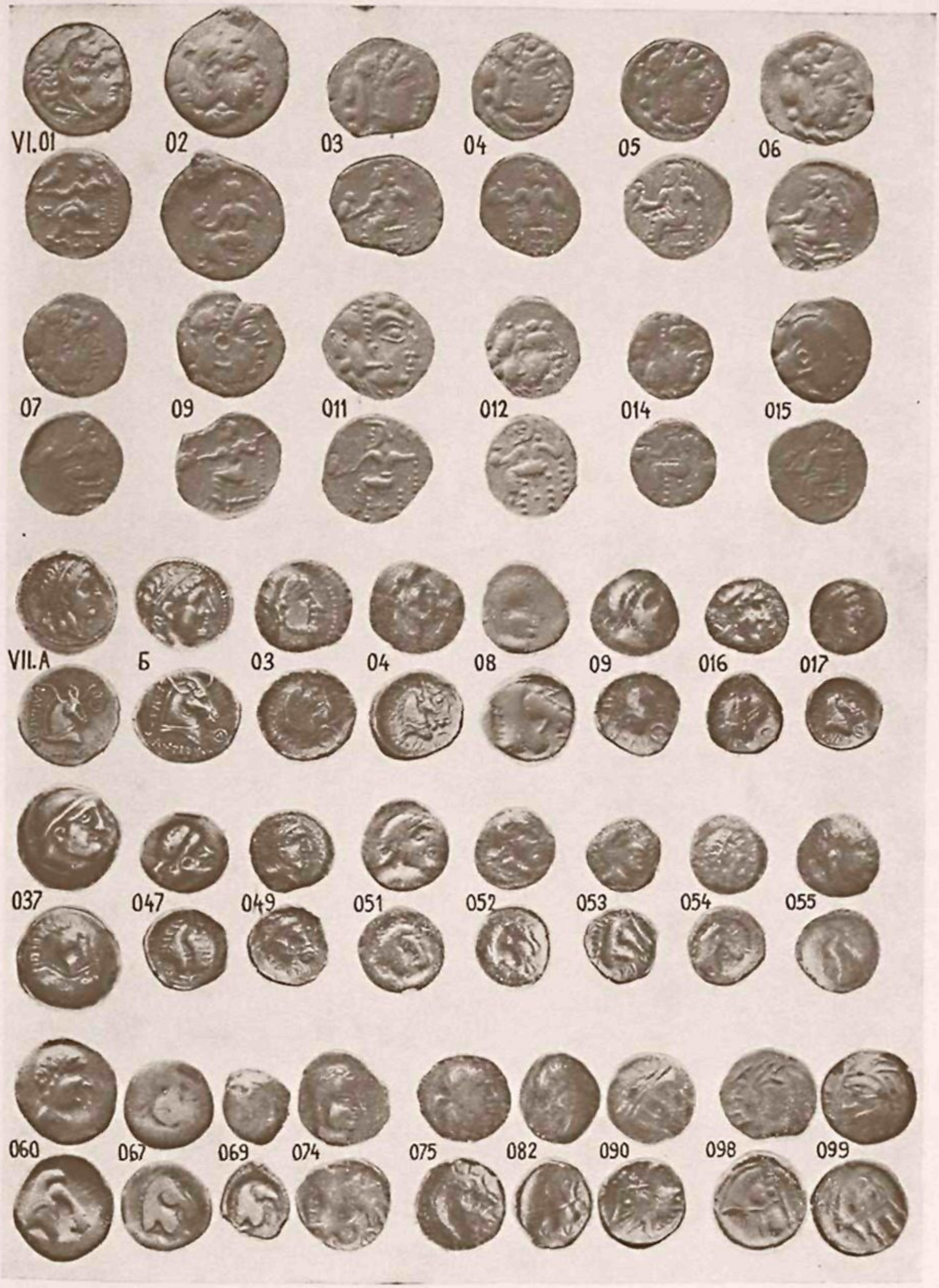


Табл. 9. Подражания драхмам с типами Александра (гл. VI) и раннесогдийские подражания монетам Антиоха I с головой коня на об. ст. (гл. VII)

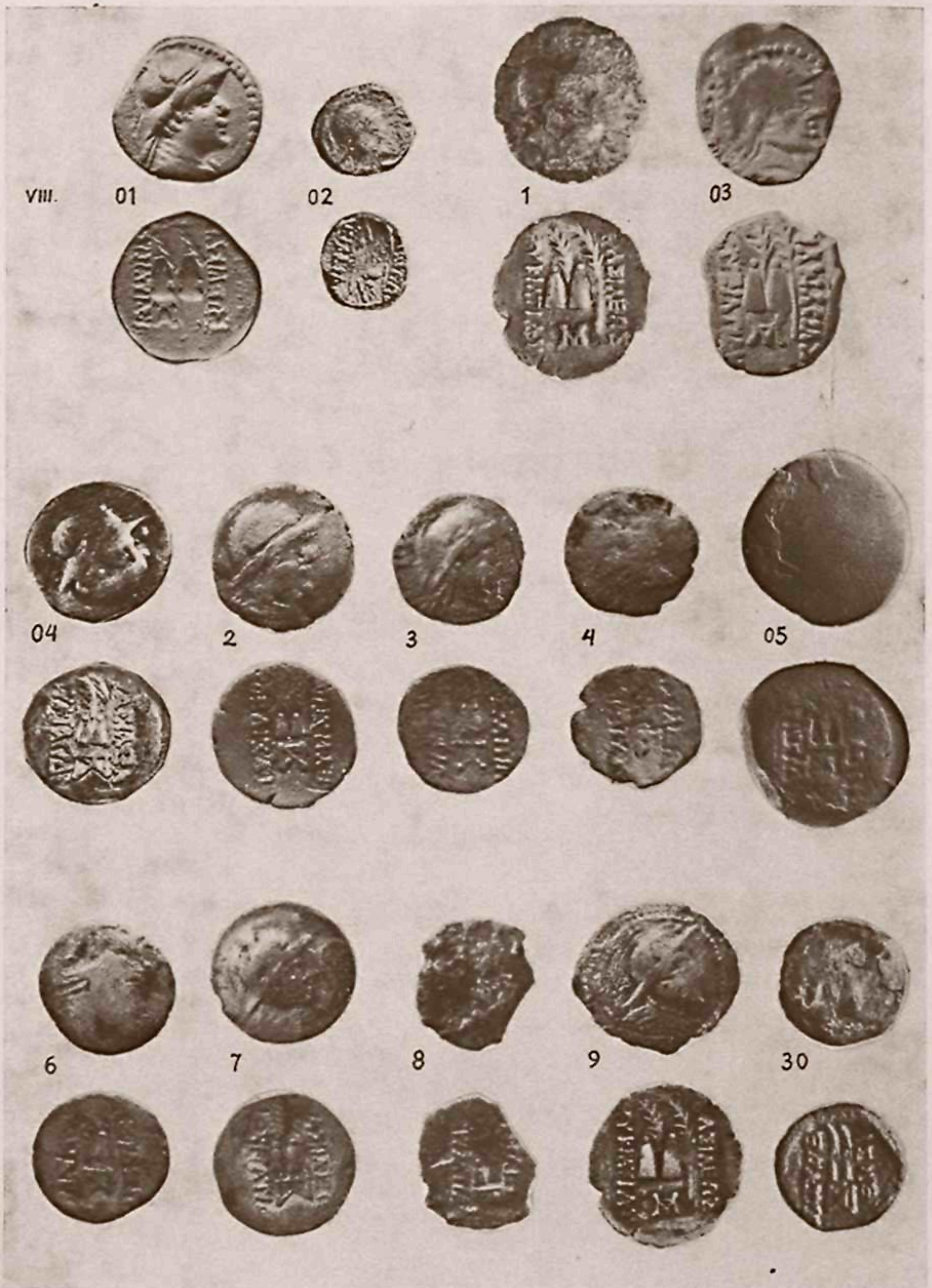


Табл. 10. Подражания оболам Эвкратида (гл. VIII)

Увеличены в 2 раза

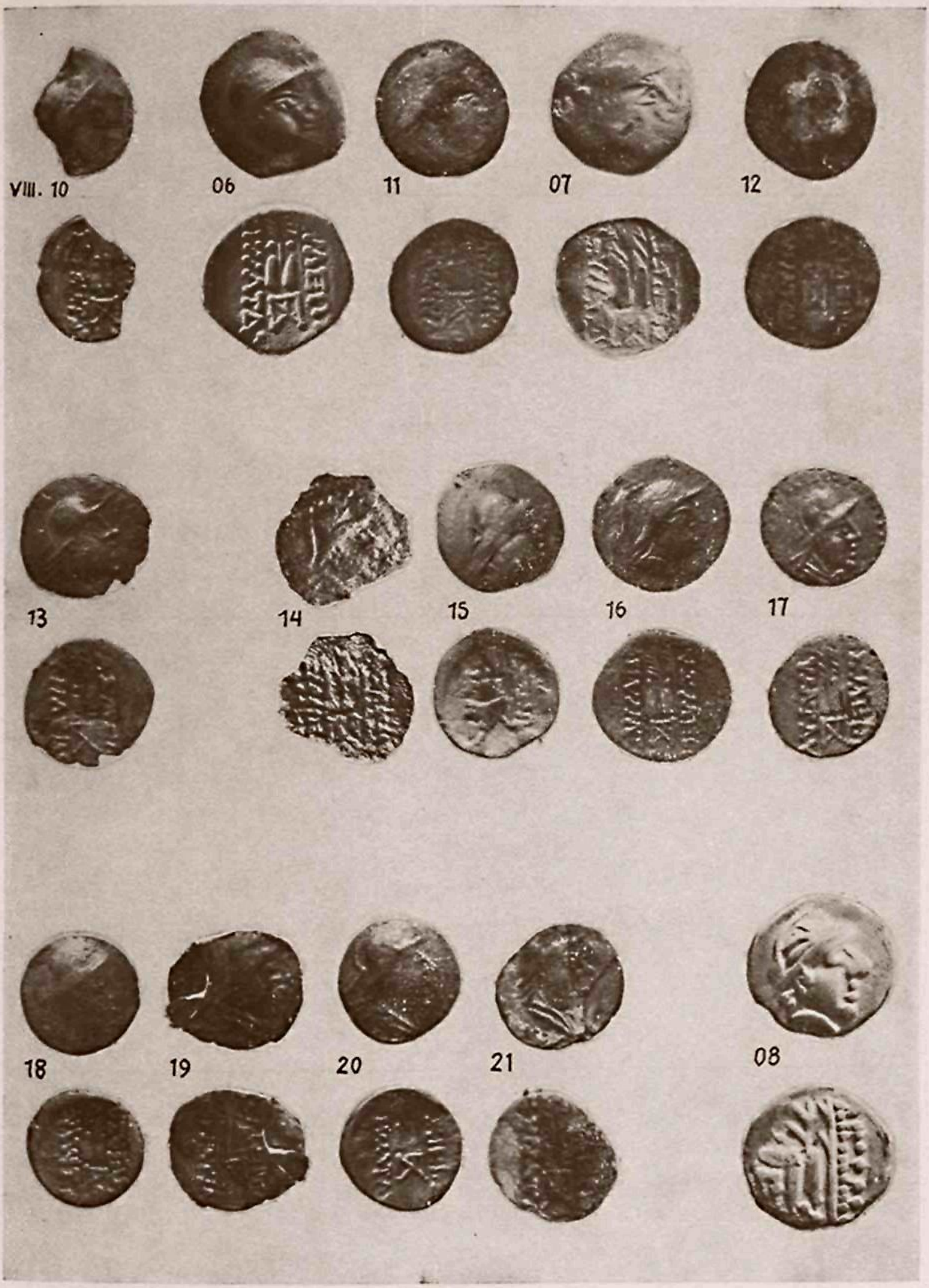


Табл. 11. Подражания оболам Эвкратида (гл. VIII)
Все увеличены в 2 раза

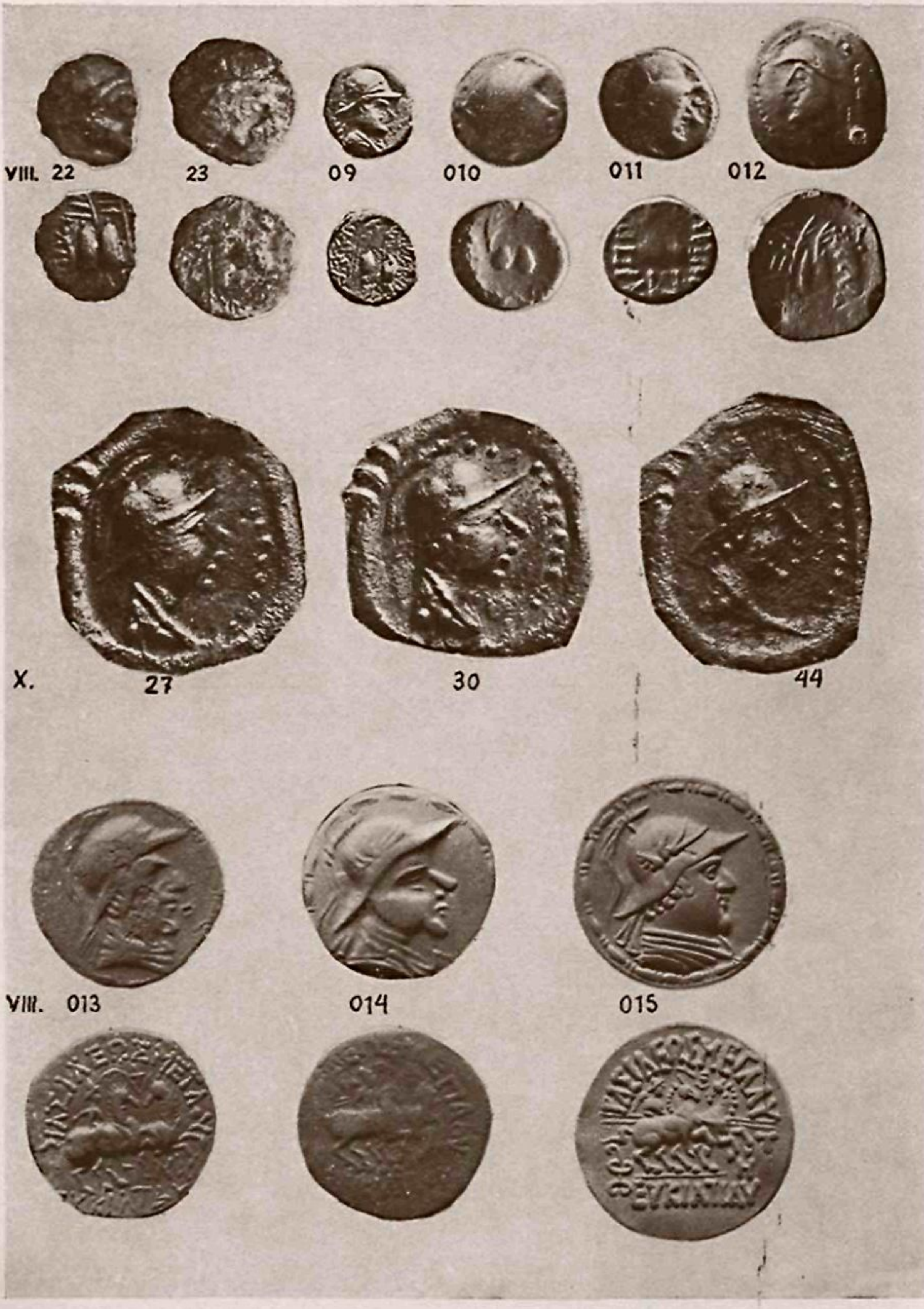


Табл. 12. Подражания оболам и тетрадрахмам Эвкратида (гл. VIII); X.27, 30, 44— надчеканы на подражаниях драхмам Фраата IV

Подражания оболам увеличены в 2 раза, надчеканы — в 3 раза

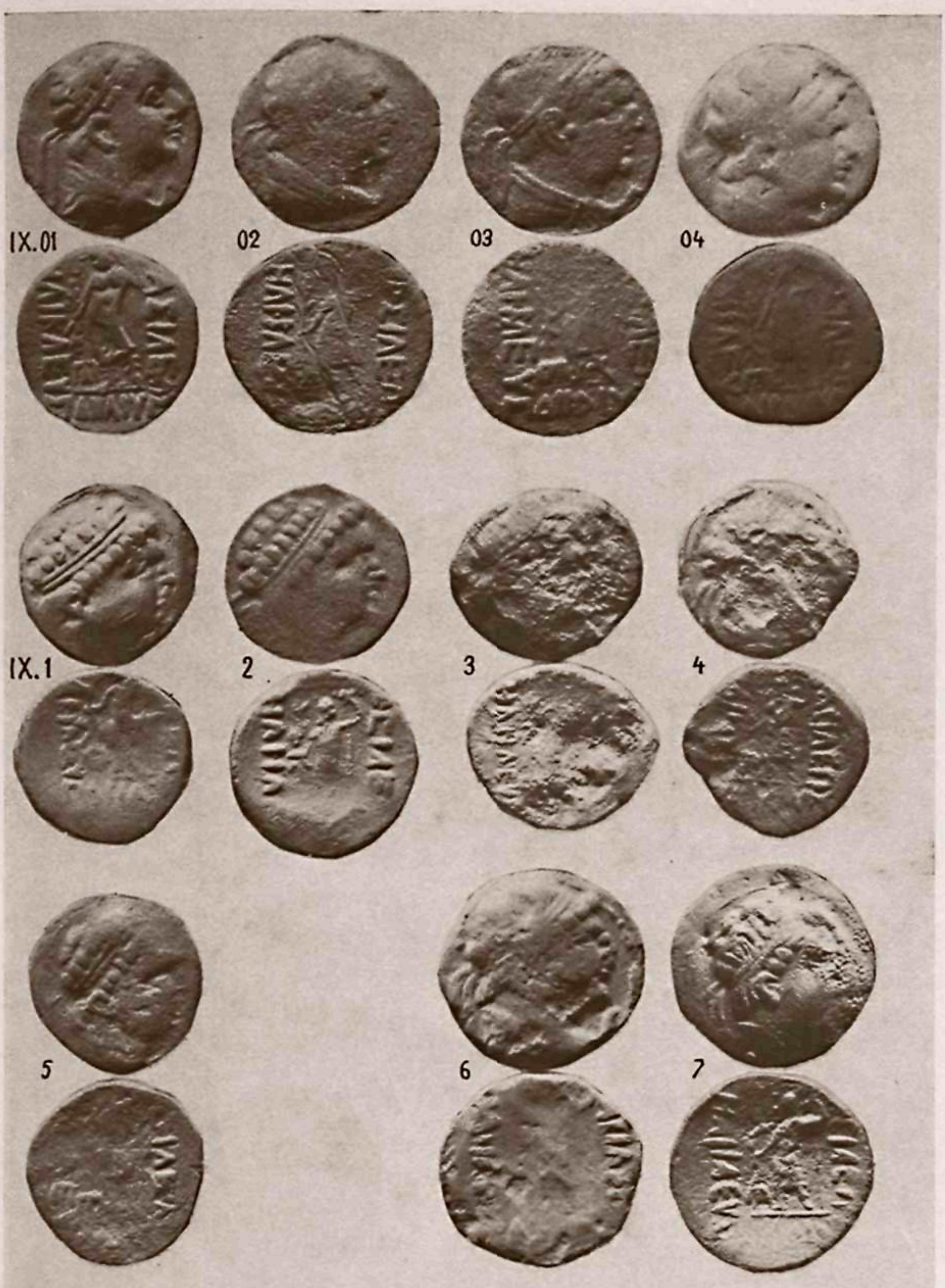


Табл. 13. Медные подражания тетрадрахмам Гелиокла (гл. IX)

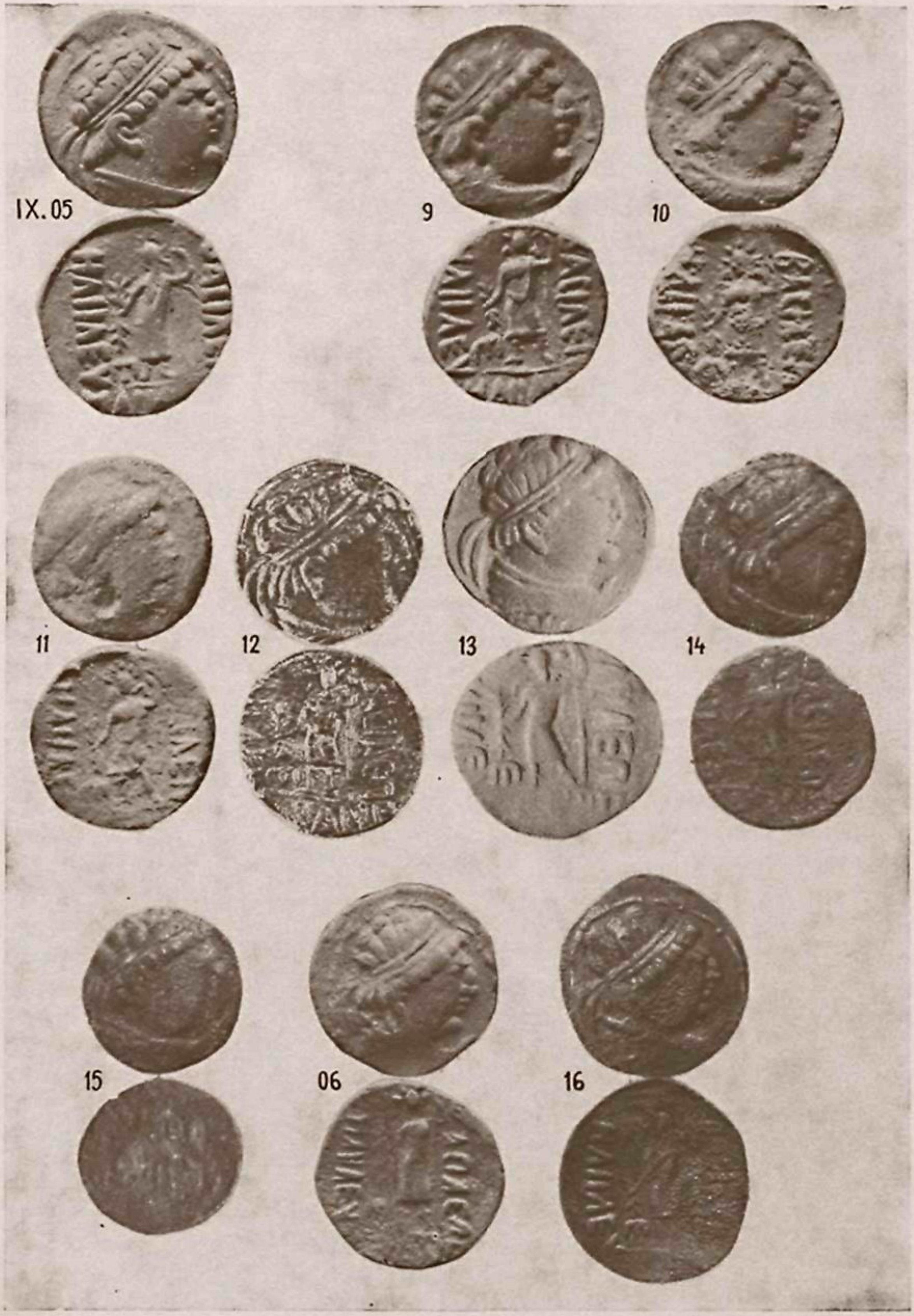


Табл. 14. Медные подражания тетрадрахмам Гелиокла (гл. IX)

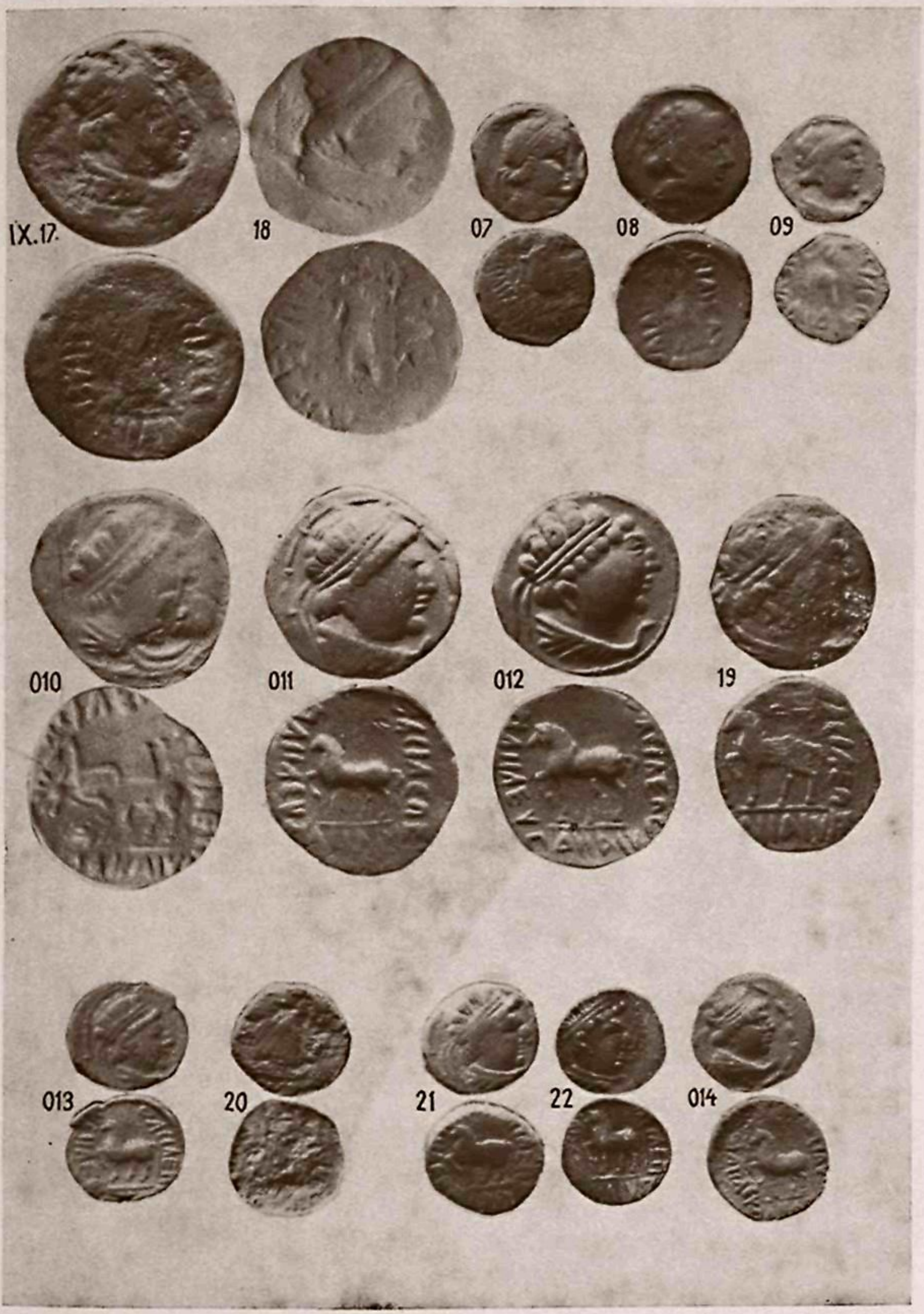


Табл. 15. Медные подражания тетрадрахмам и драхмам Гелиокла (гл. IX)

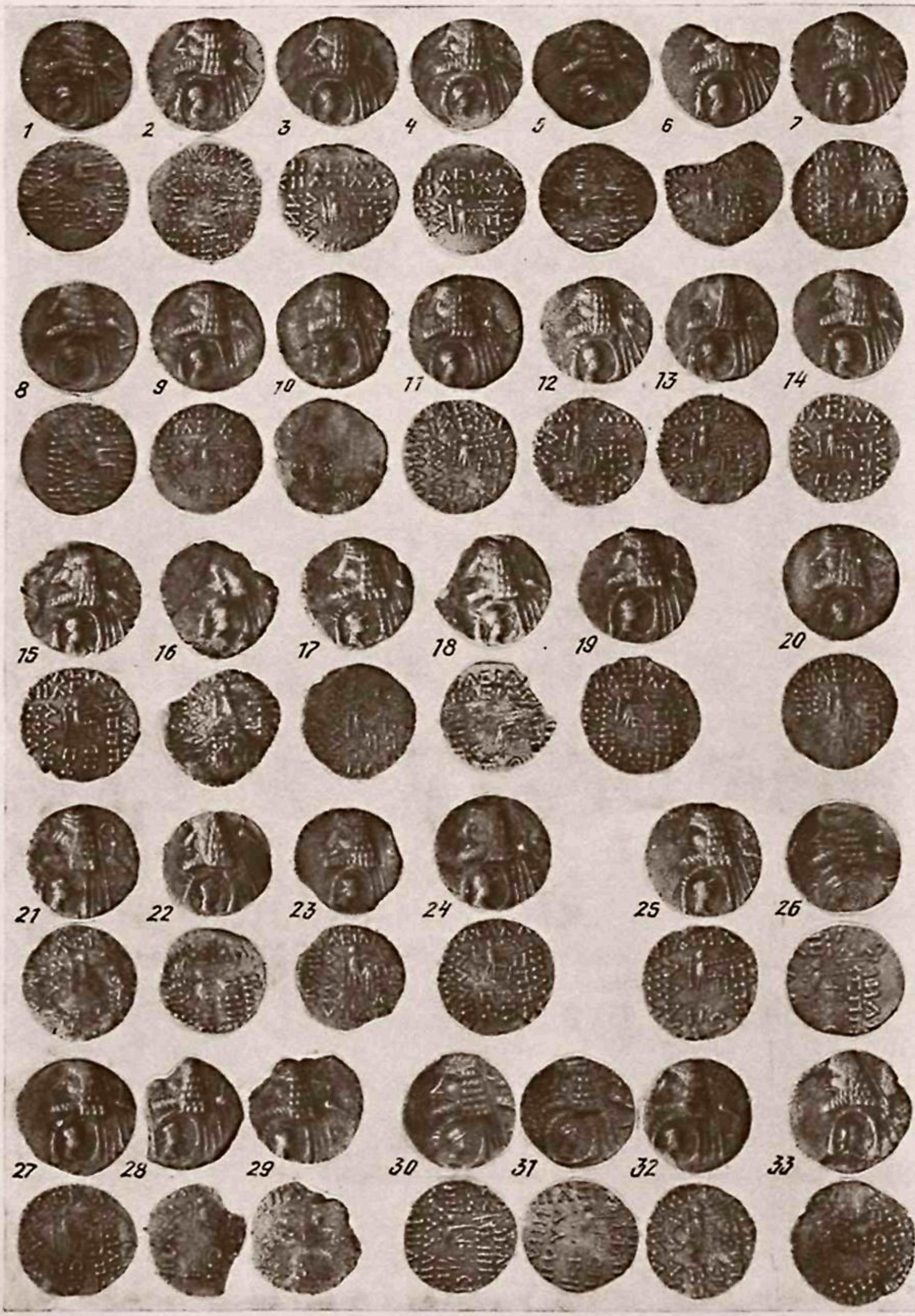


Табл. 16. Подражания драхмам Фраата IV с ложным надчеканом (гл. X)

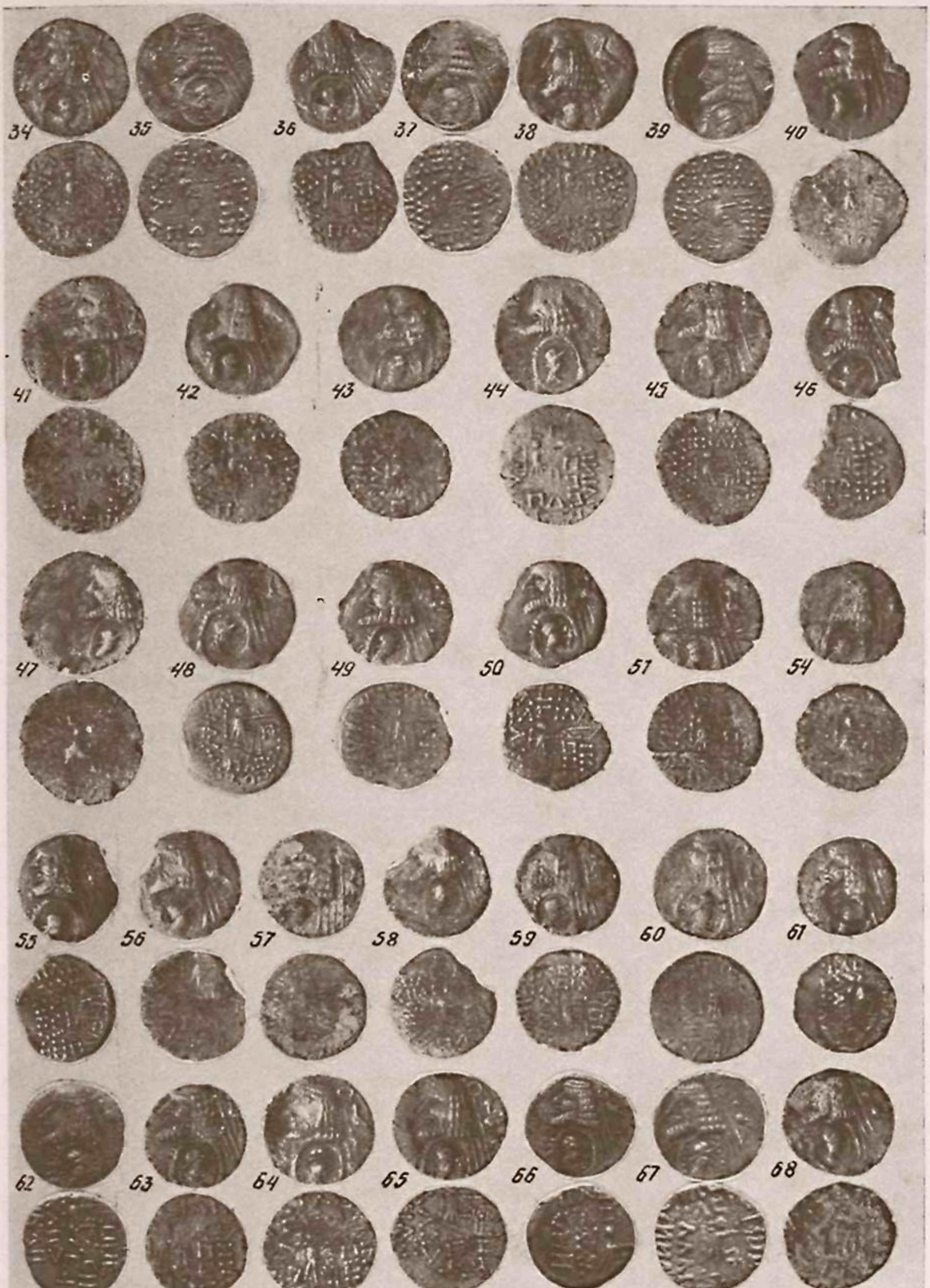


Табл. 17. Подражания драхмам Фраата IV с ложным надчеканом (гл. X)

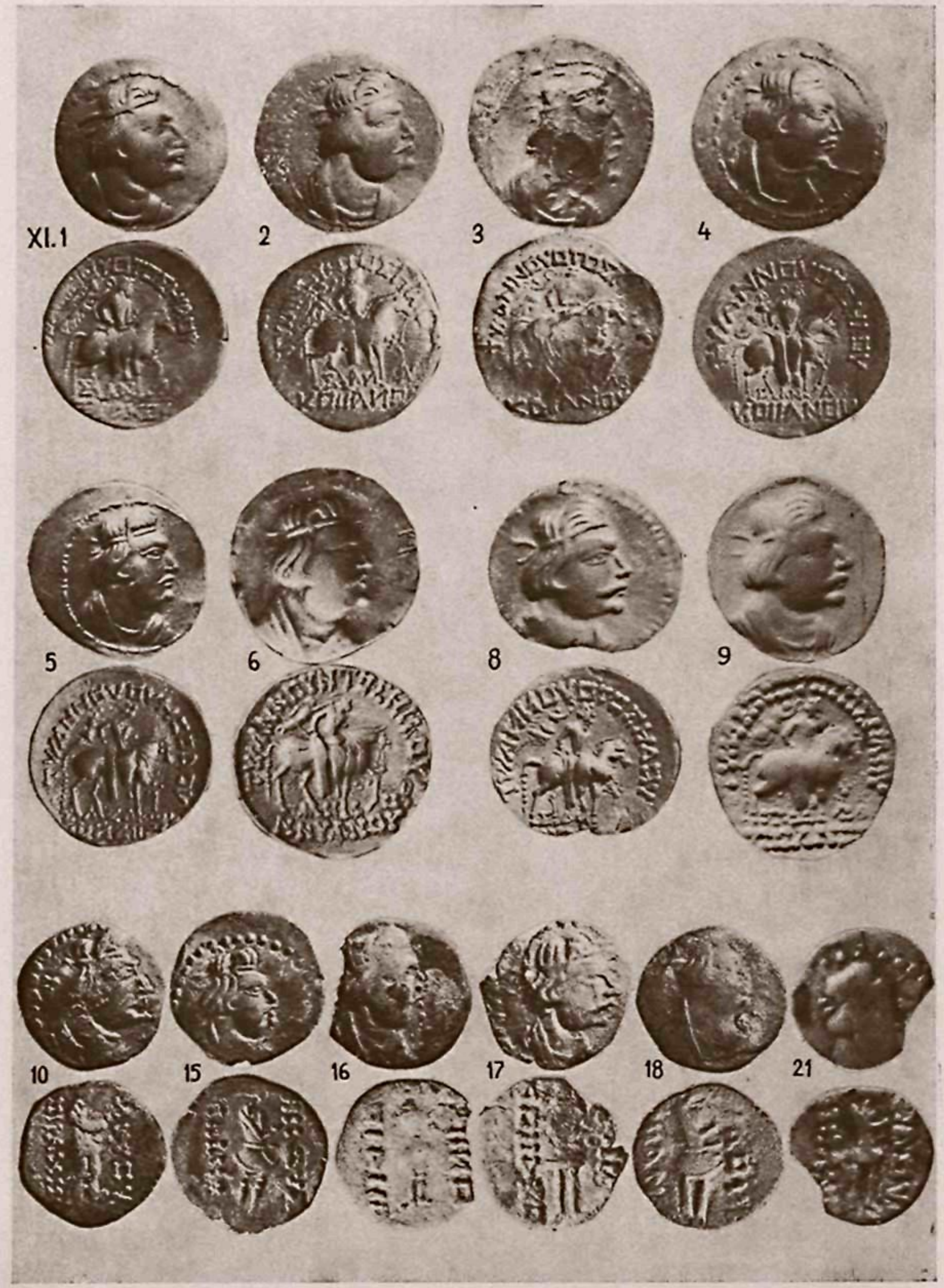


Табл. 18. Тетрадрахмы и оболы Санаба = „Герая" (гл. XI)

Оболы увеличены в 2 раза

Табл. 19. Монеты кушанского безымянного «царя царей, великого спасителя» (гл. XII)

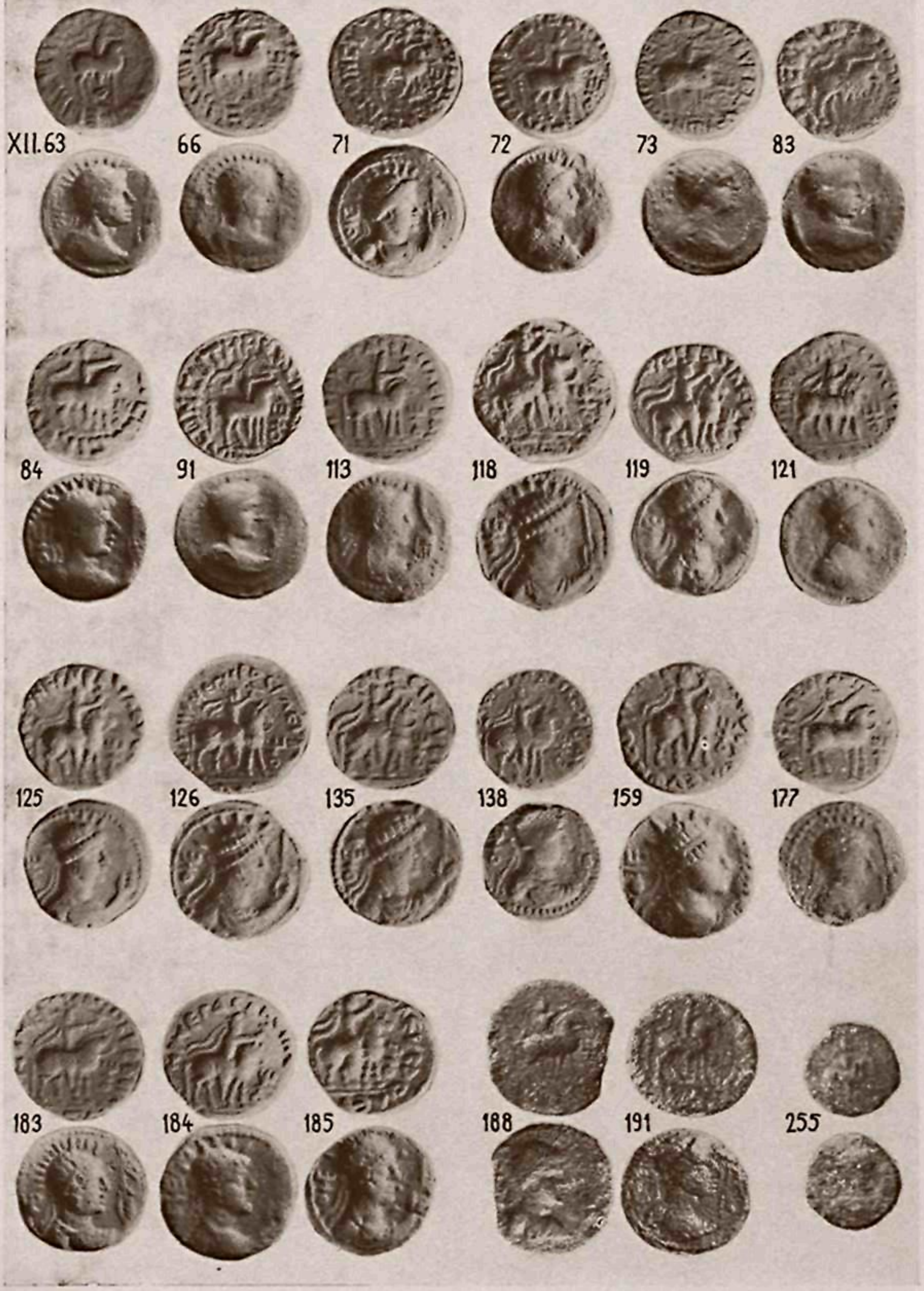


Табл. 20. Монеты кушанского безымянного «царя царей, великого спасителя» (гл. XII)

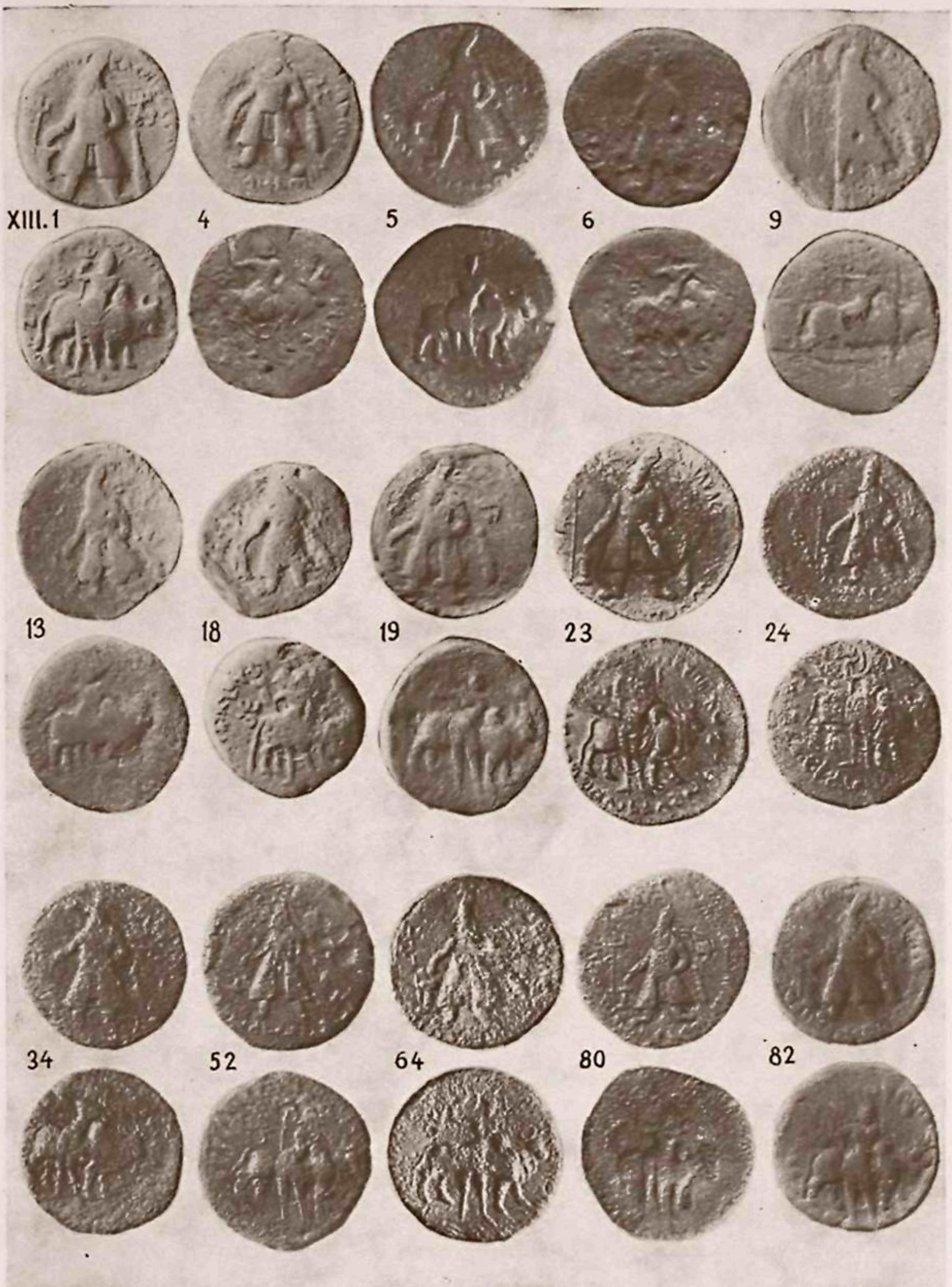


Табл. 21. Монеты Вимы Кадфиза (гл. XIII)

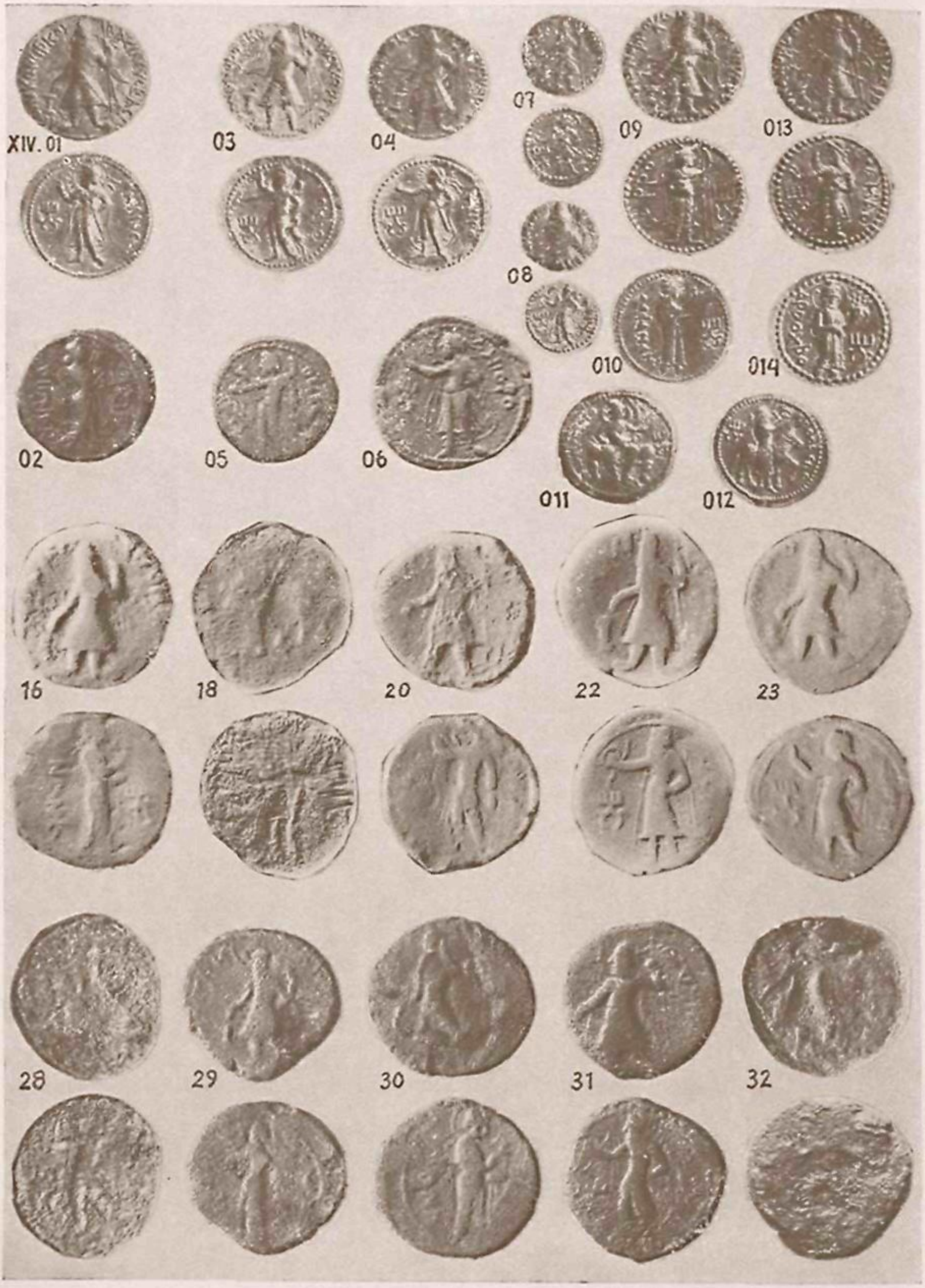


Табл. 22. Монеты Канишки I (гл. XIV)

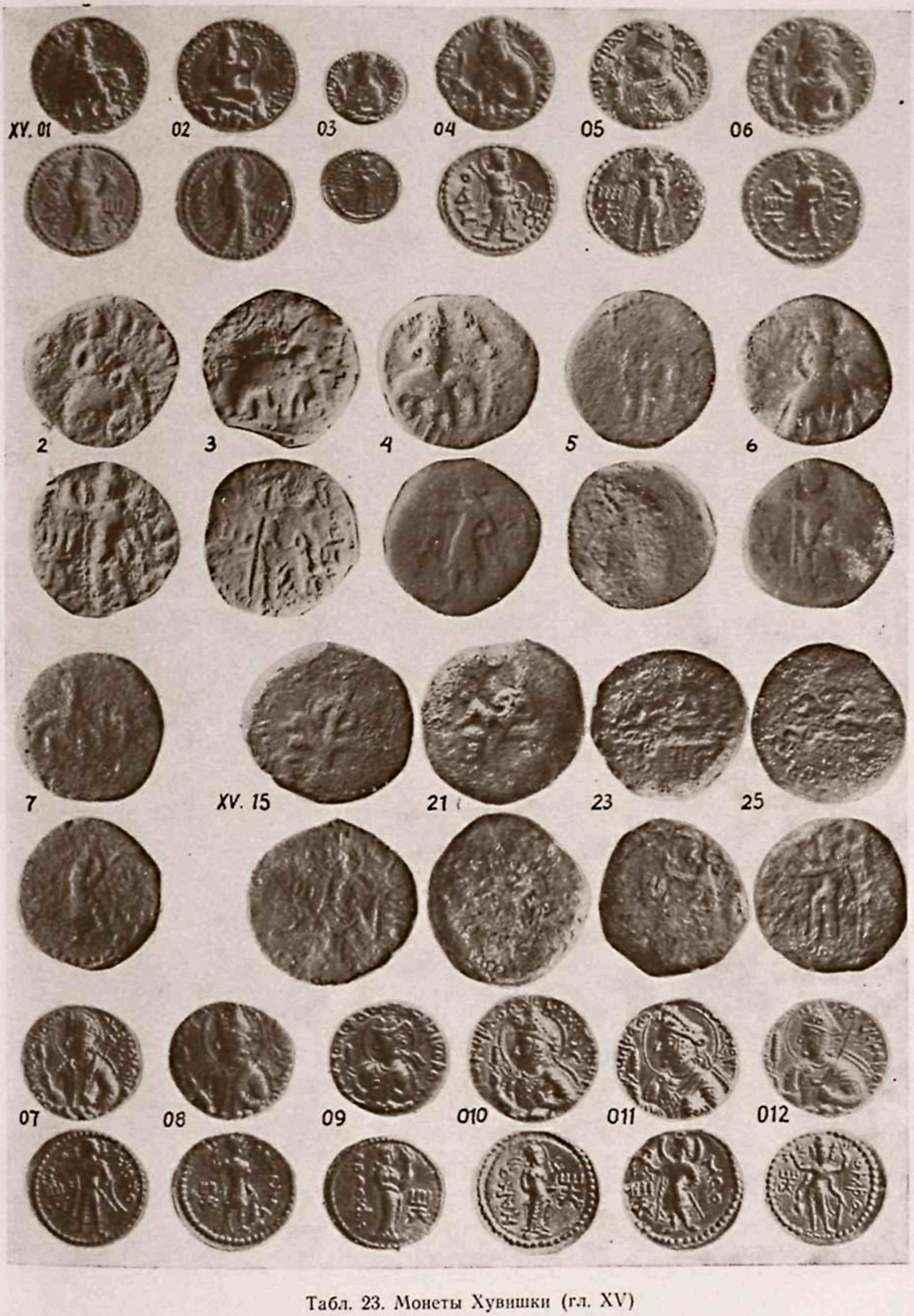


Табл. 23. Монеты Хувишки (гл. XV)

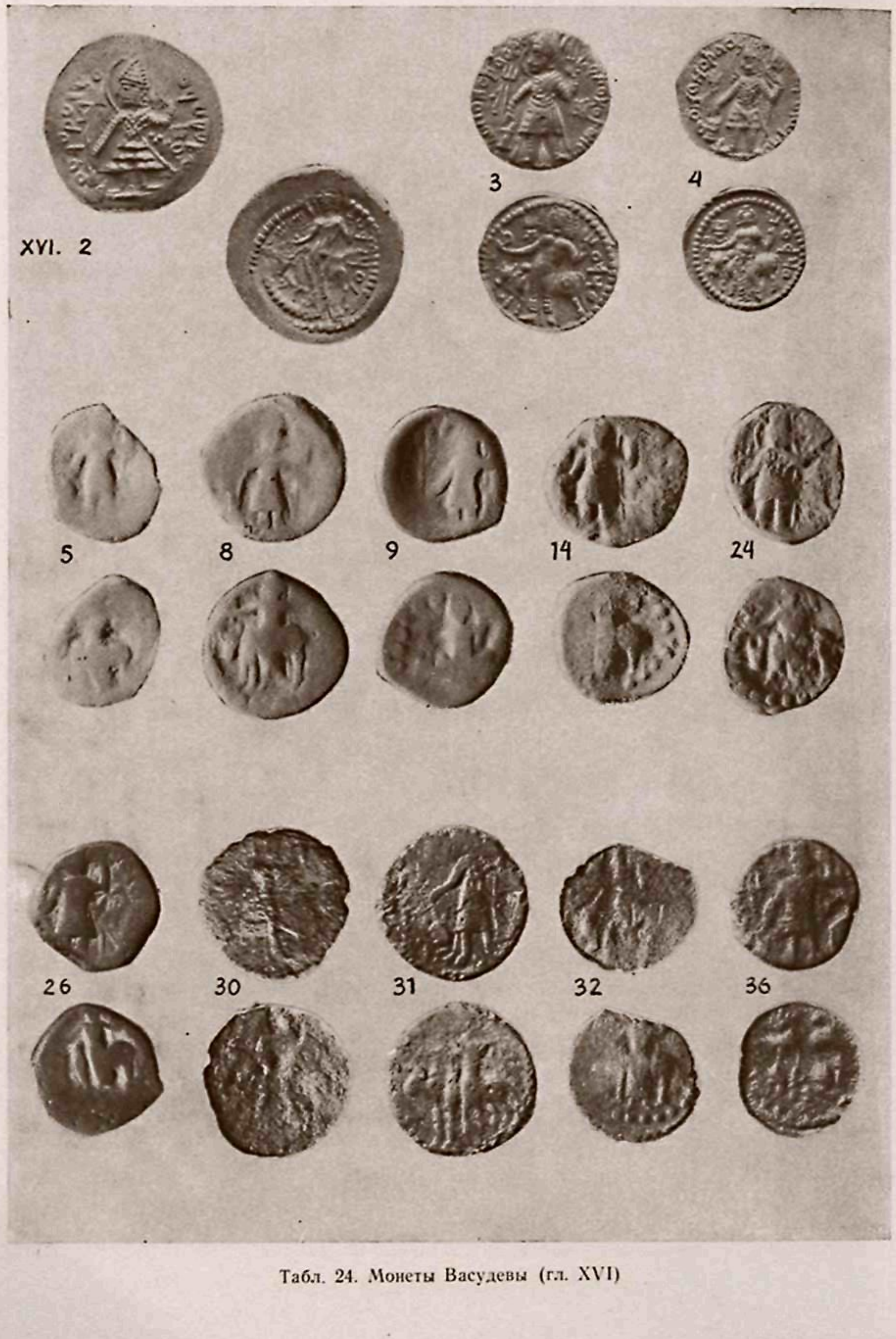


Табл. 24. Монеты Васудевы (гл. XVI)

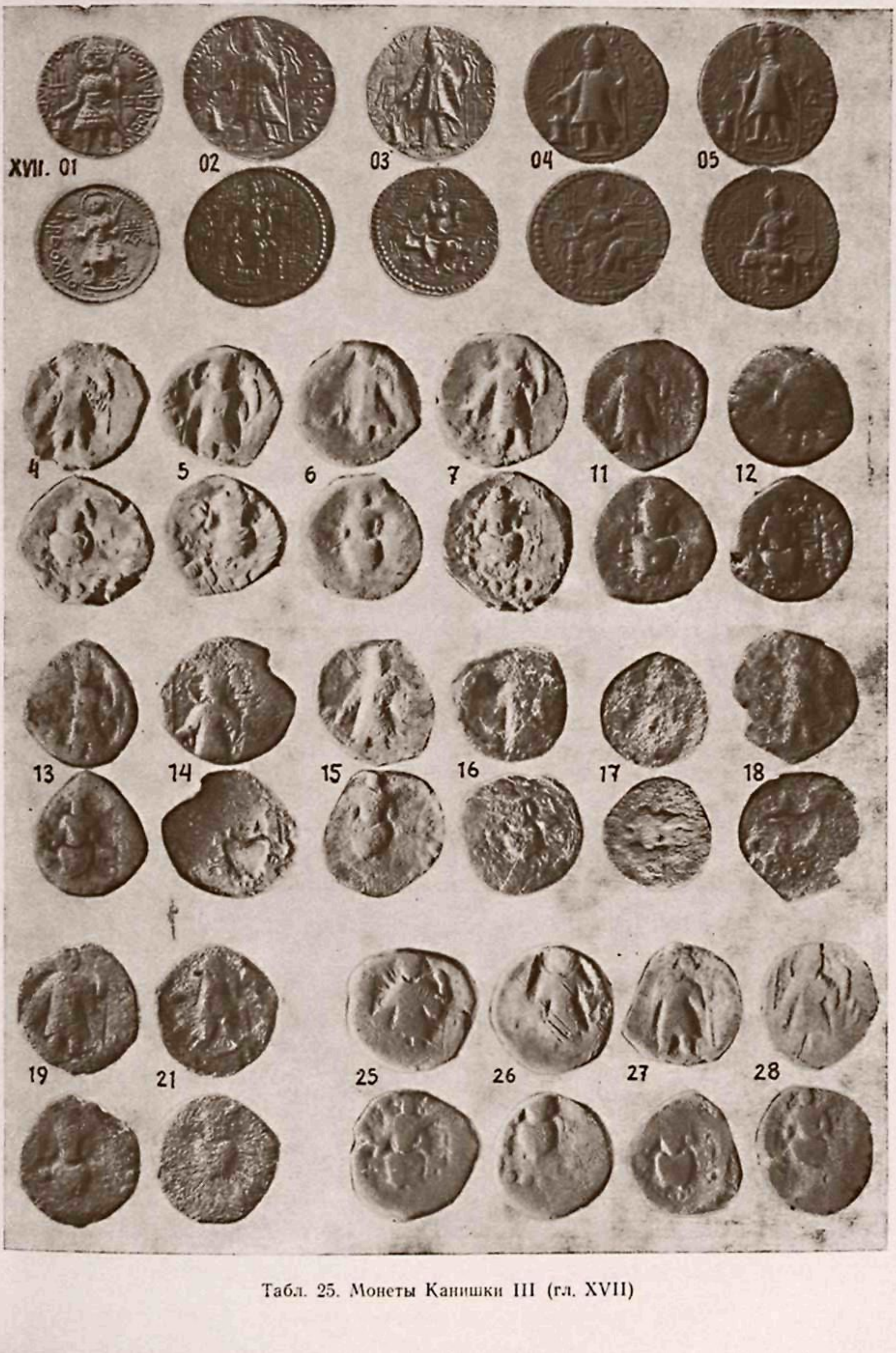


Табл. 25. Монеты Канишки III (гл. XVII)

Табл. 26. Подражания медным монетам Хувишки (гл. XVIII)

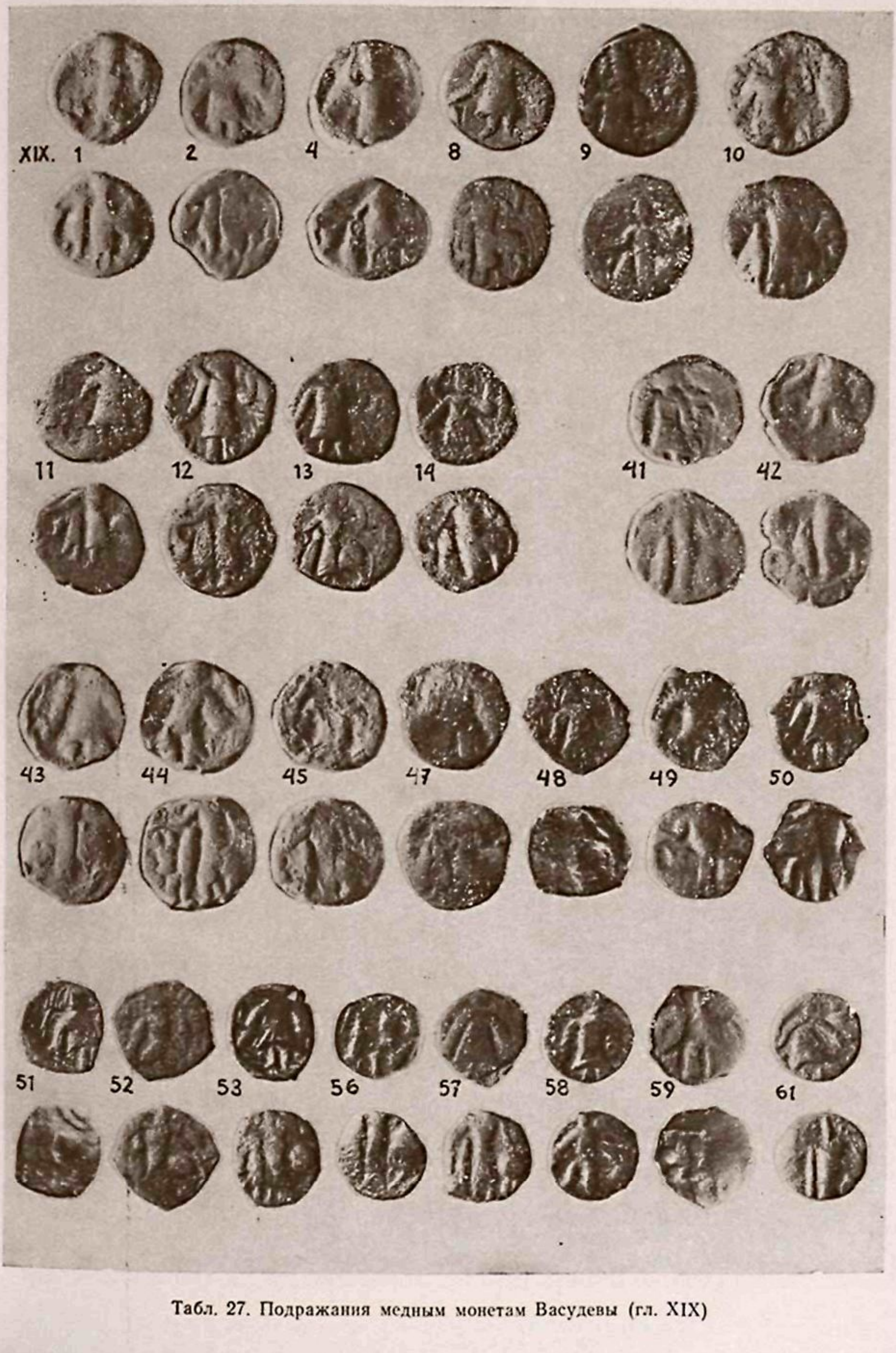


Табл. 27. Подражания медным монетам Васудевы (гл. XIX)

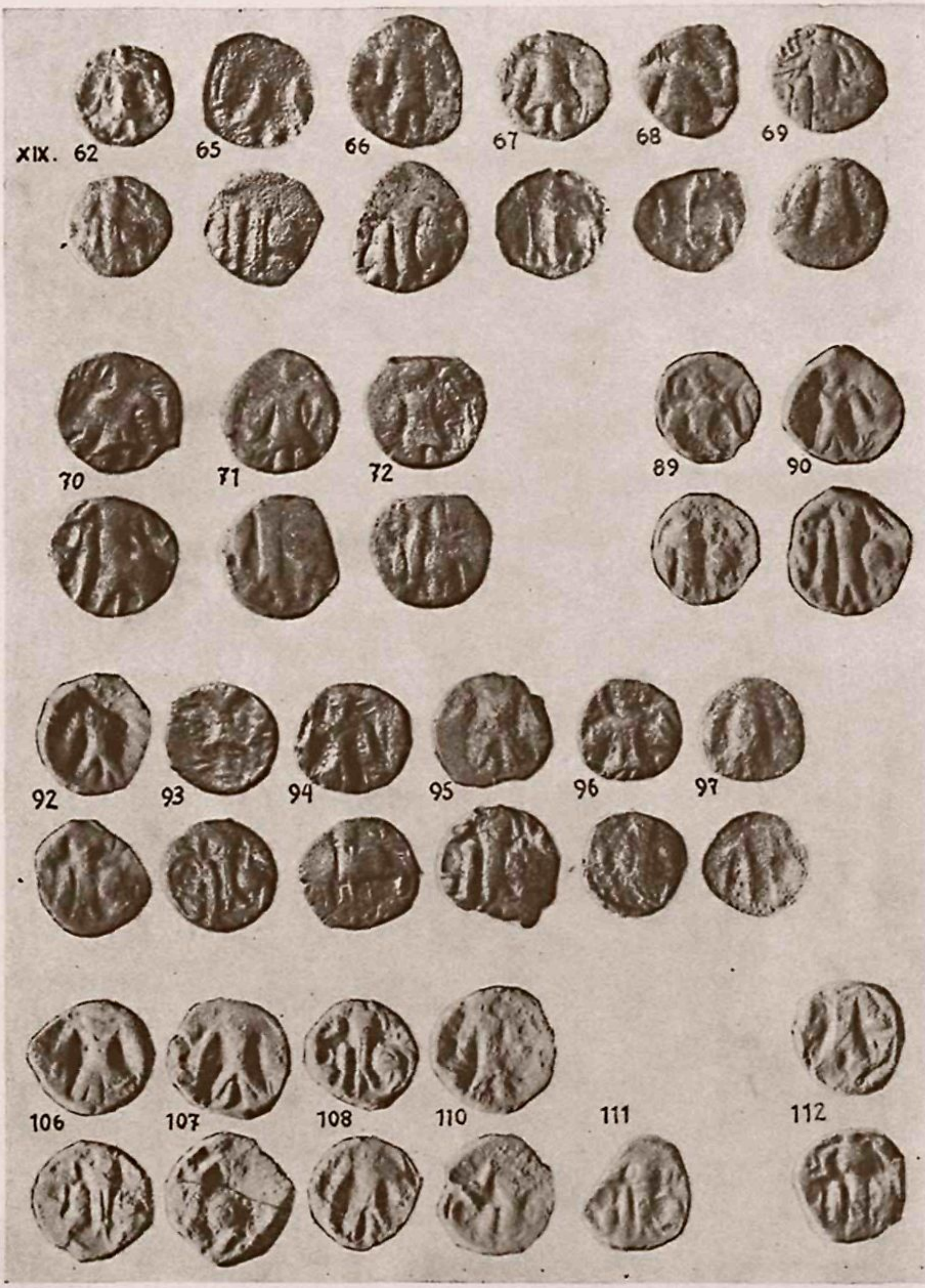


Табл. 28. Подражания медным монетам Васудевы (гл. XIX)

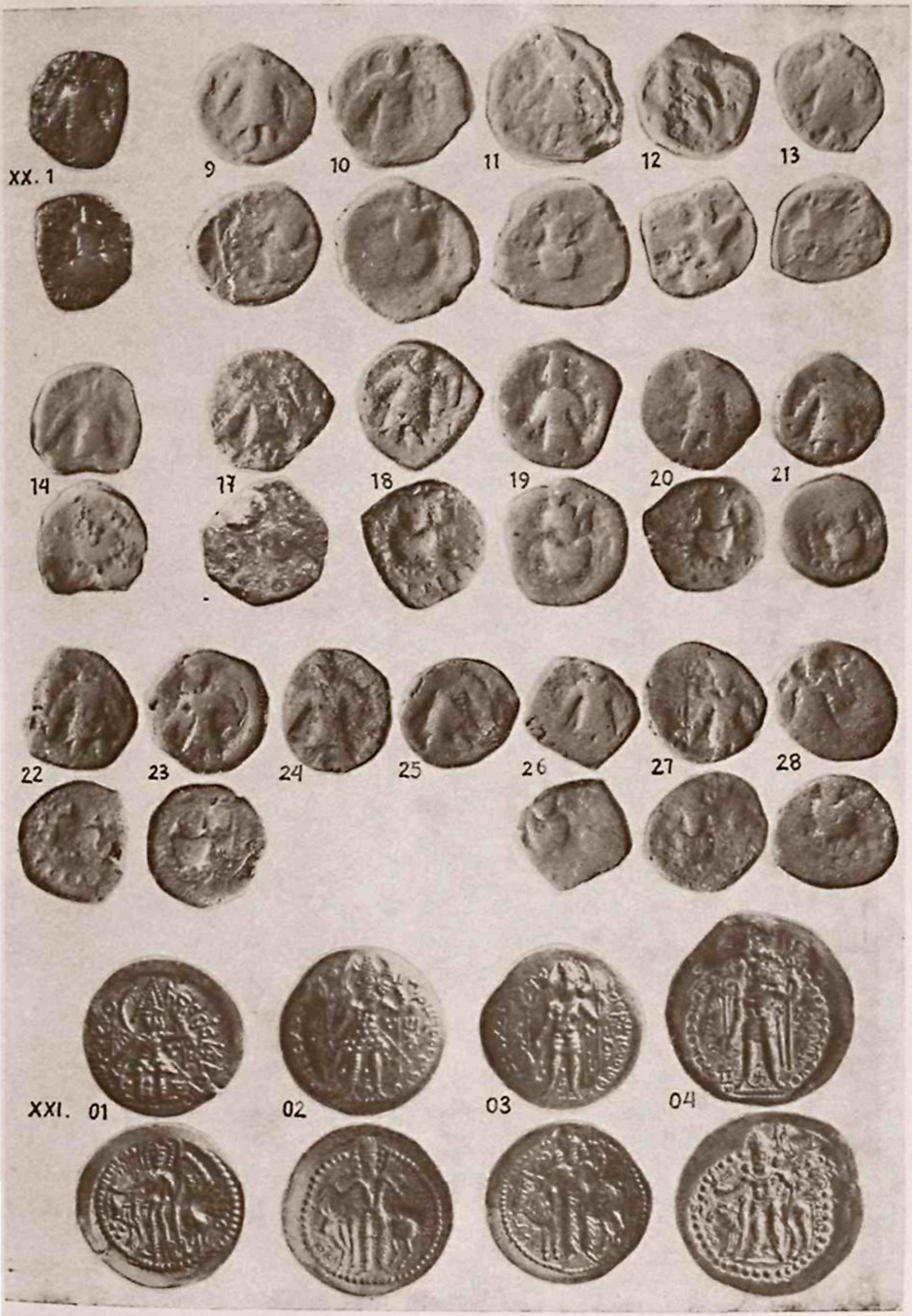


Табл. 29. Подражания медным монетам Канишки III (гл. XX) и монеты сасанидских кушаншахов (гл. XXI)

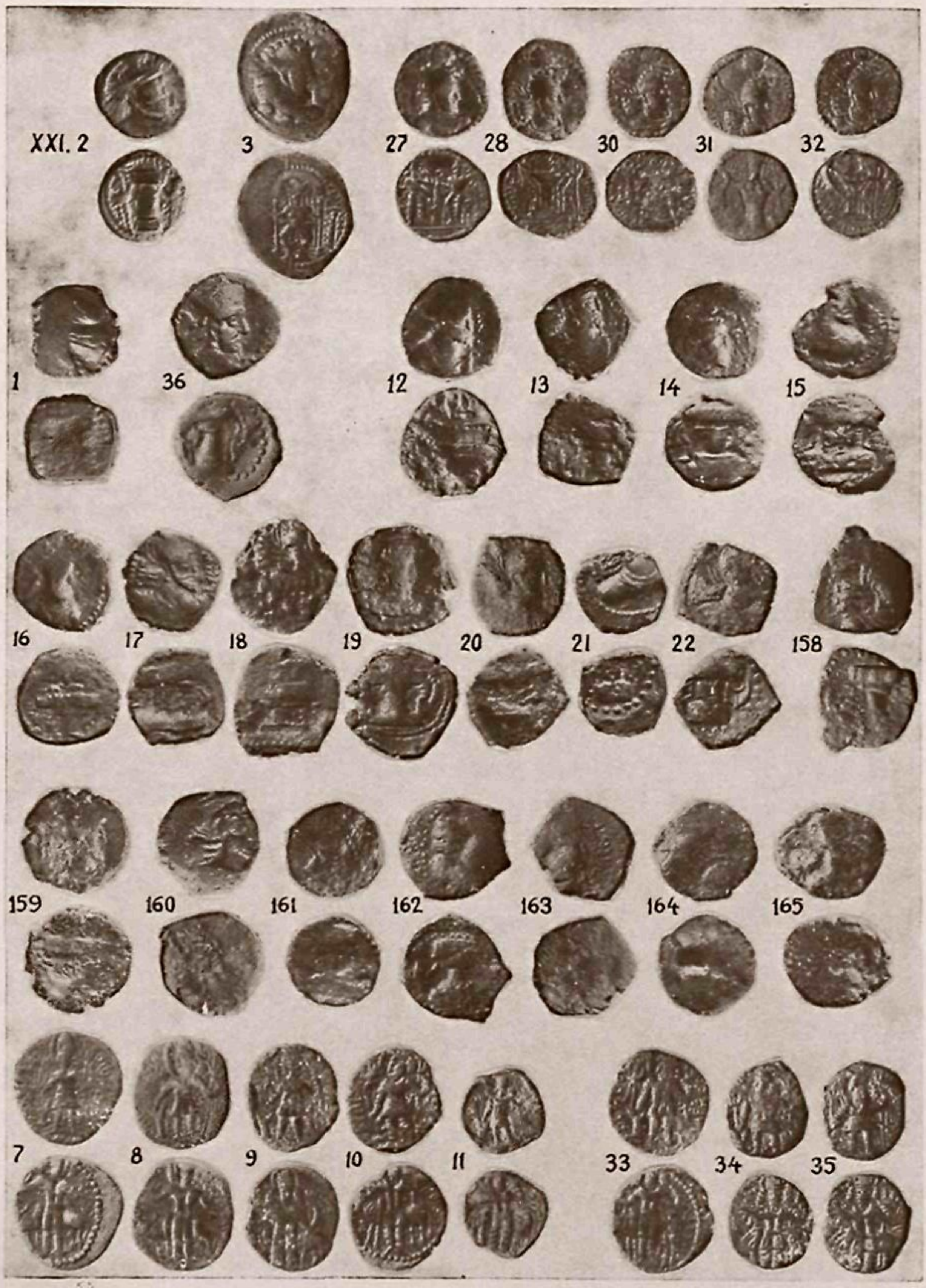


Табл. 30. Монеты сасанидских кушаншахов (гл. XXI)

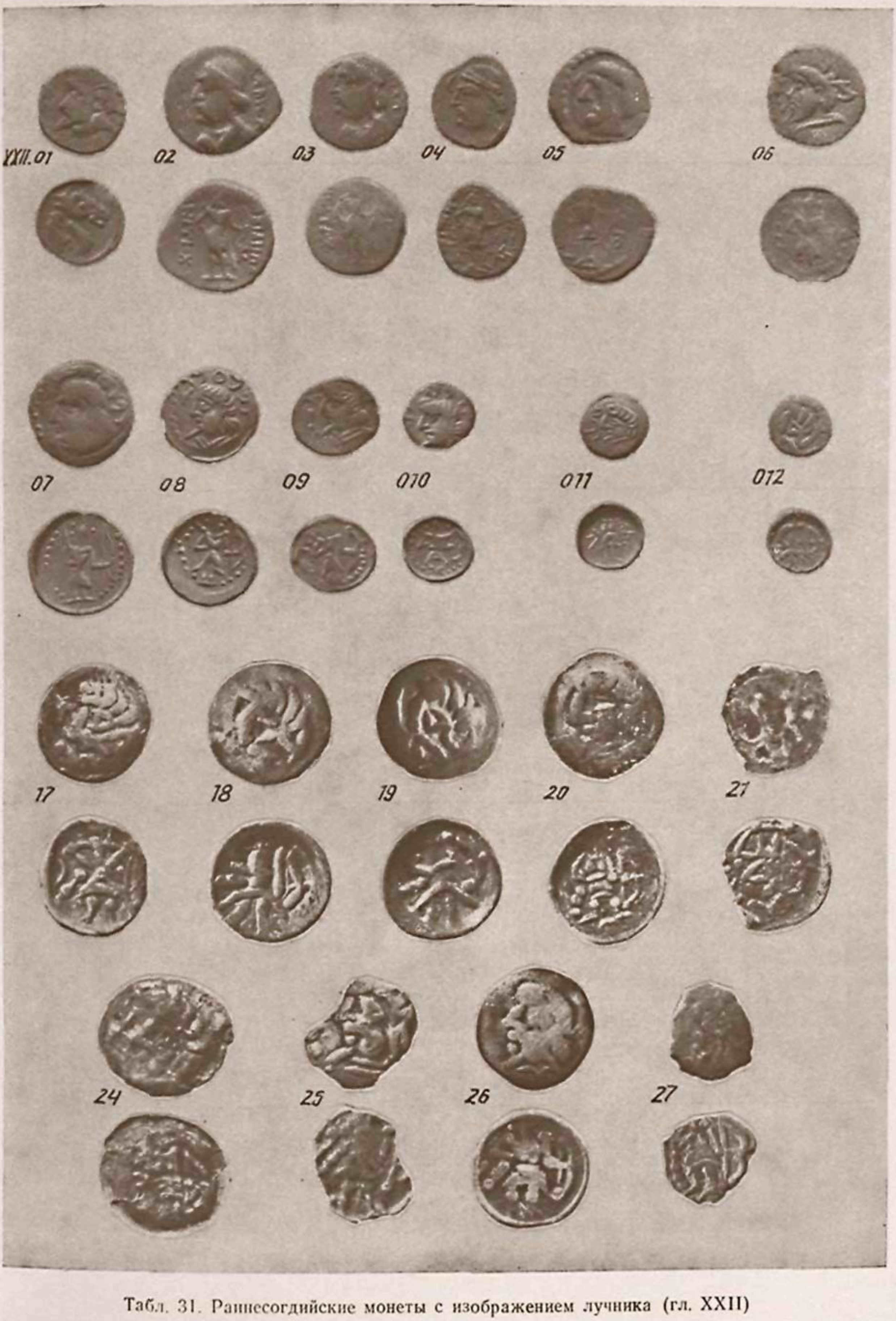


Табл. 31. Раннесогдийские монеты с изображением лучника (гл. XXII)

XXII.17—27 увеличены в 2 раза

Табл. 32. Раннесогдийские монеты с изображением лучника (гл. XXII)

Все увеличены в 2 раза

Цена 3 р. 90 к.